

ЧИ(МОНГ)
О-66
-55709-

М.Н.Орловская

ОЧЕРКИ
ПО ГРАММАТИКЕ ЯЗЫКА
ДРЕВНИХ МОНГОЛЬСКИХ
ТЕКСТОВ

С БУВР. 2 Моск.
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

41111
— 66

М.Н.Орловская

ОЧЕРКИ
ПО ГРАММАТИКЕ ЯЗЫКА
ДРЕВНИХ МОНГОЛЬСКИХ
ТЕКСТОВ

- 55705 -
se

Научная библиотека
КИГИ РАН

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2010

УДК 811.512.36'36
ББК 81.2Монг-2
О-66

Орловская М.Н.

Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов / М.Н. Орловская; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 2010. — 303 с. — ISBN 978-5-02-036450-9

В книге исследуется состояние монгольского языка, зафиксированное в определенной группе текстов так называемого среднемонгольского периода (начало XIII — начало XV в.). К таким текстам относятся надписи на стелах, стенах пещерных храмов, охранных грамотах, а также письма и переведенные с китайского и тибетского языков сочинения юаньского периода. Представленный в этих текстах письменно-литературный язык отражает процесс развития этого языка, постепенное становление его фонетических и грамматических норм.

- © Орловская М.Н., 2010
- © Институт востоковедения РАН, 2010
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма «Восточная
литература» РАН, 2010

ISBN 978-5-02-036450-9

Предисловие

Тема данной монографии разрабатывалась в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института востоковедения РАН по тематике «Изучение истории языков стран Востока».

Актуальность данной темы определяется той ключевой ролью, которую играет изучение языка письменных монгольских памятников прошлых веков в сравнительно-исторических исследованиях монгольской семьи языков.

Филологически-лингвистическое исследование таких памятников представляет ныне наиболее слабое звено в отечественном монголоведении, поэтому лингвистическое источниковедение является одним из перспективных направлений. Тем более что до сравнительно недавнего времени изучение литературно-исторических памятников самых ранних эпох ограничивалось в большинстве случаев их публикацией, историко-лингвистическими комментариями к текстам и, в лучшем случае, изучением отдельных вопросов грамматики.

Однако без лингвистического исследования и грамматического анализа самых ранних письменных текстов невозможно проследить путь развития языка от самых древних эпох до современности, а следовательно, и невозможно сравнительно-историческое изучение определенной группы языков, в данном случае монгольских и шире — алтайских.

Лингвистический анализ языка таких текстов позволяет выделить те его черты, которые унаследованы современным языком, а также и со временем исчезнувшие, и дать научно обоснованную интерпретацию произошедшим в языке изменениям.

Написание исторической грамматики любого литературного языка на том или ином этапе его развития, несомненно, базируется на исследованиях языка древних письменных памятников.

Первые образцы монгольского письменного литературного языка зафиксированы в самых ранних сохранившихся текстах, датируемых первой половиной XIII в.

Судя по степени развития языка в области морфологии и синтаксиса, они должны бы иметь и своих литературных предшественни-

ков — тексты более ранних веков, но, к сожалению, они истории не известны. Да и появление самой монгольской письменности (на основе уйгурской) в историко-филологической монголоведной литературе относится к XIII в.

В «Очерках» исследуется состояние языка, зафиксированное в определенной группе текстов, относящихся к так называемому среднемонгольскому периоду (начало XIII — начало XV в.), за которым последовал переходный период (до начала XVII в.), продолженный письменным классическим монгольским языком.

Особую благодарность выражаю главным рецензентам моей работы — заведующей Отделом к.ф.н. З.М. Шаляпиной и д.ф.н. Л.М. Гореловой, взявшим на себя труд, не считаясь со своим личным временем, тщательно проанализировать текст рукописи, дать свои оценки моему исследованию и высказать ценные для меня замечания.

Большую помощь на пути к изданию моего труда оказала Н.Г. Малышева. Я благодарна ей за терпение в преодолении трудностей при вводе в компьютер и макетировании текста со многими транскрипционными и диакритическими сложностями.

К ранним текстам относятся надписи на камнях-стелах, стенах пещерных храмов, охранных листах-пайзах, письма, а также переведенные с китайского и тибетского языков сочинения юаньского периода (XIII–XIV вв.).

Представленный в этих текстах письменно-литературный язык со стандартизированными морфологическими и синтаксическими нормами отражает длительный период развития этого языка, его фонетических и грамматических норм.

Базой для извлечения фактического материала для «Очерков» послужили тексты: *Uyïyurçin Mongyol üsüg-ün durasqaltu biçig-üid* (Памятники уйгуро-монгольской письменности) — *Begejïng*, 1983; *Arjai ajuï-yin uyïyurçin mongyol biçigesü-yin sudulul* (Изучение уйгуро-монгольских надписей в пещерах [горной местности] *Arjai*). *Liyuning-un ündüsüiten-ü keblel-ün qoriy-a keblebe*. 1997; Юань-чао-би-ши (The Secret History of the Mongols); *Le Matériel Mongol DU HOUA II IU DE Houng-ou* (1389) и некоторые другие переводные тексты, относящиеся к этому периоду.

Известные трудности в работе с текстами всегда представляет принцип перевода иллюстративного материала: его не следует переводить абсолютно дословно, но и передавать «литературно-художественно» — значит, отступать от сути текста с его особой спецификой.

Приходилось выбирать «золотую середину» — не слишком грешить против литературных норм русского языка, но и как можно точнее отразить язык текстов.

В «Очерках» предметом исследования стали только те разделы грамматики, которые не ставились целью исследования в моих предыдущих работах [1984, 1999–2000], и те, которые, как теперь представляется, были недостаточно освещены в них.

Хочу выразить глубокую признательность коллегам по Отделу языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук — д.ф.н. А.Г. Беловой, д.ф.н. В.П. Липеровскому, д.ф.н. Л.Н. Мореву, д.ф.н. Л.И. Шкарбан, к.ф.н. К.А. Маркиной, к.ф.н. Т.Г. Погибенко, к.ф.н. Е.Л. Рудницкой, высказавшим свои мнения и пожелания при обсуждении рукописи моей монографии.

Хочу также выразить глубокую благодарность профессору I. de Rachewiltz'у за любезно присылаемые мне его собственные и другие печатные труды, которые во многом послужили источниками в моих исследованиях.

Введение

УЙГУРО-МОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ. ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ. ПЕРВЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ ГРАММАТИСТЫ И ИХ ТРУДЫ

Наука о языке у того или иного народа неразрывно связана с историей его письменности. Самые ранние памятники монгольской письменности, дошедшие до наших времен, относятся к началу XIII в., когда было создано единое монгольское государство и появился общий письменный язык на основе уйгурского алфавита, восходящего к согдийскому, в свою очередь восходящему к древнеарамейскому. К этому же веку восходят и истоки монгольского языкознания. Со времени своего зарождения оно считалось одной из приоритетных наук и называлось *дуун ухаан* «наука о звуках».

Традиционное отнесение даты создания письменности и первых грамматических сочинений к XIII в., по-видимому, соответствует действительности, хотя трудно предположить, что наличие разработанного литературного языка к началу этого века не предусматривало создания письменности в более ранний период.

Некоторые исследователи считают, что еще задолго до XIII в. монгольские народности, находясь в культурных контактах с китайским и уйгурским народами, пользовались их письменностями [Позднеев, 1897, с. 7–13; Козин, 1940, с. 10; Лувсанвандан, 1965, с. 19; Лувсандэндэв, 1982, с. 46]. Но более широкое распространение получила уйгурская письменность, так как уйгуры были ближе к монголам как по уровню культурного развития, так и по социально-бытовому укладу жизни. К тому же уйгурское алфавитное письмо было проще для усвоения по сравнению со сложной китайской идеографической системой и больше подходило для монгольского языка.

До сих пор, однако, окончательно не установлено, какое из монгольских племен и при каких обстоятельствах приспособило эту письменность для своего языка. Выдвигаются разные гипотезы, связывающие это событие с найманами и керейтами. Ныне многими учеными поддерживается версия, что это были монголоязычные кидани [Лигети, 1955, с. 136; Викторова, 1961, с. 155; Кара, 1972, с. 9–10; Кузьменков, 1988, с. 117–123].

Дошедшие до нас самые древние памятники на уйгуро-монгольском письме свидетельствуют о том, что это был уже вполне сложившийся литературный язык, и это дает повод некоторым исследователям относить появление письменного монгольского языка намного раньше XIII в. Например, монгольские ученые считают, что уйгурская письменность могла появиться среди монгольских племен не позднее IX–X вв. [Лувсандэндэв, 1982, с. 44; Төмөртоогоо, 1986, с. 32].

И все же в научном мире среди монголоведов принято считать, что монголы начали использовать уйгурскую письменность после 1204 г., что подтверждается как китайскими, так и европейскими источниками. Именно в этом году, после того как Чингис-хан одержал победу над несколькими племенами, монголы и стали записывать свои слова уйгурскими буквами.

Итальянский (Плано-Карпини — 1246 г.) и французский (Вильям Рубрук — 1253 г.) миссионеры — посланцы Папы Римского Иннокентия IV и французского короля Людовика IX, побывавшие один за другим в Монголии при Мункэ-хане с целью распространения католической религии и давшие много сведений о монголах и их образе жизни, в своих путевых заметках отмечали, что монголы употребляют уйгурское письмо, пишут и читают сверху вниз и слева направо. В их путевых заметках говорится и о том, что монголы до походов Чингис-хана по уйгурским землям не имели своей письменности и что Мункэ-хан свои письма на монгольском языке писал уйгурскими буквами.

На первых порах после своего заимствования уйгурская письменность использовалась главным образом в документах и в деловой переписке.

С приходом к власти новой, Юаньской династии (1279–1368), эта письменность с некоторыми изменениями становится письменностью для всей империи, включая государство Иль-ханов на Западе и Юаньскую империю на Востоке. С веками уйгурская письменность изменялась и совершенствовалась, приспособляясь к монгольской звуковой системе. Развитие и совершенствование ее можно подразделить на два больших этапа.

На первом этапе начертание букв и правописание продолжали полностью соответствовать уйгурскому письму с некоторым совершенствованием его орфографии.

На втором этапе появились две ветви: первая стала называться *Mongyol üsüg* «Монгольское письмо», а вторая — *Todo üsüg* «Ясное письмо».

Рубежом между первым и вторым этапами считается период конца Минской династии (1368–1644), начала и продолжения Цинской династии (1644–1911).

Эти две ветви стали существенно различаться как в начертании букв, так и в правилах их написания. Деятели ламаистской церкви во главе с Зая-пандитой (1599–1662) в 1648 г. составили на основе монгольской письменности новый алфавит для ойратского языка. От монгольского этот алфавит существенно отличался начертанием некоторых букв, дополнительными диакритическими знаками в целях устранения полифонности уйгуро-монгольских букв, что позволяло более точно передавать звуки ойратской речи. Особенно изменены были гласные /a/ и /e/, благодаря чему устранялись графические омонимы, характерные для уйгуро-монгольской письменности. Зая-пандите удалось провести и четкое различие между буквами, обозначающими гласные /o/, /ö/, /u/, /ü/. Изменения были проведены и в обозначении согласных ([Санжеев, 1977, с. 57 и сл.]; *Uyiyurčın mongyol üsüg=ün durasqaltu bičig=üid, Begejing*, 1983, с. 5–6 [далее: UM]).

Большинство монголов продолжало пользоваться письмом *Mongyol üsüg*, а письмом *Todo üsüg* только проживающие в Синьцзяне носители ойратских диалектов. Если уйгуро-монгольское письмо считается древнемонгольским, то *Mongyol üsüg* и *Todo üsüg* [*Todo bičig*] рассматриваются ныне как две современные — монгольская и ойратская — письменности.

В истории Юаньской династии было немало литературных памятников и литературных произведений, переведенных на монгольский язык. Переводы делались из китайской классической литературы, буддийских и других сочинений. К сожалению, их сохранилось не так много. В большей степени остались надписи на камнях-стелах, но сравнительно немного собственно по-монгольски. Многие тексты написаны по-китайски, а монгольский перевод этих текстов изложен кратко. В других дан только китайский оригинал, а его перевод на монгольский дается в качестве приложения. Все китайско-монгольские надписи относятся к концу Юаньской династии.

Из рукописных текстов, оставшихся от Юаньской династии, можно назвать письма: Аргун-хана французскому королю Филиппу Красивому

(1289 г.), Аргун-хана Папе Николасу Четвертому (1290 г.), Хасан-хана Папе Бонифацию Восьмому (1302 г.), Улдзэйтү-султана французскому королю Филиппу. Эти письма хранятся во Французском и Ватиканском государственных архивах. (Более подробно о самых ранних и главных памятниках монгольского письменного языка см. [Владимирцов, 1929, с. 34–36, 43–44; УМ, с. 1–2].)

Все письменные памятники XIII–XIV вв. имеют исключительно важное значение, так как представляют собой уникальный материал, дающий возможность проследить начальный путь развития монгольского языка и его письменности в области фонетики, грамматики, лексики.

Получив готовое уйгурское письмо, монголы приспособили его к своему языку, и это стало большим прогрессом в области становления и дальнейшего развития национальной письменности. Но поскольку количество уйгурских букв и способ их использования не вполне соответствовали монгольскому языку, то на протяжении нескольких веков велось усовершенствование этой письменности по пути к современному ее состоянию.

Уйгуро-монгольское письмо и памятники этой письменности с 20-х годов XIX столетия стали предметом исследования учеными различных стран мира. Француз Abel Remusat впервые (1824 г.) дал ученому миру сведения об уйгуро-монгольских письменах, опубликовав два письма, посланных Аргун-ханом Филиппу IV. И в том же году академик Российской Академии Наук I.J. Schmidt опубликовал статью, посвященную изучению языка этих писем. В своей статье автор указал, что перевел письма на немецкий язык, таким образом, I.J. Schmidt стал первым, кто начал изучать памятники на этой письменности с точки зрения их языка и самой письменности, открыв путь к исследованию уйгуро-монгольских текстов. Изучением этой письменности занялись и до сих пор занимаются ученые многих стран, которые внесли значительный вклад не только в изучение самой письменности, но и в анализ истории развития этой письменности.

Процесс изучения монголоведами мира уйгуро-монгольской письменности подразделяется на три этапа.

Первый этап начался с 20-х годов XIX в. и длился до начала Первой мировой войны. Его можно обозначить как начальный.

Второй — это период после окончания этой войны и до начала Второй мировой войны. Этот этап является «периодом развития», когда ученые продолжали заниматься исследованием памятников и их классификацией.

Третий этап начался после окончания Второй мировой войны. С этого времени изучение монгольского языка и его письменности получило широкое развитие во многих странах Европы, Азии, в Северной Америке. Успехи ощущались не только по объему исследований, но и по глубине изысканий. На этой стадии изучения монгольского языка появились и работы, посвященные всестороннему описанию и самих памятников уйгуро-монгольской письменности [UM, с. 19, 20].

Поскольку источником уйгуро-монгольской письменности послужило уйгурское письмо, вставал вопрос о количестве содержащихся в нем букв. Предполагалось, что число их должно соответствовать количеству букв в уйгуро-монгольском. Однако мнения среди исследователей об их количестве расходились.

Согласно Словарю Махмуда Кашгарского [Diwanü Lugat-it-Türk], в уйгурском букваре насчитывалось 18 букв. Но существовали и другие цифры: от 14 до 20. Это зависело от того, учитывалось или не учитывалось разное изображение одного знака-буквы от его позиции в слове: например, писались по-разному: /m/ в начале и в конце слова, /d/ в начале и в середине слова, а также обозначение одним знаком двух букв: /a/ и /e/; /o/ и /u/.

Изучив сохранившиеся памятники уйгуро-монгольской письменности, китайские лингвисты выявили, что уйгурский алфавит состоял из 19 букв [UM, VII–IX], что, отметим, было недостаточно для передачи фонетической структуры монгольского языка. Поэтому эта письменность в течение нескольких веков совершенствовалась учеными-филологами и грамматистами.

Самым ранним грамматическим сочинением у монголов считается написанное в первой половине XIII в. (1237 или 1243 г.) сочинение тибетского ученого Сакья-пандита Гунгажалцана Зүрхний толт «Сердечный покров» или «Сердечная сущность». Оно не сохранилось, но упоминание о нем и о дате его написания содержится в более поздних трудах. К этому же времени восходят и монгольские лингвистические традиции, связанные прежде всего с индийской и тибетской лингвистическими школами.

Монгольские грамматисты XIII–XIV вв. не только изучали и знали санскрит и тибетский языки и написанные на них древние классические произведения, но и сами порой излагали свои стихи и трактаты на этих языках, как, например, живший и творивший в конце XIII — начале XIV в. крупнейший монгольский поэт, переводчик и ученый-филолог Чойджи Одсэр [«Новости Монголии», 28.IV.1987].

Монгольские ученые тщательно изучали известные в то время индийские и тибетские грамматические сочинения и, прежде всего, «Грамматику» Панини, которая считается вершиной филологической науки древней Индии. Эта «Грамматика» и многочисленные специально написанные к ней комментарии оказали существенное влияние на научные воззрения монгольских грамматистов. Это влияние прослеживается почти во всех лингвистических сочинениях, начиная с XIII и вплоть до XIX в., в которых используются термины, понятия, классификации из «Грамматики» Панини¹. Хотя ранние монгольские грамматические сочинения XIII–XIV вв., в которых была предпринята попытка усовершенствовать уйгурский алфавит применительно к монгольскому языку, не сохранились, но в исторических разделах более поздних грамматик содержатся не только упоминания о них, но их разбор и анализ как источников для написания последующих сочинений.

По мнению современных ученых, считающийся автором первой монгольской грамматики Сакъя Пандита Гунгаажалцан (1188–1251) был, скорее всего, составителем букваря или учебного пособия, в котором были сформулированы правила употребления уйгурского письма [Рерих, 1958, с. 333; Дамдинсурэн, 1956, с. 112; Лувсанвандан, 1965, с. 19–20].

Создавая свое сочинение (букварь или учебное пособие), Гунгаажалцан, приспособлявая уйгурские знаки (вместе с тремя гласными их насчитывалось 17) к монгольскому языку для передачи на письме монгольской речи и разрабатывая орфографию, положил в основу алфавита индо-тибетскую слоговую систему. Хотя уйгуро-монгольское письмо по своему характеру не слоговое, а звуковое, тем не менее Гунгаажалцан и все последующие грамматисты, вплоть до начала XX в., объясняли его как слоговое по принципу индийской и тибетской слоговых систем, которые они хорошо знали.

Гунгаажалцан составил азбуку, состоящую из 44 знаков: из трех гласных: *a, e, i* и 41-й слого-буквы, так как каждую из согласных (основных знаков): *n, b, x, g, m, l, z, s, t, d, j, c, y, w* он снабдил тремя гласными (кроме *w*, которая сочеталась только с *a* и *e*). Из этой азбуки было видно, что автор использовал только неогубленные гласные *a, e, i*, оставив без внимания четыре огубленные: *o, ö, u, ü*. По-видимому, это было связано с тем фактом, что Гунгаажалцан, строго придерживаясь индо-тибетских традиций, использовал только гласные, для которых в

¹ О значении, которое придавалось этой «Грамматике», свидетельствует тот факт, что до наших дней дошел ее краткий и более поздний перевод с тибетского языка (XVII в.), содержащийся в 225-томном энциклопедическом сочинении «Данджур».

уйгурском алфавите были специальные знаки, посредством которых от 14 согласных и были созданы 44 слоگو-буквы. Что же касается огубленных гласных, то в уйгурском алфавите специальных букв для них не было. В числе гласных они не представлены, и слоги с ними образованы не были [Лувсанвандан, 1965, с. 20–21]. Однако такого количества знаков было явно недостаточно для общемонгольского языка, особенно для растущего количества переводов иноязычной литературы на монгольский язык. В результате на протяжении длительного периода, вплоть до конца XVI — начала XVII в., продолжалась работа по усовершенствованию алфавита и письменности в целом. Распространение в Монголии в XIV в. буддийской религии и в связи с этим необходимость перевода на монгольский язык древнеиндийской и тибетской религиозно-дидактической, астрономической, медицинской и другой литературы требовало значительного усовершенствования самой письменности и грамматической системы.

В начале XIV в. крупнейший для того времени монгольский ученый-филолог, поэт и переводчик Чойджи Одсэр получил приказание Императора Хайсана перевести на монгольский язык буддийские священные книги, но он «решительно отказался воспользоваться для этой цели Государственным „Квадратным письмом“², обратившись к дальнейшему усовершенствованию монгольского языка на базе уйгурской графики» [Козин, 1940, с. 12].

Процесс развития монгольской письменности тогда выражался не только в естественной эволюции по пути наибольшего приспособления ее к монгольской фонетической системе и к монгольскому письменному языку, но еще и в борьбе за утверждение единой монгольской системы на месте трех конкурирующих в то время китайской, тибетской, уйгурской систем.

«Постоянные сношения с Китаем, — писал А.М. Позднеев, — требовали новых порядков, и тогда, почувствовав нужду в письме, монголы начали употреблять китайские иероглифы, не приспособивая их,

² В XIII в. Хубилай-хан повелел Пагва-ламе Лодойджалцану составить новую национальную общегосударственную письменность, которая была создана на основе тибетской графики. Это была довольно точная в фонетическом отношении письменность, которая с 1269 г. почти в течение столетия служила Государственным письмом. Но именно ее фонетическая точность при большом количестве диалектных расхождений внутри страны и громоздкость (было до 50 знаков, составляющих свыше 1200 слогов) послужили причиной того, что эта письменность не получила массового распространения и примерно через сто лет почти вышла из широкого употребления.

Подробнее о государственной (квадратной) письменности см. [Владимирцов, 1931, с. 32–42; 2005, с. 895–907; Санжеев, 1977, с. 134–159].

однако, к своему языку, как это сделали японцы, корейцы и другие» [Позднеев, 1896–1897, с. 2, 18].

К началу XIV в. уйгуро-монгольская письменность окончательно вытеснила все другие виды письма, ибо на практике она была более пригодна для всего монгольского мира, для всех монгольских диалектов.

Именно Чойджи Одсэр, написав грамматическое сочинение под названием *Зурхний толтын тайлбар* [«Комментарии к Зурхний толт»], заложил прочные основы монгольской филологической науки. Оригинал этого труда, к сожалению, как и некоторые другие, не сохранился, но дошел до нас в редакции XVIII в. Грамматика не воспроизводилась целиком, излагалось ее краткое содержание и приводились отдельные фрагменты из текста Чойджи Одсэра. Во всех произведениях грамматистов последующих веков оставались в должной мере сохранности те важнейшие части сочинения, в которых изложена история монгольской письменности, орфография, основы грамматики монгольского письменного языка, система склонения согласно индо-тибетской филологической традиции [Козин, 1940, с. 21, 51].

Основное содержание труда Чойджи Одсэра представлено в одной из сохранившихся грамматик — сочинении ученого XVIII в. Равджамба Данзандагвы, сокращенное название которого также *Зурхний толтын тайлбар* [«Комментарии к Зурхний толт»]. Именно это и другие сочинения XVIII в. дают основание считать, что грамматика Чойджи Одсэра была первой, в которой наряду с усовершенствованием уйгуро-монгольского алфавита была дана научная для своего времени классификация звуковой системы монгольского языка, которая в изложении Данзандагвы вплоть до 30-х годов XX столетия оставалась основным пособием для изучения письменного монгольского языка [Лувсандэндэв, 1982, с. 45, 121].

Применение уйгурской письменности к монгольскому языку требовало специальных графем для обозначения знаков, отсутствующих в уйгурском алфавите. Развивая дальше учение своего предшественника Гунгаажалцана о звуковой системе монгольского языка, Чойджи Одсэр составил новый монгольский алфавит из 123 слого-букв. К трем неогубленным гласным *a*, *e*, *i* были добавлены огубленные *o*, *ö*, *u*, *ü*. Первые две были образованы из *aleph* и *waw*, а вторые из *aleph*, *waw* и *yod*. Так же как и его предшественник Гунгаажалцан, Чойджи Одсэр, следуя индо-тибетской звуковой системе, каждую из имеющихся согласных снабдил гласной. Таким образом, старомонгольский алфавит стал насчитывать уже не 3, а 7 гласных, 114 согласных слого-букв с добавлением сочетаний *ng* и *iyar*.

Классифицируя знаки звуковой системы, Чойджи Одсэр ввел в своей грамматике многие тибетские понятия для обозначения звуко-букв, а также их дистрибуции, например: *эгшиг* «гласный», *гийгүүлэгч* «согласный». Гласные (как предполагается, вслед за Гунгаажалцаном) были поделены на *эр* «мужские», *эм* «женские», *саармаг* «нейтральный». Чойджи Одсэр впервые сформулировал правила гармонии гласных, имеющие важное значение в фонологической системе монгольского языка. Эти правила сингармонизма, несколько уточненные в последующих трудах, существуют и сейчас.

Алфавит и письменность продолжали совершенствоваться и в XVI–XVIII вв. Но большинство работ грамматистов этих веков также не сохранилось. Исключение составляет только вышеупомянутое сочинение Равжамба Данзандагвы (1723–1755), которое представляет собой самое широкое толкование сочинения Чойджи Одсэра. Сам Данзандагва отмечал, что свою грамматику он написал, опираясь на труды своих предшественников: Гунгаажалцана, Пагва-ламы Лодойжалцана, Чойджи Одсэра и Гунга Одсэра, жившего в XVI в. [Лувсанвандан, 1965, с. 17].

Однако, как и многие авторы тех времен, Данзандагва в своем труде не проводил грани между оригиналом упомянутых работ и своими собственными комментариями. Поэтому выделить целиком текст, например, Чойджи Одсэра, не представляется возможным. Тем не менее именно произведение Данзандагвы «оказало огромное влияние на всю монгольскую лингвистическую литературу XVIII–XIX вв., способствовало стабилизации литературного языка, установлению единых норм стиля и морфологии классического монгольского языка, многие годы было учебным пособием по монгольскому языку и источником для дальнейшей разработки оригинальных монгольских грамматик» [Балданжапов, 1962, I, с. 14].

Произведение Данзандагвы можно разбить на три части или главы, которым, согласно индо-тибетской традиции, предшествует обращение к божествам–покровителям наук и красноречия. В первой части традиционно излагается история появления буддизма в Монголии и в связи с этим — письменности. Здесь же впервые даются сведения об ученых-предшественниках и их не дошедших до наших дней трудах. Исторические факты и оценка их деятельности рассматриваются через призму буддизма. Основное содержание Грамматики заключено во второй части, в которой главное внимание сосредоточено на морфонологической сочетаемости единиц в слове. Предметом изучения является сочетание фонем, их дистрибуция. Хорошо исследованной оказыва-

ется фонетическая система, разработанная по индо-тибетской модели, но с учетом среднемонгольских языковых особенностей. По традиции Данзандагва выделяет семь гласных и семнадцать согласных, из которых составлены слоги-буквы. Гласные делятся на мужские, женские и нейтральный, а также на сильные, слабые и средний (нейтральный). Автор объясняет сущность сингармонизма, которая сводится к существующим и поныне критериям: 1) в одном слове за мужскими буквами (*a, o, u*) должны следовать только мужские; 2) в одном слове за женскими буквами (*e, ö, ü*) должны следовать только женские; 3) нейтральный (*i*) может присутствовать в словах как с мужскими, так и с женскими буквами.

Из Грамматики Данзандагвы следует, что фонема *i* имела два аллофона, так как еще в XIV в. Чойджи Одсэр считал, что нейтральный (*саармаг*) *i* в мужских словах является мужским нейтральным (*эр саармаг*), а в женских словах — женским нейтральным (*эм саармаг*). Понятие сингармонизма распространялось и на некоторые согласные: к мужским, или сильным, относились *ya, xa*; к женским, или слабым — *ke, ge*.

Эти правила существуют и сейчас, хотя в их теоретическом осмыслении выявились разные точки зрения. Так, Г.И. Рамstedт и Б.Я. Владимирцов считали, что деление гласных на мужские, женские, средний (или нейтральный) совпадает с физиологической их классификацией на три ряда: задний, передний, нейтральный. Ал. Бобровников термины «мужской», «женский» заменил на «твердый» и «мягкий» [1849, с. 6], которые В.М. Надеяев [1957] и И.Д. Буреав [1962, с. 8] предложили сохранить и для современного языка. А Г.Д. Санжеев употреблял термины «мужской», «женский», «нейтральный» в фонологическом смысле, не считая их эквивалентными с терминами: «задний», «передний», «средний», однако, признавая, что «фонологическое деление гласных в монгольских языках совпадает с их физиологическим делением в историческом смысле, ибо в основном нынешние мужские гласные некогда все были звуками заднего ряда, а женские — переднего ряда...» [Санжеев, 1953, с. 83].

Как уже сказано выше, все монгольские грамматисты главное внимание уделяли звуковой системе своего языка. Как и Чойджи Одсэр, Данзандагва также классифицировал звуки [звук и буква традиционно не различались] по их значению и позиции в слове. Семь гласных [*a, e, i; o, u, ö, ü*] назывались *ax үсэг* «старшие буквы» или *эх үсэг* «буквы-матери», так как они считались однотипными по своей функции «оживлять» согласные и служить основой слога.

Еще в XIV в. Чойджи Одсэр подметил, что некоторые согласные употребляются в конце слова без гласных. Он выявил одиннадцать таких согласных: *n, m, l, r, γ, d, b, s, y, w, ng* и назвал их заимствованным из тибетского языка термином дэбискэры (*debisker üsüg* — досл. «постланная буква»); пять же остальных согласных: *g, k, t, ʃ, č*, встречающихся в любом слоге, были названы недэбискэры.

Это наблюдение выявило главный закон в дистрибуции согласных в качестве слогозакрывающих и неслогозакрывающих как в древнем, так и в современных монгольских языках. Недаром этот закон с небольшими изменениями был заново открыт Г.Д. Санжеевым: согласные *n, нг, ʃ, г, б, д, л, м, р, с* названы им непревокальными, а *x, т, ч, дж, ж, к* — превокальными. «Сущность такого деления согласных, — пишет автор, — заключается в том, что превокальные согласные... никогда не встречаются перед каким бы то ни было согласным, а следовательно, и в конце слога; иными словами, эти согласные могут находиться только перед каким-нибудь гласным... Что касается непревокальных согласных, то они могут находиться как перед гласными, так и после таковых, т.е. либо в начале слога, либо в конце последнего...» [Санжеев, 1964, с. 44].

С делением согласных на дэбискэры и недэбискэры связано правописание монгольских слов в целом, а также служебных единиц, словообразовательных и словоизменительных морфем. Дэбискэры подразделялись на одинарные (*dan debisker*) — это одиннадцать конечных согласных закрытых слогов: *an, ab, aγ, am, al, ar, as, ad, ay, aw, ang* и двойные (*dabqur debisker*) — название семи слога-букв: *na, ja, ma, la, ra, sa, da*, которые могут следовать за сочетанием *yi*. Дэбискэры делились также на твердые (*хатуу*), после которых может следовать орхица (откидная буква) *a*; и мягкие (*зөөлөн*) — те же одиннадцать дэбискэров, но только с гласным *e*: *en, eb, eg, em, el, er, es, ed, ey, ew, eng*, после них полагается быть орхице *e*.

Поделив дэбискэры на твердые (*b, γ, y, z, s, d*) и мягкие (*l, m, ng, g*), древнемонгольские грамматисты вывели закон, согласно которому после твердых следовали одни морфемы, например: *-tur/-tür*; *-ču/-čü*, а после мягких — другие: *-dur/-dür*; *-ju/-jü*, т.е. были установлены правила дистрибуции согласных между конечными основ и начальными морфем [Лувсанвандан, 1965, с. 35].

Большое внимание уделялось падежной системе, которая полностью соответствует индийской и тибетской системам. Монгольские грамматисты в своих трудах ориентировались на чисто смысловое определение падежа, а также на принятый вслед за Панини набор числовых обозначений санскритских падежей. Их насчитывалось восемь,

и все они, за исключением звательного, рассматриваются в порядке, принятом в Грамматике Панини. Но, как отмечал монгольский лингвист Т. Пагва, хотя в монгольских грамматических сочинениях, несомненно, присутствует влияние индийской грамматической системы, ее нельзя рассматривать как чистое копирование [Пагва, 1957, с. 15]. Так, если у Панини были: именительный, винительный, орудный, дательный, исходный, местный, родительный падежи, то у Данзандагвы при той же нумерации отсутствует винительный падеж, что можно объяснить двояко: либо тем, что в монгольском языке формант винительного падежа нередко совпадает с таковым родительного, либо (это Т. Пагва считает более вероятным) тем, что автор придерживался не только древнеиндийской системы, но и тибетской, в которой винительный падеж отсутствует, так как формально совпадает с именительным. Среди падежей отсутствует также совместный (соединительный), которого нет в тибетском. Однако он имеется в списке формообразующих и служебных единиц, так называемых *нохцол*, «сопутствующих элементов», среди которых наряду с падежными формантами перечисляются некоторые союзы и частицы.

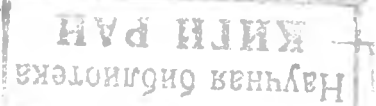
Падежи описаны по семантическому принципу, поэтому одни и те же их форманты присутствуют в разных падежах, например, функции и значения современного дательно-местного падежа представлены тремя разными падежами с некоторыми смысловыми оттенками в значениях (второй, четвертый, седьмой).

Первый падеж трактуется как лишенный частицы, роль его определена как название предмета, качества и существа предмета: *burqan* «будда», «божество»; *iir-e* «семена»; *ingri* «небо»; *idegen* «пища».

Вторым назван падеж, «показывающий действие», т.е. направление действия и место (что соответствует современному дательно-местному): *dorun-a oduju* «отправившись на восток»; *tegiin-dür oduju* «отправился к нему».

Третий падеж, именуемый в современных грамматиках орудным, обозначает действующий предмет: *süke-ber modun-i oyталуусан* «разрубил дерево топором». Выводится закон о правописании его окончаний: *-bar/-ber* употребляется после основ, оканчивающихся на гласные, а *-iyar/-iyer* — после согласных. Это установленное в ранних грамматических сочинениях правописание сохраняется до сих пор.

Четвертый — это падеж, поименованный как «показывающий дело (цель)» и отвечающий на вопросы: кому?, чему?. Так же, как и второй, он соответствует современному местному (дательно-местному): *ebeçiten-et ög* «дай лекарство больным».

Пятый падеж обозначает исходную точку действия и соответствует современному исходному: *dorun-a-ača* «с востока»; *ger-eče* «из юрты».

Шестой падеж назван «связующим значения слов», т.е. выражающим отношения. Он соответствует современному родительному: *kümün-ü toluγai* «голова человека»; *amitan-u jırγaγu* «счастье живых существ».

Седьмой падеж показывает место и пространство. Он также соответствует современному дательному-местному, местному падежам: *dalai-dur* «в море»; *burγan-a* «бурхану», «будде».

И наконец, восьмой падеж — это звательный, введенный, по-видимому, Данзандагвой, так как он отсутствует у Чойджи Одсэра [Төмөртогоо, 1986, с. 46–49].

Небезынтересно, что еще в XVIII в. Данзандагва проводил различие между падежами, выраженными формантами (*бодит нөхцлөөр илэрсэн*), и падежами со «скрытыми» формантами (*нууц нөхцлөөр илэрсэн*). Соответственно, падежи назывались «падежи выраженные» (*тийн ялгал ил гарсан*) и «падежи скрытые» (*тийн ялгал хураасан*). Ср. в трактовке падежей в некоторых современных исследованиях по языку как «оформленные» и «неоформленные» падежи.

Поделив слова на *нэр* «название», «имя» и *нөхцөл* «сопутствующие элементы», монгольские грамматисты заложили основы морфологии, морфемного состава и членения слова. По их мнению, одно слово (*дан үг*) и один сопутствующий элемент (*нөхцөл*) сами по себе не могут выражать целого значения, а только в сочетании друг с другом.

Нөхцөл рассматривались как материал, формирующий речь как высшую форму человеческого общения.

В ранних грамматических сочинениях были заложены основы и классификации слов. Слова делились на разряды соответственно их роли в предложении. Кроме имен выделялись глагольные формы, частицы (*anu, inu, ele*), союзы (*kiged, böged*), послелогии (*bür-ün*).

Глагольные формы делились на неокончательные, куда относились соединительное и разделительное деепричастия: *ilyaγu* «отделяя», *sanayad* «вспомнив» и окончательные, среди которых указаны изъявительные формы, например от глагола *bö-* «быть»: *böläge, bolai; buyu*, а также повелительно-желательные: *bolтуγai* «да сбудется» от глагола *bol-* «становиться, сбываться».

В третьей, заключительной главе дается классификация слого-букв по элементам с использованием двух астрономических наук: индийской и китайской. Сначала дается деление по индийским элементам,

куда входят: *огторгуй* «небо», *хий* «воздух», *гал* «огонь», *ус(ан)* «вода», *шорой* «земля». Предполагается, что это деление Данзандагва заимствовал из сочинения Чойджи Одсэра, а сам добавил сверх того деление по китайским элементам: *mod(он)* «дерево», *гал* «огонь», *шорой* «земля», *төмөр* «железо», *ус(ан)* «вода», заимствованное из древнекитайской книги [Төмөртогоо, 1986, с. 50]. И хотя деление звуко-букв по элементам на первый взгляд кажется вызванным чисто буддийско-религиозными целями, на самом деле это не совсем так. Звуки по элементам делились с учетом участия произносительных органов. Например, в произношении звуков, относящихся к элементу «небо» (*a, e, ng, qa*), участвует дыхательное горло; к элементу «воздух» (*i*, нач. *ya, sa*) — кончик языка, зубы, небо; к элементу «огонь» (*za, ja, ča*) — те звуки, при произношении которых происходит вибрация (колыхание) темени (*oroï ködeljü*); к элементу «вода» отнесены звуки (*u, ü, ma, ba, wa, we*), при которых округляются губы; к элементу «земля» (*ta, da, na, la*) — те, при произношении которых участвуют кончик языка и зубы.

Грамматика Данзандагвы оказала большое влияние на все последующие работы: все они основывались на ее содержании, вносились лишь уточнения и добавления.

Из современников Данзандагвы можно отметить грамматические сочинения Урад гууш Билгийн Далая, в которых кроме изложения основных положений предшественников появляется ряд новых терминов и трактовок языковых явлений. Так, помимо традиционной системы из восьми падежей Билгийн Далай попытался представить и ее самостоятельную разработку. Прежде всего, все имена в зависимости от конечной буквы основы были поделены на четыре класса, или склонения, каждому из которых свойственны свои окончания: первое склонение — это имена, оканчивающиеся на гласные; второе — имена, оканчивающиеся на *-n*; третье — имена, оканчивающиеся на *-ng, -l, -m*; четвертое — имена с конечными согласными *-b, -γ, -d, -r, -s*. При выборе падежных окончаний это правило действует и сейчас. Свою систему он представляет шестью падежами, дав им названия: 1) *ner-e-yin* «именительный», 2) *barilduly-a-yin* «родительный» (досл. «связи, сцепления»), 3) *ögekü-yin* «дательно-местный», 4) *üyles-ün* «винительный» (досл. «дел, деяний»), 5) *üyledküi-yin* «орудный», 6) *dayudaqu-yin* «звательный». Билгийн Далай был, по-видимому, первым автором, который в число падежей включил винительный и объединил в один падеж три падежа, соответствующие дательно-местному [Балданжапов, 1962, I, Приложение].

Кроме того, установив соответствия между конечными основы и начальными падежных формантов, Билгийн Далай установил закон размещения звуков на стыке морфем.

При классификации слов в число имен были включены и причастные формы, так как они способны изменяться по падежам. По их роли в предложении в отдельные разряды выделены союзы, частицы, собирательные слова, благопожелания и другие единицы, служащие для выражения различных отношений [Балданжапов, 1962, I, с. 9; 16, с. 55].

В грамматических трудах XIX в., как и прежде, основное внимание уделялось орфографии и разработке техники письма. Этот век представлен многими сочинениями, но особое место среди них занимают работы Лхарамбы Агваандандара. Он был образованнейшим для своего времени человеком, получившим высшую ученую степень монлам равджамба в Лхасе и пользующимся большой известностью и популярностью в Монголии и Тибете. Перу Агваандандара принадлежит много сочинений, в том числе монгольская и тибетская грамматики, а также тибетско-монгольский словарь.

Грамматическое сочинение Агваандандара, известное под сокращенным названием *Kelen-ü ċimeg* «Украшение речи» (термин заимствован у Панини), совсем небольшое по объему, отличается тем, что представляет собой популярное изложение основных грамматических правил монгольского языка и было написано, как подчеркивает сам автор в начале и в конце своего труда, «в пользу простого народа», чтобы дать возможность аратам овладеть грамотой. Скорее всего, это учебное пособие, которое отличается тем, что может служить образцом орфографических норм, правильного построения предложений и точной передачи мысли [Воробьева, 1959, с. 150].

Во вступительной части приводится оригинально построенная таблица алфавита в традиционном слоговом написании, которая сопровождается объяснениями особенностей полифонного характера монгольской письменности, принципов сингармонизма, правил написания отдельных морфем и служебных слов, называемых по традиции *üsüg-ün ċimeg* «украшение слов (букв)».

Особое внимание автор обращает на редукцию гласных в разговорном языке, на закон размещения согласных (дэбискэров и двойных дэбискэров) между основной и сопутствующими элементами (флексией), а также на позицию гласных в структуре суффиксальных морфем.

Кратко излагая основные правила орфографии, автор сообщает о долгих гласных и о способах изображения их на письме. Важнейшей

частью фонетической системы монгольского языка признается гармония гласных.

Хотя падежная система как таковая в данном сочинении отсутствует, но в связи с правилами написания и произношения слов среди частиц, показателей множественности, рассматриваются также форманты родительного, винительного, орудного, исходного, дательного и соединительного падежей. Для дательного-местного падежа, пожалуй, впервые дается и его притяжательная форма *-dayan/-degen*.

Агваандандар приводит примеры монголоизированного написания санскритских слов, а также случаи расхождения между произносительными и литературными нормами языка. Подчеркивая необходимость знания тонкостей правописания, он отмечает при этом, что «каждый может читать и произносить слова на своем привычном диалекте» [Балданжапов, 1962, II, с. 54; Төмөртоогоо, 1986, с. 54].

Автор грамматического сочинения «*Монгол үсгийн утгыг чухал заасан дэлгэрэнгүй оюун*» («Всеобъемлющая премудрость, указывающая на важность значения монгольских букв» — 1853 г.) Да лама Дагвашарав в описании звуковой системы, также строго следуя прежним традициям, вносит и некоторые новые аспекты в описание гласных и согласных фонем, а также в исследование конечных закрытых слогов и служебных элементов. Он выявил все возможные случаи употребления согласных в конце слова в количестве 1390 слогов. На примерах из письменного языка конкретизируются правила употребления орхицы (откидных гласных *a, e*), а также одинарных и двойных дэби-скэров и *нөхцөл* (сопутствующих элементов) [Төмөртоогоо, 1986, с. 57–58].

Среди грамматических сочинений XIX в. обращает на себя внимание и труд южномонгольского ламы Дэлэгжуная «*Монгол үсгийн гол ёсыг тодотгогч таль*» («Зерцало, объясняющее основные законы монгольских букв (письма)»). Хотя в отношении изучения падежной системы автор полностью следует своим предшественникам, придерживаясь древнейших традиций Чойджи Одсэра — Данзандагвы, и выделяет те же восемь падежей по семантическому признаку, но во многом его произведение отличается от предыдущих работ, и прежде всего своей структурой: его можно разбить на восемь частей, из которых первые четыре посвящены изучению звуковой системы, морфологии и основам синтаксиса, а другие четыре содержат комментарии и дополнения к первым.

Приоритет, как всегда, отдается изучению звуковой системы, при описании которой автор вводит понятие «качества звука» (*дуудах өнгө*),

«закона оживления» (*амлах ёс*). Жизнеспособной буквой (традиционно — это слоگو-буква) признается только согласный, оживленный гласным, ибо согласный только в сочетании с гласным приобретает жизненную силу и может выражать значение слова. Не оживленная гласным согласная мертва [Төмөртоогоо, 1986, с. 66]. Пожалуй, впервые автор данной работы обратил внимание на количественную характеристику звука, а именно на время произношения согласных без гласных и с ними.

Вторую часть автор посвящает разъяснению того, как из отдельных звуков рождаются слова. В двух последних частях заложены основы синтаксиса. В них поясняется, как из слов образуются словосочетания. Здесь же вводятся понятия определения и определяемого, а также даются образцы, как из словосочетаний строятся предложения.

Разделы об образовании из слов словосочетаний и построении предложений — это то новое, что отличает эту работу от предыдущих.

В годы маньчжурского правления значительное распространение в Монголии получил маньчжурский алфавит и маньчжурский язык, который выполнял функции канцелярского языка, особенно в отношениях между маньчжурским правительством и монгольскими властями.

В это время появился ряд исследований по языку, в которых наряду с древними индо-тибетскими традициями грамматисты стали подражать и маньчжуро-китайским. Хотя и в этих сочинениях по древней традиции речь шла прежде всего о законах распределения звуков монгольского языка и о падежной системе. Но монгольские звуки сравнивались и уподоблялись маньчжурским и китайским, калькировались и некоторые термины, как, например, *сул үг* — досл. «пустые слова», куда относилось все то, что не укладывалось в другие части речи.

Такие работы уже в начале XX в. подвергались справедливой критике, так как подобное отождествление только мешало правильному употреблению монгольских букв, вносило разнобой и противоречия в их написание и затрудняло понимание простым народом своего родного языка.

И все же, несмотря на маньчжурское господство и определенную конкуренцию маньчжурского языка с монгольским, письменный монгольский язык сохранял свои исконные черты, а большинство грамматистов в своих сочинениях продолжали его совершенствовать. Вносилось, например, предложение различать мягкие и твердые гласные, имеющие одинаковое начертание, постановкой после *e, ö, й* специальной точки, предлагалось употреблять знак *цэг* («точку») для разграничения в тексте предложений.

В заключение отметим, что хотя издревле в Монголии филология была одной из приоритетных наук и было написано немало грамматических сочинений, но в целом она оставалась далеко не системной наукой. И даже в начале XX в. древние грамматические традиции не прерывались. Основное внимание уделялось объяснению и толкованию звуковой системы монгольского языка лишь с небольшими дополнениями в области орфографии или критикой некоторых высказываний своих предшественников. «До второй половины 30-х годов в Монголии фактически беспредельно господствовала древнемонгольская филологическая школа Чойджи Одэра, восходящая своими корнями к древнеиндийской грамматической школе Панини» [Лувсандэндэв, 1980, с. 163].

И только после революции 1921 г. с появлением национальных кадров со специальным лингвистическим образованием начинается научный подход к изучению структуры письменного монгольского языка.

Сами монголы лингвистическим пособием современного типа считают «Граматику монгольского языка» крупнейшего монгольского ученого-лингвиста, ныне покойного, акад. Ш. Лувсанвандана, вышедшую в свет в 1939 г. Эту работу, которая на многие годы стала основным учебником для всех школ, по ее значению сравнивают только с «Зурхний тольтын тайлбар» Чойджи Одэра в изложении и с комментариями Данзандагвы. Эта грамматика служила основным пособием по монгольскому языку нескольким поколениям монголов [Лувсандэндэв, 1982, с. 121–127].

Ш. Лувсанвандан критически пересмотрел все написанное его предшественниками, всесторонне изучил фонетический строй и фонемную систему древнемонгольского языка, но уже с учетом достижений мировой западноевропейской науки.

В Монголии выросло новое поколение ученых-лингвистов, которые исследуют родной язык, применяя методы современной лингвистики.

Часть I

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Вопрос о частях речи в монгольских (и шире — алтайских) языках долгое время был, да и является до сих пор предметом дискуссии среди ученых.

В монголоведении начало новой, отличающейся от индоевропейской классификации именных частей речи еще в XIX в. положил Алексей Бобровников, поделивший традиционные имена существительные и прилагательные на три разряда.

Имена предметные, которые характеризовались как названия того, что представляется самостоятельно существующим, будет ли это самостоятельный предмет или явление, действие и состояние: *kümün* «человек», *yaĵar* «земля», *medel* «знание», *küsel* «желание».

Имена качественные определялись как названия того, что существует не отдельно, а в предметах как их признак или качество: *sayin* «добрый, добро», *maĵu* «злой, плохой, зло»; *qar-a* «черный, чернота», *narin* «тонкий».

Имена относительные были производными от имен предметных посредством словообразовательных формантов: *mal* «скот» — *malĉi* «пастух», *modu(n)* «дерево» — *moduĉi* «столяр, плотник».

Но автор, осознавая недостатки такой классификации, отмечал, что «нельзя указать ясной границы между именами предметными и качественными» [Бобровников, 1849, с. 52–55].

Речь шла о тех именах предметных, которые, как и качественные, могут выступать в предложении в функции определения к другим именам, оставаясь в форме своей основы: *temür kürĵe* «железная лопата (железо-лопата)», *morin tarmaĵur* «конные грабли (конь-грабли)», *modun bayising* «деревянный дом (дерево-дом)».

Малооправданным представляется и выделение в самостоятельную часть речи имен относительных, так как среди слов этой категории

оказываются такие, которые по своему лексическому содержанию и формально-грамматическим признакам могут быть причислены как к именам существительным: *malči* «пастух», *temürči* «кузнец», так и к именам прилагательным: *saqaltu* «бородатый» < *saqal* «борода»; *uqayantu* «умный» < *uqayan* «ум, разум».

И по этому поводу Ал. Бобровников сделал особое примечание: «Мы не приняли терминов: **имена существительные и прилагательные** (выделено мной. — М.О.) потому, что этими терминами, с одной стороны, уже более чем нужно были бы разделены имена предметные от качественных; с другой стороны, имена качественные смешались бы с именами относительными, так как и сии последние также переводятся на русском языке именами прилагательными и вместе существительными» [Бобровников, 1849, с. 54–55 (примечание)].

В последовавших за классическим трудом Ал. Бобровникова грамматических исследованиях некоторые монголоеды принимали его классификацию [Котвич, 1902, с. 52–65; Санжеев, 1940, с. 28; 1941, с. 26]. Причем впоследствии Г.Д. Санжеев вместо трех выделенных Ал. Бобровниковым частей речи предпочел выделить четыре. Отказавшись от выделения имен относительных, он к именам предметным и качественным добавил имена существительные и прилагательные.

К именам существительным причислялись те имена, которые служат для обозначения абстрактных понятий и социальных явлений, а точнее, те, которые не могут служить материалом для создания какого-либо предмета. В предложении они не могут быть использованы в качестве определения в форме своей основы: *эвлэл* «союз», *улс* «государство», *нэр* «имя» и т.п.

К предметным именам Санжеев относил те, которые могут служить материалом для изготовления других предметов и быть определениями в форме своей основы: *төмөр* «железо» — *төмөр хүрз* «железная лопата».

Имена прилагательные определялись как слова, обозначающие только признак предмета и выступающие в предложении определениями только имен, но (в отличие от **качественных**) не глаголов: *шинэ* «новый», *улаан* «красный», *хуурай* «сухой».

Качественные имена в отличие от прилагательных могут характеризовать предметы с точки зрения их качества и глаголы с точки зрения образа действия: *сайн* «хороший, хорошо»; *хурдан* «быстрый, быстро» [Санжеев, 1952, с. 85–100; 1953, с. 124–126; 1959, с. 46–48; 1964, с. 58].

Другие ученые по старой традиции выделяли имена существительные и прилагательные [Орлов, 1870, с. 117; Руднев, 1905, с. 60–61; Тодаева, 1951, с. 48–49]. При этом Руднев писал, что замена имен существительных и прилагательных именами предметными, качественными и относительными по существу ничего не меняет. «При таком делении, — замечал автор, — приходилось допускать еще больше допущений» [Руднев, 1905, с. 5–7].

А некоторые известные алтаисты отрицали вообще возможность деления имен на классы (части речи).

Так, Г.И. Рамstedт в своем труде «Введение в алтайское языкознание» писал: «Общепринятое в индоевропейском языкознании подразделение слов на различные классы (части речи) к алтайским языкам не применимо. Здесь не существует особых флексий, специальных только для имен существительных или только для имен прилагательных, так как эти классы слов в грамматическом отношении не разграничимы: они вместе образуют единый класс имен, к которому относятся также и местоимения» [Рамstedт, 1957, с. 26].

Н. Поппе в письменно-монгольском языке выделял всего три основные части речи: 1) имя, 2) глагол, 3) неизменяемые части речи.

Существование формально обособленных категорий — имен существительных и прилагательных отрицалось. Имя же подразделялось на: а) предметное и б) качественное. При этом отмечалось, что «как те, так и другие могут выступать в роли существительных и прилагательных». Хотя они и отличаются друг от друга синтаксически, так как качественные имена в отличие от предметных могут сочетаться с усиительными словами, например: *masi* «весьма, очень», *neng* «очень», *tong* «очень, совершенно».

Отказывалось в существовании в монгольском языке и такой части речи, как «наречие» [Поппе, 1937, с. 50–51].

Поэтому не случайно в 50-х годах прошлого столетия широко обсуждался вопрос о количестве, сущности и грамматических признаках частей речи и особенно о границах между такими классами слов, как имена, существительные, имена прилагательные и наречия.

«Следует со всей прямотой указать, — отмечалось в журнале „Вопросы языкознания“, — что в большинстве языков народов СССР еще до сих пор не исследованы в достаточной мере и не имеют общепризнанного истолкования такие, например, важные стороны грамматики, как части речи (со свойственными им категориями) и типы предложения. Вопросы о числе и сущности частей речи в каждом языке, о гра-

ницах между такими классами слов, как имя существительное, прилагательное и наречие...» [ВЯ. 1952, № 1, с. 11].

В дискуссионных статьях, опубликованных в лингвистических журналах и сборниках [ВЯ. 1952, № 6; ВЯ. 1955, № 3; Записки бурят-монгольского НИИ культуры, XXI, 1956 и др.], высказывались различные точки зрения по проблеме частей речи в монгольских языках, но они не решали проблему в целом и в большинстве случаев носили характер полемики.

Нередко имена подразделялись на существительные и прилагательные, исходя из их синтаксической функции в предложении, т.е. части речи отождествлялись с членами предложения. Поэтому одно и то же слово, если оно «выступало самостоятельно», считалось существительным: *temür* «железо», *modun* «дерево», но когда оно оказывалось в роли определения: *temür kürje* «железная лопата», *modun bayising* «деревянный дом», — определялось уже как прилагательное [Алексеев, 1941; 1952; 1955].

Анализ именных частей речи в монгольских языках дает основание считать, что части речи — это лексико-грамматические категории, в которых запечатлелись лексическое содержание, соответствующее морфологическое оформление и синтаксические свойства, и что совокупность этих признаков как принцип классификации лексики вполне приемлем и для монгольских языков [Орловская, 1961].

Поскольку в разных языках та или иная часть речи имеет свои грамматические особенности, монгольские имена существительные и прилагательные могут отличаться в некоторых аспектах от таковых, например, в русском языке, в языке с более развитой морфологической системой. С таким же основанием можно сказать, что части речи в английском языке отличаются от аналогичных в русском языке, но по способности имен существительных выступать в своей основе в качестве определения других имен английские имена существительные ближе стоят по отношению к монгольским существительным. Ср. англ. *a stone house* «каменный дом» и монг. *čilayun bayising id.* или англ. *an oak table* «дубовый стол» и монг. *modun sirege* «деревянный стол».

Но, имея в разных языках свои особенности, существительные для всех языков, в которых они вычленяются как самостоятельные классы слов (части речи), должны обладать главными общими свойствами, которые и служат основанием при их определении в качестве самостоятельной части речи. Для имен существительных этим общим свойством служит широкое понятие предметности. В это понятие входят

названия как материальных предметов и живых существ, так и отвлеченных понятий и признаков.

Выражение этих общих свойств в разных языках может различаться, что зависит от строя языка, степени его богатства различными морфологическими показателями. В языках с хорошо развитой морфологической структурой классы слов в большей степени будут характеризоваться морфологическими признаками, а, например, в английском «с его аналитическим строем синтаксические признаки частей речи, естественно, преобладают над морфологическими» [Ильиш, 1948, с. 70].

Также естественно и то, что, обладая общими для существительных (равно и для прилагательных) свойствами, эти части речи будут отличаться по каким-то признакам от таковых как в русском, так и в английском языках. «Разнородность [же] синтаксических функций, выполняемых именами существительными, ведет к дифференциации внутри их самих собственно предметных и качественных значений» [Виноградов, 1938, с. 5]. Нельзя считать, например, монг. *temür* «железо» или *modun* «дерево» именами прилагательными только потому, что они употребляются в предложении в качестве определений: *temür kürjе* «железная лопата» или *modun bayising* «деревянный дом», как считали некоторые монголоеды [Алексеев, 1941, с. 175].

Как любое имя существительное, *temür* способно иметь перед собой определение: *gülim temür* «листовое железо», *сubimal temür* «прокатное железо». Будучи же само определением, *temür* может использоваться не только в форме основы, но и употребляться в родительном и совместном падежах: *temür-ün qudaldy-a* «торговля железом (железная торговля)», *temür-ün күder* «железная руда», *temür-ün үy-e* «железный век», *temür-tei usu(n)* «железистая вода».

В ряде случаев, когда определение обозначает материал, из которого состоит определяемый предмет, *temür* будет выступать в форме своей основы: *temür çaril* «железный лом» (см. также приводимые выше примеры).

В этом состоит особенность некоторых существительных, когда они, «обозначая в первую очередь в подавляющем большинстве случаев представления предметного, субстантивного характера, обладают потенциальной возможностью обозначать и признаки предметов, давать им качественную характеристику» [Аврорин, 1948, с. 28].

Монгольские авторы грамматик и учебников по родному языку в первые годы прошлого столетия, хотя и выделяли среди именных частей речи существительные (*ner-e üge*) и прилагательные (*temdeg ner-e*), все же отмечали, что в монгольском языке существительные и прилагательные не имеют внешних отличительных признаков.

По их мнению, прилагательные отличались от существительных только по своей функции в предложении. Существительное превращалось в прилагательное, как только выступало в качестве определения к другому имени: *qar-a temür* «черное железо» — *temür* 'существительное', но *temür kürje* «железная лопата» — *temür* 'прилагательное' [Lubsangvangdan, 1929, с. 48, 78–79].

В более поздних работах эти части речи характеризовались уже как вполне самостоятельные и со своими собственными словообразовательными формантами [Лувсанвандан, Дэмчигдорж, 1951, с. 58, 84–85].

В 60-х годах делалась попытка классифицировать монгольские слова по структурно-семантическому признаку: все слова подразделялись на: 1) флективные — способные к словоизменению, выделялась основа и флексия и 2) нефлективные — абсолютно неизменяемые: усилительные слова, отрицательные и прочие частицы, звукоподражания. Все флексии подразделялись на флексии слов и флексии предложений [Лувсанвандан, 1968, с. 3–30].

Впоследствии все же возобладали принцип вычленения среди именных частей речи имен существительных и прилагательных. Исследуется словоизменительная и словообразовательная их системы. Появились работы по сопоставительным грамматикам монгольского и русского языков с описанием общих и отличительных черт в этих частях речи и в грамматических категориях [Галсан, 1975; Цэдэндамба, 1974].

Ученые Внутренней Монголии (КНР) в исследованиях современного монгольского языка также выделяют среди именных частей речи имена существительные (*jingkini ner-e*) и прилагательные (*temdeg ner-e*) [Orčin cāy-un mongyol kelen-ü Sudulul. Kökeqota, 1988, с. 254–256].

Экскурс в историю изучения именных частей речи обусловлен тем, что до сих пор вопрос о статусе некоторых лексических единиц с недостаточно расчлененной семантикой, так называемых недифференцированных (синкретических) имен, вызывает законный интерес исследователей алтайских языков, в которых это явление распространено. Ряд спорных вопросов, связанных с полисемией и полифункциональностью агглютинативных морфем и с их влиянием на формирование грамматических категорий на материале алтайских языков, предлагает решать С.Л. Чариков. Используя эволюционный подход к морфологии, автор по-новому освещает спорные вопросы, связанные с полифункциональностью некоторых лексических единиц, так называемых «недифференцированных имен» или «имен с нерасчлененной семантикой».

Определив их как «синкретические формы», автор выделяет четыре разряда с семантическими подгруппами:

1) существительные/прилагательные, например: *атан* «золото/золотой»; *молор* «хрусталь/хрустальный»;

2) прилагательное/наречие, например: *анха(н)* «сперва, вначале»/«первоначальный, начальный»; *ойро* «близко, вблизи /близкий»;

3) существительное/наречие, например: *зун* «лето/летом», *хабар* «весна/весной»;

4) существительное/прилагательное/наречие, например: *мэргэн* «меткий стрелок/способный, разумный, мудрый/метко, ловко»; *хатуун* «жара/жаркий/жарко» [Чареков, 2000, с. 152–162].

В задачу «Очерков» не входит развитие темы «синкретизма». Целью является описание суффиксальной системы частей речи на материале самых древних монгольских письменных памятников.

Именно недостаточность исследования морфологии языка ранних монгольских текстов, особенно в сфере словообразования, давало повод отрицать наличие в монгольских языках таких самостоятельных частей речи, как имена существительные и прилагательные и обозначать их под общим термином «имена». Наличие же их, как различных в морфологическом и синтаксическом планах классов слов, отрицалось на том основании, что эти части речи якобы внешне морфологически не дифференцированы и что «в монгольском языке чрезвычайно слабо развита формальная дифференциация частей речи».

Но и сейчас, когда во всех грамматиках и учебниках по монгольским языкам имена существительные и прилагательные вычленяются как самостоятельные части речи и изучаются в морфологических и синтаксических аспектах, нельзя сказать, что проблема частей речи в этих языках решена окончательно. Она продолжает оставаться дискуссионной (см., например, [Рассадин, 2003, с. 3–13; 2004, с. 152–153]).

2. О СТРУКТУРЕ СЛОВА

При наличии в языкознании многочисленных определений и трактовок понятия «слово»³ его неотъемлемым свойством признается морфологическая оформленность, его определенная для данного типа языка морфологическая структура. Слово в данной работе рассматривается как единица морфологического уровня, т.е. в совокупности его морфологических свойств и характеристик, «образующих целостную

³ О разных трактовках понятия «слово» в современном языкознании см., например, [Алпатов, 1979, с. 5–9].

структуру, представленную в виде парадигмы» [Аничков, 1963, с. 146; Макаев, 1970, с. 256].

Монгольские слова, как и во многих других языках мира, делятся на простые и сложные, непрямые и производные. Здесь речь будет идти только о структуре простых (непрямых и производных) слов. Как известно, основной единицей структуры слова признается морфема. С тех пор как понятие морфемы было впервые определено и предложено И.А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 116], в ее определение и толкование внесены и продолжают вноситься различные дополнения и коррективы, в которых дается общий анализ многочисленных определений морфемы, предложенных в зарубежном и отечественном языкознании [Маслов, 1961, с. 140–152].

В отечественном языкознании распространение получило Бодуэновское определение морфемы, принятое в «Проекте стандартизованной фонологической конференции (Прага, декабрь 1930 г.)», где морфема определяется как «морфологическая единица, которую нельзя разложить на более мелкие морфологические единицы, т.е. часть слова, которая в целом ряде слов имеет одну и ту же формальную функцию и которую невозможно разложить на более дробные части, обладающие этим свойством» [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 210].

Слово отождествляется либо с единичной морфемой, либо с комплексом морфем, организованных по грамматическим законам конкретного языка, совокупность которых делает слово носителем определенного значения.

Описание морфологического состава слова предполагает выделение основных разрядов морфологических единиц, являющихся его структурными компонентами.

Как видно из исследований, посвященных описанию морфологической и словообразовательной структур слова, главным образом в индоевропейских языках, не все слова членятся на морфемы без остатка, т.е. не все выделяемые в слове части являются морфемами. В связи с этим возникла проблема так называемого «пустого морфа» или «асемантических морфем». Эти «асемантические» части «оформляют основы слов при слово- и формообразовании, используются как прокладка между частями сложного слова, между производящей основой и словообразующими аффиксами, между формообразующими основами и окончаниями в тех случаях, когда эти части слова по морфологическим причинам не могут сочетаться» [Тихонов, 1971, с. 48].

Существует несколько точек зрения о морфологическом статусе этих элементов. Одни ученые считают, что их не следует выделять в качестве особых единиц, а надо присоединять к соседним морфам/суффиксам или реже — к основе, т.е. рассматривать в качестве частей морфов [Климов, 1967, с. 32; Лопатин, 1977, с. 46].

Другие приписывают им статус морфем особого класса, называя «формативами основы», функция которых быть конструктивными элементами именной основы [Исаченко, 1969, с. 57].

Третьи полагают, что включение подобных элементов в состав морфем лишает смысла само понятие морфем, что «объединять под общим названием „морфема“ единицы, наделенные значением в составе слова, и единицы асемантические, пустые по смыслу, играющие чисто строевую роль, неправомерно», и называют их либо интерфиксами [Земская, 1975, с. 75, 85–87], либо структемами [Тихонов, 1971, с. 48].

Считается, что в русском языке подобные единицы используются для того, чтобы «устранить скопление гласных на морфемном шве», а также, чтобы «изменить не свойственный русской именной основе вид — иметь исход на гласную». Они «устраняют открытость корня и являются показателями границы морфем» [Земская, 1975, с. 85–87]⁴.

Принято считать, что в агглютинативных языках (в том числе и в монгольских) структура слова довольно прозрачна и что слова в них легко и просто членятся на корень, основу и другие составные элементы. Но на самом деле, как справедливо считал Т.А. Бертагаев, «строй монгольских языков значительно сложнее. В этих языках помимо агглютинации имеется и фузия, и символизация, и внутренняя флексия, и вариантность основы, и неоднозначность многих аффиксов» [Бертагаев 1969, с. 5–6].

Вопросам структуры слова в монгольских языках (кроме упоминания в общих грамматических работах) посвящены и специальные исследования [Бертагаев, 1969; Лувсанвандан, 1963, 1968, 1969; *Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт*, 1987].

Морфема в монгольских языках определяется как «значимый элемент, далее не делимый в синхронном разрезе и соотносимый по звучанию и смыслу с элементом другого слова или слов...». Слово изолированное, несопоставимое ни с каким другим словом или словами, не может распадаться на морфемы и не состоит из морфем, хотя «потен-

⁴ Теоретическая трактовка всем типам морфем в современном монгольском языке дана С.А. Крыловым [Крылов, 2004, с. 94–155].

циально может иметь морфему, если благодаря глубокому этимологическому анализу исследователю удастся найти родственные с ним слова» [Бертагаев, 1969, с. 11].

Несомненно, в каждом конкретном языке в структуре слова присутствуют элементы как настоящего, так и прошлого, ибо структура слова является результатом разнообразных и одновременных словообразовательных процессов. Еще Ф.Ф. Фортунатов писал, что «существование каждого языка во времени состоит в постоянном, хотя и постепенном видоизменении данного языка с течением времени, т.е. каждый живой язык в данную эпоху его существования представляет собой видоизменение языка предшествующей эпохи» [Фортунатов, 1956, с. 23].

Грамматический состав слова с течением времени может меняться, и основы производные могут превращаться в непроизводные, а сложные — в простые.

Наглядным примером тому является, например, монгольское слово *сайд* «министр», которое в синхронном плане, на современном этапе развития языка является непроизводным и не воспринимается в одном ряду с такими словами, как *сайн* «хороший», *сайжир*- «улучшаться», *сайхан* «прекрасный», *сайрх*- «хвастаться, быть тщеславным», *сайд*- «быть слишком хорошим», в которых выделяется корневая морфема *сави*- и основообразующие суффиксы. И только исторически его можно и следует соотносить с ними, так как в среднемонгольском языке оно обозначало «хорошие люди» и было образовано путем присоединения к *савин* показателя мн. ч. *-д* [Лувсанвандан, 1968, с. 100; 1999, с. 103]. Сейчас в этом слове значение множественности утрачено, оно уже не соотносится с формами мн. числа на *-д*, имеет значение только ед. числа, а при передаче значения множественности употребляется с соответствующим показателем: *сайд нар* «министры».

Равным образом в современном монгольском языке такие слова, как *өнөөдөр* «сегодня», *маргаадар* «завтра», *нөгөөдөр* «послезавтра», *уржигдар* «позавчера», только исторически можно считать сложными, состоящими из двух корневых морфем, вторая из которых восходит к слову *өдөр* < *edür* «день».

«Механизм языка, — писал Бодуэн де Куртенэ, — и вообще его строй и состав в данное время представляют результаты всей предшествующей ему истории, всего предшествующего ему развития, и, наоборот, этим механизмом в известное время обуславливается дальнейшее развитие языка». Ученый указывал на важность различения изменений, совершающихся каждовременно в данном состоянии языка,

и изменений, совершающихся в истории на протяжении многих веков. Тем не менее он считал, что в языке нет состояния «синхронной неподвижности», что система языка есть только частный случай его динамики или, скорее, кинематики [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 67–68]. «Этим, — по словам акад. Л.В. Щербы, — динамический синхронизм Бодуэна отличается от чересчур статического синхронизма Сосюра» [Щерба, 1930, с. 319].

О необходимости изучать синхронную систему «во времени» писал А.И. Смирницкий, выдвинувший тезис о системном характере языковых изменений. «Язык определенной эпохи — это язык, существующий и развивающийся во времени, т.е. заключающий в себе момент диахронии: сделать «поперечный разрез языка», не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно, так как фактор времени по самому существу входит в язык... Синхроническая система языка неизбежно должна рассматриваться во времени» [Смирницкий, 1954, с. 16].

Мы разделяем ту точку зрения, что «словообразовательная структура слова — понятие историческое» [Максимов, 1977, с. 79], относящееся в равной степени к прошлому и настоящему, поэтому противопоставлять резко синхронный анализ диахроническому вряд ли правомерно, хотя и смешивать эти два плана тоже не следует.

В анализе словообразовательной структуры слова предпочтение в одном случае может быть отдано тому, как и из каких компонентов слово было образовано первоначально и какие в нем произошли изменения со временем, в другом — тому, какова структура и членимость этого слова на данном этапе развития конкретного языка. Но даже и в этом случае синхронное описание неизбежно будет включать в себя элементы эволюции отдельных ее компонентов. Следовательно, речь может идти лишь о том, в какой степени нужно учитывать данные истории (диахронии) при синхронном словообразовательном анализе. А это во многом зависит от целей и задач исследования.

Ясно, однако, что выявление структурных компонентов того или иного слова без учета исторических данных не всегда отражает его реальное строение. Лишь правильное соотношение двух планов — синхронии и диахронии дает возможность установить реально существующие в языке структурные типы слов. Привлечение исторических параллелей и экскурсов «способствует обнаружению причинной связи между различными явлениями» и позволяет «раскрыть некоторые закономерности функционирования системы словообразования» [Кубрякова, 1965, с. 17].

На тесную связь и взаимообусловленность плана синхронии и диахронии при изучении словообразовательных процессов в языке указывали и крупнейшие отечественные языковеды [Виноградов, 1952, с. 106; Максимов, 1977, с. 10, 139; Лопатин, 1977, с. 25–31].

Применение принципа историзма при анализе слова означает «не приписывание производным того, чего в них нет и никогда не было, а выявление того, что есть, но с учетом и того, что было» [Максимов, 1977, с. 139].

2.1. Типы морфологических единиц

Слово состоит из различных типов морфем, образующих определенную иерархию в его структуре. При характеристике монгольских морфологических единиц целесообразно выделить два основных ряда: 1) лексико-грамматические, т.е. носители лексико-грамматических признаков слова, и 2) структурные единицы, основное назначение которых заключается в структурном оформлении слова, а чаще всего в структурном оформлении монгольских основ. Например, в современном монгольском языке слово *ус(ан)* < *usun* «вода» имеет три основы: в род. п. *усн-ы*, в дат. п. *усан-д*, в вин. п. *ус-ыг* (*усн-*, *усан-*, *ус-*). Основа этого же слова в родственных языках и некоторых говорах совсем иная, чем в собственно монгольском. Ср. в бур. разг.: род. п. *уһан'-и*, дат. п. *уһан-д*, вин. п. *уһа-ые /уһан'-, уһан-, уһа-* [Бертагаев, 1969, с. 12]⁵. В таких случаях важная роль принадлежит структурным элементам, или структурам⁶.

Лексико-грамматические морфемы по своему значению и назначению в структуре слова делятся на корневые (неслужебные) и суффиксальные (служебные), которые, в свою очередь, подразделяются на словообразующие и словоизменяющие. Корневая морфема (корень-основа) и словообразующие суффиксы являются носителями содержания, т.е. значения слова, а словоизменяющие суффиксы — носителями формы.

Корневая, словообразовательная и словоизменяющая морфемы имеют каждая свое собственное лексическое или грамматическое значение и не делятся далее на более мелкие единицы.

Линггистами уже дано определение корневой морфемы как единицы, которая в отличие от аффиксальных морфем содержит в себе

⁵ Иначе обстоит дело в древнем и классическом языках, где во всех падежных формах сохраняется основа *usun*.

⁶ Этот термин мы используем вслед за А.Н. Тихоновым [Тихонов, 1971, с. 48].

основное обобщенное лексическое значение слова. Это минимальная значимая единица, необходимая для существования слова и присущая как одному⁷, так и ряду близких по значению слов. Отличительной чертой корневой морфемы является то, что она встречается не только в разных словах одного класса слов, но и в единицах, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам.

В монгольских языках корневая морфема всегда находится в начале слова. Это его ядро, содержащее общее значение одного или родственных слов, от которых посредством присоединения словообразовательных суффиксов образуются близкие по смыслу единицы.

Для выделения минимальной значимой единицы, присущей ряду близких по значению слов, необходимо исследовать некоторое число родственных по внешнему строению и по своим смысловым связям основ.

Вернемся к приведенным выше слово-основам: *sayin* «хороший», *sayiqan* «прекрасный», *sayijira-* «улучшаться», *sayida-* «быть слишком хорошим», *sayirqa-* «хвастаться, быть тщеславным». Во всех этих единицах явно присутствует общая для них корневая морфема *sayi-* с абстрактным значением наличия хорошего качества. Что касается следующих после корня морфем, то все они являются основообразующими, но каждая со своим собственным значением, дающим возможность отнести эти слова к разным классам, т.е. частям речи, в данном случае к прилагательным и глаголам.

2.2. Пассивные корни

Корневые морфемы монгольских слов делятся на пассивные (связанные) и активные (несвязанные) [Лувсанвандан, 1963, с. 3–9; 1999, с. 100 и сл.; Лувсангджаб Чой, 1971, с. 8]. Те корневые морфемы, которые не способны без присоединения основообразующих элементов к словоизменению, называются пассивными. Корень *sayi-* в вышеприведенных словоформах является пассивным, так как не может быть основой, способной к словоизменению без присоединения словообразующих *-n*, *-qan*, *-jira-*, *-da-*, *-rqa-* : *sayi + n*, *sayi + qan*, *sayi + jira-*, *sayi + da-*, *sayi + rqa-*.

Те же корневые морфемы, которые способны к дальнейшему словоизменению без каких-либо дополнительных элементов, называются

⁷ Мы разделяем ту точку зрения, что «существуют корни, повторяющиеся в многочисленных образованиях и встречающиеся только в одном слове» [Кубрякова, 1974, с. 115].

активными. Активные корни формально (морфонологически) совпадают с первичной основой слова. Одни из таких основ представляют собой именные, другие — глагольные первичные корни-основы, способные присоединять к себе различные как словообразовательные, так и словоизменительные морфемы. Например: *mal* «скот», *malč̄in* «скотовод», *mal-yi* — вин. п., *mal-iyar* — орудн. п., *mal-ača* — исх. п.; *yabu* «идти», *yabu* «иди»⁸, *yabuba*, *yabuluḡa*, *yabujuḡui* — формы прош. времени от *yabu*: *yabuḡul* — форма побуд. залога и т.д.

При присоединении к пассивному корню основообразующего элемента он переходит в разряд активных корней-основ. Следовательно, первичная основа совпадает с активным корнем (*mal* «скот», *ḡar* «рука»), а первичная производная образуется посредством основообразующих элементов (структем — по Тихонову) [Тихонов, 1971, с. 48].

Некоторые активные в синхронном плане корни могут оказаться единицами, в которых в плане диахронии можно выделить пассивные корни. Так, в слове *modun* «дерево» только исторически и, сопоставляя это слово с аналогичным в других алтайских языках, можно вычленить пассивный корень *mo-*, который в качестве самостоятельной полнозначной единицы зафиксирован в алтайских языках как *tung.mō* [корень *mo-*] «дерево» [Рорре, 1954, с. 295], а также в нанайском [Суник, 1963, с. 46].

Кроме того, и в древнем монгольском языке, в тексте «Сокровенного сказания», зафиксировано слово *moči* (§ 223) «плотник», «столяр» (в современном языке *модоч* < *moduči* id.), где словообразующий *-či* присоединен к разным корням-основам: в первом случае к *mo-*, а во втором — к *modu-*, т.е. для современного состояния языка *mo-* является уже пассивным корнем, который только при наращении корнеобразующего *-d(u)* превратился в активный корень-основу, способный к дальнейшему словообразованию и словоизменению: *moduči* «плотник», «столяр», *modus* «древесина», *modurḡaḡ* «лесистый», *moduraḡu* «деревенеть, делаться деревянистым», *modutai* «покрытый лесом, имеющий деревья», *modu-iyar* — орудн. п., *modu-yi* — вин. п. и т.д.

Однако присоединение к пассивному корню основообразующих элементов не всегда превращает этот корень в активный. Иногда первый, следующий за пассивным корнем элемент имеет чисто структурное значение, не преобразуя его еще в основу слова. Например, в ряду таких монгольских слов, как: *ḡur-ban* «три», *ḡu-č̄in* «тридцать», *ḡu-n-an* «трехлетний бык», *ḡu-n-ḡin* «трехлетняя корова», *ḡu-č̄i* «праправнук». Ср. бур. диал. *ḡu-mar* «молоко третьей дойки» — легко вычленяется

⁸ Повелительная форма 2-го лица ед. и мн. числа всегда совпадает с основой слова.

пассивная корневая морфема *γu-*. Присоединение к *γu-* формантов *-r-* (*γu-r-ban*), или *-n-* (*γu-n-an*, *γu-n-jin*) не образует еще корень-основы, но эти элементы структурно необходимы для присоединения настоящих основообразующих суффиксов *-ban*, *-an*, *-jin*.

Структурные элементы в монгольских языках не имеют определенного значения, но они служат промежуточными элементами для связи пассивного корня с основообразующими морфемами. И таких корней в монгольских языках немало.

В пассивных корнях типа *dege-* можно выделить пассивную корневую морфему *de-* и структурный элемент *-g(e)-*, необходимый для присоединения к нему основообразующих морфем *-re-*: *de-ge-re*, *-si-*: *de-ge-si* «выше», «наверх», «вверх», *-gür-*: *de-ge-gür* «высоко; поверх», *-dii-*: *de-ge-dii* «высший, верхний, верховный», *-de-*: *de-ge-de* «находящийся сверху», «вышестоящий, верхний».

Следовательно, сопоставив такие слова, как *degere* (*de-ge-re*), *degedii* (*de-ge-dii*), *degegür* (*de-ge-gür*), *degesi* (*de-ge-si*), *degede* (*de-ge-de*), можно выделить корневую морфему *dege-*, которая не употребляется как самостоятельная лексема, но имеет общее абстрактное значение «верх», где суффиксальные морфемы *-re*, *-dii*, *-gür*, *-si*, *-de* образуют первичные корни-основы. Если же к основе *degegür* присоединить суффикс *-de*, то образуется уже вторичная — глагольная основа: *degegürde-* «оказаться чрезмерно высоко». Ш. Лувсанвандан сопоставлял с этим рядом такие слова, как *debe* (*de-be*) «возвышенность», «терраса», *dele* (*de-le*) «грива», и считал общей для них непроемной корневой морфемой *de-* [Лувсанвандан, 1963, с. 4].

Мнения относительно количества пассивных корней в монгольском языке среди монгольских языковедов расходятся. Так, Ш. Лувсанвандан считал, что подобных корней в языке значительно меньше, чем активных. В своих работах на материале современного языка автор анализирует 55 таких пассивных корней, от которых посредством присоединения к ним основообразующих элементов образуются именные, глагольные и некоторые другие активные корни-основы, и считает, что большинство слов имеют активные корни [Лувсанвандан. 1968, с. 106–120; 1999, с. 105–121]. Чой Лувсангджав, напротив, утверждает, что пассивных корней в языке — подавляющее большинство [Чой Лувсангджав, 1971, с. 25].

Среди ученых существуют различные мнения и относительно количества типов корневых морфем. Все монголоеды единодушны только в том, что корневые морфемы типа *C* в монгольских языках отсутствуют.

В письменном монгольском языке недопустимо стечение согласных в начале и в конце слога. В слоге, состоящем из ГС, гласный может занимать как начальную, так и конечную позиции: *aba* «отец», *tere* (*te-re*) «тот».

Что же касается других типов, то большинство монголоведов считают, что односложные корни состоят из Г, ГС, СГ, СГС. В древних текстах присутствуют эти же самые типы:

Г — *a-* «быть, существовать»;

ГС — *on* «год»;

СГ — *ta* «вы», *᠑i* «ты»;

СГС — *γar* «рука», *γal* «огонь» [Лувсандэндэв, 1982, с. 106].

В большей степени, однако, представлены двусложные корни, многие из которых в современной орфографии переходят в разряд односложных, например: СГСГ — *bele* [бэл]; ГСГ — *eke* [эх], ГССГ — *alda* [алд], СГССГ — *berke* [бэрх].

Для большинства монгольских корневых морфем не характерно варьирование звуковой формы, хотя в ряде случаев присутствует чередование корневых гласных, возникшее под влиянием различных фонетических процессов, происходивших в древности и наблюдаемых в современном языке. В результате появились звуковые варианты одного и того же корня для передачи близких или родственных значений. Например: *᠑a-γan* «белый», *᠑a-yi᠒i* «светлеть», *᠑a-yibur* «беловатый», «светлый», *᠑a-yidam* «солончак», *᠑a-sun* «снег», *᠑a-γasun* «бумага», *᠑a-bidar* «игренивый (о масти лошади)» и *᠑e-gen* «светлый, совершенно белый», *᠑e-ge* «кумыс», *᠑e-ber* «чистый, светлый», *᠑e-lmeg* «ясный, чистый». Общий для этой группы слов корень *᠑a-/᠑e-* содержит в себе абстрактное значение «светлого», присутствующее в семантике каждого из перечисленных слов. В современном монгольском: *танхим* «зал», «аудитория», «палата», «лекторий» и *тэнхим / тинхим* «кафедра (например, монгольского языка)».

В бурятском языке *ha᠒-sa᠒ar* «пушистый», «кудрявый; развесистый (о дереве)»; *h᠑᠑-s᠑᠑ar* «воздушный, легкий; мягкий».

2.3. Суффиксальные морфемы

В отличие от корневых морфем, содержащих в себе обобщенное лексическое или вещественное значение слова, суффиксальные морфемы имеют лексико-грамматическое значение. Одни из них преобразуют слова в новые производные лексические единицы, другие создают грамматические формы слов.

Суффиксальные морфемы подразделяются на словообразовательные и словоизменительные.

Словообразовательные присоединяются с целью изменения значения исходной единицы на новое, для создания новых производных единиц в сфере номинации. Присоединение же словоизменительных морфем не меняет вещественного значения слова (корня или основы). Их целью является организация единиц в составе предложения. Эти морфемы образуют парадигматические ряды, проходящие по всем частям речи языка с сохранением внутри каждого из парадигматических рядов основного вещественного значения.

Особенностью монгольских суффиксальных морфем является то, что иногда одна и та же морфема может выступать и в качестве словообразующей, и в качестве словоизменительной (некоторые падежные окончания, суффиксы множ. числа, каузативные суффиксы).

В зависимости от сочетаемости с той или иной производящей основой словообразовательные суффиксы подразделяются на: 1) образующие именные основы и 2) образующие глагольные и некоторые другие (например, наречные) основы.

По способности присоединять словоизменительные суффиксы монгольские слова делятся на две группы: 1) суффицированные: имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы и наречия; 2) несуффицированные: послелоги, частицы.

По способности принимать ту или иную флексию слова делятся на имена и глаголы. Имена принимают именные словоизменительные суффиксы, глаголы — глагольные.

2.4. Основа слова

Основа в монгольских языках либо совпадает с активным корнем (*mal* «скот», *γar* «рука»), либо образуется от пассивных корней путем присоединения основообразующих элементов (*sayin* «хороший», *sayi-γir-* «улучшаться»).

В отличие от корня основа не является постоянной частью слова. Она всегда вычленяется по отношению к каждому последующему суффиксу. Являясь основным компонентом словообразования, основа всегда соотносится с конкретной словоформой. И если корень статичен и во многом принадлежит плану диахронии, то основа всегда динамична, она принадлежит определенной словоформе и является производящей частью слова⁹.

⁹ См., например, материалы дискуссии о проблеме морфологической структуры слова в кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.–Л., 1963.

Между основой и корнем имеется существенное отличие даже в том случае, если первая формально совпадает с последним. Корневая морфема сохраняет общее лексическое значение, не связанное непосредственно с грамматической формой слов, тогда как основа, обладая уже реальным конкретным значением, вводит слово в систему грамматики, подвергая его различным морфологическим изменениям.

Основа в монгольских языках образуется различными способами.

1. Как уже сказано выше, любой активный корень является в то же время (формально совпадает) непр производной основой слова, например, *yar* «рука», *mal* «скот». *töl* «молодняк; приплод (скота)».

2. От пассивных корней путем прибавления основообразующих элементов, возникает первичная основа, например: *bay-a+n* «богатый», *baya+jī-* «богатеть», *baya+laj* ~ *baya+liy* «богатство».

3. К уже имеющейся основе могут присоединяться другие словообразовательные, видовые, залоговые, причастные суффиксы, а также показатели множ. числа.

Суффиксальная система представлена в подавляющем большинстве суффиксами. Но наряду с этим отмечаются некоторые образования, напоминающие префиксы и изредка инфиксы.

Образования, подобные префиксам, представляют собой:

1. Приглагольные частицы — корневые элементы (root preverbs), употребляемые перед глагольными основами, придавая им значение усиленного действия: *dara-* «давить» — *quya dara-* «переломать давлением»; *coqi-* «бить, ударять» — *buta coqi-* «разбивать, разгромить»; *coyi coqi-* «пробивать, прорывать».

2. Редупликаты, состоящие из двух частей, из них первая является повтором начального слога качественных прилагательных, к которому наращивается губной согласный *b*. Эта часть служит формальным показателем интенсивности качества: *qara* «черный» — *qab qara* «черный-пречерный»; *ulayan* «красный» — *ub ulayan* «очень (необыкновенно) красный»; *sira* «желтый» — *sib sira* «очень желтый»; *sine* «новый» — *sib sine* «новенький, совершенно новый». Т.А. Бертагаев [Бертагаев, 1969, с. 24–27] назвал такие образования префиксоидами¹⁰.

¹⁰ Венгерский алтаист L. Bese часть приглагольных префиксоидов обозначил как preverbs и подробно исследовал их на материале бурятского [Bese, 1966, p. 217–244], халхаского [Bese, 1968, p. 225–235] и языка текста «Сокровенного сказания» [Bese L., 1969, p. 124–132]. Образования же, представляющие собой односложные корни сочтёмого с ними слова, названы Partikulären Reduplication [Bese, 1960, p. 43–49], например: *qab qara* «совершенно черный, черный-пречерный» при *qara* «черный», *qab qatay* «твердый-претвердый» при *qatay* «твердый».

Что касается инфиксов, то они отмечаются в дунсянском и баоаньском языках при образовании качественных прилагательных превосходной степени и наличия ослабленного качества, например, в дунсянском языке после первого слога прилагательного вставляется инфикс *-ну-* с прибавлением в конце слова суффикса *җан*: *хулан* «красный» — *хунулаҗан* «красный-прекрасный», *шыра* «желтый» — *шыпураҗан* «желтый-прежелтый» [Тодаева, 1961, с. 25], в баоаньском языке вставляется инфикс *-ба-/бэ-*, придающий качеству оттенок ослабленности, например: *фэлаң* «красный» — *фабалҗаң* «красноватый», *шира* «желтый» — *шабэрҗи* «желтоватый» [Тодаева, 1964, с. 39]. При этом появление инфикса влечет за собой изменение в фонетическом составе слова, а именно изменение гласного в основе прилагательного: ср. *фэлаң* и *фабалҗан*.

Поскольку в монгольских языках морфемы присоединяются последовательно одна за другой, производные основы бывают первичными, вторичными, третичными, например: *nige* «один» — основа, формально совпадающая с активным корнем, *nige-d-* «объединяться» — первичная производная основа, *nige-d-ül* «объединение» — вторичная производная основа, *nige-d-ül-ји-* «объединяться в объединении» — третичная производная основа.

2.5. Об основах с так называемым «неустойчивым» согласным «*n*»

Особый интерес и внимание монголоведов вызывали и до сих пор вызывают основы со «скрытым» или «неустойчивым» конечным согласным «*n*».

Еще Б.Я. Владимирцов писал, что в монгольском письменном языке «наблюдается полная неупорядоченность в отношении конечного *-n*, как в словарях, так в рукописях и ксилографах. Постоянно встречаются формы, то оканчивающиеся на *V + n*, то на *V* без *n*, например, *sara ~ saran* «луна, месяц», *usu ~ usun* «вода», *egüle ~ egülen* «облако». Ученый отмечал также, что «в древнемонгольском языке в том наречии, на почве которого возник письменный язык монголов, (конечный *-n*) принадлежал основе, и формы слов без *-n* являются более новыми» [Владимирцов, 1929, с. 356].

На тот факт, что в современных монгольских языках значительное количество слов, оканчивающихся на *-n*, в одних случаях утрачивают этот согласный, а в других не утрачивают, давно уже обратили внимание и монгольские языковеды (Ш. Лувсанвандан, А. Лувсандэндэв

и другие). Выяснилось, что все монгольские слова, оканчивающиеся на *-n*, можно поделить на две группы: 1) слова с устойчивым *-n* и 2) слова с неустойчивым *-n*.

К первой группе относятся:

а) имена, обозначающие названия людей: *emegen* «пожилая женщина; старуха», *ebügen* «старик, старец», *keiken* «девушка», *qatun* «княжна, госпожа», *noyan* «князь, господин»;

б) слова, обозначающие признаки предметов: *ulayan* «красный», *caayan* «белый», *qoyosun* «пустой, порожний», *eciiken* «маленький» и др. В словах этой группы *-n* не исчезает ни при каких обстоятельствах.

Ко второй группе, словам с неустойчивым *-n*, относятся слова, обозначающие в основном названия растений, животных, природных явлений и т.п.: *modun* «дерево», *ebesün* «трава, сено», *morin* «конь», *qonin* «овца», *temegen* «верблюд», *čilayun* «камень», *salqin* «ветер» и др.

Из местоимений вопросительное *ken* «кто», относящееся к людям и божествам, всегда сохраняет согласный *-n*, тогда как *yaγu/yaγun*, касающееся всех прочих наименований (иногда и людей), имеет неустойчивый *-n*.

В позиции перед глаголом-сказуемым употреблялось *yaγu* (в «Сокровенном сказании» — *ya'u*) в значении «что?» (в отрицательных предложениях «ничего»): *či ya'u ke'emü* [SH, § 171] «Ты что скажешь?»; *ya'u ügülegü bi* [SH, § 255] «Что я скажу?»; *Činggis-qa'an-a ya'u ber ese oγba* [SH, § 157] «Чингис-хану ничего не выделили».

В определительной функции, как и в случае со всеми словами с неустойчивым *-n*, употреблялось только *yaγun/ya'un*: *ya'un tusa bolqu* [SH, § 92] «Какая будет польза?»; *ya'un üge ügülemü či* [SH, § 34] «Что (какие слова) скажешь ты?»; *či ya'un gü'ün bui* [SH, § 156] «Ты что за человек?»; *Bodončar be tede irgen-i ya'un irgen ke'en asa'ulčaqu ügei* [SH, § 29] «И *Bodončar* не спрашивал тех людей, кто они».

Но и в древних текстах закономерность в употреблении *yaγu/yaγun* иногда все же нарушалась, и *yaγun* использовалось в позиции перед глаголами: *ya'un bolba* [SH, § 93] «Что случилось?»; *Ene tergen dotora ya'un te'ejü amu ke'eba* [SH, § 101] «[Ты] что везешь в этой телеге?». Ср. перевод этих предложений на современный монгольский язык: *юу болсноо* [МНТ, § 92] *id.*; *энэ тэргэн дотор юу байна* [МНТ, § 101] «Что находится в этой телеге?».

Свои особенности имеют и числительные. В определительной функции *-n* всегда сохраняется: *γurban nom* «три книги», *dörben qoni* «четыре овцы». Если же числительное употреблено субстантивно или в обстоятельственной функции, *-n* исчезает: *arba-ača tabu ni irejü...* «из

десяти пришли пять...»; *bi ene nom-i yurab daqin ungsiju*... «я эту книгу перечитал трижды». В сложных числительных первый компонент *-n* сохраняет: *arban qoyar* «двенадцать», *tabun jaγu* «пятьсот». Сохраняется этот согласный и при обозначении дробей: *yurban-u nigen* «одна треть».

Что касается числительного *nigen* «один», то в современном языке оно, как в определительной функции, так и в сложных числительных, употребляется без *-n*: *нэг морь* «один конь», *нэг зуун тавь* «сто пятьдесят». Но в древних текстах это числительное всегда использовалось в своей полной основе, т.е. с согласным *-n*: *niken edür* [Н, IIa, 4v, 1] «один день»; *niken jorig-iyar* [Н, IIa, 2r, 5] «с одной целью»; *nigen toyin kümün-i üjējü*... [TD, с. 28, F 10r] «увидев одного монаха...»; *niken mori* [SH, § 99] «один конь».

В древних текстах числительные *mingyan* «тысяча», *tümen* «десять тысяч» всегда употреблялись с конечным *-n*: *mingyan tümen kümün bayasuyu* [НС, 25b] «будут радоваться тысячи и десятки тысяч людей»; *qoyar minyan dolo'an ja'un yesün čeri'üt dotora*... [Н, IIb, 17v, 4–5] «Среди двух тысяч семисот девяти солдат»; *tümen jüyil amitan*... [Н, IIa, 14r, 1] «десять тысяч видов живых существ»; *Qasar-a mingan dörben ja'ut irge ögba* [SH, § 244] «*Qasar* у выделил тысячу четыреста человек».

Форма *minqa [-mingya]* без *-n* в тексте «Сокровенного сказания» употреблялась только для наименования военной единицы в войсках «Чингис-хана» в значении «тысячник»: *Bürin kebte'ül Qada'an minqa medetügei* [SH, § 278] «всеми кэбтэулами пусть ведает тысячник *Qada'an*».

В подобных случаях *-n*, точнее его отсутствие, привело к изменению смысла самого числительного, и оно приобрело значение существительного. Это же относится и к другим числительным, употребляемым для обозначения военных подразделений. При этом множественное число этих единиц формировалось посредством наращивания суффикса множ. числа *-d* к усеченным, т.е. без *-n* основам: *harbad-un noyat, ja'ud-un noyat, minqad-un noyat tümed-ün noyat*... [SH, § 224] «десятники (командиры десятков), сотники (командиры сотен), тысячники (командиры тысяч), десятитысячники (командиры десяти тысяч)...».

Как сказано выше, корневые морфемы монгольских слов делятся на пассивные (связанные) и активные (несвязанные).

К числу основообразующих относится и согласный *-n*, который, присоединяясь к пассивным корням, образует первичную корень-основу, где *-n* становится устойчивым и не исчезает при дальнейшем словоизменении: *baya + n > bayan* «богач, богатый», *bayan-u* — род. п.;

bayan-i — вин. п.; *bayan-du* — дат.-м. п.; *bayan-iyar* — орудн. п.; *sayi + n > sayin* «хороший», *sayin-iyar* «хорошо», *noya + n > noyan* «князь, господин»; *noyan-i* вин. п., *noyan-du* дат.-м. п. и т.д.

Когда же *-n* присоединяется к активным корням, образуется вторичная основа: *usu + n > usun* «вода», *çilayū + n > çilayun* «камень». В подобных словах этот основообразующий *-n* выпадает при словоизменении, причем выпадает в одних падежных формах, но сохраняется в других. Именно такое «поведение» этого согласного и является фактором, не нашедшим еще полного объяснения.

Г.Д. Санжеев по наличию или отсутствию неустойчивого *-n* в монгольских языках в разных падежах, делит эти языки на три группы.

1. Могольский (язык афганских монголов) и классическо-монгольский языки сохраняют конечный *-n* в основах всех падежей.

2. Все бурятские (кроме некоторых, смежных с халхаскими) и ойратские диалекты сохраняют конечный *-n* в основах именительного, родительного, дательного-местного, исходного, соединительного или совместно-комитативного и направительного падежей (*-n*-падежи).

3. Все халхаские и южномонгольские (ордосский и другие) диалекты конечный *-n* сохраняют в тех же падежах, кроме именительного.

Следовательно, для всех монгольских языков и диалектов конечный *-n* при склонении отсутствует в винительном, орудном и совместно-определятельном падежах (падежи без *-n*). Отсутствует *-n* в именительном падеже в халхаском и в ряде случаев под влиянием халхаского в классическом языке последних периодов. При этом автор отмечал, что эти правила не всегда строго соблюдаются. Имена на *-n* могут то сохранять его, то утрачивать (в халхаском и особенно в ордосских диалектах). Кроме того, некоторые имена, не имевшие в своей основе конечного *-n*, стали получать его по аналогии с основами на *-n*, например, *уула* «гора», но *уулнаас* «с горы» [Санжеев, 1953, с. 139].

Некоторые имена, получившие в недалеком прошлом новые значения и ставшие своеобразными омонимами, в своем прежнем значении конечный *-n* стали утрачивать: *gisigün* «ветвь, сучок» > *gisigü*: *yp-gamатын мочир гишүү* [Цэв, с. 145] «ветки растений», а в своем новом значении его сохранили *gisigün* «член (какой-либо организации)»: *намын гишүүн* «член партии», *коллегийн гишүүн* «член коллегии» [Цэв, с. 145]. При этом изменилась и парадигма склонения: слово *gisigün* сохраняет *-n* во всех падежах, тогда как *gisigü* не имеет его, кроме именительного, также в орудном, винительном и совместном.

Крупнейший монгольский филолог Ш. Лувсанвандан считал, что слова, которые в современном языке имеют неустойчивый *-n*, в языке

древнего и среднего периодов этот согласный почти никогда не утрачивали. Причем в современном монгольском языке, который сохранил много черт языка среднего периода, *-n* стал утрачиваться только в последнее время. Ученый считал, что *-n*, присоединяясь к активным корне-основам, образует вторичные основы, которые приобретают более абстрактные качественные или обстоятельственные значения, тогда как первичные (без *-n*) служат в предложении прямыми или косвенными дополнениями.

Так, в предложении: *qoyar temege-iyer dörben mori abuba* «За двух верблюдов получил четыре коня» указывается реальный предмет и, соответственно, его стоимость, тогда как в другом предложении: *tani temegen-iyer manu nige temege yabuju...* «Мой верблюд ушел с вашими верблюдами» обозначается только местонахождение верблюда [Лувсанвандан, 1961, с. 5–20]. В подобных случаях значение орудного падежа противопоставляется значениям местонахождения или совместности действия. С. Галсан предложил выделить орудный с *-n*-основой в самостоятельный падеж «орудный совместности». В современном монгольском языке наличие *-n*-основы придает иногда слову некоторый высокопарный приподнятый оттенок: *Улаан Наран* (вм. нар) «О, Солнце» [Галсан, 1975, с. 132]. Ср. в бур. языке: *моритой хун* «наездник, конный человек» (досл. «человек с конем»), но *моринтой хун байна* «человек стоит (рядом) с конем» [Цыдендамбаев, 1979, с. 42]. Однако эти наблюдения все же не проясняют факта существования двух основ в некоторых словах на *-n*. Кроме того, как уже отмечалось выше, в разных монгольских языках и диалектах этот согласный ведет себя по-разному.

Ш. Лувсанвандан попытался подойти к объяснению «неадекватного поведения» этого согласного с точки зрения некоторых фонетических законов. По его мнению, слова с неустойчивым *-n* выполняют в предложении главным образом функции дополнения при глаголе. И если глагол начинается с согласных *y, m, n, l*, то конечный *-n* прямого дополнения постепенно ослабевает и исчезает совсем. А впоследствии *-n* по аналогии начинает исчезать и перед другими согласными [Лувсанвандан, 1961, с. 5–20].

Тексты XIII–XIV вв. свидетельствуют, что «ослабление» конечного согласного *-n* началось довольно рано. Уже тогда в некоторых случаях не придавалось особого значения его употреблению. Так, в тексте «Сокровенного сказания» слово *usu/usun* «вода» в функции прямого дополнения использовалось как в полной, так и в усеченной (без *-n*) основах, причем независимо от местоположения прямого дополнения

в предложении. Ср.: 1) *usu Tolui kō 'ün u 'uba* (§ 272) «Tolui выпил воду» и 2) *mün jēlme ö 'esün-gü usun erijūi abčiraŋu...* (§ 145) «jēlme также лично нашел и принес воду»; 3) *Ulus irgen-e nuntuq usu qubiyaju ögüye* (§ 279) «Поделим и дадим народу землю и воду» и 4) *Ce'el usun nuduralu'a* (§ 72) «Ключевую воду перекрыли». В переводе этих предложений на современный язык слово *usu*, как прямое дополнение, везде употреблено без *-n*: 1) *Усыг Толуйд уулгав* [МНТ, § 272] «Дал Толую выпить воду»; 2) *Зэлмэ өөрөө бас ус олж авчирч...* [МНТ, § 145] *id.*; 3) *Бас улс иргэний нутаг усыг хувааж өгье* [МНТ, § 279] *id.*; 4) *цээлмийн ус ширгэв* [МНТ, § 72] *id.*

Уже в самых ранних текстах слова *modun* «дерево», *morin* «конь» также употреблялись, как и в современном языке, в полной и в усеченной основах. Ср.: *urtu modun уруbasu...* [UM, с. 387] «если растет высокое дерево...»; и *yeke mod-tur adali...* [UM, с. 289] «подобно большому дереву...»; *niken mori unuba* [SH, § 99] «оседлал коня» и *Bi morin unu'at...* [SH, § 145] «Я, оседлав коня...»; но *morin-i* «коня», *morin-tur* «коню» [UM, с. 289–289].

В современном языке функции конечного *-n* значительно расширены в том смысле, что этот согласный стал нести определенную семантическую нагрузку. В некоторых случаях при наращении *-n* к основам, где его изначально не было, происходит дифференциация значений. Так, в слове *ger*: 1) «юрта; дом; жилище», 2) «футляр, чехол» для передачи второго значения появился согласный *-n*. Ср.: *гэрт байгаа сүх* «топор, находящийся в юрте», но *гэрэнд байгаа сүх* «топор, находящийся в футляре» [Галсан, 1975, с. 132].

Появились различия и в значении числительных с *-n* и без *-n*. Числительное *qoyar* «два», не имеющее в своей основе этого согласного, получив его, стало обозначать число, например месяца: *тавдугаар сарын хоёрны өдөр* [ОМТ, с. 68] «второго мая», тогда как обозначая время суток, оно употребляется без *-n*: *qoyartu iremii* (*хоёрт ирнэ*) «приду в два часа». То же самое относится и к числительному *yurba/yurban* «три», которое, хотя и содержит в основе неустойчивый *-n*, но передает такие же различные значения в зависимости от наличия или отсутствия в основе этого согласного: *гурванд ирнэ* «приду (приеду) третьего числа», но *гуравт ирнэ* «(приду/приеду) в три часа» [Галсан, 1975, с. 132].

В некоторых основах, где *-n* изначально не было, его появление стало иметь не только смысловозначительное, но и морфологическое значение. При присоединении *-n* имена начинают обозначать не сам предмет, а качество, признак другого предмета, например: *sil* «стекло;

бутыль», но *silen ayay-a* «стеклянная чаша»; *silen longqu* «стеклянная бутылка»; *sirü* «коралл», *sirün aral* «коралловый остров» [Владимирцов, 1929, с. 351–354]. Ср. также: *поуоу-а* (> *ногоо*) «зелень, трава; овощи», но *поуоуан* (> *ногоон*) «зеленый»: *ногоон чай* «зеленый чай». Подобные имена со значением качества или уподобления чему-либо можно рассматривать как имена прилагательные.

С другой стороны, наращение при словоизменении *-n* к основам, не содержащим его, придает слову более вещественное значение. Например: *цаг* «час; часы; время; период»; *хоёр цаг* «два часа»; *цагийн байдал* «погода», но *цагны оосор* [МРС, с. 303] «цепочка для часов», *энэ цаганаас ав* «выбери из этих часов».

Итак, некоторые слова, которые в древнем языке чаще употреблялись с устойчивым *-n* (*elcin* «гонимый; посол», *modun* «дерево», *morin* «конь» и др.), в современных языках перешли в разряд слов с неустойчивым *-n*, а те, которые изначально его не имели, стали по аналогии со словами на *-n* приобретать его, причем иногда и с изменением лексического значения.

Какой-либо одной причиной или закономерностью это явление объяснить вряд ли возможно. Таких причин, вероятно, несколько. Это и фонетические, и лексические, и грамматические.

Можно согласиться с тем фактом, что конечное *-n* в монгольских языках легко уподобляется начальному звуку последующего слова. Но вряд ли только влиянием начального звука последующего слова можно объяснить причину исчезновения *-n* в *-n*-основах в современном языке, так как эти звуки одинаково влияют как на устойчивый *-n* (который ни при каких обстоятельствах не исчезает), так и на неустойчивый, исчезающий при различных обстоятельствах.

Как уже сказано выше, имена с неустойчивым *-n* чаще всего функционируют в роли определения. А определения в монгольских языках часто выражаются родительным падежом на *-ĭn*, после всех основ имен (кроме основ на *-n*), и родительным падежом на *-ĭ*, после основ на *-n*.

Под влиянием живой разговорной речи *-ĭ* сокращается и превращается в краткий гласный. Гласный *-ĭ*, присоединяемый к основам на *-n*, также редуцируется, превращается в краткий гласный и впоследствии исчезает совсем. Форма родительного падежа превращается, таким образом, в основу с неустойчивым согласным *-n*. На этот факт обращал внимание еще Б.Я. Владимирцов.

Редуцирование гласного *ĭ* в современном языке (несомненно, под влиянием разговорной речи) может быть лишь одной из нескольких причин неустойчивого характера согласного *-n*.

Еще одним фактором может быть семантическая модификация в значении отдельных слов на *-n*, когда этот согласный или исчезает в своем прежнем значении: *gisigün* > *gisigū* «ветвь, ветка, сучок» и сохраняется в неологизме *gisigün* «член (какой-либо организации)», или наращивается для передачи нового значения: *поуоу-а* «трава; зелень; овощи» > *поуоуан* «зеленый».

Согласный *-n* мог появляться, например, в числительных и некоторых именах существительных для конкретизации значений: *qoyartu* (> *хоёрт*) «в два (часа)», но *хоёрон* (*хоёрны*) *одөр* «второго числа»; *gertü* (> *гэрт*) «в юрте; в доме», но *gerentü* (> *гэрэнт*) «в футляре».

Все слова, как с устойчивым, так и с неустойчивым *-n* в определенной функции сохраняют этот согласный. Поэтому и часть слов, исконно не содержащих в своей основе этого согласного, по аналогии стали этот согласный приобретать как в определительной функции, так и при словоизменении: *sil* «стекло», *silen* «стеклянный»; *ayula* «гора», *ayulandu* вм. *ayuladu* дат.-м. п.

Разумеется, перечисленным не исчерпываются все причины появления или исчезновения этого согласного в лексике монгольских языков. Для этого требуется более тщательное исследование фактического материала из разных монгольских языков, из разных письменных источников и особенно из разговорной речи.

А пока можно отметить, что анализ материала монгольских языков на уровне словоизменения (иногда и словообразования) показывает, что характер структуры слова (основы) в парадигматическом ряду иногда отличается от структуры в его исходной форме. Поэтому для монгольских языков, возможно, целесообразно разграничивать основу исходную (внепарадигматическую), т.е. в условно принятом исходном состоянии (для имен существительных форма именит. п.), и основу парадигматическую, т.е. имеющую отношение к образованию грамматических форм, когда при этом фонемный состав основ изменяется и возникают ее варианты: *mori* ~ *morin* «конь», *temege* ~ *temegen* «верблюд», *ayuladu* ~ *ayulandu* дат.-м. п. от *ayula* «гора». В отличие от исходной (внепарадигматической) основы, которая может самостоятельно функционировать в качестве отдельной единицы языка, парадигматическая основа такой самостоятельностью не обладает в силу своей фонетической незавершенности, но это в большей степени относится к структуре современных монгольских языков¹¹.

¹¹ Несовпадение исходной и парадигматической форм относится в основном к классу имен существительных, а для других классов они, как правило, совпадают.

Словообразование, как известно, выступает в качестве основного средства пополнения словарного состава языка по существующим в языке образцам и моделям.

В целом словообразование довольно сложная система, так как оно обусловлено тесной связью со многими (если не со всеми) уровнями языка: морфонологией, фонологией, морфологией, синтаксисом и в конечном итоге со всей грамматикой языка.

В научных грамматиках и учебниках по монгольским языкам, как правило, присутствует раздел «Словообразование». Имеются и монографии, специально посвященные этой проблеме, но все они основаны на материалах современных монгольских языков.

В данной главе «Очерков» исследование ограничено суффиксальным словообразованием имен и глаголов на основе выявления суффиксов в самых ранних монгольских текстах.

Суффиксы являются одним из компонентов в материальном оформлении производного слова. Значение производного слова вытекает из значения производной основы и соответствующего словообразовательного суффикса, который является таким же непосредственно составляющим производного, как и производящая основа. Они оформляют материальную оболочку производного слова и в большинстве своем являются носителями частеречного значения (предмет, качество предмета, действия).

От одной и той же основы посредством разных суффиксов можно образовать слова, принадлежащие разным частям речи (*modun* «дерево», *modurqay* «деревянистый, лесистый»; *modura-* «деревенеть, становиться деревянным»).

Характерным признаком суффиксов является их «словообразовательность» — объединение производных в одни словообразовательные ряды (*modurqay*, *ayularqay*, *usurqay*).

Изучение словообразовательных суффиксов дает возможность представить, каков потенциал каждого из рассматриваемых ниже суффиксов и насколько суффиксальная система приспособлена к роли пополнения монгольских языков новыми словами.

Возникновение производных (словообразовательных) форм относится к древнейшим временам, видимо, еще задолго до появления первых письменных памятников, которые фиксировали уже появившиеся в языке новые лексические образования.

Монгольские письменные памятники, особенно ранних эпох, в лингвистическом аспекте еще далеко не изучены, и в первую очередь это относится к словообразовательным процессам, к созданию новых единиц в сфере номинации.

Суффиксальный способ словообразования является одним из наиболее распространенных способов развития словарного состава. В нем отражается процесс выработки системы наиболее продуктивных и типизированных средств создания новых слов.

Сущность словообразовательной модификации состоит в том, что мотивированное слово, сохраняя основное лексическое значение мотивирующего, приобретает определенный дополнительный элемент смысла.

Производящая основа — это материальный фундамент, структурный и семантический центр словообразования, отправное звено при производстве новых слов.

Агглютинативный метод присоединения словообразовательных суффиксов к основам предполагает их однозначность и относительную семантическую самостоятельность. Однако отличительной чертой монгольских (и в целом — алтайских) суффиксов является их полифункциональность и полисеманτικότητα, когда, например, имена существительные, образованные посредством одного и того же суффикса, обозначают как живое существо, так и предметы, отвлеченные понятия. Но при этом полифункциональность и полисеманτικότητα агглютинативных суффиксов проявляется только в сочетании с разными основами. В таких случаях прослеживается не только влияние суффикса на ту или иную производящую основу, но и зависимость суффикса от основы [Чареков, 1989, с. 5].

3. СУФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Для монгольских имен (существительные и прилагательные) отправным словообразовательным звеном служат в основном именные и глагольные основы, реже — основы других частей речи.

Производные имена существительные, мотивированные именными основами, содержат в себе общее значение «носитель предметности». Из этого общего понятия выделяются группы со значениями: 1) субъекта (деятеля), 2) орудия (приспособления), 3) места (помещение, пространство, территория), 4) вещества (материалы), 5) отвлеченные и некоторые другие понятия. Значения производных слов указываются для каждого из зафиксированных суффиксов. Для удобства пользования суффиксы располагаются в алфавитном порядке.

3.1. Суффиксы, образующие имена существительные от именных основ

Суффикс *-bċi* (км. *-bċi*)

Посредством суффикса *-bċi* образуются имена существительные, обозначающие предметы, являющиеся чаще всего футлярами, покрывками, покрытием для других предметов: *helige[b]ċi* [SH, § 135] «накидка, кафтан; повязка (досл. «набрюшник») (км.: *eligebċi* id.) < *helige* «печень», «нутро»; *qurūbċi* [MA, с. 63, 312] «наперсток» (км.: *quruubċi* id.) < *qurūn* «палец»; *ĵulabċi* [H, с. 69] «мисочка для жирового светильника, лампадка» < *ĵula* «жировой светильник, лампадка»; *erke[b]ċi* [MA, с. 63] «наперсток из рога для большого пальца при стрельбе из лука» (км.: *erekeyibċi* ~ *erkebċi* id.) < *erekei* «большой палец»; *šarabċi* [God., p. 23] «навес, козырек; забрало» (км. *sarabċi* id.) < *sara* ~ *saran* [Гол. II, с. 383] «часть шлема, прикрывающая лоб».

Этот суффикс, известный с древнейших времен [Болд, 1986, с. 26–28], присутствует во многих монгольских языках, и семантика его описана как в грамматиках по классическому, так и по современным языкам. Не зарегистрирован он в баоанском и дунсянском языках.

Г.И. Рамстедт возводил монгольский *-bċi*/*-bċin* к **-btin* и считал его так же, как и В.Л. Котвич, родственным тунгусскому *-ptun* [Рамстедт, 1957, с. 204]. Котвич не сомневался в том, «что в обоих случаях мы имеем дело с разновидностями одного и того же алтайского суффикса» [Котвич, 1962, с. 107]. Иначе его рассматривал Н. Поппе, который членил *-bċi* на известный всем монгольским языкам суффикс *-ċi* и *-b*, сохранившийся ныне только в этом составе и в *-bki*: *idebki* «активность» < *ide* «сила». Однако Поппе признавал, что не может объяснить происхождение этого *-b* [Porre, 1927, с. 111].

И хотя, по словам В.Л. Котвича, исследователи монгольского литературного языка и живых диалектов отмечают достаточно широкое употребление суффикса *-bċi* [Котвич, 1962, с. 107], все же следует признать, что количество производных с этим суффиксом было ограничено основами, семантика которых позволяла образовывать имена указанного выше значения.

В современных монгольских языках¹² зарегистрированы имена, обозначающие предметы со значением орудий действия: халх. *гогцовч* «мотовило», «машинка для наматывания мотков». Ср.: *гогцоо* «петля,

¹² Примеры для современных литературных и других монгольских языков взяты из двуязычных словарей (монгольские, бурятские, калмыцкие) и работ Б.Х. Тодаевой (см. библиографию).

моток, связка»; бур. *холхибшо* «приспособление для очистки ушей от серы» < *холхи* «ушная сера».

Некоторые производные имеют уменьшительное значение: халх. *сүхэвч* «топорик» < *сүх* «топор»; бур. *хуурившя* «небольшой потник (при езде верхом на неоседланной лошади)» < *хуури* «подставка, подстилка подо что-либо»; *хандайвшя* «небольшая табуретка» < *хандай* «скамья», «лавка».

С течением времени активность этого суффикса значительно возросла, и в современном монгольском языке данная модель становится продуктивной, так как «на ее основе образовано большое количество терминов, являющихся наименованиями различного рода небольших устройств, приборов, мелких предметов, изделий и принадлежностей хозяйственно-бытового назначения» [Пюрбеев, 1984, с. 55].

Суффикс *-ĉAq* (км. *-ĉAγ*)

Посредством этого суффикса образуются имена существительные, обозначающие названия предметов, значения которых прямо или косвенно соотносятся с семантикой мотивирующей основы: *inggirĉaq* [SH, § 172] «вьючное седло» (км. *yanggirĉaq* id.) < **inggir*; ср. *yanggiy-a* [Цэв., с. 907] «вьючное седло». В современном монгольском: *янгир* ~ *янгирцаг* «вьючное седло, седло без подушки»; *olamĉaq* [MA, с. 60] «подпруга» (км. *olongĉoγ* «подушка (сукно) на седле») < *olong* ~ *olang* id.; *moγulĉaq* [MA, с. 238] «округлый, шаровидный (предмет)» (км. *moγolĉoγ* [Гол. III, с. 314 id.] < **moγul*, ср. км. *moγulĉar* [Гол. III, с. 316] ~ *tuqular* [SH, § 121], халх. *мухар* «комолый, куций, тупой; безрогий»; ср. бур. *оёорсог* «крынка, квашня» < *оёор* «дно, доньшко, основание»; бур. *хонхосог* «буерак, рытвина, ложбина» < *хонхо* «впалый, углубленный; ямка». В современных языках имена на *-ĉaγ* образуются иногда от глагольных основ: халх. *ээрцэг* «шнур (веревка), держась за который, вертят молитвенный цилиндр; какое-либо колесо» < *ээр-* «крутить, пряхть», бур. *ээрсэг* «прялка, веретено» < *ээрэ-* «пряхть, скручивать».

Н. Поппе со ссылкой на Г.И. Рамстедта членит суф. *-ĉAγ* на имяобразующий *-γ/-g* и глагольный суффикс *-ĉa-* [Porre, 1927, с. 93]. Этот суффикс принадлежит к числу непродуктивных. В современных языках, кроме халх. и бур., не отмечен.

Суффикс *-ĉAr* (км. *-ĉAr*)

Этот суффикс содержится преимущественно в древних собственных мужских именах или в обозначениях характерной черты какого-либо лица: *Bodonĉar* [SH, § 24] «Бодонцар» < **bodon* ~ *bodonγ* «дикий кабан,

вепрь»; *Qaračar* [SH, § 120] «Харацар» < *qara* «черный»; *Naqačar* [H, с. 77] «Нагацар» < **naqa*; ср. *naqači* «родные по матери»; *Torqočar* [H, с. 102] «Торгоцар» < **torqan* «шелк»; *qo'olančar* [SH, § 124] «обжора» < **qo'olan*. Ср. *qo'olai* «горло, глотка, гортань».

Суффикс *-či ~ -čin* (км. *-či ~ -čin*)

Это самый древний, наиболее продуктивный и весьма распространенный во всех монгольских и других алтайских языках суффикс. Основные значения производных с ним имен — название деятелей по роду тех занятий, черт характера, морально-психического облика, которые присутствуют в маркирующих основах.

Монгольский *-či/-čin* тождествен общетюркскому суффиксу, образующему *Nomen agentis* на *-či/-čin*, круг значений которых также широк [Räsänen, 1957, с. 94; Кононов, 1960, с. 106; 1980, с. 84–86].

О первоначальном значении и происхождении этого суффикса имеются разные точки зрения. Г.И. Рамstedт полагал, что он существовал «во все времена для образования слов, обозначающих лиц, несущих какую-либо обязанность или осуществляющих какое-либо действие», и «что первоначально это окончание служило только для образований, обозначающих человеческую персону», и лишь впоследствии расширило область своего применения. Отметив, что этот суффикс встречался в форме *-č'in (-č'en)* уже в придворном языке династии Вэй (около 400 г. н.э.) и что относительно происхождения его «нельзя еще сказать ничего определенного», ученый тем не менее высказал предположение, что, может быть, есть основание возвести его к кит.-кор. *čja* «мужчина, человек, персона» [Рамstedт, 1957, с. 208–209]. С семантической точки зрения это предположение не вызывает сомнения, но этого недостаточно для окончательного утверждения о его полном соответствии. Поэтому вполне правомерно, что это предположение некоторыми учеными ставится под сомнение. Н.А. Баскаков, например, предлагает происхождение этого аффикса рассматривать в связи с происхождением аффиксов *-čyl/-čil*, *-caŋ // -ceŋ* и др. [Рамstedт, 1957, с. 243, примеч. 189]. А.Н. Кононов считал наиболее вероятным сопоставление его с афф. будущего времени *-čī*, *-či ~ -ča*, *-čā < -čaq(γ)*, *-čāk(g) < *-čaq*, **-čān < *-čaq*, **-čāŋ*, **-čīŋ*, **-čiŋ* с их шипящими и свистящими вариантами *-san ~ -šan* и т.п. [Кононов, 1980, с. 86].

Однако, учитывая тот факт, что этот древнейший во всех монгольских и тюркских языках суффикс с давних пор участвовал в образовании имен, обозначающих такую хозяйственную деятельность человека, как скотоводство, охота и ведение домашнего хозяйства, напри-

мер: *aduуiсi(n)* «пастух лошадей» < *aduу* «табун», *malсi(n)* «скотовод, пастух» < *mal* «скот», *bulaуaсin* «охотник на соболей» < *bulaу-a* «соболя», *тоуоуасi* «повар» < *тоуоу-a* «котел» и т.д., можно полагать, что прав все же был Рамстедт, относивший этот суффикс к древнейшим, образующим имена существительные со значением занятия производственной деятельностью человека, причем в монгольских языках, как полагает Г.Д. Санжеев, «первоначально имена с окончанием *-сin* обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*keremüсin* „керемучины“ от *keremü* „белка“, *bulaуaсin* „булагачины“ от *bulaу-a* „соболя“ и т.д.)» [Санжеев, 1953, с. 133]. И лишь со временем функции данного суффикса расширились, и имена с ним стали обозначать облик, черты, характер людей и даже отдельные предметы, как, например, в бурятском языке *буланша* «треугольный стол» или «треугольная полка в юрте» < *булан(з)* «угол», *хуриша* «стрела» < *хур* «ремень, ремешок».

Относительно первоначального значения данного суффикса существует и иное мнение, согласно которому значение профессии у этого суффикса не было первоначальным. Предполагается, что *-чы*, *-чи* был суффиксом прилагательных, обозначающих привычки, склонность к чему-либо, и только позже был перенесен в сферу существительных, где был переосмыслен и стал использоваться для названия различного рода профессий [Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 102].

Существует и противоположное мнение, предполагающее возникновение прилагательных из существительных, «т.е. было время, когда свойство мыслилось только конкретно, только как вещь». Поскольку в прошлом имена существительные и прилагательные семантически и синтаксически были более близкими категориями, многие суффиксы присутствовали как в существительных, так и в прилагательных [Потебня, 1958, с. 92; 1968, с. 69]. Так что вполне возможно, что в далеком прошлом имена на *-сi/-сin* обозначали как действующее лицо, так и его качество, привычки, склонность к чему-либо. Такие значения сохраняются иногда и в современных языках.

В монгольских языках с древнейших времен известны варианты *-сi* и *-сin*. Как показывают материалы, в одних языках употребляются *-сi* и *-сin* (пм, халх.), *-ша/-шан* (бур.), в других только *-ч* (калм.), *-чи* (мнгр.), *-ча/-че* (бн.), только *-чин* (дунс.), *-ч/-чи(н)* (даг). Но существует ли разница в употреблении *-сi* и *-сin*?

Если в современных языках различие при использовании *-сi* и *-сin* в значительной мере утрачено, т.е. тот и другой суффиксы образуют

имена со значением ед. числа: ср. *ажилчин* [МРС, с. 26] «рабочий», *үйлдвэрчин* [МРС, с. 479] «производственный; трудящийся» и *үзэмч* [МРС, с. 478] «виноградарь»; *гахайч* [МРС, с. 116] «свинарь, свинопас», то в древнем языке это различие еще сохранялось, например: *tülegeči* [TD, с. 48, F 39r] «сборщик топлива» < *tülege* «топливо», *qudalči* [UM, с. 47] «лжец» < *qudal* «ложь»; но: *qudaldučin* [TD, с. 43, F 32v] «купцы» < *qudaldu(n)* [МА, с. 38] «торговля», *darasučin* [TD, с. 43, F 32v] «любители вина» < *darasun* «фруктовое вино».

Однако и в древности значение *-n* в суффиксе *-čin* как исконого показателя собирательной множественности в наименовании целых коллективов или социальных групп уже было ослаблено и «не было столь очевидным» [Сойијонгјаб, 1990, с. 14–33; Орловская, 2000, с. 32–34].

Ослабление этого значения особенно заметно в случаях чередования *-čin* с формой мн. ч. *-čid/-čit*, т.е. *-n* в *-čin* уже в XIII–XIV вв. утрачивал не только свое значение собирательной множественности, но и просто как показатель мн. числа: имена на *-čin* уже обозначали как множество, так и единичность лиц. Ср.: *šibekčin* [МА, с. 332] «рабыня» и *šibegegčid* [HC, 14b] «рабыни; служанки»; *qoniči* [SH, § 152; TD, с. 48, F 39r] «чабан»; *qoničin* [SH, § 234], но и *qoni(n)čit* [SH, § 118] «чабаны»; *quriqači* «пастух ягнят»; *quriqačin*, но и *quriqačit* [SH, § 118] «пастухи ягнят».

Издравле основным значением имен на *-či/-čin* было название лиц по роду их занятий: *adu'uči* [H, с. 34; SH, § 169] «конюх, табунщик» < *adu'u* «табун, стадо коней»; *qaǰarči* [МА, с. 63] «проводник» < *qaǰar* «земля; местность», *noqačin* [МА, с. 63, 292] «псарь» < *noqai* «пес, собака»; *ükerči* [TD, с. 48, F 39r] ~ *hügeči* [H, с. 62] «пастух крупного рогатого скота» < *hüker* ~ *üker* «крупный рогатый скот»; *otačin* [TD, с. 38, F 26v] «лекарь» < **ota*; *kötöčin* [SH, § 198] «слуга, денщик» < **kötö*. Ср. *köteči* ~ *kötečin* [АТФ, № 2315; № 5055] id.; *bawurči* ~ *bawurčin* [SH, § 130, 124] «повар, распорядитель еды» < **bawur*. Ср. *baǰurči* ~ *baǰurčin* [АТФ, № 1137; с. 24 (1057)] id.

В современных монгольских языках функции суффикса *-či/-čin* значительно расширились. Это не только исторически продуктивный суффикс, но и весьма активный ныне, создающий имена с широким кругом значений:

1) названия лиц, обладающих качествами, склонностью, пристрастием к тому, что обозначено в производящей основе: халх. *буянч* «благодетель» < км. *бууан* «благодетельность, благодеяние»; халх. *шооч*, бур. *шоошон*, калм. *шогч* «шутник, насмешник», ср. халх. *шоо*

«насмешка, зубоскальство, издевка»; халх. *хэрүүлч*, бур. *хэрүүлшэ*, калм. *керүүлч* «задира, скандалист» < км. *keregül* «ссора, раздоры»;

2) названия лиц, занимающихся тем или иным видом спорта: халх. *цанач*, бур. *санашан* «лыжник» < км. *сан-а* «лыжи»; халх. *шатарч*, бур. *шатарша(н)*, калм. *шатрч* «шахматист» < км. *sitar* «шахматы»; халх. *шүхэрч* «парашютист» < *шүхэр* «парашют»;

3) в современном монгольском языке большое количество имен на -ч образовано от русских и интернациональных основ, относящихся к области науки и техники: *академич* «академик», *анатомч* «анатом», *моторч* «моторист», *физиологч* «физиолог» и мн. др.

Посредством этого суффикса создано немало неологизмов: халх. *уурхайч* «шахтер, рудокоп» < *уурхай* «шахта; рудник, копи»; бур. *станочшо(н)* «станочник» < *станок*, калм. *толһач* «руководитель» < *толһа* «голова» и мн. др. [Орловская, 1987, с. 157–169].

Суффикс -*ĉu* (км. -*ĉU*)

Суффикс -*ĉu* не относится к числу продуктивных как в древних монгольских текстах, так и в современных языках. Известен он с древнейших времен, так как уже отмечен в караимской Библии, в которой использовано слово *qatĉu* «вызывающий мертвых, шаман» < *qat+ĉu*. Встречается этот суффикс как в тюркских, так и в монгольском и маньчжурском языках [Владимирцов, 2005, с. 854].

В наших текстах этот суффикс зафиксирован в собственных именах, со значением действующего лица и в некоторых других значениях: *Kököĉü* [SH, § 119] муж. собств. имя < *köke* «синий, небесно-голубой; смуглый, темный». Ср. в км. *Boroĉu* [АТФ, с. 3 (101)] муж. собств. имя < *boro* «серый, простой, неприхотливый»; *noyanĉu* [Владимирцов, 1927, с. 227] «госпожа, дама, барышня» < *noyan* «господин, князь»; *naĉu* [МА, с. 405] «дядя по матери» < **naqa* ~ **naqan*. Ср. орд. *naga* или *nagan* в: *nagan abu* «отец матери» и *nagan awä* «дядя (брат матери)» [God., с. 25]; *orulaĉu* [Владимирцов, 2005, с. 855] «представление, изображение; мертвец, привидение» < *oru-* + *la* + *ĉu*; *yoĉu* «петелька на шапке». Ср. в халх. *гогчоо* [МРС, 119] «петля; моток; связка» < *yoĉ?*; *yirtinĉü* [TD, с. 23, F 4v] «мир, вселенная; мирские люди» < уйг. *yértinĉü* id. < тиб. *hĉig-riĉen* «сансара, круговорот бытия, мир» + суф. -*ĉu*.

Встречается этот суффикс в названиях некоторых растений и красок: *siraĉu* [Владимирцов, 2005, с. 855] «дубильная кора для выделки кож; желтая заболонь у гнилого дуба (употребляемая для окраски кож)» < *sira* «желтый». Ср. в халх. *шац* [Цэв., с. 840] «вьющееся растение, похожее на виноград; желтое вещество внутри коры сгнившего

дуба (употреблявшееся для окраски кожи в желтый цвет)»; халх. *хөхөц* (< *kökeçü*) [Цэв., с. 719] «разновидность синей (голубой) краски» < *köke* «синий, голубой».

Суффикс *-dAi* (иногда *-tAi*)

Суффикс *-dai* также не принадлежит к особо продуктивным. Он присутствует преимущественно в названиях этнических и родовых наименований, собственных имен, производных от этих наименований и в некоторых других образованиях, например: *Borjigidai-mergen* [SH, § 3] «Боржигидай мэргэн» (мэргэн из рода Боржигийн); *Qongqotadai čaraqa-ebügen* [SH, § 68] «Старец Чарха из рода Хонхотанов»; *sartaqtai gü'ün* [SH, § 263] «Мусульманин (сартулец)»; ср. *sartaqč'in* [H, с. 93] «сартулы, мусульмане»; *Doqoladai* [SH, § 46] муж. собств. имя < *doqolang* [H, с. 50]; *doqulan* [MA, с. 143] «хромой»; *Ba'aridai* [SH, § 41] муж. собств. имя; ср. *ba'arin oboqtan* [SH, § 41] «багаринцы»; *uriyangqadai* [SH, § 14] «урянхаец»; *amidai* [MA, с. 65, 166] «тезка, однофамилец» < *ami(n)* «жизнь, существование; сущность»; *Da'aridai* [SH, § 142] муж. собств. имя.

Известен этот суффикс и в современных монгольских языках, например:

1) при обозначении некоторых лиц и предметов, иногда с уменьшительно-ласкательным значением: халх. *дүүдий*, бур., *дүүдэй* «братец; сестрица» < *degü* > *дүү* «младшие (братья, сестры)»;

2) в фольклорных текстах при обозначении собственных имен: бур. *Хоридой* — имя легендарного предка бурят;

3) в названиях некоторых животных и птиц: халх. *янгуудай* «детеныш дикой козули» < **янгуу*; ср. *янгир ямаа* «горный козел»; бур. хорин *улаандай* «козуля — матка одного года» < *улаан* «красный».

Суффикс *-dAr* (км. *-dAr*)

Это редкий древний суффикс, он образует мужские собственные имена от нарицательных основ, в которых при этом утрачиваются конечные *-n* или — реже *-r*. По значению близок с суф. *-dai*: *Bulaqadar* [SH, § 278] «*Bulaqdar*» < *buluqan* [SH, § 9; H, с. 43], *bulyan* [MA, с. 125] «соболь»; *Qali'udar* [SH, § 183] «*Quli'udar*» < *qali'un* [H, с. 87] «выдра»; *Temüder* [SH, § 278] «*Temüder*» < *temür* «железо»; *Yesüder* [H, с. 111] ~ *Yisüder-qorči* [SH, § 274] «*Yesüder*» ~ «*Yisüder qorči*» < *yesün* ~ *yisün* «девять».

Этот суффикс зафиксирован также в парном сочетании *bey-e bilder* [НС, 2а] «телосложение; личность, особа» < *bey-e* «тело» + *bildar*

(*bil+dar*) < *bil* ~ < *bel* «поясница; талия» [Ковалевский, т. II, с. 113б–114а]. В современном монгольском (халх.) *бятдар* «физическое развитие, рост»; *бие бялдар* «телосложение»¹³.

Суффикс *-qAi* ~ *-'Ai* (км. *-γAi*)

Этот малопродуктивный суффикс присутствует в именах существительных со значением почтительного, вежливого обращения преимущественно к лицам старшего возраста, а также в некоторых мужских именах: *gergei* [SH, § 1; UM, с. 367; H, с. 56] «супруга, жена» < *ger* «юрта, дом, жилище; семья». Ср. км. *abayai* [Цэв., с. 15] «вежливое обращение к людям старшего возраста»; *abayai* [Цэв., с. 15] «супруга; женщина в возрасте; монахиня», перен. «старуха»; *Yisügei* ~ *Yesügei* [SH, § 56] мужское имя, < *yisün* ~ *yesün* «девять».

В современном языке встречается в названиях предметов быта и в некоторых других значениях: халх. *амгай* «удила» < *am* «рот, уста»; *андгай* «клятва» < *and* «побратим; друг, приятель». Есть производные от глагольных основ: халх. *наадгай* «кукла; игрушка» < *наад-* «играть, развлекаться».

Суффикс общеалтайского происхождения, известен в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках [Владимирцов, 1911, с. 184; Рамstedт, 1957, с. 184–185].

Суффикс *-qAn* ~ *-'An*; *~γAn* (км. *-γAn*)

Этот суффикс встречается в наименовании людей и некоторых животных, причем значение ряда производящих основ уже утрачено: *ber(i)gen* [SH, § 47] ~ *bergen* [H, с. 40] ~ *berigen* [MA, с. 118] «невестка, жена старшего брата» < *beri* «невестка, сноха»; *emegen* [MA, с. 437; H, с. 54; SH, § 98] «пожилая женщина; старуха» < *eme* «женщина; жена»; *idugan* ~ *uduγan* [H, с. 62] «шаманка» < **idu* ~ **udu*; *qurayan* [MA, с. 310] ~ *qurigan* [SH, § 87] «барашек», «ягненок». Ср. км. *qurayan* id. < **quri*; ср. др.-тюрк. *quzi* ~ *qözi* «ягненок»; *teme'en* [H, с. 100; SH, § 244] ~ *tem[ē]n* [MA, с. 345] «верблюду» (км. *temege* id.) < **teme*; ср. др.-тюрк. *tebe* ~ *tewe*; *botoγan* [SH, § 78] ~ *botoγan* [MA, с. 122] «верблюжонок» (км. *botayan* ~ *botoγo(n)* id.) < **bota* ~ *boto*; ср. др.-тюрк. *botu* id.; *tarbaγan* [SH, § 89] «тарбаган, степной сурок» (км. *tarbayan* id.) < **tarba*; *üniyen* ~ *üni'en* [H, с. 109] ~ *üneyēn* [MA, с. 381] «корова» (км. *üniyen* id.) < **üni*.

¹³ По поводу разночтений *belder* ~ *bilder* см. [Лувсанбалдан, 1961, 2а; примеч. 12]; *bildar* — [Голстунский, т. II, с. 281]; *baldar* — [Ligeti, 1972, p. 74, 2а; Cleaves, 1982, p. 83–84, примеч. 44, где автор правильным считает вариант *belder*].

Происхождение данного суффикса объяснить затруднительно, поскольку (как уже указано выше) значение производящих основ, особенно в названиях животных, в большинстве случаев в языке не известно.

Рамстедт, используя данные по тунгусским диалектам, сопоставив суффиксы *-gan*, *-kan*, образующие в этих языках наименования обитателей известных местностей, с монг. *-γan/-gen* в словах типа *gergen* «жена, женщина» < *ger* «дом, юрта», *emegen* «старая женщина, хозяйка» < *eme* «женщина, жена», *sataγan* «старая женщина», *baṣaγan* «девушка» и др., предложил считать этот суффикс «исконным словом со значением «человек» или «лицо, персона» [Рамстедт, 1957, с. 213, 214]. Однако эту этимологию нельзя считать доказанной, так как если в тунгусо-маньчжурских языках соответствующие суффиксы образуют основы, так или иначе связанные с «лицами»—обитателями определенных мест, то в монгольских языках, как справедливо отмечается и в примечаниях к русскому переводу труда Рамстедта (с. 243), имеется немало имен существительных, обозначающих названия различных животных (см. примеры).

Существует также мнение, что *-gan* в примерах типа бур. *уна-ган* «жеребенок», *хури-ган* «ягненок» является, по-видимому, уменьшительным суффиксом (общеалт. *-kān*), образующим, как это часто бывает, основы с общим значением «малыш(и), детеныш(и) людей или животных» [Суник, 1982, с. 62]. Но в таком случае трудно объяснить присутствие этого суффикса в таких словах, как *temegen* «верблюд», *ūnegen* «корова», *sataγan* «женщина преклонного возраста», диал. «жена»; *uduγan* «шаманка» и др. Поэтому предложенные этимологии представляются сомнительными.

Суффикс *-qAnA* ~ *-ginA* (км. *-γAnA*)

Данный ныне непродуктивный суффикс широко представлен в названиях многих растений, кустарников, ягод, иногда животных. Как и в случае с суффиксом *-qan*, значение производящих основ или корней далеко не всегда прослеживается, и судить о происхождении этого суффикса также сложно.

Рамстедт полагал, что *-qana* (*-γana*) состоит из общеалтайского **-γa* (монг. *-ga*), к которому на очень раннем этапе присоединился *-na* — также древний суффикс, зафиксированный во многих именах существительных. Составной же суффикс *-gana* (= *-qana*) очень активно участвовал в монгольском языке в образовании наименований растений и животных [Рамстедт, 1957, с. 189, 195].

Названия растений и животных с этим суффиксом известны с древнейших времен, например: *quluqana* [SH, § 111, Н, с. 91] ~ *quluqana* [МА, с. 309] «мышь» (км. *quluqan-a* id.) < *qula* «буланный, саврасый», *qaraqana* [SH, § 122] бот. «харагана» (км. *qaraqana* id.) < *qara* «черный»; *kücügene* [SH, § 111] «мышь-полевка» < **kücü*; *qayuruqana* [SH, § 160] «вид птицы (хохлатый жаворонок)» (км. *qayuruqana* «чибис») < **qayuru* ~ *qayura*. Ср. халх. *хайргацай* < *qayuruqai* [Цэв., с. 645] «степной жаворонок»; *čičigina* [SH, § 74] «облепиха» (км. *čičaryana* ~ *čäčiryana* id.) < **čiča* ~ **čäca*.

Этот суффикс встречается и в современных монгольских языках в наименованиях некоторых живых существ, но особенно в названиях различных кустарников: халх. *улаагана* «красная смородина», *агдаргана* бот. «лилия даурская», *агширгана* бот. «чемерица», *балчиргана* бот. «борщевик»; халх. *хялган*, бур. *хилгана* бот. «мятлик, ковыль сибирский»; халх., бур. *алгана* «окунь», халх., бур. *хулгана*, калм. *хулһи* «мышь».

Суффикс *-qčin* (км. *-γčin*)

Данный суффикс членится на два составляющих: *-q-/*-γ- и *-čin*. Последний идентичен известному и широко распространенному в алтайских языках суффиксу *-či* / *-čin*. Что касается *-q-/*-γ-, то предполагается его присутствие в таких суффиксах, как *-γtai* [Porre, 1927, с. 114–115].

Прототипом *-qčin* мог быть и *-qčin*, присутствующий в таких дериватах, как *sartaqčin*, в: *sartaqčin qonin* [SH, § 181] «сартагчинская (= мусульманская) овца»; *sartaqčin qaǰar-a* [Н, II, 24v] «в сартагчинских (мусульманских) землях» < **sart*¹⁴. Ср. *sartaqul irgen* [UM, с. 4] «сартульский (мусульманский) народ», *sarta'ul* [МА, с. 319] ~ *sartaqtai* [SH, § 182] «сартульский», *kibcaqčin* [SH, § 275] «кибчакский» < *kibcaq* (?) «кипчак». Ср. *kibca'ud* [SH, § 274] ~ *kibca'ut* [SH, § 262] «кипчаки». Здесь, как видим, этот суффикс присутствует в именах, указывающих на этническое происхождение.

Но в целом круг имен на *-qčin* ограничен как в древнем, так и в современных языках количеством названий масти и окраса животных женского пола: *qulaqčin* [SH, § 87] «саврасая (о кобылице)»; *qo'aqčin üni'en* [SH, § 121] «рыжая (красная) корова», ср.: *qo'a hūker* [SH, § 121] «рыжий (красный) бык»; *qalǰaqčin* [МА, с. 64] «самка дикой козы»

¹⁴ *Sart* — тюрк. «купец». См. [Cleaves, 1949, с. 101, примеч. 33; Rachewiltz, 2004, т. II, с. 654, 1011].

< *qalĵan* «лысый». Ср.: *qalĵan morin* [МА, с. 289] «конь с плешинной (звездочкой) на лбу». Иногда присутствует в женских именах: *Boroqĉin qo'a* [SH, § 3] < «*Boroqĉin* — красавица» < *boro* «серый, сивый; смуглый (о цвете лица)», *Qo'aqĉin* [SH, § 101] жен. имя: < *qo'a* «красавица».

В редких случаях имена на *-qĉin* могли относиться к неодушевленным предметам. Так, в предложении: *irgen tede qaraqĉi'ut alaĉi'ut tuqtan bui* [SH, § 179] «те люди были с черными и с пестрыми знаменами». Слова *qaraqĉi'ud* и *abaĉi'ud* являются формами множ. числа соответственно от *qaraqĉin* и *alaĉin* и являются определениями к слову *tuqtan* «знамена», но возможно, и «знаменосцы», т.е. те, кто были с черными и пестрыми знаменами. Но в таком случае это, скорее всего, будет относиться к людям мужского, а не женского пола.

Как видим, имена на *-qĉin* ~ *-yĉin* часто выступают в качестве определений, поэтому корректнее было бы причислить этот суффикс к разряду суффиксов прилагательных, но традиционно в грамматиках он рассматривается среди суффиксов существительных.

Суффикс *-qtAi* (км. *-ytAi*)

Этот суффикс ограниченного употребления. В текстах зафиксирован только в слове *qatuqtai* [God., с. 32] «замужняя женщина, дама» < *qatun* «госпожа; княгиня». Несколько примеров можно привести из классического и современных языков: км. *emeġtei*, халх., бур. *эмэгтэй* «женщина» < *eme* «женщина», уст. «жена» (при обозначении пола животных — «самка»); км. *ereġtei*, халх. *эрэгтэй* «мужчина» < *ere* «мужчина; муж» (в обозначении пола животных — «самец»); халх. *эзэгтэй* «госпожа; дама; хозяйка» < *eĵen* «хозяин, господин», *ноёгтой* «госпожа» < *ноуан* «господин; князь». Как считает Н. Поппе, суф. *-qtai* состоит из *-q* (ср. *-q* в *-qĉin*) и *-tai* [Поппе, 1927, с. 115–116].

Суффикс *-ĵin* (км. *-ĵin*)

Этот суффикс отмечен в женских собственных именах. Он не столько указывает на само имя, сколько на принадлежность носителя имени к женскому полу: *Mongqolĵin-qo'a* [SH, § 3] жен. имя (досл. «Монголка — красавица») < *mongyol* «монгол; монгольский»; *Barquĵin-qo'a* [SH, § 2] жен. имя (досл. «Баргузинка-красавица»); *Adangqan Uriyangqajĵin* [SH, § 38] жен. имя (досл. «Адангхан-Урянхайка»).

Характерным примером, указывающим на принадлежность какого-то лица к женскому полу, служит употребление вопросительного местоимения *ya'u* «что?; что такое?» с этим суффиксом: *Eme-yi bariĵu*

ya'uĵin gü'ün ċi ke'en [SH, § 38] «Захватив женщину, [он] спросил: „Ты чья (что за человек?)“».

Кроме того, суффикс *-ĵin* присутствует в названиях крупных домашних животных по возрастному признаку: *qunaĵin* [SH, § 195] «трехлетняя (корова)» (км. *уинĵин*, халх., бур. *гунжан*, калм. *һунжн id.* < **qu-* ~ **yu-* пассивный корень) — ср. *qunan* ~ *уinan* «трехлетний». Ср. км. *döneĵin*, халх. *дөнжөн*, бур. *дүнжэн*, калм. *дөнжн* «четырёхгодовалая (о самках крупных домашних животных)». См. ниже суф. *-nan*.

Суффикс *-ldai* (км. *-ldai*)

Этот редкий суффикс зафиксирован только в тексте SH в двух собственных мужских именах, образованных от имен, обозначающих цвета. Прослеживается близость значения этих имен с мужскими именами на *-dai* (см. выше). Примеры: *Boroldai* [SH, § 129] «Boroldai» < *boro* «серый, сивый»; *Qaraldai* [SH, § 46] «Qaraldai» < *qara* «черный».

Суффикс *-liq* ~ *-luq* (км. *-liγ*)

В качестве имяобразующего этот суффикс в древнемонгольском языке обозначал некоторые предметы быта, например: *qosiliq* [SH, § 245] «палатка, шатер; юрта» < *qosi id.*, а также в наименованиях местности: *qajjarliq* [H, с. 87] «место, родной край» < *γajjar* «земля» и иногда природных явлений и отвлеченных понятий: *qaranquluq* [MA, с. 292] «темнота» < *qaranqu* «темный, темнота». Ср. др.-тюрк. *qaraquluq id.*; *amiduliq* ~ *amiduluq* [MA, с. 100] «жизнь» < *amidu* «живой»; *andaliq* [MA, с. 103] «дружба» < *anda* «друг»; *ĵala'ūliq* [MA, с. 200] «молодость» < *ĵala'ū* «молодой»; *minqaliq* [SH, § 228, в: *minqali'ut* мн. ч.] «тысячник (предводитель тысяч солдат)» < *minqan* «тысяча».

Монгольский суф. *-liq* ~ *-lig* Н. Поппе сопоставлял с тюркским *-liq* ~ *-lik* (> монг. *-lig*) [Poppe, 1927, с. 123–124]. Подробнее об этом суффиксе см. в разделе «Словообразовательные суффиксы имен прилагательных».

Суффикс *-lĵin* (км. *-lĵin*)

В древнемонгольском этот суффикс зафиксирован только в слове *dörbelĵin* [MA, с. 69; H, с. 50] «квадрат, четырехугольник; квадратный» (км. *dörbelĵin id.*) < *dörben* «четверо».

Более известен он в классическом и живых монгольских языках как образующий существительные, обозначающие научные термины, особенно математические от основ некоторых числительных: *γurbalĵin*

[Гол. II, с. 232], халх. *гурвалжин*, бур. *гурбалжан*, калм. *һурвлжн* «треугольник; треугольный» < *γurban* «три»; халх. *ололжин*, бур. *ололжон* «многоугольник» < *olan* «много»; км. *tabuljin* [Цэв., с. 310], халх. *тавалжин*, бур. *табалжан* «пятиугольник» < *tabu(n)* «пять»; бур. *наймалжан* «восьмиугольник» < *naima(n)* «восемь».

Кроме того, суффикс *-ljin* присутствует в названиях некоторых насекомых, растений, птиц, реке — предметов обихода; км. *siryuljin* [Гол. II, с. 517], халх. *шоргоолжин*, бур. *шоргоолзон*, калм. *шорһлжн* «муравей» < *siryu-* «ползать, проникать, пролезать»; км. *naimalji* [Гол. II, с. 3], халх. *наймалж* «краб» < *naima(n)* «восемь» (возможно, по количеству ножек); км. *siralji* [Гол. II, с. 416] «полынь», халх. *шарилж*, бур. *шаралза*, калм. *шарлжн* «бурьян» < *sira* «желтый»; халх. *тонолжу(н)* «крестовина (верхнего отверстия юрты)» < *тооно* «верхнее отверстие юрты».

В современном монгольском языке суффикс *-ljin* не является продуктивным [Болд, 1986, с. 91], а в бурятском посредством данного суффикса образованы некоторые названия населенных пунктов, а также по уже существующей модели создаются новые геометрические термины [Дондуков, 1964, с. 23].

Суффикс *-lUn* (км. *-lUn*)

В тексте SH этот суффикс зафиксирован в личных женских именах: *Nomolun-eke* (§ 46) досл. «матушка-Nomolun» < *nomo* «крот»?); *Temülün* (§ 60) «Temülün» — имя младшей сестры *Temüjin'a* (Чингис-хана). Производящей основой этих двух имен служит **temü* < *temür* «железо».

Суффикс *-mAt* (км. *-mAd*)

Посредством этого суффикса образуются имена со значением степени родства по возрасту: *egeċimet* [SH, § 186] «старшая (из дочерей)» < *egeċi* «старшая сестра» (км. *egeċimed* «самая старшая из дочерей»); *döyimet* [SH, § 186] «младшая из дочерей» < *döyi* [SH, § 165] «младшая сестра»; *yekemet* [UM, с. 235, 395] «самый старший из сыновей» < *yeke* «большой». Ср. в халх. *эгчмэд* «старшая, пожилая (о женщине)» < *эгч* «старшая сестра»; *ахмад* «старшинство»; воен., спорт. «капитан (звание)» < *ага* «старший».

Суффикс *-nAn* (км. *-nAn*)

Имена с этим суффиксом обозначают возраст самцов животных: *yunap üker* [МА, с. 179] «трехлетний бык» < **gu-* > *yu-*, ср. *qurban* «три», *quċin* «тридцать»; *dönen üker* [МА, с. 143] «четырёхгодовалый бык» <

**dö-*. Ср. *dörben* «четыре», *döc'in* «сорок». В тексте SH слово *qunan* употреблено по отношению к лицу мужского пола: *Temüge-otčigin qunan büle'e* (§ 60) «Тэмугэ-отчигин был трехлет(ним)».

Суффикс *-nĉAr* (км. *-nĉAr*)

Этот суффикс зафиксирован в SH в словоформе *qo'olanĉar* (§ 124) «жадный, алчный к еде; обжора». Ср. (км. *qo'olanĉar* id.) < *qo'ola* «еда, пища». Более известен он в классическом и современных монгольских языках, где формирует имена существительные, обозначающие степень родства: *ĵigenĉer* [Гол. II, с. 328], халх. *зээнцэр*, бур. *зээнсэр*, калм. *зеенчр* «правнук, правнучка по дочери» < *ĵige* «внук, внучка»; км. *үичинĉар* [Гол. II, с. 228], халх. *гучинцар*, бур. *гушансар*, калм. *һучнир* «сын праправнука» < *үичи* «праправнук»; км. *бүлүнĉер* [Гол. II, с. 328], халх. *бүлэнцэр*, бур. *бүлэнсэр*, калм. *болнир* «дети двоюродных братьев или сестер» < *бүлү* ~ *бүли* «двоюродные братья, дети сестер».

В современном монгольском языке посредством суффикса *-nĉar* образуются имена существительные с уменьшительным значением, а также имена, характеризующиеся признаком, значение которого выражено в производящей основе: *хүүхэнцэр* [МРС, с. 580] «девчонка, девушка; женщина с манерами, свойственными девочке» < *хүүхэн* «девушка; женщина»; *уутанцар* [МРС, с. 468] «мешочек» < *уут* «мешок, куль».

Об активности этого суффикса в современном монгольском языке свидетельствует образование с ним неологизмов: *зууванцар* «эллипсоид» < *зууван* «овальный»; *цахиранцар* «кремнезем» < *цахир* «кремний», *хээнцэр* «франт, модник» < *хээ* «узор», *үенцэр* «прослойка (горное дело)» < *үе* «слой, пласт», *мананцар* «туманность» < *манан* «туман»; *вагонцар* «вагонетка» < *вагон* «вагон», *элсэнцэр* «супесь, супесок» < *элс(эн)* «песок» [Орловская, 1961, с. 42].

Суффикс *-sAq* (км. *-sAγ*)

Этот суффикс зафиксирован в ограниченном количестве производных имен, значение которых определяется производящей основой: *ĵebsek* (= *ĵebseg*) [SH, § 240] «оружие» (км. *ĵebseg* [Гол. III, с. 471] «орудие, оружие; воен. доспехи») < *ĵebe* «копье, наконечник; острое орудие для стрельбы из лука»; *sarimsaq* [МА, с. 407] ~ *sarimsaq* [Н, с. 93] «чеснок» (км. *sarimsay* [Гол. II, с. 387], халх. *саримсаг* id.). Ср.: др.-тюрк. *sarumsaq* id. < **sarum*.

Суффикс *-sAr* (км. *-sAr*)

Суффикс *-sar* также присутствует в незначительном количестве имен, значение которых определяется производящей основой: *amsar* [SH, § 80; МА, с. 100; Н, с. 35] «отверстие; горловина сосуда» (км. *amsar id.*) < *ama(n)* «рот, уста»; *ǰabsar* [Н, с. 64, в: *sabsar sōnī*] «отрезок, промежуток» (км. *ǰabsar* [Гол. III, с. 443] *id.*) < *ǰab* «досуг, свободное время»; *huyāsar ~ uyāsar* [МА, с. 188, 227] «повязка, бандаж, пояс; путы» < *uyā*. Ср. халх. *уяа(н)* «завязка, веревка; тесьма».

Суффикс *-sUn* (км. *-sUn*)

Этот ныне архаичный суффикс в древних текстах присутствует в широком кругу имен существительных самых разных, трудно группируемых значений. Это названия предметов быта и одежды, животных и насекомых, иногда растений и др. При этом значение большинства производящих основ уже утрачено. Например: *dayisun* [SH, § 136] «враг, противник, неприятель» (км. *dayisun id.*) < *dayin* «сражение; война»; *qubčasun* [SH, § 145; Н, с. 91] «одежда» (км. *qubcasu(n) id.*) < *qubčan* [SH, § 136] *id.*: *qudusu(n)* [SH, § 145; Н, с. 91] ~ *γutusun* [МА, с. 180] «обувь, сапоги, гутулы» (км. *γutusun ~ γutul* [Гол. II, с. 224] *id.*) < **γutu* < *qutul*. Ср. *qutulci* [Н, с. 91] «сапожник»; *adu'usun* [SH, § 272]; *adu'usun* [МА, с. 96] ~ *adusun* [SH, § 23; МА, с. 96; Н, с. 34] «животное, домашний скот» (км. *adyusu(n) id.*) < *adu'u(n)* «табун, стадо»; *gōrō'esün* [SH, § 9] «антилопа», *gōrēsün* [МА, с. 172] «дикая коза» (км. *gōrōgesü(n) id.*) < *gōrō'e ~ gōrōge* «охота»; *ungqasun* [SH, § 101] «овечья шерсть» (км. *ungqasun id.*) < **ungqa*; *kimusun* [SH, § 199, в: *kimusu'-ar-ıyan*; Н, с. 72] «ноготь; коготь» (км. *kimusun id.*) < **kimu*. Ср. *kimul* [SH § 53, 276] «ноготь»; *elesün* [Н, с. 53] «песок; дюна» < **elen*, ср. *elet* [SH, § 169] мн. ч. «пески (?)»; *narasun* [Н, с. 77] «сосна» (км. *narasu(n) id.*) < **nara(n)*, ср. *narat* [SH, § 245] мн. ч.; *ǰiqasu(n)* [SH, § 75; Н, с. 67] ~ *ǰıyasun* [МА, с. 205] «рыба» < **ǰıqa(n)*, ср. *ǰıqačın* [SH, § 109] ~ *ǰıqači* [Н, с. 67] «рыбак»; *günesün* [SH, § 199] ~ *künesün* [UM, с. 372] «пища, еда» < **güne ~ *küne(?)*; *soqosun* [SH, § 76] «название речной рыбки» < **soqo(?)*; *anǰasun* [UM, с. 288; МА, с. 103] «плуг; соха» < **anǰa(?)*; *a'urasun* [SH, § 238] «утварь, имущество» < **a'ura(?)* (ср. км. *aγurasun*, халх. *уурс id.*); *balaqasun* [SH, § 253] ~ *balyasun* [TD, с. 31, F 15r] «город» ~ *balyasun* [МА, с. 110] «глинобитная стена» < **balqa ~ *balya*. Ср. *balaqat* [SH, § 257] мн. ч.

В древних текстах зафиксирован ряд имен с суффиксом *-sun*, который присоединялся к основам на *-'ul/ -γul*. При этом в классическом языке

подобные имена употреблялись с уже апокопированным *-sun*; ср. *manaqulsun* [UM, с. 277] «стража» и км. *manayul* id.; ср. *manayulci* «стражник»; *manayul* — отглагольное имя < *mana-* «сторожить, охранять, караулить»; *qara'ulsun* [SH, § 170] «стражник; разведчик» < *qara'ul* [SH, § 142; MA, с. 193] «стража, дозор». Ср. халх. *харуул* «дозор, караул, стража»; *caqdu'ulsun* [SH, § 170] «надзиратель, тайная стража» < *caqdu'ul* ~ *caγda'ul* [MA, с. 403] «карьергард»; *kebte'ülsün* [SH, § 224, в: *kebte'ülsütii*] «ночная стража; солдаты» < *kebte'ül* «ночная стража»; *nengji'ülsün* [SH, § 86] «досмотр, обыск» < *nengji'ül* [SH, § 87] id.

Двойные формы на *-qulsun* (*-'ulsun*) и на *-yul* с одинаковым значением свидетельствуют, что процесс усечения *-sun* начался в древности.

В современных монгольских языках суффикс *-sun* сохранился в застывших морфологически нечленимых формах имен существительных: халх. *загас(ан)*, бур. *загахан*, калм. *захсн*, дунс. *джахасун*, мнгр. *джахасе*, бн. *джиггасоң* «рыба»; халх. *час(ан)*, бур. *cahan*, калм. *часн*, дунс. *часун*, мнгр. *часе*, бн. *часоң* «снег», халх. *чус(ан)*, бур. *чухан*, дунс. *чусун*, мнгр. *чисе*, бн. *чисоң* «кровь», бур. *годоhon* «обувь», *аляхан* «муха» и др.

Суффикс *-tan* (км. *-tan*)

Производные имена с этим суффиксом имеют собирательное значение. Это наименование социальных групп людей, принадлежность к роду, племени, а также названия видов животных.

Признавая за этим суффиксом общее значение собирательности-множественности, ученые, однако, расходятся во мнении относительно его происхождения. Одни считают *-tan* формой множ. числа на *-n* от имен на *-tai* или *-tu* [Poppe, 1927, с. 114; 1937, с. 112], другие считают *-tan* исторически цельным и неразложимым, производными разновидностями которого и являются *-tai* и *-tu* [Санжеев, 1953, с. 134; Бертагаев, 1964, с. 106].

Скорее всего, *-tan* действительно первоначально существовал как единый и неделимый суффикс, обозначающий исконно племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладающих каким-то общим признаком¹⁵.

Имена на *-tan* обозначали: принадлежность к роду, племени, клану: *отоqтан* [SH, § 139; Н, с. 81] «племя; род» < *отоq* ист. «род». Ср.: км. *обоу*

¹⁵ В нивхском языке, например, имеется суффикс *-тан* ~ *-ран* ~ *-дан* с собирательным значением, полностью совпадающий с монгольским *-tan* и восходящий к слову *тан* «„домочадцы“, совокупность членов того или иного объединения людей» [Панфилов, 1973, с. 3–12].

[Гол., с. 250] «род, фамилия», халх. *овог ист.* «род, фамилия»; названия лиц, обладающих каким-либо признаком, причастных к чему-либо: *aldaltan* [SH, § 203] «несущие ответственность, повинность за что-либо» < *aldal* «вина, упущение»; *moritan* [MA, с. 239; H, с. 76] «кавалерия, конные» < *mori(n)* «конь, лошадь», *amitan* [TD, с. 54, F 48v; H, с. 35; SH, § 254] «живые существа» (км. *amitan* [Гол. I, с. 60] id.) < *ami* «жизнь; дух; деяние»; *idešiten* [H, с. 62] «те, которые имеют пищу» < *ideši* «еда, пища; корм»; *ijelten* [TD, с. 31, F 17r] «придерживающиеся каких-либо взглядов, мировоззрений» < *ijel* «взгляд, воззрение»; *ijaqurtan* (= *ijaqurtan*) [UM, с. 365] «лица знатного происхождения, аристократия» < *ijaqur* [Гол. I, с. 192] «корень, род; основание»; *qadaqatan* [UM, с. 228] «живущие за пределами чего-либо; провинциалы» < *qadaqa* > *γadaγa* «вне, снаружи, на улице»; *qariyatan* [SH, § 245] «подданные» < *qariya* «подчиненный, подвластный, находящийся в чьем-либо ведении»; *sedkilten* [UM, с. 49] «чистосердечные (люди)» < *sedkil* «мысль, дума».

Суффикс *-tan* продуктивен и в современных языках, где производные существительные обозначают лиц, занимающихся определенной деятельностью или обладающих какими-либо свойствами: халх. *ажилтан* «работник(и)» < *ажил* «работа» халх., бур. *эрдэмтэн* «ученый; ученые; специалисты» < *эрдэм* «наука»; халх., бур. *туруутан*, калм. *турутн* «копытные» < *туруу* «копыто».

В современном халха-монгольском языке суффикс *-тан* особенно активен в сфере создания общественно-политической терминологии: *арьстан* «раса» < *арьс(ан)* «кожа»; *үндэстэн* «нация; национальность» < *үндэс(эн)* «основа, основание; происхождение»; *эрхтэн* «господа; власть имущие» < *эрх* «право; власть».

Кроме того, этот суффикс широко используется при образовании терминов-композигов, первую часть которых составляют имена существительные, прилагательные или числительные, а вторую — существительные на *-тан*: *ард үзэлтэн* «демократ» < *ард* «народ» + *үзэл* «взгляд, воззрение»; *хүнд сурталтан* «бюрократ» < *хүнд* «тяжелый» + *суртал* «учение, идея, доктрина», *бүлээн цустан* «теплокровные» < *бүлээн* «теплый» + *цус* «кровь»; *хоёр нутагтан* «земноводные» < *хоёр* «два» + *нутаг* «территория; кочевье» [Пюрбеев, 1984, с. 58–59].

3.2. Суффиксы, образующие имена существительные от глагольных основ

Имена существительные, мотивированные глагольными основами, по общему словообразовательному значению можно условно разделить на две группы: I — носители процессуального признака и II — носи-

тели отвлеченного признака или состояния. При этом носители «процессуального признака» конкретизируются как субъекты действия (обычно лица), орудия, средства осуществления действия, место действия, объект или результат действия.

В словах II группы сохраняется присущее мотивирующей глагольной основе значение действия (состояния), которое совмещается со значением существительного как части речи, хотя и в них одновременно могут развиваться те или иные конкретные значения, характерные для имен I группы.

Суффикс *-Ai* (км. *-ʎAi*)

По поводу этого суффикса Г.И. Рамstedт писал: «Среди монгольских слов, имеющих в исходе *-ai*, встречаются явно вторичные образования, т.е. такие, где *-ai* либо является суффиксом, либо некогда им являлся». В качестве примеров приводятся такие слова, как *türei* «голенище», *tuurai* «лошадиное копыто», *oroi* (др.-монг. *horai*) «макушка, вершина», *taulai* «заяц», *toroi* «детеныш некоторых домашних животных» и др.

Ученый высказал также предположение, что суффикс *-ai*, «существование которого особенно хорошо подтверждается в монгольском языке, первоначально являлся лишь вариантом более часто встречающегося суффикса *-gai* ~ *-kai*, тюркск. *-ʎa* ~ *-qa*» [Рамstedт, 1957, с. 182–183], тунг. *-ga* ~ *-ka* [Рамstedт, 1957, с. 183]

В качестве вторичного образования приводится монгольский суффикс *-tai* < *-tu* > *-t* + *-ai*. И этот вторичный *-ai* встречается как в отглагольных, так и в отыменных производных. А передача значения мотивирующей основы не прослеживается, как и в приведенных выше примерах.

В текстах выявлено незначительное количество производных с этим суффиксом со значением объекта или результата действия, заложенного в глагольных основах: *ölegei* [SH, § 133; MA, с. 275] «колыбель, люлька» < *ölegü-* «вешать, подвешивать»; ср. км. *qarmai* «все собранное» < *qarma-* «сгребать в кучу, подбирать»; *qo'olai* [SH, § 74] ~ *qōlai* [MA, с. 306] «горло» < *qo'ola* «еда, пища»; *ta'ulai* [SH, § 239; MA, с. 343] «заяц» (км. *taulai* id.) < **ta'ul-* ~ **taul-*; *dūlei* [H, с. 51] «глухой» < **dül-*; *siro'ai* [SH, § 121] «земля» < **siro-*.

Аналогичные имена существительные присутствуют как в классическом, так и в современном языках.

Суффикс -'Aċi (км. -γAċi)

Этот сложный суффикс состоит из $\bar{a} < -*\gamma a$, суффикса образования отглагольных именных основ, и $-ċi$, продуктивного суффикса формирования отыменных существительных (*modu-ċi* «плотник, столяр» < *modu* «дерево»; *aduγuċi* «табунщик, конюх» < *aduγu(n)* «табун») [Рорре, 1927, с. 96, 111]. Встречается он редко, зафиксирован в таких словах, как *kidu'aċi* [SH, § 181] «убийца, мародер» < *kidu-* «убивать, уничтожать»; *biċċċi* ~ *bitikċi* [MA, с. 118] ~ *biċċi* [H, с. 41] «писарь, писец» (км. *biċigeċi* id.) < *biċi-* ~ *biti-* «писать».

Суффикс -'Ar¹ (км. -γAr)

Посредством этого суффикса образовано незначительное количество имен со значением предмета как объекта или результата действия: *söyü'er* [SH, § 22] ~ *söyüger* [HC, 12a] «поучение, обучение; воспитание» < *söyü-* «учить, поучать; напоминать»; *debisker* [MA, с. 139] «подстилка, тюфяк, матрац» (км. *debisger* id.) < *debis-* «стелить, подкладывать»; *qata'ar* [H, с. 89] «засуха; недостаток осадков» < *qata-* «сохнуть, засыхать»; *ükēr* [MA, с. 378] «мертвец; труп» (км. *üküger* ~ *ükeger* id.) < *ükü-* ~ *üke-* «умереть».

Суффикс -bUri ~ -'Uri (км. -bUri)

Имена с этим суффиксом обозначают результат, процесс действия, свойство, качество, состояние, присущие человеку и обозначенные в производящей основе. В ранних текстах зафиксировано незначительное количество таких имен: *aburi* [SH, § 164; MA, с. 94; H, с. 34; HC, 2a, 3a] «характер, нрав, поведение» (км. *aburi* id.) < *a-(?)* «быть, существовать»; *ösbüri* [H, с. 84, в: *ösbürin*] «взрослый, мужественный» (км. *ösbüri* «новое поколение, возрастание» < *ös-* «расти, подрастать»; *ilg'uri* [H, с. 63, в: *ilq'uritan*] «различие, отличие» (км. *ilyaburi* id.) < *ilqa-* ~ *ilya-* «различаться»; *bolburi* [God, с. 40] «плата, вознаграждение» (км. *bolburi* ~ *bolbari* «награда, вознаграждение; оплата») < *bol-* «становиться; быть достаточным; приобретать».

Более продуктивен этот суффикс в современных языках: халх. *сийлбэр*, бур. *һийлбэри*, калм. *сийлвр* «резьба, гравировка» < *seyil-* «резать по дереву, гравировать»; халх. *үйлдвэр*, бур. *үйлэдбэри* «производство», халх. «промышленность, индустрия», < *üyiled-* «делать, производить»; халх. *заавар*, бур. *заабари*, калм. *заавр* «совет, наставление; инструкция, наказ» < *jüa-* «указывать, наставлять»; халх. *шийдвэр*, калм. *шиидвр* «решение, постановление», бур. *шиидэбэри* «решительность», ойр.

шиидбүри «решение, постановление; приговор» < *siyde-* «решать, принимать решение».

Особенно продуктивен этот суффикс в современном халха-монгольском языке при обозначении наименований различных предметно-отвлеченных понятий и терминологии [Болд, 1986, с. 36–37; Пюрбеев, 1984, с. 50–51].

Суффикс *-џА* (км. *-џА*)

Имена с этим суффиксом не имели широкого распространения. Производные на *-џа* обозначали конечный результат действия, выраженного в глагольной основе: *ni'uџа* ~ (в: *Mongqol-un niuџа tobџа'an*) «тайна, секрет, тайный» (км. *niyuџа* [Гол. II, с. 30] id.) < *ni'u-* ~ *niyu-* «скрывать, прятать»; *nökeџе* [МА, с. 261, в: *nöke[џе]ji*] «помощь» < **nöke*. Ср. *nökeџекџи* «оказывающий помощь»; после основ на *-l* употреблялся суффикс *-џа*: *olџа* [МА, с. 265; SH, § 157] «добыча, прибыль» (км. *olџа* id.) < *ol-* «получать, добывать».

Рамстедт [1957, с. 118–119] приводит в качестве примеров: *ögџе* ~ *ögџе* «доза» < *ög-* «давать»; *adquџа* «щепотка, понюшка» (км. *adquџа* [Гол. I, с. 36] «все то, что захвачено горстью, сжато, зажато в руке») < *adqu-* «захватывать горстью, сжимать»; *yabuџа* «ходьба, походка» (км. *yabuџа* [Гол. III, с. 442, в: *yabuџа ügei*] «без движения») < *yabu-* «ходить, идти, двигаться»; *talbiџа* «полка; подстилка» (км. *tabiџа* ~ *talbiџа* [Гол. III, с. 30, 59] id.) < *talbi-* ~ *tabi-* «класть, ставить, положить»; *bariџа* «дар; залог, содержимое» (км. *bariџа* id. и «мишень, цель, мета» [Гол. II, с. 262]) < *bari-* «держат в руке, брать; связывать».

Однако имена с этим суффиксом нашли широкое распространение в классическом и современных монгольских языках со значением: 1) исполнителя действия: км. *џариџа* [Гол. III, с. 446], халх., калм. *зару*, бур. *зараса* «слуга, батрак, лакей» < *џару-* «использовать для услуг, распоряжаться»; 2) местонахождение: км. *бууџа* [Гол. II, с. 244], халх., калм. *бууџ*, бур. *бууса* «стоянка, стойбище; жилище; усадьба» < *байу-* «опускаться, располагаться стойбищем, располагаться на жительство»; *сайуџа* [Гол. II, с. 364], халх. *сууџ* «местопребывание; жилище» < *сайу-* «жить, находиться в каком-либо месте»; 3) предметы для совершения действия: км.: *elgüџе* [Гол. I, с. 127], халх. *өлгөџ*, калм. *өлгџ*, бур. *үлгэсэ* «вешалка для одежды; сучок для подвешивания чего-либо» < *elgü-* «подвешивать, вешать».

Появление в современных языках значительного количества неологизмов, особенно в области терминологии, свидетельствует о продуктивности и активности этого суффикса, например: халх. *халдау*,

бур. *халдаса* «прилипчивость, восприимчивость» < *халда-* «прилипать, приставать»; халх. *гаргац* «переезд, переход» < *гарга-* «перевозить, переплавлять на противоположную сторону»; халх. *тавьц*, калм. *тэвц* «подставка для кухонной посуды» < *тавь-* «ставить, класть»; халх. *тулц* «кронштейн; свая» < *тула-* «поднимать, поддерживать»; халх. *мэдэц*, бур. *мэдэсэ* «объем знаний; кругозор» < *мэдэ-* «знать, познавать»; халх. *ундрац* «дебет воды (нефти)» < *ундра-* «бить ключом, фонтанировать» [Пюрбеев, 1984, с. 54–55].

Монгольский суффикс *-сА* Porre сопоставлял с тюркским суффиксом *-с̄*, орхонотюркским *-nc̄* < *-n-* + *-с̄*, где *-n-* — рефлексивный глаголообразующий суффикс. Сюда же он причислял и чувашский суффикс отглагольных имен *-s̄* < **-с̄* [Porre, 1927, с. 120]. А Рамstedт, отметив, что глагольные имена на *-с̄а* «существуют во всех четырех языковых группах» (имеется в виду монгольский, тюркский, тунгусский, корейский языки), и перечислив значения и функции производных с этим суффиксом имен, пришел к заключению, что «окончание *-с̄а* развилось, вероятно, из **-с̄*, имеющего значение перфекта, и *-ā*, являющегося частицей звательного падежа или конечным гласным», и что «суффикс **-с̄* (< **-s̄*) следует сопоставить с тунг. **-с̄а* ~ *-с̄е*» [Рамstedт, 1957, с. 119–120].

Суффикс *-dAq* (км. *-dAγ*)

Этот древний суффикс зафиксирован в тексте SH в названиях местности: *Deli'ün boldaq-a* (§ 59), *Qorčuqui boldaq-a* (§ 88) и *Dolo'an boldaq-a* (§ 282), где *boldaq-a* — местн. п. на *-a* от *boldaq* «холм, бугор» < *bol-* «становиться, возникать», км. *boldaγ* [АТФ, № 376]; халх., бур. *болдог*, калм. *болдг* «бугор, кочка, холм; небольшой курган».

В классическом и современных языках имеется еще ряд имен с предметным значением: км. *sayadaγ* [Гол. II, с. 360], халх. *саадаг*, бур. *haadaγ*, калм. *саадг* «колчан для стрел» < *saya-* «натягивать, пускать стрелу»; км. *sirdeg*, халх. *ширдэг*, бур. *шэрдэг*, калм. *ширдг* «войлок, прошитый в два слоя; подстилка, тюфяк» < *sir-* «стегать, простегивать, прошивать»; халх. *сундаг* редко «резина» < *suna-* «тянуться, растягиваться». Суффикс в целом малопродуктивен.

Суффикс *-dAl* (км. *-dAl*)

Этот суффикс считается составным, состоящим из известного в монгольских языках суф. *-l*, образующего глагольные основы, и *-da-*, входящего в состав других суффиксов, например: *-dasun* [Porre, 1927,

с. 100]. Производные имена имеют значения процесса действия, результата или состояния, соответственно значению маркирующей основы: *bayidal* [SH, § 195] «состояние, положение, обстановка, ситуация: условия жизни» (км. *bayidal* id.) < *bayi-* «быть, существовать, оставаться»; *yabudal* [SH, § 228; НС, 2b, 3a] «деяние, поведение, поступок; ход, продвижение» (км. *yabudal* id.) < *yabu-* «идти, ходить, водить»; *üküdel* [God., с. 41] «кладбище, гроб; гробница» (км. *üküdel* «труп, покойник») < *ükü-* «умереть».

Суффикс *-dal* общемонгольский, присутствует почти во всех монгольских языках: халх. *суудал*, бур. *хуудал*, калм. *суудл*, мнгр. *сүдал* «сидение, место для сидения» < *сауи-* «сидеть»; халх., бур. *гүйдэл*, калм. *гүүдл* «бег» < *гүйү-* «бежать, бегать»; халх., бур. *нүүдэл*, калм. *нүүдл* «кочевка, передвижение с места на место» < *негii-* «кочевать, передвигаться».

Считается весьма активным в современном монгольском литературном языке [Болд, 1986, с. 67].

Суффикс *-dUn* (км. *-dU(n)*)

Данный суффикс относится к малопродуктивным. Встречается в небольшом количестве производных имен со значением состояния или процесса действия, хотя и известен почти всем монгольским языкам.

В текстах отмечен в единственном случае: *ǰewüdüin* [SH, § 63] ~ *ǰe'üdüin* [Н, с. 67] «сон, сновидение» (км. *ǰegüdüin* id.) < *ǰe'wü- / *ǰe'ü-. Ср. *ǰegü + l-* «говорить во сне, бредить».

Его малопродуктивность можно объяснить наличием глагольных основ соответствующего лексического значения: халх. *ханиад(ан)*, бур. *ханяад(ан)*, калм. *ханядн*, мнгр. *ханāду*, дунс. *каниадун*, бн. *ханэдоң* «кашель» < *qaniya-* «кашлять»; халх. *инээд(эн)*, бур. *энеэдэ(н)*, калм. *инэдн*, дунс. *шинiэдун*; мнгр. *шинēду*, бн. *шинэдоң* «смех» < *iniye-* ~ *шинē-* «смеяться».

Суффикс *-g ~ -k* (км. *-γ ~ -g*)

Этот древнейший суффикс зафиксирован в различных значениях, главным образом это отвлеченные понятия, а также названия некоторых предметов и живых существ как результата действия маркирующего глагола: *bičik* [SH, § 203; МА, с. 118; Н, с. 40] ~ *bičig* [НС, 4a, 5b; УМ, с. 364] «(официальное) письмо, документ»; ср. *bičig erdem* [UM, с. 283] «науки» (км. *bičig* id.) < *biči-* «писать». Ср. др.-тюрк. *bitig* «письмо; лист; документ; инструкция; книга» < *biti-* «писать»; *ǰasay*

[НС, 4b, 23a–b] «правитель» (км. *ǰasaγ* «правитель; власть; князь») < *ǰasa-* «приводить в порядок, налаживать»; *ǰoriγ* [НС, 11b; 24a] «стремление, намерение, желание» (км. *ǰoriγ* id.) < *ǰori-* «стремиться, намереваться»; *böldök* [SH, § 5, 8] ~ *böliq* [НС, 3b; 4b] ~ *böliük* [МА, с. 123] «толпа, группа; часть, раздел» (км. *büliüg* id.). Ср. др.-тюрк. *böliük* id. < *böl-* «распределять, делить, разбивать», *sürüg* [SH, § 280] ~ *sürük* [Н, с. 96; МА, с. 330] «стадо (скота)» (км *sürüg* id.). Ср. др.-тюрк. *sürüg* id. < *sür-* «гнать, провожать»; *ǰarliq* ~ *ǰarlig* [SH, § 280; МА, с. 202] «указ, повеление, распоряжение» (км. *ǰarliγ* id.) < *ǰarla-* «извещать, оповещать, объявлять»; *bilik* [МА, с. 119; Н, с. 41, в: *biliktü*] «ум, мудрость, знание, дар, интеллект» (км. *bilig* id.). Ср. др.-тюрк. *bilig* id. < *bil-* «знать, ведать»; *čimek* [МА, с. 133, в: *cimektü*] «орнамент, украшение» (км. *čimeg* id.) < *čime-* «украшать, наряжать»; *ölük* [SH, § 201] «мертвец, покойник». Ср. др.-тюрк. *ölüg* id. < *öl-* «умирать»; *ögük* [МА, 274] «налог, уплата» < *ög-* «давать»; *tölek* [МА, с. 352] «уплата» < *töle-* «платить»; *ǰusaq* [SH, § 280] «первогодка (овца, коза)» (км. *ǰusaγ* ~ *ǰusuy* «двухлетний баран») < *ǰusa-* «проводить лето»; *tonaq* ~ *tonoq* [SH, § 195, 188] «одежда, убранство воина; снасти, снаряжение (как добыча воина)» < *tono-* ~ *tona-* «огрбить, снять одежду»; *öciq* [Н, с. 83] «рапорт; памятная (докладная) записка» (км. *öciq* «показания, дознания (в суде)») < *öci-* «подавать просьбу, прошение».

Имена с этим суффиксом присутствуют и в современных языках. Наиболее продуктивен он в халха-монгольском, калмыцком, ойратском языках.

По мнению Бертагаева, в современном бурятском языке суффикс *-g* не является сейчас активным [Бертагаев, 1974, с. 189], хотя Дондуков рассматривает его в числе продуктивных, образующих имена со значением орудий действия: *хавшаг* «щипцы, клещи» < *хабша-* «сжимать с боков», *тээг* «перекладина, коромысло», *тээ-* «накладывать, нагружаться»; материал для совершения действия: *будаг* «краска» < *буда-* «красить», отвлеченное понятия: *зориг* «намерение» < *зори-* «стремиться», *хориг* «запрет» — *хори-* «запрещать» [Дондуков, 1964, с. 31].

Имена с этим суффиксом зафиксированы в баоанском, дагурском, монгорском языках [Тодаева, 1964, с. 146; 1986, с. 126, 166; 1973, с. 319, 355].

Производные с суффиксом *-q* (*-k*) имеются во всех тюркских языках, как древних, так и современных [Левитская, 1976, с. 154]. Это дает основание сопоставлять монгольский суффикс *-γ* с тюркским *-q/-k*. Отсутствие же для некоторых монгольских слов с суффиксом *-γ* > *-k* производящих их глагольных основ (например, *сүрэг* «стадо, стая»,

хэсэг «часть, кусок», *бүлэг* «часть, группа»), но имеющихся в тюркских языках, послужило основанием для монголоведов считать суффикс *-γ* заимствованным из тюркских языков [Владимирцов, 1911, с. 153–184]. «Однако, — как пишет Бертагаев, — это требует более основательных доказательств. Несколько приведенных в статье примеров (имеется в виду статья [Владимирцов, 1911]. — *М.О.*), подобных *бичиг*, *хоног* и др., решительно ничего не доказывают. Многие из этих слов не являются тюркизмами. Например, *хоног* „ночевка, сутки“ столь же имеет основание быть возведенным к монгольской основе (от *хонох* „ночевать“), как и тюркской» [Бертагаев, 1974, с. 189]. Сомнения Бертагаева представляются вполне обоснованными, так как подавляющее большинство производных с суффиксом *-г* имеют все же монгольское происхождение. А распространенность этого суффикса почти во всех монгольских языках, в том числе и в так называемых «окраинных», ранее мало исследованных, подтверждает древнее и исконно монгольское происхождение имен на *-γ* в монгольских языках. Но поскольку этот суффикс в тюркских языках распространен так же широко, как и в монгольских, можно говорить об общем праязыковом монголо-тюркском суффиксе **-q ~ *-k*.

Суффикс *-qA* (км. *-γA*)

Этот суффикс, как и предыдущий, является общеалтайским [Рамстедт, 1957, с. 187–190]. В текстах зафиксирован ряд производных имен со значениями, обусловленными содержанием маркирующих основ: *kösige* [Н, с. 72] «занавес, занавеска», (км. *kösige id.*) < *kösi-* «раздвигать, приподнимать»; *bosoqa* [SH, § 137] «порог» (км. *bosuqa ~ bosoya id.*) < *bos-* «вставать, приподниматься»; *uqay-a* [НС, 1b] «ум, разум; познание» (км. *uqaya(n) id.*) < *uqa-* «познавать, понимать»; *tüsürge* [SH, § 130] здесь: «чарка, бокал» (км. *tüsürge* «лейка») < *tüsür-* «наливать, опрыскивать, разбрызгивать; выливать без остатка»; *qudurqa* [SH, § 199; МА, с. 308] «шляя» (км. *quдаря id.*) < *qudur-* ~ *qudar-* «подсовывать, запихивать подо что-либо, загибать подо что-либо»; *daruqa* [SH, § 263] «правитель, наместник, начальник» (км. *daruqa id.*) < *daru-* «давить, подавлять; побеждать».

Присутствует этот суффикс и в современных языках, хотя, как полагал Бертагаев, и не принадлежит к числу продуктивных [Бертагаев, 1974, с. 189–190], например: халх. *тулга* «таган; подпорка; кронштейн», бур. *тулга* «подпорка, упор; ножка тагана; треножник (для котла, чайника)», калм. *тулһ* «треножник для котла» < *tula-* «опираться на что-либо; подпирать, поддерживать»; халх. *сануулга*, бур. *хануулга*

«напоминание, предупреждение» < *sanaγul-* «напоминать, делать предупреждение»; халх., бур. *найруулга* «произведение, сочинение; стиль» < *найираγул-* «сочинять, излагать».

Хотя этот суффикс и не отличался большой продуктивностью, в современном монгольском языке производные с ним получают все большее распространение в терминологии: *газаруулга* «заземление, приземление» < *газаруул-* «заставить коснуться земли»; *дайчлага* «мобилизация» < *дайчла-* «мобилизовать»; *дамжуулга* «передача; передатчик (прибор)» < *дамжуул-* «передавать, проводить (ток)» [Пюрбеев, 1984, с. 62].

Суффикс -'Аċĭ (км. -γАċĭ)

Суффикс этот сложный, состоящий из $-\gamma A > 'A$ и известного всем алтайским языкам $-\dot{c}i$. Поппе причислял его к имяобразующим, включающим суф. $-\dot{c}i$ и суффикс образования отглагольных именных основ $*-\bar{a} < *-\gamma a$ [Рорре, 1927, с. 111]. Однако Бертагаев членил $-\gamma A\dot{c}i$ на $-\dot{c}i$ (халх. $-\dot{c}$, бур. $-\dot{c}a$), который наращивался к окончанию причастной формы недавнопрошедшего времени с показателем на долгий гласный $-\bar{a} < -\gamma a$, что и дало в современных языках: халх. *аач*, бур. *-ааша*, калм. *-ач* [Бертагаев, 1974, с. 137–138].

В текстах зафиксированы имена: *kidu'aċi* [SH, § 181] «убийца» (км. *kiduγaċi* id.) < *kidu-* «убивать, избивать, истреблять»; *biċċċi* [МА, с. 118] «писарь, письмоводитель, секретарь» (км. *biċigeċi* id.) < *biċi-* «писать».

Имена с этим суффиксом известны и в современных языках: халх. *зураач*, бур. *зурааша*, калм. *зурач* «художник, живописец; чертежник» < *ĵura-* «рисовать, чертить»; халх. *алаач*, бур. *алааша*, калм. *алач* «убийца» < *ala-* «убивать»; халх. *бариаач*, бур. *баряаша* уст. «костоправ» < *bari-* «держат; строить, ставить»; бур. *гүйгөөшэ* «бегун» < *güi-* «бегать, бежать»; халх. *уншаач*, калм. *умшач* «чтец» < *ungsi-* «читать» (в калм. $-ng > -m$).

Суффикс -qAn ~ -'An ~ -yAn² (км. -γAn)

Этот суффикс, формирующий имена от глагольных основ, относится к продуктивным¹⁶. Производные имеют значения объекта, результата или процесса действия, а также действующего лица, в соответствии со значением маркирующей основы: *siltaqan* [UM, с. 363] ~ *silta'an* [SH, § 201] ~ *siltayan* [НС, 18b] «причина, повод» (км. *siltayan*

¹⁶ Ср. производные с этим суффиксом от именных основ.

id.) < *silta*- «пользоваться случаем, искать повод»; *ide'en* [SH, § 26; МА, с. 194] ~ *ide'e* [SH, § 162] ~ *idē* [МА, с. 194] «пища, еда, пропитание» (км. *idege(n) id.*) < *ide*- «есть, питаться»; *töle'en* ~ *töleyēn* [МА, с. 352] «уплата, платеж» < *töle*- «платить»; *tariyān* [МА, с. 341] «посев; хлеб» ~ *tariyan* [Н, с. 99] «пахотная земля; почва» (км. *tariya(n)* «хлеб; всякое зерно») < *tari*- «сеять, засеивать»; *sitü'en* [SH, § 133, в: *Qusitu-sitü'en Naratu sitü'en-e*] здесь название местности: «святыня, культ, верование» (км. *sitügen id.*) < *sitü*- «веровать, уповать, опираться, полагаться на кого-либо»; *daba'an* [SH, § 146; Н, с. 48] ~ *daba'a* [SH, § 199] «перевал, проход в ущелье»; (км. *dabayā(n) id.*) < *daba*- «переходить, переваливать через горы; перелезть через что-либо»; *yabuqan* [SH, § 89; Н, с. 110] ~ *yabuyan* [МА, с. 110] «пешеход, пеший» (км. *yabuyan id.*) < *yabu*- «идти, двигаться, передвигаться»; *uqa'an* [Н, с. 106] «ум, разум» (км. *uqayan id.*) < *uqa*- «понимать, разуметь».

Этот суффикс продуктивен и в современных языках. Его высокая продуктивность отмечается в бурятском [Дондуков, 1964, с. 29–30; Бертагаев, 1974, с. 190–193] и калмыцком [Грамматика, 1983, с. 76] языках. Авторы отмечают чрезвычайное разнообразие значений имен с этим суффиксом, который орфографически трансформировался в *-aa(n)* ~ *-гаа(n)* — в халх. и бур. и в *-ан/-эн* — в калм. и ойр. языках: халх. *шалтгаан*, бур. *шалтагаа(n)* «причина, повод» < *silta*- «искать повод, причину чего-либо»; халх. *цахилгаан*, бур. *сагилгаан* «молния», в халх. также «электричество» < *šaqila*- «сверкать, блестеть (о молнии)»; халх. *уралдаан*, калм. *урлдан*, ойр. *урьлдан* «скачки, бега» < *uraldu*- «сопоставляться, соревноваться»; халх. *үймээн*, бур. *уймөөн*, калм., ойр. *үүмэн* «паника, тревога, суета» < *үйите*- «суетиться, быть в суматохе»; халх. *түлээ* «дрова», бур. *түлээн*, калм. *түлэн* «дрова, топливо» < *tüle*- «топить»; бур., халх. *намаржаа(n)* «осеннее стойбище, место осенней кочевки» < *namarjī*- «проводить осень»; калм. *түүклэн* «проза» < *түүкл*- «повествовать, рассказывать»; бур., бох. (говор): *нүхэрзөө(n)* «друг, приятель» < *нүхэржэ*- редко «приобретать друга (или товарища)».

Суффикс *-qAsUn* ~ *-'Asun* (км. *-γAsUn*)

Данный суффикс принадлежит к древнейшему пласту монгольского языка и состоит из двух компонентов: глаголообразующего *-γa-* и *-sun* [Рорре, 1927, с. 99], последний встречается в значительной части производных имен, также относящихся к древнему слою языка.

Распространен в классическом и современных языках [Рорре, 1927, с. 99; Бертагаев, 1974, с. 168–172].

Производные имена обозначают, как правило, объекты или результаты действия: *nemegesün* [SH, § 199; Н, с. 78] «добавка, дополнение» (км. *nemegesün* id.) < *neme-* «дополнять, добавлять»; *qada'asun* [SH, § 174] «гвоздь» (км. *qada'asun* id.) < *qada-* «прибивать, приколачивать, вбивать»; (км. *üdegesü(n)* [АТФ, № 841, в: *üdegesütü*] «нить, шнур» < *üde-* «сшивать ниткой, простегивать»; км. *nükügesün* «заплата, лоскут»; халх. *нөхөөс(өн)*, бур. *нүхөөһэ(н)* id.; халх. *хөөс(өн)*, бур. *хөөһэн*, калм. *көөсн* «пена» < *kögege-* «подниматься, всплывать, разбухать»; км. *sibayasu* «побелка, штукатурка»; халх. *шаваас* id. < *siba-* «белить, обмазывать что-либо».

Суффикс *-qċi(n)* (км. *-γċin*)

По происхождению это форма однократного причастия. Сам суффикс состоит из *-q/-γ* и *-ċi*. Причем если *-ċi* — известный отыменный суффикс, образующий имена, обозначающие различного рода деятелей, то относительно *-q/-γ* существуют разные мнения. Одни ученые полагают, что это суффикс, идентичный суффиксу, образующему отглагольные имена, известные в тюркских и других алтайских языках [Ramstedt, 1902, с. 108; Poppe, 1927, с. 112, 115]; другие считают, что факт такой идентичности нуждается в дополнительном изучении и предлагают рассматривать этот формант в связи с подобным же компонентом в суффиксе причастия прошедшего времени на *-γ-san*, в повелительной форме 2-го л. мн. ч. *-γ-tun*, повелительно-желательной форме 3-го л. *-γ* [Санжеев, 1969, с. 135, 138]. Существует также мнение, что *-γ* в *-γ-ċin* — это показатель глагольного инфинитива (будущего причастия. — *М.О.*) на *-xa* > *x* с переходом фрикативного *-x* в смычный глухой *-k* (орфогр. *-z*) [Бертагаев, 1974, с. 138–139].

Следует учитывать и тот факт, что среди причастных форм именно однократное причастие чаще других подвергается субстантивации, а нередко и полному переходу в разряд имен существительных.

В древних текстах имена на *-qċi(n)* обозначали лицо, характеризующее по действию, выраженному в маркирующей основе: *egüsgeċin* [НС, 20a] «основоположники, зачинатели» < *egüsge-* «создавать; зачинать»; *saqiqċi* [МА, с. 318], *sayiyċin* [УМ, с. 228] «сторож; хранитель» < *saqi-* «хранить, беречь»; *alaqċi* [SH, § 177; МА, с. 97] «убийца; драчун, забияка» < *ala-* «бить, убивать»; *abuqċin* [SH, § 187] «тот, кто берет; берущий» < *aba-* «брать»; *ĵasaqċin* [Н, с. 65] «мастер, тот, кто исправляет» < *ĵasa-* «исправлять, ремонтировать»; *tonoqċin* [SH, § 195] «грабитель» < *tono-* «грабить, воровать»; *medegċin* [НС, 30a] «знаток» < *mede-* «знать, веровать».

В большинстве случаев производные на *-qcin* управляли падежными формами, их предпочтительно было рассматривать в числе причастных. А их субстантивное употребление нагляднее всего проявляется в современных языках: халх. *удирдагч*, бур. *удирдагша*, ойр. *удърдъгчи* «руководитель» < *udurid-* «руководить»; халх. *зохиогч*, бур. *зохиогшо* «писатель, автор; создатель» < *jökiya-* «сочинять, составлять. творить»; халх. *сурагч*, бур. *хурагша*, калм. *сургач* «ученик, учащийся» < *sur-* «учиться, обучаться» и мн. др.

Модель с суффиксом *-γci(n)* особенно продуктивна в современной монгольской терминологии. При этом одни термины обозначают наименования лиц по роду занятий, специальности: халх. *зөвлөгч* «консультант» < *зөвлө-* «советовать, консультировать»; *зааварлагч* «инструктор» < *зааварла-* «давать указание, инструктировать»; *сурвалжлагч* «корреспондент» < *сурвалжла-* «интервьюировать, запрашивать». Другие обозначают предметные понятия: технические приборы, устройства, агрегаты: *ачаалагч* «погрузчик» < *ачаал-* «грузить, нагружать»; *гэрэлтүүлэгч* «прожектор» < *гэрэлтүүл-* «освещать»; *хэмжигч* «измеритель (прибор)» < *хэмжи-* «измерять, мерить». Некоторые имена с этим суффиксом обозначают химические реактивы: *удаашруулагч* «замедлитель» < *удаашруул-* «замедлять, задерживать»; *арилгагч* «очиститель» < *арилга-* «устранять, очищать», а также математические и лингвистические понятия: *үржүүлэгч* «множитель» < *үржүүл-* «множить, размножать»; *хуваагч* «делитель» < *хуваа-* «делить, распределять»; *тодотгүүлэгч* «определяемое» < *тодотгүүл-* побуд. от *тоготно-* «выяснять, уточнять»; *гийгүүлэгч* «согласный» < *гийгүүл-* «освещать, озарять» [Пюрбеев, 1984, с. 49–50].

Суффикс *-qUl ~ -'Ul* (км. *-γUl*)

Некоторые авторы рассматривают этот суффикс как фонетическую разновидность одного из продуктивнейших суффиксов отглагольного имяобразования *-qUr ~ -'Ur* (км. *-γUr*) [Бертагаев, 1974, с. 162–164; Сусеева, 1978, с. 104–105]. Эти суффиксы здесь описываются как самостоятельные, хотя в некоторых случаях и близкие по значению.

Поппе, со ссылкой на Рамстедта, считал классический *-γUl* составным, членящимся на *-γU* и *-l* и образующим наименования действующих лиц и орудий действия [Porre, 1927, с. 101].

Зафиксированные производные с этим суффиксом имели значения лиц, характеризующихся по выполняемым ими действиям, или процесса действия: *јаса'ул* [SH, § 278] «дежурный; наводящий порядок» (км. *јасайул* id.), халх. *засуул* спорт. «секундант» < *јаса-* «наводит порядок,

исправлять»; *kebte'ül* [SH, § 191] «ночная стража» (км. *kebtegül* [АТФ, № 2238] id.) < *kebte-* «лежать»; *nengji'ül* [SH, § 86] «наблюдатель; обыск, проверка» (км. *nengjigül* ~ *negjigül* [Гол. II, с. 22] id.) < *nengji-* «обыскивать, производить обыск»; *qara'ül* [МА, с. 293] ~ *qara'ul* [SH, § 142] «стража, дозор, караул» < *qara-* «смотреть, присматривать, наблюдать».

Имена на *-yul* широко представлены в классическом и современных языках, где они наряду с обозначением действующих лиц имеют значения процесса действия, отвлеченных понятий, а также обозначают названия некоторых птиц и насекомых: км. *keregül* [АТФ, 1156] «ссора, раздоры» < *kere-* «смотреть косо, недружелюбно друг на друга»; км. *tursiyul* [АТФ, 2619] «разведчик; разведка, рекогносцировка» < *tursi-* «выведывать, распознавать»; км. *simaγul* [АТФ, 2456] «мошка, комар» < *sima-* «сосать, вытягивать»; км. *bosγayul* [АТФ, 4407] «беглец, дезертир» < *bosγa-* «способствовать побегу, дезертирству».

В современных монгольских языках большинство имен с этим суффиксом имеют значения процесса действия, названия действующих лиц, предметов, вещей: халх., бур. *нэхүүл*, калм. *некул* «погоня, преследование» < *neke-* «гнаться, преследовать»; халх., бур. *тонуул*, калм., ойр. *тонул* «грабеж» < *tono-* «грабить»; калм. *эмнүл* «лечение» < *emne-* «лечить»; халх., бур. *зайгуул* «бродяга, проходимец» < *жай-* «бродить, шляться»; халх., бур. *харуул*, калм., ойр. *харул* «дозор, стража; караул» < *qara-* «смотреть, наблюдать»; халх. *бүрхүүл* «покров, навес, тент, покрытие» < *bürkü-* «покрывать, накрывать»; ойр. *шүүгүл* «невод, сеть» < *sigü-* «цедить; ловить сетью».

Суффикс *-'Uli* (км. *-γUli*)

Этот суффикс присутствует в некотором количестве имен, значение которых определяется содержанием маркирующей основы: *ayu'uli* [SH, § 277] «страх, испуг» < *ayu-* «бояться, страшиться»; *öci'üli* [SH, § 103] «молитва» < *öci-* «обращаться с просьбой»; *surqa'uli* [H, с. 96] «обучение, преподавание; доктрина» (км. *surγayuli* id., а также «школа, занятия») < *surqa-* «обучать»; *ükü'üli* [SH, § 277] «то, что может вызвать смерть» < *ükü-* «умереть»; *görü'üli* [SH, § 9] «дикие звери» < **görü-* ср. км. *göröge* «охота». Суффикс малопродуктивен.

Суффикс *-'Un* ~ *-γUn*

Незначительное количество зафиксированных с этим суффиксом имен обозначают результат или процесс действия соответственно значению мотивирующей глагольной основы: *küjü'un* [МА, с. 189] ~ *güjigün*

[TD, с. 65, F 62r] «нарыв, прыщ; язва» < **güji-*; *tüsigün* [UM, с. 380] «назначение, определение на должность» < *tüsi-* «положиться на кого-либо, опираться»; *marγaydayun* [TD, с. 45, F 34v] «спор, возражение» < *marγayda-* passive от *marγa-* «спорить, возражать»; *čöbürigün* [TD, с. 65, F 62r] «волдырь, пузырь» < **čöbüri-*.

Суффикс *-Ur ~ -Ūr ~ -wūr* (км. *-γur*)

Этот древнейший и известный ныне во всех монгольских языках суффикс в отличие от его фонетической разновидности *-'Ul(-γul)*¹⁷ имеет иной круг значений производных имен. Если имена на *-'Ul ~ -γul* обозначали процесс действия, названия действующих лиц, отвлеченных понятий (см. выше), то посредством *-Ur ~ -γUr* создавались имена, обозначающие, как правило, предметы обихода, орудия для совершения действия и некоторые другие предметы: *gečgi'ür* [H, с. 56] «приставная лестница; ступень, подножка» (км. *gišgigür* id.) < *gečgi-* ~ *gišgi-* «шагать, ступать, наступать»; *bürküür* [MA, с. 62, 128] «попона, покрывало» (км. *bürkügür* «покрытие, навес, тент») < *bürkü-* «накрывать, покрывать»; *bari'ür* [MA, с. 113] «ручка, рукоятка» (км. *bariγul* id.) < *bari-* «держать»; *büle'ür* [SH, § 85] «мешалка, мутовка» (км. *bülegür* id.) < *büle-* «взбивать, взбалтывать (например, кумыс, масло)»; *qada'ur* [H, с. 86; MA в: *qadūrtu*, с. 286] «серп; коса» (км. *qadayur* id.) < *qadu-* «косить»; *arcūr* [MA, с. 433] «тряпка» (км. *arciγur* id.) < *arci-* «вытирать, вычищать»; *elgü'ür* [SH, § 75] «вешалка; крючок, подвеска» (км. *elgügür* id.) < *elgü-* «вешать, подвешивать»; *qubči'ur* [SH, § 199] «невод, рыболовная снасть» (км. *γubčiγur* id.) < *qubči-* «ловить рыбу сетью, неводом».

Этот суффикс продуктивен и в современных языках, в которых помимо указанных выше значений производные имена могут обозначать и живые существа, их внутренние состояния, место действия: халх. *давигнуур* «болтун» < *dabigina-* «болтать, говорить без умолку»; *гонгинуур* «пискун» < *gonggina-* «хныкать»; *жигшүүр* «негодование, отвращение» < *ǰigsi-* «ненавидеть, испытывать отвращение»; *түгшүүр* «тревога, беспокойство, волнение» < *tügsi-* «трепетать, беспокоится; биться (о сердце), задыхаться»; *дэлгүүр* «магазин»;

¹⁷ На распределение словообразующих функций между халх. *-уур* и *-үүл* обратил внимание и Т.А. Бертагаев, исследовавший лексику современных монгольских литературных языков. Автор приводит пример на разграничение значений производных имен с этими двумя суффиксами от одной и той же глагольной основы: *өргүүл* «домкрат» и *өргүүр*: 1) «ручка (на конных граблях)», 2) «подъемник» < *өргө-* «поднимать (вверх)» [Бертагаев, 1974. с. 163].

лавка» < *delge-* «раскладывать, расстилать»; *услуур* «водопой» < *usula-* «поить».

В современном халхаском много различных новообразований, особенно со значением орудий действия, а также наименований различных медицинских препаратов, средств лечения, новых технических приборов и других предметов с различными значениями [Бертагаев, 1974, с. 162–164; Пюрбеев, 1984, с. 47–48].

Продуктивным этот суффикс считается и в бурятском языке [Дондуков, 1964, с. 35], хотя Бертагаев отмечал, что «в современном бурятском языке почти нет новых образований с указанным суффиксом» [Бертагаев, 1974, с. 163].

К числу продуктивных он относится и в калмыцком языке [Сусеева, 1978, с. 105], известен и в других монгольских языках: дагурском, монгорском, баоаньском, ойратском, в последнем относится к весьма продуктивным [Тодаева, 1961; 1964; 1973; 1986; 2001].

Рамстедт сравнивает монгольский *-γur* и его эквиваленты в разговорных монгольских языках с тюркским *-γur*, например: чагат. *alyur* «быстрый, живой; жадный, хищный» < *al-* «братъ» [Ramstedt, 1912, с. 60].

Но Поппе правомерность такого сравнения отвергает на том основании, что тюрк. *-γur* восходит к **-qur*, в то время как монг. *-γur* развился из **-pūr*.

Ученый рассматривал монг. *-γur* как составной, состоящий из суффикса отглагольных имен на *-r* и суффикса вторичной глагольной основы *-γu-*, хотя и признавал, что эта гипотеза нуждается в доказательстве [Porre, 1927, с. 105; 1969, с. 258].

Монгольский интервокальный *-γ-*, который исчез в среднемонгольском и в разговорных монгольских языках, восходит к **p*, **b*, **m*, **g*, **ŋ* и **u* перед долгим гласным. В результате древнейшей формой суффикса *-γur* могла быть **-pūr*, **-būr*, **-mūr*, **-gūr*, **-jūr* и **-yūr*.

В маньчжурском монгольскому *-γur* соответствует *-fun*, который обнаруживается в *xadufun* «серп» < *xadu-* «резать серпом, косить» = монг. *qaduyur* «серп», «коса» < *qadu-* «косить».

Суффикс *-fun* является общим для всех тунгусо-маньчжурских языков, а его древней формой была **-pūn* [Цинциус, 1949, с. 160–161]. А так как монгольский конечный *-r* в *-γur* легко сопоставляется с тунгусо-маньчжурским конечным *-n* в *-fun*, а этот *-n* в ряде слов восходит к конечному *-r* и *-l*, то, следовательно, суффикс **-pur* может рассматриваться как общий маньчжуро-тунгусо-монгольский суффикс [Porre, 1969, с. 260–261].

Суффикс *-Uri* (км. *-γUri*)

В текстах зафиксировано только одно производное слово: *hičü'üri* [God, с. 55] ~ *ičeri* [МА, с. 194] «стыд» (км. *ičegüri* ~ *ičigüri* id.) < *hiču-*; ~ *hiči-* ~ *iče-* [МА, с. 184, 194] «стыдиться».

Имена с этим суффиксом более известны в классическом и современных языках, где они обозначают место действия: км. *angnaγuri* «охотничье угодье», халх. *агнуур(ь)*, бур. *агнуури* «охота» < *angna-* «охотиться»; км. *ejelegüri*, бур. *эзлүүри*, халх. *эзлүүр* «владение» < *ejele-* «владеть, хозяйничать»; км. *qonoγuri*, халх. *хонуур* «курятник, насест» < *qonu-* «ночевать, провести ночь»; свойство или состояние: км. *ǰigsigüri*, халх. *жигшүүр*, бур. *жэгшүүри* «отвращение; омерзение» < *ǰigsi-* «чувствовать отвращение; гнушаться»; км. *ǰobaγuri*, халх. *зо-вуури* «мучение, страдание» < *ǰoba-* «мучиться, страдать»; халх. *тог-туурь* «устойчивость, постоянство; прочность» < *toγta-* «упрочиваться, утверждаться»; объект действия: км. *γubčeiγuri*, халх. *уст.* «дань, оброк, подати» < *γubči-* «собирать подати»; км. *dabaγuri*, халх. *давуурь* «ступеньки, лестница» < *daba-* «переступать, перелезть».

Суффикс *-ǰA* (км. *-ǰA*)

Этот малопродуктивный и малораспространенный суффикс зафиксирован в именах со значением результата действия: *olǰa* [SH, § 153; МА, с. 265] «добыча, польза, выгода» < *ol-* «получать, находить, добывать»; ср. км. *γaruǰa* [Гол. II, с. 213] «расход, убыток», халх. *гарз*, бур. *гарза* «убыток, ущерб, потеря» < *γar-* «выходить; утрачивать, нести расходы, терпеть убыток».

В единичных случаях *-ǰa* присоединялся к именным основам: халх. *найз* «друг, приятель» < *най* «дружба, дружеское расположение»; *харз* «незамерзающая зимой полынья» < *хар* «темный, черный; что-либо черное».

Суффикс *-l*

Это наиболее продуктивный и широко распространенный суффикс, образующий имена существительные от широкого круга глагольных основ. Широкий круг значений производных имен, особенно в классическом и современных языках. Это — и процесс, и результат действия, обозначенного в глагольной основе, предметы и вещи как объекты действия, названия действующих лиц, отвлеченных понятий и др. Имена на *-l* широко представлены и в древних текстах: *taqil* [НС, 37b] «жертвоприношение; обряд жертвоприношения» (км. *taqil* id.) < *taqi-*

«жертвовать, приносить в жертву; почитать, поклоняться»; *soyurqal* [UM, с. 384] «благосклонность, благоволение» (км. *soyurqal* id.) < *soyurqa-* «соблаговолить; пожаловать что-либо»; *kičigel* [UM, с. 384] «старание, усердие» (км. *kičiyel* id.) < *kičige-* ~ *kičiyе-* «стараться, усердствовать»; *qatayužil* [НС, 18a] ~ *qataqužil* [UM, с. 384] «усилие, выносливость, стойкость» (км. *qatayužil* id.) < *qatayužī-* ~ *qataqujī-* «становиться стойким, выносливым»; *boqol* [UM, с. 385] ~ *bo'ol* [Н, с. 42] «раб, холоп, невольник» (км. *boqol* id.) < *boqo-* ~ *boyo-* «принуждать»; *eril* [МА, с. 61, 164] «просьба» < *eri-*. Ср. *eribe* [МА, с. 437] «расспрашивал»; *soyul suryal* [НС, 2a] «поучение» < *soyu-* «поучать» + *surya-* «учить, обучать»; *ükül* [МА, с. 378] «смерть» (км. *ükül* id.) < *ükü-* «умирать, гибнуть»; *medel* [Н, с. 75] «владычество, господство; компетенция» (км. *medel* «знания, умение; понятие; заведование») < *mede-* «знать, ведать; заведовать, владеть»; *setkil* [Н, с. 94; МА, с. 321; SH, § 125; НС, 8b] «мысль, намерение» (км. *setkil* id.) < *setki-* «думать, мыслить, помышлять»; *törel* [МА, с. 353 — «рождение» в: *törelki soqar*] «слеп от рождения»; *töröl* [God., с. 44] «рождение, нарождение» (км. *töröl* «рождение; родство, родня; жизнь») < *törö-* «рождаться, появляться; возникать».

С широким кругом значений имена на *-l* употребляются в современных монгольских: халх., бур., калм. языках [Орловская, 1961, с. 30–31; Дондуков, 1964, с. 33; Бертагаев, 1974, с. 173–176; Сусеева, 1978, с. 115–116]. В халха-монгольском отмечается активное участие модели с суффиксом *-l* в образовании терминов с абстрактной семантикой процесса, которые относятся к самым разным сферам специальной лексики, а также научных и технических терминов [Пюрбеев, 1984, с. 59–60]. Данный суффикс известен также в баоанском, дунсянском, дагурском, монгорском, ойратском языках [Тодаева, 1961; 1964; 1973; 1986; 2001].

Суффикс *-lAng* ~ *-qulAng* (км. *-lAng* ~ *-qUlAng*)

Этот суффикс присутствует в именах существительных, обозначающих физическое состояние, переживания живых существ, испытываемые ими чувства и душевное состояние: *žirqalang* [SH, § 57; Н, с. 67] «радость, блаженство» (км. *žiryalang* id.) < *žirqa-* «быть счастливым, наслаждаться»; *üküleng* [SH, § 254] «смерть» (км. *üküleng* id.) < *ükü-* «умереть»; *žobolang* [Н, с. 67; SH, § 279] ~ *žobalang* [МА, с. 207] «мучение, страдание» (км. *žobalang* id.) < *žobo* ~ *žoba-* «мучиться, страдать»; *bayasqulang* [МА, с. 114; НС, 14a] «радость, веселье» (км. *bayasqulang*

id.) < *bayas-* «радоваться, веселиться»; *ölüsqüleng* [UM, с. 283] ~ *ölesküleng* [MA, с. 275] «голод, голодание» (км. *ölüsküleng* id.) < *ölüs-* ~ *öles-* «голодать, испытывать голод»; *čatqulang* [SH, § 102] ~ *čatqulan* [MA, с. 131] «сытость; сытый» (км. *čadqulang* id.) < *čat-* ~ *čad-* «насыщаться, наедаться досыта».

В надписи на стеле XIV в. присутствует слово *ösküleng* со значением признака качества: *ösküleng urtu modun* [UM, с. 387] «[сильно] растущее высокое дерево». Хотя это слово больше нигде не зарегистрировано, оно, несомненно, является отглагольным образованием: *ös-* «расти» посредством суффикса *-küleng* [см. Cleaves, 1362, примеч. 243, с. 129].

В отдельных случаях имена на *-lang* указывают на место, местонахождение: *jšulang* [SH, § 259] «летнее кочевье; летовка» (км. *jšulang* id.) < *jša-* «проводить лето»; *tariyalang* [H, с. 99] «пашня; поле» (км. *tariyalang* id.) < *tari-* ~ *tariya-* «обрабатывать почву; сеять».

Данный суффикс известен и в современных языках, но он малопродуктивен и присутствует в ограниченном количестве имен с указанными выше значениями: халх. *хадлан(г)*, бур. *хадалан(г)*, даг. *хадлаң* «покос, сенокос» < *qada-* «косить»; халх. *өлсгөлөн*, бур. *үлэсхэлэн*, ойр. *элескелен*, мнгр. *лосекулон*, дунс. *олэсулан* «голод, голодовка» < *ölüs-* «голодать»; халх. *орчлон(г)*, бур. *оршолон(г)*, калм. *орчлң* «окружающий мир, вселенная» < *orči-* «вращаться».

Суффикс *-lqa* ~ *liqa*

Имена с этим суффиксом обозначают предметы конкретного назначения, процесса или результата действия: *sa'ulqa* [SH, § 90] «бадья, ведро для дойки» ~ *sa'ūlya* [MA, с. 319] «сосуд» (км. *sayulya* «ведро, бадья») < *sa'u-* ~ *sayu-* «находиться, сидеть»; *qa'alqa* [SH, § 101; H, с. 85] ~ *qayalya* [TD, с. 48, F 39v] «створки двери, дверь; ворота» (км. *qayalya* id.) < *qa'a-* ~ *qaya-* «закрывать»; *abliqa* [SH, § 185] «добыча; снабжение, обеспечение» (км. *abliya* «взятка, взяточничество») < *ab-* «брать, взимать»; *öklige* [SH, § 204] «дар, подарок» (км. *öglige* id.) < *ög-* «давать, отдавать, подавать»; *oralya* [MA, с. 61, 269] «водопой» < *ora-* «входить, заходить; направляться».

Производные на *-lqa* широко распространены в классическом языке [Поппе, 1937, с. 99; 1938, с. 61].

Этот суффикс относится к числу наиболее продуктивных в современном монгольском языке [Орловская, 1961, с. 30–31; Болд, 1986, с. 74].

В современном монгольском языке на базе данной модели образованы многочисленные имена действия терминологического употребления: *чаналга* «варка» от *чанах* «варить»; *шаралга* «жарка» от *шарax*

«жарить»; *хатаалга* «сушка» от *хатаах* «сушить, высушивать», *угаалга* «мыть, купание; промывка» от *угаах* «мыть, промывать», а также имена со значениями процесса и действия и предметов как результата действия: *барилга* «строительство; стройка; постройка, сооружение» от *барих* «строить, воздвигать», *саалга* «доение, дойка; удой, надой» от *саах* «доить» [Пюрбеев, 1984, с. 61–62].

В бурятском языке это также «один из самых активных участников производства неологизмов, главным образом с отвлеченным значением» [Бертагаев, 1974, с. 179–180].

Однако в калмыцком языке не считается продуктивным [Сусеева, 1978, с. 126].

Суффикс *-li*

Данный суффикс не относится к числу продуктивных. Он рассматривается как, возможно, более широкая форма суффикса *-l* [Рорре, 1927, с. 101].

Производные имена имеют значение объекта или результата действия: *sačuli* [SH, § 103] «жертвоприношение, окропление; то, что разбрызгивается» (км. *sačuli* id.) < *saču-* «брызгать, разбрызгивать; окропить»; *sāli* [God., с. 45] «удой» (км. *saḡali* «удой; удойный скот») < *sā-* ~ *saḡa-* «доить»; *uqali* [SH, § 240] «тесло» (км. *oḡoli* [Гол. I, с. 223] «топор с поперечным острием; тесло») < *uqa-*; **oḡo-* «выдавливатель, ковырять»; *ḡarli* [НС, 116] «происхождение, возникновение» < *ḡar-* «выходить; появляться».

К непродуктивным суффикс *-li* относится и в современных языках; халх. *сааль* «молоко, удой; молочный скот»; бур. *һаали* «молочные продукты; удойность; дойный скот»; калм. *сааль* «молоко разового удоя; удойность; редко «дойная корова»; халх. *сандал* < *sandali* «стул», калм. *уст. сандл* «стул», бур. *һандали* «сидение; скамейка» < **handa-* (пассивный корень). Ср. *һандай* «скамья, лавка»; *һандайбуша* «небольшая табуретка».

Суффикс *-lta* (км. *-lta*)

Поппе причислял этот суффикс к непродуктивным и членил его на составляющие *-l* и **-ta* ~ *-tu* [Рорре, 1927, с. 13].

В тексте зафиксирован только в слове *qurilta* [SH, § 282] «съезд, собрание» < *quri-* «собираться, соединяться; накапливаться».

В большей степени производные на *-lta* известны в классическом. Суффикс считается продуктивным в современных языках: халха-мон-

гольском [Орловская, 1961, с. 32], бурятском [Дондуков, 1964, с. 34; Бертагаев, 1974, с. 178], калмыцком [Грамматика..., 1983, с. 74].

Производные имена на *-lta* имеют довольно широкий круг значений. Это — результат или процесс действия, определяемые значением производящей глагольной основы, названия предметов, вещей, необходимых для осуществления указанного в глагольной основе действия, отвлеченное качество и состояние: халх. *гаралт*, бур. *гаралта* «выход; происхождение, возникновение, начало» < *γar-* «выходить»; халх. *уналт* «падение, гибель» < *uṇa-* «падать, сваливаться, отваливаться»; халх. *нэмэлт*, бур. *нэмэлтэ* «добавка, добавление» < *nete-* «добавлять, дополнять»; калм. *немет* грам. «дополнение» < *nete-* «добавлять, дополнять»; халх., калм. *боолт* «повязка, бинт; шнурок; бандаж», бур. *боолто* «связка, сверток; сноп» < *boṷo-* «заворачивать во что-либо, обертывать, обвязывать; бинтовать»; халх. *цуцалт*, бур. *сусалта*, калм. *цуцралт* «усталость, утомление» < *ciṣa-* «уставать, утомляться, изнуряться»; халх. *өсөлт*, калм. *өслт* «рост, увеличение; подъем» < *ösü-* «расти»; халх. *эцэлт*, бур. *эсэлтэ* «усталость» < *eṣe-* «уставать, утомляться, изнуряться»; халх., калм. *оролт*, бур. *оролто* «вхождение, вступление» < *oro-* «входить» и мн. др.

Суффикс *-m*

Отглагольные имена на *-m* широко известны не только в монгольских, но и в тюркских языках. Ученые считают его общим монголо-тюркским **-m* и сопоставляют с «*türkischen Suffix -m: Orkhontürkisch -m, Osmanli -m, Altaisch -m, Tschuwassisch -m*» [Poppe, 1927, с. 120; Левитская, 1976, с. 157–158].

Имена с этим суффиксом обозначают предметы, подлежащие действию, а также предметы и наименования как результат или процесс действия, черту характера: *gurim* [SH, § 131; MA, с. 312, в: *qurimāsa*] «встреча; беседа; пир» ~ [Н, с. 92] «собрание, ассамблея» (км. *qurim* «пир, пиршество; сбор») < *quri-* «собираться»; *kelem* [God., с. 46] «сообщение, рассказ» < *kele-* «сообщать, оповещать»; *toqum* [MA, с. 407] «потник, войлочная подкладка под седло» (км. *toqum id.*) < *toqu-* «сидеть»; *tatum* [God., с. 46] «горсть, пригоршня». Ср. др.-тюрк. *tutum* ~ *tatam* «горсть, пригоршня» < *tuta-* «хватать, схватывать»; *boṷom* [TD, с. 30, F 14v] «заграждение» < *boṷo-* «заграждать, препятствовать»; *udum* [НС, 4а; UM, с. 329; TD, с. 26, F 8r] «поведение, пример» < *udu-* [Гол. I, с. 235] «руководить, направлять; увлекать, приучать» > *udurid-* «руководить, направлять» [о слове *udum* см. Rachewiltz, 1982, с. 59, при-

меч. 49]; *tügem* [НС, 5а] «распределение, распространение» < *tüge*- «распространяться; расходиться (по рукам)».

С указанными выше значениями производные на *-т* известны и в современных языках, особенно они распространены в халхаском [Болд, 1986, с. 69]: халх., бур. *алхам*, калм. *алхи*, ойр. *алхъм* «шаг» < *alqa*- «шагать, идти, переступить»; халх., бур., бн. *тохом*, калм. *тохм*, мнгр. *туфум* «потник, войлок под седло» < *toqu*- «седлать; накладывать потник»; халх. *зүсэм*, бур. *зүһэм*, калм. *зүсм*, ойр. *зүсем* «ломоть, кусок» < *jüsü*- «резать ломтями»; халх. *цайдам*, калм. *цээдм* «солончак, солончаковая местность», бур. *сайдам* «соленый (или солончаковый) водоем; забеленная вода» < *᠑ayü*- «белеть, казаться белым»; халх., бур. *бардам*, калм. *бардм* «чванство, кичливость, надменность» < *barda*- «чваниться, кичиться, зазнаваться»; халх. *хөгжим*, бур. *хүгжэм*, калм. *көгжм* «музыка» < *kögji*- «веселиться, забавляться; развиваться; процветать; делаться мелодичным».

Суффикс *-тА* (км. *-тА*)

Этот суффикс также считается общим монголо-тюркским и соответствующим тюркскому *-тА* [Рорре, 1927, с. 120–121].

Зафиксирован в незначительном количестве производных со значениями, вытекающими из содержания глагольных основ: *jalama* [SH, § 174] «просьба, мольба, заклинание» (км. *jalma*-а «насыпь, куча из камней и веток, воздвигаемая в горах или на открытой местности (в честь духов)» < *jala*- «взывать, упрашивать; приглашать, просить пожаловать»; *daqama* [МА, с. 138] «период, промежуток; этап» < *daqa*- «следовать за кем-либо, сопровождать кого-либо; преследовать кого-либо»; *kürüme* [Рорре, 1927, с. 102] ~ *kürüm* [МА, 230] «что-либо достаточное; то, что в достатке» < *küre*- «достигать; доставать до чего-либо; добираться».

Этот суффикс относится к редким и в современных языках: халх., бур. *нурма*, калм. *нурм* «горячий пепел, зола» < *nura*- «подпревать, преть; обрушиваться, обваливаться».

Суффикс *-тАq* (км. *-таq*)

Суффикс *-тАq* считается восходящим к более древнему **-таq*, который сопоставляется с тюркским *-таq* ~ *-mäk* [Рорре, 1927, с. 121]. Однако, по мнению Бертагаева, этот суффикс «комплексный, состоящий из причастной формы на *-ма* ~ *-м* и суффикса *-г*». Автор приводит в качестве примера бурятское слово *хужар-маг* от *хужар* «солончак»,

которое в отличие от *хужар* означает «слегка покрытый солончаком или кое-где покрытый солончаком» — [и] соответствует рус. «солончаковатый». Такое значение суф. *-маг* порождено элементом *-ма* от причастной формы на *-ма*, показывающей потенциальную возможность проявления действия или неполное проявление его [Бертагаев, 1974, с. 202].

Небольшое количество имен с этим суффиксом обозначают предметы как результат или объект выраженного в глагольной основе действия: *e'etek* [SH, § 135] «перстень, кольцо» (км. *egeteg* «колечко, подвешенное в ушах, обычно из дорогих камней») < (?) др.-тюрк. *eg-* «закручивать, сгибать»; *ötmeke* [MA, с. 279] ~ *etmek* ~ *ötümeke* [God., с. 46] «хлеб» ~ *ütmeke* [H, с. 109] «хлебная лепешка, галеты» < др.-тюрк. *etmek* ~ *ötmeke* «хлеб» < **et-* ~ **öt-*; *uġmaq* [SH, § 208] «стрела, копье», вероятно, < тюрк. *uġ-* «лететь, летать».

В современных языках производные на *-маг* имеют, как правило, аналогичные значения, вытекающие из содержания глагольной основы, при этом сам суффикс можно причислить к продуктивным: халх., бур. *хуурмаг* «ложь, мошенничество; ложный, фальшивый» < *qayura-* «обманывать»; халх., бур. *халимог*, калм. *хальмг* «смесь; что-либо смешанное» < *qoli-* «смешивать»; халх. *ээдмэг* ~ *ээдэм*, бур. *ээдэмэг* «заквашенное молоко, простокваша», калм. *ээдмг* «национальная молочная пища» < *egede-* «киснуть, кваситься, прокисать»; халх. *ороомог* «катушка с нитками», бур. *орёмог* «веревка» < *oriya-* «обертывать, заворачивать, обматывать»; халх. *хайлмаг* «блюдо из растопленной пенки молока», бур. *хайламаг* «раствор» < *qayil-* «плавиться».

В современном калмыцком языке имеется ряд имен существительных, являющихся названиями продуктов питания, значение производящих основ которых ныне утрачено: *аадмг* «творог, творожная масса; блюдо из творога и молока»; *шүүрмг* «сушеный творог»; *эдмг* «хлеб (печеный)», по-видимому, заимствованный из тюрк.: *etmek* ~ *ötmeke* «хлеб» < **et-* ~ **öt-*.

В монгольском языке сейчас этот суффикс играет значительную роль в обогащении словарного состава [Болд, 1986, с. 60–61]. Посредством его образуются наименования предметов и от именных основ [Пюрбеев, 1984, с. 52]: *нуурмаг* «пруд, водоем» < *нуур* «озеро»; *зайрмаг* «мороженое; тонкий лед» < *зайр* «мелкие острые льдинки в жидкости; шуга»; *дүүжмэг* «маятник» < *дүүжин* «качели; что-либо висячее и качающееся»; *цээжмэг* «специальный костюм борца, состоящий из рукавов и узкой спинки» < *цээж* «грудь».

В бурятском языке зафиксировано производное имя со значением орудия действия: *шүүмэг* «сито для процеживания молока» < *sigü*- «сидеть, процеживать».

Суффикс *-mar* (км. *-mAr*)

С этим суффиксом в текстах зафиксированы такие производные слова, как *ijemer* [НС, 37а, в: *ijemer* + *cin*] «предсказатель» < *ijē*- «видеть, смотреть; просматривать; испытывать»; *ögiyemür* [УМ, с. 283] «благодетель; щедрый» < *ögiye-* (~*ögi-* ~ *ögü-*)¹⁸ «давать, отдавать; подавать»; *köbegümer* [ТД, с. 43, F 33r, в: *köbegümer* + *küi*] «молодой возраст» < *köbegün* «ребенок, мальчик; сын».

В современных языках имеется ряд имен со значением результата, объекта действия, действующих лиц: халх. *бээмэр* «тухлый продукт» < *bege-* «протухать, загнивать, портиться»; *зөөмөр* «грузчик» < *jögege-* «таскать, перетаскивать; перевозить»; халх., бур. *түймэр*, калм. *түүмр* «пожар, бедствие от огненной стихии». Ср. бур. диал. *түй-* «причинять беду, нести муки и тяжести»; бур. лит. *выдерживать* и выносить основную тяжесть на себе»; халх., бур. *хоймор* «северная сторона юрты; почетное место в юрте»; < **хой-*. Ср. *хой-но* «север; на севере; сзади»; *хой-т* «северный, задний»; бур. диал. *эдимэр* «обжора» < *эди-* «есть, поедать; пожирать».

Поппе считал суффикс *-mAr* монголо-тюркским и сопоставлял с тюркским *-maz* ~ *-máz*, который употребляется для образования *Nomen praesantis negativum*. Этому тюркскому суффиксу соответствует чуваш. *-mar* со значением «не имеется, не существует» < **ämär* = тюрк. *ämáz*, т.е. тюркский *-maz* находится в ряду соответствий монг. *r* = чуваш. *r* = тюрк. *z* и выводится из более древней формы **-mar*.*

Что же касается негативного значения в тюркских языках, то и монгольский суффикс некогда употреблялся в таком же значении, например, *idemertekü* [Гол. I, с. 178] «портиться, созревать, гнить» при *idemer* — вероятно, первоначально «то, что человек не может есть» > «то, что человек может есть» [Porre, 1927, с. 121].

Суффикс *-mi*

Данный суффикс близок по значению с суф. *-m*. Но если последний относится к числу продуктивных как в монгольских, так и в тюркских языках, то *-mi* к таковому причислить нельзя. В текстах зафиксирован

¹⁸ Этой глагольной основе посвятил статью Б.Я. Владимирцов, в которой обосновал существование в монгольском языке разных глагольных основ с одним и тем же значением «давать» [Владимирцов, 2005, с. 845–846].

только *ami* [SH, § 137: НС, 36b, в: *ami-ban*; УМ, с. 388, в: *ami-du*: Н, с. 35 и МА, с. 100, в: *ami-n*] «душа; жизнь» (км. *ami(n) id.*) < *a-* «быть, существовать».

В классическом и современных языках имена на *-mi* обозначают предметы, являющиеся орудиями действия: км. *uqami* [Гол. I, с. 220] «кривое долото для выдалбливания внутренности в костяном наколочнике стрелы»; бур. *ухами* «зубило, тесло, долото для выдалбливания»; халх. *ухми* «изогнутый резец (для выдалбливания чаши и т.п.); изогнутое тесло» < *uqu-* «копать, рвать; ковырять; выдалбливать»; (км. *ürülbi* > *ürülmi* [Гол. I, с. 335] «шипцы, клещи») < *ürü-* [Гол. I, с. 336] «подпиливать, сглаживать; тереть».

Суффикс *-mĭ*

Суффикс *-mĭ* считается составным, состоящим из *-m* и *-ĭ* < *-*ċi* [Porre, 1927, с. 112].

В древнем и классическом языках не относился к числу продуктивных. Производные имена обозначают отвлеченные понятия или отдельные предметы: *itegemĭ* [SH, § 163–164] «вера; верность, достоверность; доверие, уверенность» (км. *itegemĭ id.*) < *itege-* «верить, надеяться»; *ĵokimĭ* [Н, с. 68, в: *ĵokimĭ-bar* — орудн. п.] «приличие, соответствие; годность, пригодность» (км. *ĵokimĭ id.*) < *ĵoki-* «соответствовать, подходить, годиться»; *ĵalĵamĭ* [НС, 18b] ~ *ĵalqamĭ* [God., с. 47] «связь, сцепление; продолжение, преемственность» (км. *ĵalĵamĭ id.*) < *ĵalqa-* «присоединять, связывать»; *bütümĭ* [НС, 18b] «исполнение; успех, достижение» (км. *bütümĭ id.*) < *bütü-* «исполняться, совершаться»; км. *orkimĭ* [Гол. I, с. 279] «широкая полоса красной материи, перекидываемая через плечо у лам» < *orki-* «отбрасывать, перебрасывать»; км. *üĵemĭ* [Гол. I, с. 316] «видимость; вид, наружность; образец, форма» < *üĵe-* «видеть».

Потребность в обозначении различных абстрактных понятий привела к активизации суф. *-mĭ* в современных монгольских языках, в которых он стал весьма активным в создании терминов с предметно-отвлеченной семантикой [Орловская, 1961; Бертагаев, 1974; Пюрбеев, 1984; Сусеева, 1978]; халх. *болгоомж*, бур. *болгоомжо*, калм. *болхамж* «предосторожность, осмотрительность» < *bolĵoĵa-* «быть осторожным, осмотрительным»; халх. *бодомж*, бур. *бодомжо* «обдумывание; суждение» < *bodu-* «думать, размышлять»; халх. *тохуромж*, калм. *тохрмж* «соответствие, годность» < *toĵira-* «соответствовать»; халх. *байгууламж*, бур. *байгууламжа* «устройство, структура» < *bayĵula-* «строить, организовывать; калм. *мартмж* «забывчи-

вость» < *marta-* «забывать», *байсмж* «радость, ликование» < *bayasa-* «радоваться»; халх. *удирдамж* «руководство» < *udurid-* «руководить»; халх. *хоромж*, бур. *хоромжо* «убыль, уменьшение; убыток, потеря» < *qoru-* «уменьшиться, убавляться»; халх. *тусламж*, бур. *туһаламжа*, калм. *туслмж* «помощь» < *tusula-* «помогать», калм. *батламж* «укрепление, утверждение» < *batula-* «укреплять»; халх. *төхөөрөмж* «оборудование» < *tögöger-* «оборудовать, собирать»; халх. *тэтгэмж* «пособие; пенсия» < *tetge-* «оказывать помощь, опекать».

Суффикс *-η* (км. *-ng*)

Сам этот суффикс был, видимо, непродуктивен [Poppe, 1927, с. 95] и зафиксирован только в слове *budan* (~ *budang*) [МА, с. 124] ~ *budan* [SH, § 213, в: *budan-tur*] «туман» (км. *budang* id.) < *buda-* «пачкать; красить». Но он входит в состав многих сложных (составных) суффиксов: *-lAng*, *-qulAng*, *-ngqAi*, *-nggi*, *-rAng*. И тем не менее в классическом и современных языках существует немало отглагольных производных на *-ng* с различными значениями: км. *dabsang* (*dabčang*) [Гол. III, с. 37] «трон, престол; пьедестал; уступ» ~ *dabčang* [Цэв., с. 178] «железнодорожная платформа» < **dabsa-* ~ *dabča-* ~ *debse-* «настилать, мастить; ступать, подпрыгивать»; *berteng* [Гол. II, с. 272] «вред, зло; язва» < *berte-* «быть поврежденным, изувеченным». Ср. *berte-* [НС, 22 в]: *berteyi-* «получить травму, увечье, изувечиться»; *serteng* [Гол. II, с. 414] «выдающийся вперед, оттопыренный (об ушах)», анат. «позвоночный отросток» < **serte-*, ср. *serteyi-* «выступать, торчать»; *yuldung* [Гол. II, с. 226] «арка, свод (под мостом в крепостных воротах)». Ср. *yuldu* [там же] «вдоль, по длине, продольный». Все эти имена существуют и в современном халхаском с аналогичными значениями.

В калмыцком и ойратском языках этот суффикс образует имена существительные со значением места определенного назначения: калм. *үвлзң*, ойр. *үвелзең* «зимовка, зимняя стоянка» < *ebüljī-* «зимовать»; калм. *хаварзң*, ойр. *хаварзъң* «весенняя стоянка» < *qaburji-* «проводить весну на весенних пастбищах»; калм. *намрзң*, ойр. *намържиң* «осеннее стойбище» < *namarji-* «проводить осень»; калм. *төгэлң*, ойр. *төгәлең* «окрестность, среда, окружение» < *tөгәл-* «обходить, объезжать». В баоаньском языке имена на *-η* (*-ң*) чаще всего обозначают предметы, являющиеся объектами действия: *тараң* «пашня» < *tari-* «пахарь», *ачаң* «груз, поклажа» < *ači-* «грузить, нагружать» [Тодаева, 1964, с. 34].

Суффикс *-qUi*

По своему происхождению этот суффикс представляет собой одну из трех форм причастия будущего времени. А так как причастные формы нередко выступают в значении *nomen actions*, принимая все грамматические категории, свойственные именам существительным, то данная форма использовалась и субстантивно: *aqui* [SH, § 25; HC, 21b] «бытие, существование; пребывание, наличие» < *a-* «быть, существовать»; *sereküi* [SH, § 20] «предчувствие, ощущение» (км. *sereküi* id.) < *sere-* «предчувствовать, ощущать; подозревать».

Из старописьменного монгольского языка этот суффикс был заимствован только современным монгольским литературным языком. В других монгольских языках и диалектах он не встречается.

В монгольском языке производные с этим суффиксом имеют отвлеченные значения: *мэдрэхүй* «чувство» < *medere-* «ощущать, чувствовать»; *сэтгэхүй* «мышление» < *setki-* «мыслить»; *бодохуй* «воображение» < *bodui-* «думать, соображать»; *мэдэхүй* «познание» < *mede-* «знать, узнавать».

В языке появился целый ряд терминов-неологизмов, среди которых преобладают логико-философские и научные понятия: *ангилахуй* «классификация» < *ангила-* «классифицировать, группировать»; *ялгаллахуй грам.* «склонение» < *ялгала-* «склонять»; *хэлбэлзэхүй* «колебания» < *хэлбэлзэ-* «колебаться»; *сунжрахуй* «растяжение» < *сунжра-* «вытянуться»; *өвчилэхүй* «заболеваемость» < *өвчил-* «болеть» и мн. др. [Бертагаев, 1974, с. 186; Пюрбеев, 1984, с. 53–54].

Суффикс *-r*

В древних текстах выявлены существительные на *-r* с различными конкретными и отвлеченными значениями: *anggir* [SH, § 78] зоол. «турпан» ~ [H, с. 36] «утка-селезень» (км. *anggir* «турпан») < **anggi-*, ср. *angna-* «охотиться»; *amur* [MA, с. 102, в: *amur ügei*; SH, § 156; H, с. 35, в: *amurli*] «спокойствие, благополучие» (км. *amur* [Гол. I, с. 63] «успокоение, отдохновение; благоденствие») < *amu-* «успокаиваться, отдыхать; благоденствовать»; *andaqar* [SH, § 108, в: *andaqartan*] ~ *andayar* [MA, с. 102] «клятва, присяга» (км. *andayar* id.) < *andaqa-* «присягать, клясться, приносить присягу»; *belçir* [SH, § 159, в: *belçir-e* мест. п.; § 161, в: *belçir-iyer* орудн. п.] «место слияния рек; перекресток» (км. *belçir* id.) < *belçi-* «разливаться, впадать»; *boljar* [MA, с. 121] «установленный срок; установленное, назначенное место» (км. *boljar* id.) < *bolja-* «договариваться заранее о сроке (месте)»; *nökör* [SH, § 13; H,

с. 80; НС, 30а] ~ *nöker* [МА, с. 261] «друг, товарищ, спутник» (км. *nökör* id.) < *nökö-* «комплектовать; добавить, дополнить»; *andaqar* [SH, § 108, в: *andaqartan*] ~ *andaγār* [МА, с. 102] «клятва, присяга» (км. *andaγar* id.) < **andaqa-* < ~ **andaγa-* < **andayi-* «клясться, присягать».

Суффикс *-r* известен почти во всех монгольских языках, хотя и не относится к числу продуктивных [Бертагаев, 1974, с. 214–220]. Рамстедт, а вслед за ним и Порре происхождения монгольского отглагольного суф. *-r* связывают с тюркским суф. *-r*, представленным в *Osmanli* в *Aorist'e* в виде *-r*, *-ir*, *-er* в *Participium praesentis futuri*, в орхонотюркском *-ir*, *-ur*, *-ar*; в алтайском *-ar*, *-ür* и в якутском *Nomen praesentis* на *-ar*. Этот же суффикс в краткой форме на *-r* образует в якутском именны́е формы [Porre, 1927, с. 121–122].

В современных монгольских языках производные имена на *-r* имеют значения результата действия, состояния, отвлеченных понятий, места действия: халх. *хавдар*, бур. *хабдар*, калм. *хавдр*, ойр. *хабдър* «опухоль» < *qabda-* «опухать»; халх. *шавар*, бур. *шабар*, калм. *шавр*, ойр. *шавър* «глина; грязь, слякоть» < *siba-* «обмазывать, замазывать»; халх., бур. *шүүр*, калм. *шүр* «сито, решето; фильтр» < *sigii-* «цедить, процеживать»; бн. *fiadэр*, мнгр. *fiadip* «коса, серп» < *fiadэ- ~ fiadi-* «косить»; халх. *хэвтэр*, бур. *хэвтэри*, калм. *кевтр* «постель, ложе, лежанка; лежка для скота»; ойр. *кэвтер* «лежка для скота» < *kevte-* «лежать»; халх., бур. *баяр*, калм. *байр* «радость, веселье» < **bayi-*, ср. *bayas-* «радоваться, веселиться»; халх., ойр. *ичир*, бур. зап. *эшэр*, калм. *ичр* «стыд, срам» < *içi-* «стыдиться».

Суффикс *-r* входит в состав многих других суффиксов (*-bur*, *-bir*, *-btUr*, *-ĕAr*, *-γAr*, *-γUr*), некоторые из них относятся к числу продуктивных.

Суффикс *-ri ~ -rin*

Хотя этот суффикс в живых диалектах нередко совпадает с суф. *-r* и в некоторых трудах отождествляется с последним [Сусеева, 1978, с. 118], но все же это самостоятельные суффиксы, так как в большинстве случаев они выступают как разные средства образования имен. Примеров же, где *-r* и *-ri* находятся в вариационном отношении друг к другу, немного: км. *jögeri*, халх. *зөөр*, бур. *зөөри* «имущество; достояние, состояние» < *jöge-* «таскать, перетаскивать; возить».

Производные на *-ri ~ -rin* обозначали место действия, названия предметов как результат действия, отвлеченные понятия: *bajri* [МА, с. 110, в: *bajrila-*; Н, с. 38, в: *bairiqai*] «место, стоянка, стойбище; размещение, местопребывания» (км. *bayiri* [Гол. II, с. 237] id.) < *bay-* ~ *bayi-* «быть, находиться; существовать»; *ne'uri* [SH, § 118] ~ *nüri* [МА,

с. 262] «кочевка; расстояние между кочевьями» (км. *negüri* id.) < *ne'ü- ~ niï-* «кочевать, переселяться; менять пастбища»; *sa'uri(n)* [SH, § 204] ~ *sayurin* [НС, 1b] «место, сиденье; трон, пьедестал» (км. *sayuri ~ sayurin* id.) < *sa'u- ~ sayu-* «сидеть, жить, иметь место жительства»; *uidqari* [UM, с. 384] «усталость, скука; грусть, тоска» (км. *uyidqar(i)* [Гол., с. 202] id.) < *uyidqa-* «наводить тоску, уныние, грусть»; *gemsiri* [TD, с. 48, F 39v] «раскаяние, сожаление» < *gemi-* «раскаиваться, сожалеть»; *qubçiri* [SH, § 151] ~ *qubçirin* [Н, с. 91] «долг, обязательство; повинность; дань, налог» < *qubçi-* «собирать налог, подать»; *a'uljari(n)* [Н, с. 37] ~ *ha'uljari(n)* [God., с. 52] «подарок, презент; пожертвование во время аудиенции» < *a'ulja-* 1) «встречаться»; 2) «приносить подарок во время аудиенции».

Этот суффикс известен и в современных языках, хотя и относится к малопродуктивным [Бертагаев, 1974, с. 221]. Например: халх. *суурь*, бур. *хуури* «место, основание; базис; фундамент» < *sayu-* «садиться, сидеть»; халх. *гумарь* «испорченность; посрамление» < *γuta-* «портиться; изменяться к худшему; срамиться, позориться»; бур. *тамару* «оброк, подати, сбор» < *tata-* «тащить, тянуть, вытаскивать»; халх. *гайхарь* «что-либо достойное удивления» < *γayıqa-* «удивляться»; халх. *дуусгарь* «конец, завершение» < *dayusqa-* «заканчивать, завершать».

Суффикс -s

Суффикс -s относится к числу малораспространенных и непродуктивных. Производные имена обозначают результат действия или состояние соответственно содержанию производящей основы: *alj'i'as* [SH, § 201] ~ *aljās* [MA, с. 99, в: *aljāstu*] «ошибка, погрешность; заблуждение» (км. *aljıyas* [Гол. I, с. 53] «ошибочное представление; изнурение») < *aljıya- ~ aljı'a- ~ aljā-* «уствовать, утомляться, изнуряться»; *joqis* [НС, 30b] ~ *joqis ~ joqus* [MA, с. 208, в: *joqistu ~ joqustu*] «необходимость; то, что подходит; подходящий, подобающий случай (момент)» (км. *jokis* «приличие; соответствие чему-либо» < *joqi- ~ joqu-* «соответствовать, подходить, годиться»; *eçüis* [НС, 3a] «конец» (км. *eçüis*, халх. *эцэс* id.) < *eçe- ~ eçü-* «уствовать, утомляться; выбиваться из сил».

Суффикс -ši (км. -si)

С этим суффиксом зарегистрировано незначительное количество производных со значением результата, объекта или места действия: *ideši* [SH, § 195, в: *idesitü*; Н, с. 62, в: *idesiten*] ~ *ideši* [MA, с. 91] «пища, еда» (км. *edesi* id.) < *ide-* «есть, кормиться»; *kebdesi* [SH, § 78; MA, с. 212, в:

kebtesidēn] «лежанка, ложе; логовище» (км. *kebtesi* [Гол. III, с. 553] id.) < *kebte-* «лежать, укладываться на лежанку, лежку»; *tülesi* [SH, § 161, в; *tülesile-*] «топливо, дрова» (км. *tülesi* id.) < *tüle-* «топить, разжигать».

Значительно чаще имена на *-si* использовались в классическом и современных языках со значением результата, объекта или места действия: км. *bulasi*, халх. *були*, бур. *булаша* «курган, могила; кладбище» < *bul-* «зарывать, закапывать»; халх. *tamaš* «рубленое или молотое мясо; суп из мелко нарезанного мяса» < *tata-* «крошить, молот, рубить»; халх. *зууш*, бур. *зууша* «закуска», калм. *зуш* «студень» < *јау-* «кусать, держать в зубах»; халх. *тээш*, даг. *тэши* «груз, поклажа» < *tege-* «грузить, перевозить».

Появление в современном монгольском языке неологизмов свидетельствует о возрастающей активности этого суффикса, например: *угааш* «белье» < *uqiya-* «мыть, стирать»; *хайли* «сплав» < *qayila-* «плавиться, таять»; *дарш* «силос» < *dara-* «жать, давить»; *онош* «диагноз» < *ono-* «предвидеть, разгадывать».

Суффикс *-sUn* ~ (км. *-sUn*)

Суффикс *-sUn*, рассмотренный выше, как образующий имена существительные от именных основ, которые в большинстве случаев уже не употреблялись в качестве самостоятельных лексем, участвует в производстве имен и от глагольных основ, образуя довольно широкий круг названий предметов как объектов или результатов действия: *nilbusun* ~ *nilbusu* [SH, § 173] «плевок; слеза» (км. *nilbusun* ~ *nilmusun* id.) < *nilbu-* ~ *nilmu-* «плевать»; *nabtasu(n)* [MA, с. 244] «тряпка, лоскут, ветошь, отрепье; что-либо изорванное в куски» (км. *nabtasu* id.) < **nabta-*, ср. *nabtayi-* «висеть, отвисать; нависать»; ср. *nabtarqai* [SH, § 112] «разорванный, изношенный, ветхий»; *nemesün* [UM, с. 283] «добавка, придача» < *neme-* «добавлять, прибавлять, дополнять». Отметим, что «ранее это слово в таком оформлении нигде не зарегистрировано» [Cleaves, 1938, примеч. 90]. Ср. *neme'esün* [SH, § 199; Н, с. 78; км. *neme gesün*] id.; *anjisun* [UM, с. 288] «плуг, соха» (км. *anjisu* ~ *anjisun* [Гол. I, с. 6] id.) < **anjī-*.

Имена с этим суффиксом широко представлены в классическом и современных языках: км. *ebkesün* [Гол. I, с. 111] «ткацкий станок; коклюшка, на которую наматываются нитки» < *ebke-* «свертывать, складывать»; км. *kögesün* ~ *kögesü* [Гол. III, с. 657], халх. *хөөс(өн)*, бур. *хөөхэсэ(н)*, калм. *көөсн*, ойр. *көөсен* «пена» < *köge-* «вздуться, разбухать; вспучиваться»; км. *imeresün* [Гол. I, с. 190] «плети, спряденная нитка; усы стелющихся растений»; халх. *имэрсэн*: 1) «ткань, пропи-

танная порохом, для разведения огня, 2) фитиль» < *imer-* «крутить, сучить, вить»; км. *уyasu(n)* [Гол. I, с. 254] «повязка; ремни у сапог»; халх. *уяас* «повязка; узел» < *ууа-* «вязать, привязывать, подвязывать»; дунс. *нумбусун* «слиюна» < *нумбу-* «плевать»; даг. *нэмбус* «одеяло; накидка» < *нэмбу-* «накрывать, покрывать»; ойр. *нурасън* «обвал, оползень» < *нура-* «обвалить, обрушить».

Суффикс *-sun* входит в состав весьма распространенного и близкого по значению суф. *-dAsun*.

В наших текстах имена с этим суффиксом не отмечены, однако они известны в классическом и особенно в современных языках, где передают значения результата или процесса действия, душевного состояния, реже — действующего лица: км. *ĉabĉidasu(n)*, халх. *цавчдасан*, бур. *сабишадан(н)* «шепки» < *ĉabĉi-* «рубить, разрубать»; км. *orkidasu(n)*, халх. *орхидос(он)*, бур. *орхидоно(н)* «отбросы, остатки, объедки; сор, мусор» < *orki-* «оставлять, покидать; бросать, отбрасывать»; км. *kebidesü*, халх. *хэвдэс*, бур. *хібэдэхэ(н)* «жвачка» < *kebi-* «жевать жвачку»; км. *ayidasun*, халх. *айдас(ан)*, бур. *айдаһа(н)* «страх, боязнь, ужас» < *ayi-* «бояться, страшиться»; км. *jarudasu(n)*, халх. *зардсан* уст. «слуга, батрак» < *jaru-* «использовать для услуг, распоряжаться».

Производные с этим суффиксом получили широкое распространение в современной монгольской терминологии, при этом производящими могут быть как глагольные, так и именные основы [Бертагаев, 1974, с. 165–173].

Модель на *-dac/-tas* имеет явную тенденцию закрепиться за медицинской терминологией: *олгойдос* «аппендицит» < *олгой* «толстая кишка»; *булчирхайтас* «аденит» < *булчирхай* «железа; лимфатический узел»; *ястас* «остит» < *яс(ан)* «кость», *боортос* «нефрит» < *боор* «почки», *арьстас* «дерматит» < *арьс(ан)* «кожа» [Пюрбеев, 1984, с. 51–52].

4. СУФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

4.1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных и наречных основ

Количество суффиксов, образующих прилагательные от именных основ, незначительно. Некоторые из них зафиксированы в единственном числе: так, суффикс *-bi* (= *-bin*) обнаружен только в тексте SH в слове *erebin* (§ 265) «храбрые, смелые, отважные» < *ere* «мужчина», перен. «мужество, храбрость».

Суффикс *-dA ~ -dU* (км. *-dA ~ -dU*, иногда *-dAi*)

По своему происхождению этот суффикс восходит к монгольскому локативу на *-du* (*-da*), который, в свою очередь, соответствует тюркскому локативу *-da* < — *da* [Poppe, 1927, с. 123].

Он образует имена прилагательные со значением наличия или обладания качеством, обозначенным в маркирующей основе, или указывающие на местонахождение: *dalda* [SH, § 208; MA, с. 138] «скрытый, тайный, секретный; тайно, скрыто (км. *dalda ~ daldu* [Гол. III, с. 58–59] id.) < *dal* «теплый крытый загон для крупного рогатого скота», *amidu* [MA, с. 100; SH, § 78; UM, с. 368; HC, 36a, 38a] «живой, одушевленный» (км. *amidu ~ amidui* [Гол. I, с. 60] id.) < *ami* «жизнь»; *amtatu* [HC, 36a; MA, с. 101] «вкусный» (км. *amtatu ~ amtatai* [Гол. I, с. 64] id.) < *amta* «вкус»; *doradu* [MA, с. 143] «низкий, нижний; незначительный» (км. *dooradu* [Гол. III, с. 154] id.) < *dora ~ door* «внизу»; *ča'ada* [SH, § 226] «отдаленный, дальний, противоположный» < *ča'a-* (= *čaya-*) пассивный корень. Ср. *čayadaqi* «находящийся по ту сторону»; *čayanaqi* «что-либо находящееся по ту сторону чего-либо»; *čayasi* «далее; подальше»; *daldadu* [MA, с. 138] ~ *daldada* [SH, § 277] «тайный, скрытый» < *dalda* «скрытый, тайный; скрыто, тайно»; *emünedü* [H, с. 54] ~ *ömünedü* [MA, с. 65] «передний, южный, обращенный на юг» (км. *emünedü* [Гол. I, с. 130] id.) < *emüne ~ ömüne* «вперед, впереди; юг, южная сторона»; *dumdadu ~ damdatu* [SH, § 53, 244] ~ *dundadu* [MA, с. 144] «средний, срединный, центральный» (км. *dumdadu* id.) < *dumda ~ dunda* «середина, средний»; *dotoradu* [H, с. 50] «находящийся внутри, внутренний» < *dотора* [MA, с. 143] «внутри, среди, между»; *γadādu* [MA, с. 175] ~ *γadaγadu* [HC, 24a] «внешний, наружный; иноземный» (км. *γadaγadu* [Гол. II, с. 204] id.) < *γadaγa* > *γadā* «вне, снаружи».

Аналогичные производные прилагательные существуют и в современных монгольских языках.

Суффикс *-dAki ~ -tAyi* (км. *-dAki ~ -tAki*)

Данный суффикс, состоящий из форманта локатива *-dA* и адъективного *-ki*, образует имена прилагательные локативного содержания с указанием на место нахождения, согласно значению маркирующей основы: *gerteki* [MA, с. 171] «домашний, находящийся дома» < *ger* «дом, юрта»; *modundayi* [MA, с. 237] «находящийся на дереве» < *modun* «дерево»; *jaqadaki* [SH, § 146] «находящийся на воротнике» < *jaqa* «воротник»; *qüjüqündeki* [SH, § 146] «находящийся на шее» < *qüjüqün* «шея»; *γajartaγi* [MA, с. 174] «находящийся на земле» < *γajar* «земля»;

местность, место»; *ni'ürtaki* [МА, с. 174] «находящийся на поверхности (досл.: на лице)» < *ni'ür* «лицо». Производные на *-dAki* известны и в современных языках, но наиболее продуктивным является суффикс *-ki*, присоединяющийся помимо локативных и к другим именным и наречным основам (см. ниже).

Суффикс *-ki* (км. *-ki* > *-qi* ~ *-gi*)

Этот общеалтайский суффикс, входящий в качестве составного элемента в некоторые другие суффиксы, образует имена прилагательные от наречных — реже именных основ со значением местонахождения или времени пребывания.

Прилагательные, производные от основ наречий места, имеют локальное значение, от наречий времени указывают на отношение ко времени, обозначенному в маркирующих основах: *edügeki* [UM, с. 327] «настоящий; современный» (км. *edügeki* id.) < *edüge* «сейчас, теперь»; *tendeki* [TD, с. 37, F 25g] «находящийся там, тамошний» (км. *tendeki* id.) < *tende* «там»; *degereki* [НС, 26b] «находящийся наверху»; над чем-либо» (км. *degereki* id.) < *degere* — послелог «на, над; наверху; *dotaraqı* [МА, с. 143] «внутренний, находящийся внутри» (км. *dotaraqı* id.) < *dotar* ~ *dotor* «нутро, внутренность»; *orçinqı* [МА, с. 63] «находящийся поблизости, в окрестности» < *orçin* «окрестность; вокруг, около, вблизи»; *jüraqı* [МА, с. 63] «находящийся в промежутке; промежуточный» (км. *jayuraki* [Гол. III, с. 439] id.) < *jüra* [МА, с. 211] «посредник, находящийся между двумя субъектами (объектами)»; (км. *jayura* [Гол. III, с. 438] «в промежутке чего-либо; краткий промежуток времени; на лету; на пути»); *törelki* [SH, § 201; МА, с. 353] ~ *törülki* [SH, § 201] «врожденный, присущий от рождения» (км. *törölki* id.) < *töröl* «рождение, родство, родня»; *erteki* [МА, с. 165] «ранний, давний» < *erte* «давно, прежде, раньше».

Иногда к суффиксу *-ki* присоединяется *-n*, придавая производным субстантивное значение: *olongkin* [SH, § 194; ~ *olonkin* [SH, § 174] ~ *olangkin* [H, с. 81] «большинство, многочисленность» (км. *olangkin* id.) < *olon* < *olan* «много»; *noyakin* [SH, § 46 и др.] досл. «те, которые принадлежат к князьям» (название рода) < *noyan* «князь, господин».

Производные на *-ki* распространены и в современных языках: халх. *өглөөгүүрх*, бур. *үглээгүүрхи* «утренний» < *өглөөгүүр* ~ *үглээгүүр* «утром»; халх. *маргаашхи*, калм. *маңһдурк* «завтрашний» < халх. *маргааш*, калм. *маңһдур* «завтра»; халх. *өцөгдөрх*, калм. *өцклдүрк* «вчерашний» < халх. *өцөгдөр*, калм. *өцклдүр* «вчера»; халх. *эндэх*, бур. *эндэхи*, калм. *эндк*, ойр. *эндеке* «здешний, находящийся здесь» < *ende* «здесь»;

халх. *урьдах*, бур. *урдаху*, калм. *урдх*, ойр. *урдъкъ* «прежний» < *urida* «прежде, раньше».

Суффикс *-liq*² (км. *-liγ* — иногда *-luγ*)

Этот общеалтайский продуктивный суффикс образует от именных основ не только прилагательные, но иногда и существительные. Причем продуктивность суффикса зависит от исходного значения производящих основ. В связи с различными значениями таких основ прилагательные с этим суффиксом представляют собой сложную семантическую группу. Это наличие качества, содержащегося в каком-либо предмете как без особого излишества, так и в большом количестве; подобие и склонность к тому, что обозначено в исходной основе, обладание характерным признаком, особенностью внешности и т.п.

Что касается происхождения этого суффикса, то по этому поводу высказано «довольно много (часто диаметрально противоположных) суждений» [Кононов, 1980, с. 105].

Это дало, вероятно, повод ученым прийти к выводу, что в этом суффиксе совпало несколько омонимичных показателей: 1 — с уподобительно-уменьшительным значением; 2 — с множественно-собирательным значением, из которого развилось значение интенсивности признака; 3 — значение места [Кононов, 1960, с. 27; Левитская, 1976, с. 145–146]. Кононов наиболее вероятным считал предположение Бётлингга, что общетюркский *-liq*, *-lik*, *-luq*, *-lük* восходит к афф. *-la*, *-lä* (генетически связанному с афф. мн. ч. *-lar*, *-lär*) + *-q*, *-k* [Кононов, 1980, с. 106].

Поппе монгольский *-lig* сопоставлял с тюркским суф. *-liq* ~ *-lik*, восходящим к общетюркскому **-liq* ~ **-lik*. При этом он считал, что в праязыке существовало два различных суффикса: 1) **-liq* ~ **-lik* (> монг. *-lig* = тюрк. *-liq* ~ *-lik*) и 2) **-liγa* ~ **-lige* (> монг. *-luγa* ~ *-lüge* = тюрк. *-liγ* ~ *-lig*) [Ропре, 1927, с. 123–124].

Котвич не исключал возможности считать исконной формой этого суффикса *-l*, как показателя мн. числа в тунгусских языках. Но за основную форму автор принимал все же *-liγ* ~ *-lig*, которая, как он полагал, подверглась различным фонетическим преобразованиям. При этом ученый отмечал, что «конечный согласный *-γ* ~ *-g* сохраняют только немногочисленные диалекты (язык орхонских надписей, сибирский и тувинский); другие заменяют его глухим взрывным *-q* ~ *-k*... или фрикативным *-x*» [Котвич, 1962, с. 109–111].

Кононов, учитывая высказывания Бётлингга и Котвича, признавал, что «афф. *-liγ* состоит из двух морфем: *-l + -γ(g)*: первая имеет значение комитатива — собирательности-множественности, вторая — отглагольного прилагательного и имеет общее происхождение с афф. имен прилагательных на *-γй*). В древнетюркском конечные форманты *-γ (-g)* и *-q (-k)* различались по функциям: первый образует имена прилагательные, второй — существительные. В современных тюркских языках у афф. *-liq, -lik* наряду с субстантивными присутствуют и адъективные значения, что объясняется оглушением конечных звонких согласных *-γ (-g) > -q (-k)* [Кононов, 1980, с. 106]. Вероятно, поэтому и монгольские производные с суф. *-liq ~ -liγ* являют собой сложную семантическую гамму, представляющую как прилагательные, так и существительные. В древних монгольских текстах производные с этим суффиксом имели как предметное значение, так, пожалуй, и, не в меньшей степени, адъективное: *tngerliq* [TD, с. 30, F 15r] «божественный» < *tingri* > *tnger* «небо, божество»; *qalqanliγ* [UM, с. 366] «имеющий щит, защищенный» < *qalqa(n)* «щит, прикрытие»; *qajarliγ* [UM, с. 37b] «земельный, принадлежащий земле» < *qajar (= γajar)* «земля», *qanliγ* [HC, 28a] «ханский, уподобляющийся хану» < *qan* «хан»; *andalik ~ andaliq* [God., с. 34] «дружеский» < *anda* «друг, приятель; побратим»; *bayasqulanliq* [MA, с. 64] «веселый» < *bayasqulan* «радость, веселье»; *qaranquluq* [MA, с. 292] «темный; темнота» < *qaranqu* «темный».

Суффикс *-liγ* продуктивен в классическом и особенно в современных (халхаском, бурятском, в меньшей степени в калмыцком) языках [Сусеева, 1978, с. 130]: (км. *miqaliγ ~ migalay* [Гол. III, с. 306], халх. *махлаг*, бур. *мяхалаг*, *мяхалиг*, калм. *махльг* «мясистый, полный, породный» < *miqa(n)* «мясо»; км. *büdügüleg* [Гол. II, с. 325], халх. *бүдүүлэг*, бур. *бүдүүлиг* «невежественный, некультурный, грубый; отсталый, примитивный» < *büdügün* «толстый, грубый»; км. *tungyalay* [Гол. III, с. 158], халх., бур. *тунгалаг* «чистый, ясный, прозрачный» < *tungya-* «очищать, процеживать, отстаивать»; бн. *таpбалоh* «толстый, жирный» < *taryun* «жирность, упитанность»; халх. *хүхэрлэг* «сернистый» < *kükür* [Гол. III, с. 662] «горючая сера»; км. *dabusuliγ* [Цэв., с. 176], халх. *давслаг*, бур. *дабхалиг* «солоноватый» < *dabusun* «соль»; км. *temürliγ* [Цэв., с. 551], халх. *төмөрлөг*, бур. *түмэрлиг* «металлический, железистый, похожий на металл» < *temür* «железо».

В бурятском языке под влиянием русского языка появились имена прилагательные — неологизмы от числительных, а также от заимствованных русских слов: *хоёрлиг* «двойственный» < *хоёр* «два»; *гурвалиг*

«тройственный» < *гурбан* «три»; *геройлиг* «героический» < *герой* «герой»; *серплиг* «серпастый» < *серп* «серп» и др. [Дондуков, 1964, с. 76].

Суффикс *-tAi* (км. *-tAi*)

Этот суффикс генетически связан с суффиксом *-tAn*, который рассматривается как мн. ч. для *-tAi* и *-tu* [Котвич, 1962, с. 113], что не противоречит мнению, что исходным значением *-tAn* является обозначение племенной принадлежности лиц и впоследствии совокупности лиц и предметов (см. об этом выше).

Появился *-tAi* на основе обычного для монгольских языков перехода $n > i$ [Владимирцов, 1929, с. 350–351].

Этот продуктивный суффикс служит для образования имен прилагательных со значением обладания качеством или признаком, выраженным в производящей основе: *amtatai* [SH, § 188] «вкусный, сладкий, приятный» (км. *amtatai* id.) < *amta* «вкус»; *altatai* [SH, § 188] «золотой, золотистый» (км. *altatai* id.) < *alta(n)* «золото»; *geretei* [SH, § 66] «светлый, освещенный» (км. *geretei* id.) < *gere* ~ *gerel* «свет, освещение»; *sölsütei* [SH, § 74] «отважный» < *sölsü(n)* «отвага»; *harbantai* [SH, § 66] «десятилетняя» (км. *arbantai* id.) < *harban* ~ *arban* «десять»; *jöbtei* [НС, 4а] «благоклонный; благоприятный; правильный» < *jöb* «верно, правильно».

Производство имен прилагательных посредством суффикса *-tAi* — явление распространенное и продуктивное в монгольских языках, особенно в халха-монгольском [Орловская, 1961, с. 91–93; Бертагаев, 1974, с. 156]. С участием *-tAi* формируются как относительные, так и качественные прилагательные со значением обладания чем-либо или отношения к тому, что выражено в производящей основе: халх. *түгшүүртэй* «тревожный, беспокойный» < *түгшүүр* «тревога, беспокойство, волнение», бур. *түгшүүрилтэй* «напряженный, натянутый» < *түгшүүрил* «напряженность, натянутость»; халх. *өвстэй*, бур. *үбһ-этэй*, бн. *вэсоцтэ* «травянистый, травяной» < *ebesün* «трава, сено»; км. *отуутай*, халх., бур. *омогтой*, калм. *омогта*, ойр. *омьгта* «гордый, высокомерный, надменный» < *отуу* «гордость, высокомерие»; халх. *бодтой* «материальный, вещественный; действительный» < *бод* филос. «предмет, материал, вещество»; бур. *бодолтой* «мыслящий, сообразительный, умный» < *бодол* «мысль; мнение, предположение».

Суффикс *-tU* (км. *-tU*)

Как и *-tAi*, этот суффикс генетически связан с суффиксом *-tAn*, представляя собой его апокопированную разновидность, очень близкую по значению с *-tAi*, наряду с которым является одним из весьма

продуктивных суффиксов образования прилагательных от именных основ. Производные на *-tU* передают значения обладания свойством или качеством, присутствующим в производящей основе, или указывают на отношения к предмету или явлению соответственно значению, заложенному в основе: *güçütü* [H, с. 57; SH, § 194] ~ *küçütü* ~ *küçitü* [MA, с. 225] «сильный, мощный» (км. *küçütü* id.) < *küçün* «сила, мощь»; *adatu* [UM, с. 368] «опасный, злой» (км. *adatu* [Гол. I, с. 29] «беснующийся, сумасшедший») < *ada* «злой дух; демон»; *omoqtu* [SH, § 194] «гордый, надменный» (км. *omoqtu* ~ *omoytai* [Гол. I, с. 250] id.) < *omoq* ~ *omoy*; «гордость, надменность, высокомерие»; *sayitu* [TD, с. 21, F 2r] «прекрасный, красивый» < *savin* «хороший; добрый»; *yaratu* [SH, § 73] «раненый» < *yara* «рана; язва; болячка»; *bilektü* [H, с. 41; MA, с. 119] «мудрый, умный, разумный» (км. *biligtü* id.) < *bilik* ~ *bilig* «знание, мудрость; умение»; *erdemtü* [UM, с. 375; SH, § 244] «образованный, обладающий знаниями» (км. *erdemtü* id.) < *erdem* «наука, образование»; *jöriytu* [UM, с. 368] «смелый, отважный» (км. *jöriytu* id.) < *jöriy* «смелость, отвага».

Производные на *-tU* (с апокопированным конечным гласным в халх. и иногда в калм. языках), как и прилагательные на *-tAi*, широко распространены и в современных языках: халх. *чулуут*, бур. *шулуута* «каменистый» < *çilayun* «камень»; халх. *ачут*, бур. *ашата*, калм. *ачта*, ойр. *ачить* «благодетельный; достойный; благодарный» < *açi* «услуга, благодеяние, доброта», халх. *элст*, бур. *элхэтэ*, калм. *элстэ*, ойр. *элсте* «песчаный» < *elesü(n)* «песок»; халх. *сахалт*, бур. *хахалта*, калм. *сахлт*, ойр. *сахълтэ* «бородатый» < *saqal* «борода; усы».

4.2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ

Суффикс *-q* ~ *-k* (км. *-γ* ~ *-g*)

Прилагательные с этим суффиксом выявлены в словах: *ölük* [SH, § 201] «мертвый, бездыханный» (ср. др.-тюрк. *ölüg* «покойный, усопший» < *öl-* «умереть»); *elbeg* [UM, с. 372: в: *elbeg-tü*] «обильный, изобилующий» (км. *elbeg* [Гол. I, с. 124 id.] < **elbe-* > *elbeçi-* «изобилывать, быть в изобилии»; *ögüg* [MA, с. 274, в: *ögüg mal*] «налоговый скот; налоговое имущество» < *ög-* «давать, отдавать».

Подобные прилагательные известны в классическом и современных языках со значением свойства, качества или склонности к тому, что выражено в глагольной основе: км. *omorqay*, халх. *оморхог*, бур.

омогорхог, калм. *омрхг* «гордый, высокомерный» < *omorqa-* «гордиться, кичиться, похваляться»; км. *иҗу*, халх. *ужиг*, бур. *ужаг*, калм. *ужж* «хронический, затяжной; мелочный» < *иҗ-* «задерживаться, тянуться, длиться»; км. *begereg*, халх., бур. *бээрэг*, калм. *беерг*, ойр. *бээрэг* «зябкий, мерзнувший» < *begere-* «мерзнуть, зябнуть, коченеть»; км. *teneg*, халх., бур. *тэнэг*, калм. *тенг* «глупый, неумный» < *тenc-* «глупеть; ошибаться, заблуждаться».

В бурятском языке этот суффикс не принадлежит к активным [Бертагаев, 1974, с. 189], тогда как в калмыцком считается продуктивным [Сусеева, 1978, с. 134].

Суффикс *-qAi* (км. *-γAi* ~ *-qAi*)

Прилагательные с этим суффиксом обозначают, как правило, внешний вид, форму, свойства и качества предметов, реже — живых существ, что зависит от значения основ чаще всего непереходных глаголов: *nabtarqai* [SH, § 112] «рванный, изодранный в куски; изношенный» (км. *nabtarqai* id.) < *nabtar-* «изнашиваться, рваться; разорваться»; *qabtaqai* [MA, с. 285; Н, с. 85; SH, § 254] ~ *qabtayai* [MA, с. 285] «плоский, сплюснутый» (км. *qabtayai* id.) < **qabta-*. Ср. км. *qabtayai-* [Гол. II, с. 86] «быть плоским»; *qabčiqai* [SH, § 129] «сжатый, узкий; сплюснутый» (км. *qabčiyai* id.) < *qabči-* «сжимать, сдавливать, стискивать»; *ququrqai* [MA, с. 310] «сломанный, обломанный» (км. *quyurqai* id.) < *ququra-* ~ *quyura-* «изломаться, переломиться; сокрушаться»; *keltegei* [SH, § 176] «кривой, покосившийся на одну сторону; косой» ~ *keltegei* [MA, с. 215] «ломаный, неровный» ~ *kelterkei* [MA, с. 215] «вышербленный» (км. *kelterkei* «отломившийся, отколовшийся; обломок, осколок») < *kelte-* > *keltere-* «обламываться, откалываться»; *seterkei* [MA, с. 321] «разбитый, треснутый» (км. *seterkei* id.) < *setere-* «образовываться (о провале, проломе, трещине), обрушаться (о стене)»; *tamturqai* [MA, с. 340] «рванный» (км. *tamturqai* [Гол. III, с. 67] «изломанный, поврежденный») < *tamtura-* «ломаться, повреждаться»; *туруqai* [SH, § 194, в: *туруqat* — *t* мн. ч.] «тощий, слабый, худой». Ср. *туранхай* [МНТ, § 194 id.] < *туру-* «худеть, тощать».

Модель с этим суффиксом известна и в современных языках, хотя суффикс и не относится к продуктивным: халх. *шамдгай*, бур. *шамдагай*, калм. *шамдһа* «старательный, прилежный; расторопный, проворный» < *simda-* «быть прилежным, усердным; спешить, торопиться»; халх. *халуцай* «скудный, редкий (о растительности, мехе)», калм. *халуца* «голый, не покрытый растительностью» < **qalča-*. Ср. *qalcara-* «облезать, выпадать, вылезать», халх., бур. *dalbagaй* «широкий, плоский

(о предмете неправильной формы)», бур. «широкополюй (о шляпе), пологий (о холме)» < **dalba-*. Ср. *dalbavi-* «быть широким и плоским (о предмете неправильной формы)», халх., бур. *шунахай* «алчный, жадный» < *sinu-* «быть жадным, алчным до чего-либо».

Суффикс *-qai* входит в состав многих других суффиксов (*-rqai*, *-taqai*, *-ngqai*) [Рорре, 1927, с. 109–110].

Суффикс *-qAn²* (км. *-γAn*)

Этот суффикс принадлежит к активным в сфере производства имен существительных (см. выше), но при образовании имен прилагательных не относится к числу продуктивных. Узкий круг производных с этим суффиксом обозначают цвета и некоторые другие качества соответственно значению маркирующей основы (иногда от пассивных корней): *caqān* [SH, § 63; Н, с. 45] ~ *cayan* [МА, с. 130] «белый» (км. *cayan* id.) < **ca-*. Ср. *cayi-* «становиться белым»; *ceügen* [SH, § 21] «светлый, белый» < **ceü-*; *hula'an* [SH, § 81; Н, с. 61; МА, с. 187] «красный» (км. *ulayan* id.) < **ula-*. Ср. *ulayi-* «краснеть»; *uda'an* [SH, § 184, 279] «медленный, медлительный» (км. *udayan* id.) < *uda-* «медлить, мешкать; замедлять»; *yubuqan* [SH, § 90; Н, с. 110] ~ *yabuyan* [МА, с. 386] «пеший; пешеходный» (км. *yabuyan* id.) < *yabu-* «идти, передвигаться».

В современных языках прилагательные с данным суффиксом также не имеют широкого распространения.

Суффикс *-qAr²* (км. *-γAr*)

Модель на *-qAr* присутствует в значительной группе имен прилагательных (особенно в классическом и современных языках), отличающихся от прочих прилагательных своеобразным значением. Они образуются, как правило, от пассивных глагольных корней, от которых возник особый разряд так называемых образных глаголов на *-yi-* < **-gi-*.

Суффикс *-qir* ~ *-γar* членится на *-r* и *-gi*, где последний является древним суффиксом, образующим глагольные основы, и который сейчас сохранился только в форме *-yi-*. В составном суффиксе *-qir* ~ *-γar* гласные *i* ~ *a* выполняют лишь связующую роль [Рорре, 1927, с. 105], т.е. реальным суффиксом прилагательных является только *-r*, а *-qA* — это суффикс вторичной основы так называемых кинемато-изобразительных слов, от которых образуются прилагательные [Цыдендамбаев, 1958, с. 149].

Основным значением прилагательных на *-qAr* является указание на отрицательные свойства, качества, а также форму, объем, размер, пред-

ставляемые образно. Поэтому большинство таких прилагательных на русский язык переводится описательно в виду их особой выразительности. Благодаря специфическому лексическому значению круг подобных прилагательных ограничен наличием образных, кинематоизобразительных глаголов: *saqlaqar* [SH, § 57] «развесистое дерево» (км. *saqlaqar* id.) < **saqla-*; ср. *saqlayi-* «быть развесистым, раскидистым»; *darbayar* [TD, с. 59, F 55v] «толстогубый, толсторотый» < **darba-*; ср. *darbayi-* «широко раскрываться; быть толстогубым»; км. *irjayar* [Гол. I, с. 199] «оскаленный (о зубах)» < *irja-*. Ср. *irjayi-* [МА, с. 198] «оскаливать, скалить зубы», халх. *ярзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр* «оскаленный, с оскалом; неровный, шероховатый»; км. *daljıyar* [Гол. III, с. 60] «кривой, косой»; халх. *далжгар* id.; < **dalji-*; ср. *daljiyi-* «склоняться, наклоняться на бок»; км. *bujiyir* [Гол. II, с. 312], халх. *бужгир*, бур. *буржагар* «курчавый, кудрявый» < **buji-*; ср. *bujiyi-* «курчавиться, становиться курчавым»; *sibtuyar* ~ *šibtuyar* [Гол. II, с. 485], халх. *шувтгар* «узкий в нижней части тела и широкий в верхней; узкий в бедрах» < **sibtu-* ~ **šibtu-*; ср. *šubtayi-* «сужаться к низу и расширяться кверху».

Ныне данный суффикс воспринимается как неразложимый на компоненты. Несмотря на специфику семантики и словообразовательной структуры маркирующих глагольных основ, суффикс считается распространенным [Porpe, 1927, с. 105]. В современном бурятском языке причисляется к числу продуктивных и употребительных моделей, хотя круг определяемых имен ограничен объемом смысловых связей [Дарбеева, 1962, с. 121–122].

Суффикс *-qU* ~ *-’ı* (км. *-γи*)

Модель с этим суффиксом характеризует производные прилагательные как обозначающие качества (иногда отрицательные), признак, свойства или состояния, заложенные в производящей основе: *qata’ı* [МА, с. 295; ~ *qata’u* (*qatayu*) Н, с. 89; ~ *qataqu* УМ, с. 368] «крепкий, жесткий, суровый» (км. *qatayu* id.) < *qata-* «сохнуть, затвердевать, застывать»; *haljaqu* (= *haljayu*) [Н, с. 60] «бешеный, яростный, неистовый» (км. *yaljayu* id.) < **yalja-*; ср. *yaljura-* [МА, с. 174] «взбеситься, стать бешеным; приходиться в ярость»; *yadanyu* [МА, с. 408] «слабый» ~ *yadayan* [МА, с. 386] «не могший» (км. *yadayu* «бедный, неимущий») < *yada-* «не мочь, не быть в состоянии»; *qajıqu* [УМ, с. 386] зд. «неверные, вероломные (враги)» < *qaji-* «отклоняться, искривляться»; *samayu* [НС, 22b] «смутный, беспорядочный» < **sama-*; ср. *samara-* «мешать, перемешивать».

Суффикс продуктивен в классическом и современных языках. Считается очень активным в халхаском [Болд, 1986, с. 100]: км. *tasiyu* [Гол. III, с. 43], халх., бур. *ташуу*, калм. *ташу* «наклонный, покатый, отлогий, косой» < *tasi-* «склоняться, наклоняться; скатываться в сторону»; *köldegiüü* [Гол. III, с. 644], халх. *хөлдүү*, ойр. *көлдү* «мерзлый, замерший» < *kölde-* «замерзать, обледеневать»; халх., бур. *таруу*, калм., ойр. *тару* «редкий, разбросанный» < *tara-* «разбрасывать, быть разбросанным, расходиться»; халх., бур. *унжуу*, калм., ойр. *унжу* «висячий, отвислый» < *unji-* «свисать, отвисать».

Поппе отглагольный суффикс *-yu* сопоставлял с тюркским *-yu ~ -gü*. Предполагается, что в монгольском языке суф. **-yu* ранее распался на именной *-yu* и глагольный *-qu*. Очевидно, оба этих употребительных типа прошли в своем развитии собственный путь, так как уже издревле они семасиологически различались: *-yu* употреблялся в именах, а *-qu* в причастных глагольных формах. Но исторически в праязыке был один отглагольный суффикс **-yu ~ *-gü* [Рорре, 1927, с. 119].

Суффикс *-таq* (км. *-тау*)

Монгольский суффикс *-тау*, восходящий к более древнему **-таq*, сопоставляется с известным тюркским суф. *-таq ~ -mäk* [Рорре, 1927, с. 121; Левитская, 1976, с. 160].

Рамстедт видел в нем сочетание *-m* — архаичного суффикса, образующего древние отглагольные имена, с суффиксом *-aq* [Рамстедт, 1957, с. 100–101].

Посредством этого суффикса в монгольских языках образуются имена, обозначающие обладание качеством, свойством, предрасположенностью или склонностью к тому, что заложено в значении производящих основ, и в этих значениях он употребляется в классическом и современных языках.

Что касается древних текстов, то в них пока зафиксирован единственный пример: *eremük* (= *eremeg*) (SH, § 87), в данном случае: «яловая, бесплодная» (км. *eremeg* id., а также «мужественный, смелый, неустрашимый») < *ere* «мужчина»; перен. «мужество, храбрость»; км. *kürümeq* [Гол. III, с. 670] «достигающий, досягающий» < *kür-* «достигать, доходить»; *čidamaq* [Гол. III, с. 380] «умелый, способный» < *čida-* «уметь, быть в состоянии»; км. *dutumay* [Гол. III, с. 189], халх. *дүтмаq*, бур. *дүтамаq*, калм. *дүтмг* «неполный, недостающий, недостаточный; недостаток» < *duta-* «не хватать, недоставать»; км. *ququrmay* [Гол. II, с. 81], халх., бур. *хуурмаq*, калм. *хуурмг* «ложный, фальшивый» < *qayur-* «обманывать, лгать».

Производные на *-maq*, кроме адъективного, имели и конкретное предметное значение. Из тюркских языков, видимо, заимствованы такие слова, как *uŋtaq* [SH, § 208] «род стрелы»; *e'etek* [SH, § 135] «перстень, колечко». Ср. тюрк. *eg-* «сгибать, закрывать»; *öttek* [МА, с. 279] «хлеб».

Суффикс *-maqai ~ -maqai* (км. *-maγai ~ -mγai*)

Этот суффикс также составной, он членится на *-ma ~ -m* и отыменный *-qai (~ -γai)* [Poppe, 1927, с. 102, 110]. Производные прилагательные, как и в случае с предыдущим суффиксом, передают значения качества, свойства, приобретенного в результате обозначенного в глагольной основе действия: *dadmaqai* [UM, с. 383] «опытный, имеющий навык» (км. *dadumaγai* [Гол. III, с. 52] id.) < *dad-* ~ *dadu-* «привыкать, свыкаться; приобретать опыт».

Продуктивным считается в ханха-монгольском [Орловская, 1961, с. 87], бурятском [Дарбеева, 1962, с. 117–118] языках, известен и в калмыцком, в котором данный суффикс орфографически утратил конечный *-i*: халх. *сурамгай* «обученный, привыкший к чему-либо», бур. *хурамгай* «способный к учению; привыкший», калм. *сурмһа* «любопытный» < *sura-* «учиться, обучаться; привыкать»; халх. *мэдэмгий* «знающий» < *mede-* «знать, узнавать о чем-либо»; халх. *чадамгай*, бур. *шадамгай*, калм. *шадһа* «ловкий, искусный, умелый» < *šida-* «уметь, мочь, быть в состоянии»; халх., бур. *мартамхай*, калм. *мартмһа* «забывчивый» < *marta-* «забывать».

Суффикс *-mal* (км. *-mal*)

Производные прилагательные с этим суффиксом Рамстедт назвал *Nomen exastī*, так как считал, что «они передают состояние, осуществленность или результат деятельности; [и] по своему значению это образование ближе всего к причастию прошедшего времени страдательного залога». Ученый отмечал также соответствие монг. *-mal* тюрк. *-miş* [Рамстедт, 1957, с. 103].

Аналогичной точки зрения придерживался Поппе, также сравнивавший монг. *-mal* с тюркским суффиксом *Particip. perfecti -miş ~ -miş* [Poppe, 1927, с. 121].

Но этот монгольский суффикс со временем утратил первоначальное причастное значение, и производные с ним имена приобрели только атрибутивную функцию и рассматриваются как прилагательные, которые передают значения обладания качеством или признаком, при-

обретенным в результате действия, выраженного в глагольной основе: *arčimal* [TD, с. 21, F 2г] «очищенный, отшлифованный» (км. *arčimal* [Гол. I, с. 96] id.) < *arči-* «очищать, вытирать»; *gaǰimal* [МА, с. 288] «стремящаяся [к самцу верблюдица]» < **qaǰi-*; *čidamal* [МА, с. 133] «способный» (км. *čidamal* id.) < *čida-* «уметь, мочь; быть в состоянии»; *dabtamal* [SH, § 276] «утопанный, выбитый» (км. *dabtamal* id.; также «тонко кованный» [Гол. III, с. 37]) < *dabta-* «выбивать; ковать, выковывать»; *teǰe'emel* [Н, с. 100, в: *teǰe'emel kō'ün*] «приемный; выкормленный; воспитанный» (км. *teǰegemel* id.) < *teǰe'e-* > *teǰege-* «кормить, вскармливать, питать»; *qatamal* [МА, с. 444, в: *qatamal mixa*] «сушеное мясо») (км. *qataǰamal* «сушеный, засушенный; закаленный») < *qata-* «сохнуть» ~ *qataǰa-* «высушивать»; *ǰirumal* [God, с. 47] «нарисованный» (км. *ǰirumal* id.) < *ǰiru-* «рисовать; чертить».

Суффикс *-mAl* известен и в современных языках; продуктивен в халха-монгольском [Орловская, 1961, с. 87], бурятском [Дарбеева, 1962, с. 119] языках: халх. *гөрмөл*, бур. *гүрэмэл*, мнгр. *гулмал* «плетеный, оплетенный» < *görü-* «плести, заплетать»; халх. *цутгамал*, бур. *шудхамал*, калм. *цутхмл*, ойр. *цутьхмэл* «литой, отлитый» < *čitqu-* «плавить, отливать»; халх. *будмал*, бур. *будамал*, калм. *будмл* «крашенный» < *buda-* «красить».

Суффикс *-mDqU* ~ *-mtAwU* (км. *-mtAyai*)

Этот суффикс зафиксирован только в доклассических текстах, где производные с ним обозначают приобретенные качества, способность или склонность к действию, обозначенному в глагольной основе, т.е. эти значения совпадают со значениями производных на *-mal*: *taqimdayu* [НС, 2а] ~ *taqimdaqu* [UM, с. 236] «способный почитать; почтительный к родителям и старшим»; < *taqi-* «уважать, почитать»; *kündülemdegü* [UM, с. 232; НС, 33а] «уважительный, способный к уважению» < *kündüle-* «уважать»; *ǰoqimdayu* [НС, 33b] «пригодный, соответствующий» < *ǰoqi-* «подходить, соответствовать»; *naɣiramdayu* [НС, 12а] ~ *naɣirmdaqu* [UM, с. 232] «миролюбивый, дружелюбный» < *naɣira-* «быть в согласии»; *to'orimtawu* [God., с. 49] «вращающийся, способный к вращению» < *to'oru-* «крутиться, вращаться».

По своему значению суффикс *-mDqU* соответствует классическому монгольскому *-mtAyAi*: *ayimtayai* [Гол. I, с. 3] «осторожный, робкий, боязливый» < *ayi-* «бояться, страшиться»; *čočimtayai* [Цэв., с. 792] «пугливый, трусливый» < *čoči-* «бояться, дрожать от страха»; *bičimtegei* [Porre, 1927, с. 111] «способный к каллиграфии, чистописанию» < *biči-* «писать».

Производные на *-mtʏAi* известны в современном халха-монгольском: *яримтгай* «разговорчивый» < *yari-* «говорить, разговаривать»; *мартамтгай* «забывчивый» < *marta-* «забывать»; *мөлжимтгай* «алчный, корыстолюбивый» < *mölji* «глодать, обглаживать», перен. «эксплуатировать (человека)» [Орловская, 1961, с. 87], но новообразований с этим суффиксом не отмечено [Бертагаев, 1974, с. 202].

Халха-монгольскому *-mtʏAi* соответствует калмыцкий *-mtqA*: *даарамтха* «зябкий» < *dayara-* «мерзнуть»; *эвдрмтхэ* «ломкий» < *ebdere* «ломаться» [Грамматика, 1983, с. 140].

Что касается бурятского языка, то «ни в одном из известных... трудов о бурятском языке об этом суффиксе ничего не говорится» [Бертагаев, 1974, с. 201].

Суффикс *-msAr* (км. *-msAr*)

Незначительное количество зарегистрированных с этим суффиксом прилагательных передавали отрицательное значение качества или отсутствие склонности к тому, что обозначено в глагольной основе.

Это отрицательное значение позволяет сравнить *-msAr* с его генетическим эквивалентом тюрк. *-msiz* < *-m + -siz*.

С точки зрения алтаистики компонент *-sAr* в *-msAr* можно этимологически соотнести с отрицательным суф. *-siz /-siz*, *-sur /-sür*, *-sar /-sär*, общим для тюркских языков [Hashimoto Masaru, 1984, с. 421]. Суффикс *-sAr* с отрицательным значением известен и в монгольском языке, например, слово *keüser*, халх. *хүүсэр* «бездетный (о женщине); бесплодный (о животных)» членится на *keü*, халх. *хүү* «сын, мальчик; дитя» + *-ser*.

В текстах SH и Ноца ii iu (1389 г.) зафиксированы слова: *uqamsar* [SH, § 240; Н, с. 106] «неразумный, несообразительный, непонятливый» < *uqa-* «понимать, разуметь; распознавать»; *ölösümser* [SH, § 56] «неголодающий, не терпящий голода» < *ölös-* «голодать, испытывать голод»; *keyisümser* [SH, § 56] «не развивающийся (на ветру)» < *keyis-* «развиваться, колыхаться (на ветру)».

В классическом и современных языках и диалектах отрицательное значение в прилагательных исчезло и перешло в положительное. Для передачи же отрицательного качества к прилагательным стали добавлять общее для монгольских языков отрицание *ügei* «не», «без» < «отсутствие, неимение чего-либо». Ср. км. *uqamsar seremser ügei* [АТФ, № 3199, 3202] «без понимания и соображения (= непонимающий [и] несообразительный)», халх. *ухамсаргуй* [МРС, с. 470], бур. *ханамсаргуй* [БРС, с. 674] «необдуманый, опрометчивый; малосознательный».

Суффикс *-(A)ŋ* (км. *-(A)ng*)

Модель с этим суффиксом известна почти во всех монгольских языках, хотя и не принадлежит к числу продуктивных. Производные прилагательные обозначают качества, приобретенные в результате действия, обозначенного в глагольной основе: *doqalang* [Н, с. 50] ~ *doqulan* [МА, с. 143] «хромой» (км. *doɣulang* id.) < *doqula-* ~ *doɣula-* «хромать, прихрамывать»; *qatan* [SH, § 106] ~ *qatang* [Гол. II, с. 93] «твердый, крепкий, каменный» < *qata-* «сохнуть, застывать»; *dü'üreng* [SH, § 139] ~ *dü'üren* [МА, с. 147] ~ *dü'üren* [SH, § 201] «полный, наполненный» < *degüre-* «наполняться, быть полным» (км. *degüreng*), халх., бур. *дүүрэн*, калм. *дүүрң*, ойр. *дүүрең*, мнгр. *дiүрең* id., км. *qasing* ~ *qašang* [Гол. II, с. 90], халх. *хашин*, бур. *хашиан* «вялый, неповоротливый; ленивый, медлительный» < *qasi-* ~ *qaša-* перен. «принуждать, притеснять».

Суффикс *-ŋgi* (км. *-nggi*)

Рассматриваемый суффикс членится на *-ng(-ŋ)* и адъективный **-ki* (> *-gi*) [Poppe, 1927, с. 97].

Производные с этим суффиксом обозначают свойства, качества, вытекающие из значения маркирующей основы: *yadanggi* [Н, с. 110; SH, § 14] «бедный, неимущий» (км. *yadanggi* id.) < *yada-* «не мочь, не быть в состоянии»; *qatanggi* [SH, § 194, в: *qatanggin*] «твердый; мощный, выносливый» < *qata-* «сохнуть, высыхать, делаться твердым»; *soqtanqi* ~ *soqtanki* [МА, с. 324] «пьяный» (км. *soytanggi* id.) < *soqta-* «опьянеть, упиться». Ср. км. *niyaldunggi*, халх. *наалданги*, бур. *няалданги* «клейкий, липкий» < *niyaldu-* «приклеиваться»; км. *turanggi*, халх., бур. *туранги* «тощий, исхудалый» < *tura-* «отощать, исхудать»; халх. *наанги* «клейкий, вязкий» < *naɣa-* «клеить, приклеивать», халх. *бэртэнгэ*, бур. *бэртэнги* «искалеченный, увечный» < *berte-* «получать травму, ушибаться»; халх. *зүдэнгэ* «усталый, изнуренный» < *jüde-* «уставать, изнуряться»; бур. *yhamанги* «влажный, пропитанный водой» < *usutu-* > *yhama-* «пропитаться водой»; бур. *зүдэрэнги* «утомленный, изнуренный, усталый» < *jüdere-* «утомляться, уставать». Суффикс не относится к продуктивным.

Суффикс *-ŋqi* (км. *-ngqi*)

В состав данного суффикса кроме *-ŋ* (*-ng*) входит суффикс *-qi* или **-qi*, восходящий, как предполагается, к окончанию *Nomen futuri -qi* ~ *-qui* [Poppe, 1927, с. 95].

Модель на *-ŋqu* семантически эквивалентна предшествующей модели на *-ŋqi* и также обозначает свойства или качества, приобретенные в результате действия, обозначенного в глагольной основе. Ср. *yadanggi* [Н, с. 110; SH, § 14] ~ *yadanyu* [МА, с. 408] «бедный, нищий; немощный, слабый» < *yada-* «не мочь, не быть в состоянии»; *qaraŋqu* [SH, § 108, 109] ~ *qaraŋqui* [SH, § 83] «мрачный, темный» (км. *qarangyui* id.); *budungqu* [Н, с. 43] «темный, мрачный, смутный» < *budu-* «красить; пачкать, марать»; *qatangqu* [SH, § 106] «твердый, мощный, солидный» < *qata-* «сохнуть, засыхать; увядать»; *kiči'enggü* [SH, § 270] ~ *kičieynggü* [Н, с. 71] «старательный, тщательный, аккуратный» (км. *kičiyenggü(i)* id.) < *kiči'e-* ~ *kičiyе-* «стараться, быть прилежным»; *nemenggü* [Н, с. 78] «достаточный» < *neme-* «добавлять, прибавлять»; *da'aringqu* [SH, § 265] «оскорбленный, обиженный» < *da'ari-* «обижать, оскорблять».

В классическом и современных языках эта модель присутствует в аналогичных производных, хотя, по-видимому, не принадлежит к числу особенно продуктивных: км. *badaranguyi* [Гол. II, с. 246], халх. *бадрангуй*, калм. *бадрꞑһу*, ойр. *бадърꞑһу* «вдохновенный, пламенный, процветающий» < *badara-* «процветать, развиваться, вдохновляться»; *delgerenggüi* [Гол. III, с. 116], халх. *дэлгэрэнгүй*, калм. *делгрꞑһу*, ойр. *дэлгеренꞑһу*, бур. *дэлгэрэнгы* «распространенный, пространный, развернутый; подробный» < *delgere-* «распространяться, развертываться»; *uyilangqui* [Гол. I, с. 203], халх., бур. *уйланхай* «плаксивый, слезливый» < *uyila-* «плакать»; *nalunggai* [Гол. II, с. 10], халх. *наланги* «наклонившийся, отлогий» < *nalu-* «наклоняться, перекашиваться»; халх. *харьцангуй* «относительный» < *харьца-* «относиться, иметь отношение»; *дарангуй* «диктаторский» < *daru-* «давить, жать, прижимать»; *нигүүлсэнгүй* «милосердный, сострадательный» < *нигүүлсэ-* «сострадать, быть милосердным».

Суффикс *-r²*

Монгольский отглагольный суффикс *-r* сопоставляется с тюрк. суффиксом *-r*, который присутствует в Osmanli: Aorist *-r*, *-ir*, *-er*, Orkhontürk: Participium praesentis-futuri *-ir*, *-ur* (также *-ar*) и в Altaischen *-dr*, *-jir*, Nomen praesentis *-ar* в Jakutischen и др. [Poppe, 1927, с. 121–122].

Этот суффикс входит в состав и других сложных суффиксов, в том числе и в рассмотренный выше суффикс *-qar* ~ *-yar*.

В модели на *-r* присутствуют прилагательные, в ряде случаев семантически сходные с производными на *-qAr*, маркирующими основами которых служат пассивные, образные глаголы или пассивные

(связанные) корни. Такие прилагательные дают, как правило, образное описание внешнего вида, характера человека, других живых существ, предметов: *böktür* [SH, § 205] «горбатый, сутулый; кривое (о дереве)»; (км. *bökötür* ~ *böketür* [Гол. II, с. 333, 336] id.) < **böktü-*; ср. *böktüyi-* «нагибаться, сгибаться; горбиться, сутулиться»; *soljir* [SH, § 121] «однорогий (о скоте); несимметричный, не имеющий пары» (км. *soljir* ~ *soljiger* [Гол. II, с. 432] id.) < **solji-*; ср. *soljiyi-* «быть несимметричным, кособоким, нечетным»; *amur* [MA, с. 102; Н, с. 35; SH, § 156, в: *amurli*] «тихий, спокойный; благополучный» (км. *amur* id.) < *amu-* [Гол. I, с. 62] «отдыхать, успокаиваться»; *delger* [SH, § 254; НС, 27а] «широкий, обширный» (км. *delger* id.) < *delge-* «распространяться, расширяться».

Аналогичные имена прилагательные присутствуют в классическом и в современных языках: км. *balар* [Гол. II, с. 248], халх., бур., калм. *балар* «темный, мрачный, неясный; запутанный». Ср. *balai* «слепой; темный», в калм. *бала* «темнота, слепота»; км. *qaltar* [Гол. II, с. 108], халх., бур. *халтар* «гнедой, с желтоватыми подпалинами, с белой грудью и беловатой шерстью вокруг глаз, носа и рта; грязный, запачканный, замызганный» < **qalta-*; калм. *шахр* «тесный» < *siqa-* «жать, давить; сжимать»; калм. *гилжр* «кривой» < **gilji-*. Ср. *giljiyi-* «коситься, кривиться, склоняться».

Несмотря на семантическое сходство производных на *-r* и *-qar(-yar)*, степень продуктивности их различна. Если в современных бурятском и монгольском языках суф. *-r* относится к числу малопродуктивных [Дарбеева, 1962, с. 122; Бертагаев, 1974, с. 220], то *-yar* — к продуктивным (см. выше).

Суффикс *-si ügei*

Этот суффикс состоит из *-si*, наращиваемого к глагольным основам, и отрицательной частицы *ügei* «не». Мы рассматриваем его как единый комплекс, так как производные на *-si* без *ügei* отдельно не употребляются. Отметим также, что в современных языках *-si* имеет уже слитное с *ügei* написание.

Производные прилагательные имеют значения отрицательного качества или невозможности к действию, которое присутствует в глагольной основе: *barasi ügei* [UM, с. 221] «нескончаемый» < *bara-* «исчерпать, кончать»; *terigülesi ügei* [UM, с. 332] «незапамятные [времена]» < *teregüle-* «быть впереди, опережать»; *çaylasi ügei* [God., с. 53] «непостижимый, невообразимый» < *çayla-* «постигать, воображать»; *kemlesi ügei* [God., с. 53] «неизмеримый, необъятный, огромный» < *kemle-* «мерить. измерять».

Суффикс *-шгүй*, в слитном написании (кроме калмыцкого), активно используется в современных языках [Орловская, 1961, с. 89; Дарбеева, 1962, с. 123; «Грамматика калмыцкого языка», 1983, с. 143]: халх. *ар-галашгүй* «неизлечимый» < *арҗала-* «лечить»; халх. *гүйцэтгэшгүй*, бур. *гүйсэдхэгдэшгүй* «неосуществимый, невыполнимый» < *гүйицедге-* «выполнять, исполнять»; халх. *давшгүй*, бур. *давашагүй* «непроходимый, невыполнимый» < *daba-* «переходить, переваливать (перевал)»; халх. *хөдөлшгүй*, бур. *хүдэлшгүй* «неподвижный, непоколебимый» < *ködel-* «двигаться, приходить в движение»; халх. *гаршгүй* «непроходимый» < *γar-* «выходить, проходить»; калм. *чид луга* «беспомощный» < *чидл* «сила»; *ном уга* «безграмотный» < *ном* «грамота».

4.3. Суффиксы субъективной оценки качеств

К ним принадлежат суффиксы, которые, наращиваясь к качественным именам прилагательным, указывают на степень проявления в них качества безотносительно к качеству другого предмета. Такие суффиксы часто используются в классическом и современных языках, но в древних текстах их выявлено немного.

Суффикс *-bAr* (км. *-bAr*)

Этот суффикс присоединяется, как правило, к именам прилагательным, обозначающим цвета, некоторым глагольным основам или к пассивным корням, придавая производным значение некоторого недостатка, неполноты качества или ослабления цветовой гаммы: *čavibar noquqan önggetü...* [Arjai... с. 44] «с беловато-зеленоватым цветом», < *čayi-* «белеть»; *ulabir önggetü...* [Arjai... с. 59] «красноватого цвета» (км. *ulabir* «красноватый») < **ula-*. Ср. *ulayi-* «краснеть».

Производные с этим суффиксом известны и в современных языках, хотя суффикс и не считается продуктивным [Дондуков, 1964, с. 66]: халх. *шарвар* ~ *шарвир* «желтоватый с сероватым оттенком» < *sira* «желтый»; халх. *ногоовор*, бур. *ногообор*, калм. *ноһавр* «зеленоватый» (в халх. «зеленый с темноватым оттенком») < *ноуоуан* «зеленый»; халх. *харвар* «черноватый» < *qara* «черный»; бур. *ягавар* «розоватый» < *уауан* «розовый»; калм. *хатувр* «твердоватый» < *qataуи* «твердый».

Суффикс *-mtUr* ~ *-tUr* (км. *-btUr*)

Этим суффиксом передается значение либо недостатка качества: *hulāmtur* [MA, с. 187] «красноватый» (км. *ulābtur* id.) < *hulān* ~ *ulān* «красный», либо некоторой его насыщенности: *sayitur* [Arjai..., с. 291]

«довольно хороший, приличный» (км. *sayitur* id.) < *savin* «хороший».

Производные на *-btUr* известны в классическом и современных (халхаском, бурятском) языках, в которых содержится не только значение неполноты, недостатка или ослабление качества, но и других свойств и признаков предметов [Орловская, 1961, с. 96; Дондуков, 1964, с. 72]: км. *ноyобtur*, халх. *ногоовтор*, бур. *ногообтор* «зеленоватый» < *ноyоуан* «зеленый»; халх. *сэрүүвтэр*, бур. *хэрюубтэр* «довольно прохладный» < *serigün* «прохладный»; халх. *уртавттар* «продолговатый» < *urtu* «длинный»; бур. *торгобтор* «похожий на шелк, шелковистый» > *тогу-а* «шелк, шелковая ткань»; халх. *хуучивтар* «староватый» < *qayučin* «старый», *гашуувтар* «горьковатый» < *γasiγun* «горький»; *сулавтар* «слабоватый» < *sula* «слабый, вялый».

Суффикс *-qAn* (км. *-gAn*)

Этот распространенный во всех монгольских и известный в других алтайских языках суффикс придает именам прилагательным, числительным, наречиям, а также и существительным некоторую неполноту качества или уменьшительно-ласкательное значение: *mawuqan* [SH, § 193] «плохонький, довольно плохой, неважный» (км. *тауиқан* id.) < *mawu* > *тауи* «плохой, скверный»; *čö'eken* [SH, § 190] «совсем мало-численный; немного» (км. *čögeken* id.) < *čö'en* > *čögen* «мало; немного»; *ötörken* [SH, § 67] «быстренько, скоренько, проворно» (км. *ödterken* [Гол. I, с. 303] id.) < *ötör* ~ *ödter* «быстро, поспешно»; *aqaqan* [SH, § 275] «более старший» < *aqa* «старший (брат)»; *qaqčaqan* [SH, § 103] «всего лишь единственный, только единственный» < *qaqča* «единственный».

Особенно продуктивен *-qAn* в классическом и современных языках: км. *sineken* [Гол. II, с. 470], халх. *шинэхэн*, бур. *шэнэхэн*, калм. *шнхн* «новенький; свеженький» < *sine* «новый»; км. *dulayaqan* [Гол. III, с. 195], халх. «довольно теплый, тепловатый» < *dulayan* «теплый»; км. *ariyuqan* [Гол. I, с. 86], халх. *ариухан*, бур. *арюухан*, мнгр. *ариунхән* «чистенький, довольно чистый; прозрачный» < *ariyun* «чистый. прозрачный»; км. *urtuqan* [Гол. I, с. 275], халх. *уртхан* «довольно длинный» < *urtu* «длинный»; км. *qatuyuqan* [Гол. II, с. 94], халх. *хатуухан* «крепковатый, жестковатый» < *qatayu* «крепкий, жесткий»; км. *jalayuqan*, халх., бур. *залуухан* «молоденький, моложавый» < *jalayu* «молодой»; км. *bayaqan* халх., бур. *багахан*, калм. *баахн* «маленький; молоденький» < *bayu* «малый, небольшой; мало»; км. *narigān* [Гол. II, с. 17], халх. *нарийхан*, бур. *нарихан*, калм. *нәрхн* «тоненький, слабый, нежный»

< *narin* «тонкий, нежный, слабый»; км. *qoyarqan* [Цэв., с. 683], халх., бур. *хоёрхон*, калм. *хойрхн* «только (всего лишь) два» < *qoyar* «два».

В отличие от других монгольских языков в баоанском и дунсянском языках ослабленная степень качества передается присоединением суффикса *-һаң* (~ *-һи*) к своеобразным основам прилагательных, в которых между первым и вторым слогами вставляется в баоанском языке суффикс *-ба* /-бэ, а в дунсянском *-ну*: бн. *фэлаң* «красный» — *фабалһаң* «красноватый»; дунс. *фулан* «красный» — *фунулаһан* «красноватый»; *шыра* «желтый» — *шыпурһан* «желтоватый».

Б.Х. Тодаева считает, что «по-видимому, баоанский суффикс *-ба* (~ *-бэ*) и дунсянский *-ну* соответствуют суффиксу *-бар* (~ *-вār*) ряда других монгольских языков (в частности, бурятского, современного монгольского, калмыцкого), а суффикс *-һаң* (~ *-һи*) связан с распространенным уменьшительно-ласкательным суффиксом *-хāн*» [Тодаева, 1964, с. 39].

Употребление одновременно двух суффиксов субъективной оценки качества в монгольских языках — явление нередкое, например: км. *поуоуан* «зеленый»; *поуобтур* «зеленоватый», *поуобтурqан* «бледно-светло-зеленый» [Гол. II, с. 48], халх. *хар* «черный», *харавтар* «черноватый», *харавтархан* «черноватенький»; *шар* «желтый», *шаравтар* «желтенький», *шаравтархан* «желтоватенький» и т.д. Особенность же употребления двух суффиксов в баоанском и дунсянском языках состоит в том, что указанные суффиксы инкорпорируются между первым и вторым слогами прилагательного, явление с точки зрения структуры монгольских языков необычное, так как им не свойственна инфиксация.

Суффикс *-šiq* ~ *-šik* (км. *-siy*)

Этот весьма продуктивный в некоторых современных языках суффикс в древних текстах зафиксирован только в единственном случае: *noyamsik* [SH, § 46] = *noyansik* «княжеский, похожий на князя (например, характер, поведение)» < *noyan* «князь, господин».

Наиболее продуктивен он в калмыцком и в бурятском языках, тогда как в халхаском употребляется реже. Подобно суффиксу *-btur*, *-sity* иногда придает именам прилагательным некоторую неполноту качества: халх. *гацууншиг*, бур. *гацууншаг* «горьковатый» < *гашуун* «горький», калм. *цаһашг* «беловатый» < *цагаан* «белый»; калм. *өвчншиг* «староватый, подобен старику» < *өвчн* «старик, старец».

В халхаском этот суффикс придает именам прилагательным и значение интенсивности качества — свойства: *уудамшиг* «обширнейший,

необъятнейший» < *уудам* «обширный, необъятный»; *уужимшиг* «широчайший, просторнейший» < *уужим* «широкий, просторный»; *уртшиг* «длинноватый, длинный-предлинный, очень длинный» < *урт* «длинный»; *цагааншиг* «белейший, самый белый».

Бурятский *-шаг* и калмыцкий *-шг* образуют от именных основ относительные прилагательные со значением сходства, подобия тому, что обозначено в производящей основе: бур. *хилэншиг*, калм. *килңиг* «бархатистый» < *хилэн*, «бархат»; бур. *хүниг* «человекообразный» < *хүн* «человек». В калмыцком языке такое же значение передает суффикс *-шң*: *күнишң* «человекообразный» < *күн* «человек», *чолушң* «каменеподобный» < *чолуң* «камень», *моднишң* «подобный дереву» < *мод* «дерево». В бурятском языке прилагательные с аналогичным значением образуются посредством суффикса *-шуу*: *атаншуу* «золотистый, похожий на золото» < *атан* «золото», *басаганшуу* «женственный, похожий на девушку» < *басаган* «девушка»; *зэрлигишүү* «полудикий; похоже, что дикий» < *зэрлиг* «дикий».

4.4. Субстантивация имен прилагательных

Тесная связь имен прилагательных и существительных обусловила и субстантивное употребление прилагательных, особенно непроемких качественных.

Некоторые исследователи считали, что если существительное, определяемое прилагательным, было эллиптировано, то прилагательное, принимая на себя функции существительного и получая падежное оформление последнего, тем самым превращается в существительное.

«В языках тюркской системы, — писал А. Боровков, — прилагательные относятся к категории неизменяемых слов... изменения же в числе, падеже влекут за собой превращение прилагательных в существительные» [Боровков, 1936, с. 94].

Однако такой подход к явлению субстантивации вряд ли правомерен.

Субстантивация (*nomen substantivum*) — это переход какого-либо слова в имя существительное. Однако это не значит, что слово иной категории при субстантивации становится обязательно существительным, хотя такая возможность и не исключается. Но тогда речь идет о полной субстантивации, когда слова, ранее употреблявшиеся как прилагательные, перестают быть таковыми и превращаются в настоящие существительные. Например, в русском языке слова типа портной,

мостовая, жаркое и др. Под субстантивацией же вообще подразумевается то, что слово иной грамматической категории, выступая в роли существительного, выражает собой субстанцию, предметное значение. Субстантивация прилагательных, а также и других частей речи — явление широко распространенное и присущее многим языкам мира, хотя проявляется оно не в одинаковой степени и отличается особенностями, присущими данному языку. Так, например, в русском языке чаще всего субстантивируются прилагательные и причастия, реже — другие части речи, например, наречия: вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь.

В немецком же языке «чрезвычайно широко распространена субстантивация самых различных частей речи. Потенциально всякое слово может быть употреблено как существительное. Постановка артикля субстантивирует даже такие служебные слова, как *aber* — *das Aber*, *wie* — *das Wie*, *auf und ab* — *das Auf und Ab*» [Зиндер, Сокольская, 1938, с. 168].

Вопросу субстантивации уделяли внимание многие ученые-руссисты: Востоков, Буслаев, Богородицкий, Потехня, Пешковский, Абакумов и др.

Потехня переход прилагательных в существительные объяснял исторической близостью прилагательного и существительного [Потехня, 1896, с. 49–59].

Пешковский, уделявший большое внимание вопросу субстантивации, указывал на большую способность прилагательного функционировать субстантивно. А эту способность ученый видел в том, что «в прилагательных признак ведь изображен не сам по себе, а как заложенный в предмете и потому в нем заключено и смутное указание на самый предмет. Можно сказать, что в прилагательном есть намек на предмет». «В древнем языке намек этот был еще сильнее, так как оно (прилагательное) ближе стояло к существительному. Таким образом, искони всякое прилагательное могло употребляться и в смысле прилагательного, и в смысле существительного» [Пешковский, 1938, с. 146–149].

Подробно исследовал субстантивированные прилагательные С.И. Абакумов, поделив их на разряды, где, кроме полностью перешедших в разряд существительных: портной, запятая, жаркое и др., были и прилагательные, в той или иной степени приобретающие предметное значение в контексте [Абакумов, 1942, с. 79–80].

Следовательно, под субстантивацией всегда имелся в виду не только полный переход прилагательных в существительные, но и всякое

употребление прилагательного (а также и других частей речи) в значении (точнее функции) существительного. Когда же присутствовал полный переход прилагательного в существительное, то под субстантивацией подразумевался уже пройденный этап, в результате чего слово окончательно переходило в разряд имен существительных.

Субстантивация имен прилагательных в монгольских языках — также распространенное явление, особенно в сфере качественных прилагательных. И чем далее в старину, тем чаще это явление прослеживается, что еще раз подчеркивает семантико-синтаксическую близость и взаимодействие между именами прилагательными и существительными, тесную взаимосвязь представления о предмете с представлением о его признаке, так как признак бывает присущ какому-либо предмету.

Как известно, монгольские прилагательные, выступая определением к существительному, характеризуются отсутствием каких-либо форм изменения и согласования с определяемым, кроме древних текстов, где оно присутствует. Когда же прилагательное употребляется субстантивно, т.е. приобретает предметное значение, оно принимает то или иное падежное окончание, нередко и суффиксы множественного числа. В именительном падеже, т.е. в роли подлежащего, субстантивированное прилагательное иногда сопровождается личными притяжательными частицами.

При субстантивации имени прилагательного его основное значение — значение признака ослабевает, определительная функция прилагательного отходит на второй план. Оно начинает обозначать не общее понятие признака, а какой-то предмет, обладающий этим признаком. Например: *altatafi]-vi emüsküi-tür amtatafi]-yi ideküi-tür* [SH, § 188] «...когда надеваешь золотое, когда поедаетшь вкусное»; *Bi... mawui ber bö'esü savin-i ülü eri'ülgü büle'e* [SH, § 177] «хотя я и плох, хорошего не домогался»; *Tere tusa savin-i tanu setkiü...* [SH, § 219] «Твою помощь и доброту (хорошее) помню...»; *...ebertü ünügün çaqa'an-i Temüjin-e unu'ulba* [SH, § 117] «...оседлал для Темуджина белого со звездочкой во лбу»; *Belgütei oqodur dargi qongqor-i uniü...* [SH, § 90] «*Belgütei* оседлал буланого с коротким хвостом»; *Belgütei... qongqor-tur tarbaqat açiü niqsaqal'atala...* [SH, § 90] «*Belgütei* чрезмерно нагнул на буланого тарбаганов»; *Qatuüjüysan-u savin inu ali bui* [TD, с. 48, F 40r] «Что есть хорошее в тяжких лишениях?».

Ср. в современном языке: *Та аравтын шинэ долларыг үзэвүү? — Би шинийг байтугай хувчныг нь ч үзээгүй байна шүү* [Цог.] «Ты видел новый десятизначный доллар? — Я не только новый, но еще и старо-

го-то не видел»; *Харин манай зарим хүмүүс шинээс айж...* [Тарва, с. 79] «Но некоторые наши люди боятся нового»; ...*хамгийн томыг шилэн авч...* [Цог.] «...выбирает самый большой [дэли]...»; *Аль ашигтайгий нь үйлдвэрт нэвтрүүлэх ёстой* [Үн] «Должны внедрять в производство все рентабельное (полезное, прибыльное)».

В приведенных примерах качественные прилагательные получают в контексте (при эллиптированном существительном) предметные значения, получая при этом падежное оформление и в ряде случаев лично-притяжательные частицы.

Но замещая эллиптированные имена существительные, приобретающая предметное значение и падежное оформление, имена прилагательные лексически остаются прилагательными, выступая с предметным значением только в конкретном предложении и в данном синтаксическом употреблении. В разряд существительных они не переходят.

Полная субстантивация прилагательных в монгольском языке — явление довольно редкое. При полной субстантивации прилагательное должно получить постоянное предметное значение. Окончание множественного числа закрепляет за подобными словами постоянное значение предметности. Так, например, уже упоминаемое выше слово *sayin* «хороший, добрый, благополучный; хорошо, благополучно» в древнем и классическом языках в форме множ. числа *sayid* < *sayi(n) + d* (мн. ч.) получило значение «сановник(и), вельможи» (т.е., видимо, «благополучные»). В современном языке *sayid* (= *caйд*) «министр», *epөнхий caйд* «премьер-министр» (уже в ед. числе); *jalayu* «юный, молодой» > *jalayus* < *jalayu + s* (мн. ч.) «молодежь, подростки»; *jalayu + cüd* > *jalayucüd* «молодежь».

В своем предметном значении эти слова обладают всеми признаками существительных. Помимо наличия полного падежно-парадигматического ряда они употребляются в качестве предметных имен с различными определениями: *arban tabu- jiryuyan nasun-u jalayus* [Цог.] «пятнадцати-шестнадцатилетние подростки (юноши)»; *Naqu-bayan ügülerün qoyar jala'us bui ta üjeldüktüt* [SH, § 93] «Наху-баян сказал: „Вы двое юношей дружите“»; халх. *энгийн залуучууд* «беспартийная молодежь»; *залуучуудын байгууллага* «молодежная организация».

Среди имен прилагательных бытует категория слов, которые наряду с определением признака предмета могут определять и признак действия, а также выражать, как уже сказано выше, качества, мыслимые субстантивно, соответствуя, таким образом, как прила-

гательным, так и наречиям. Это главным образом группа корневых (непроизводные) имен прилагательных, обозначающих отвлеченное понятие качества, и реже — некоторые производные: *altatai*, *amta-tai*.

Такие слова имеют много общего с именами прилагательными. В лексико-семантическом плане они обозначают различные признаки. В определительной функции ведут себя точно так же, как и имена прилагательные: они могут сочетаться со словами-усилителями: *masi sayin* «очень хороший; очень хорошо»; иметь формы субъективной оценки качества: *tawuqan* [SH, § 193] «плохонький, неважный, невзрачный» < *tawu* «плохой; плохо»; *qamuy-yin sayin* [Цэв., с. 654] «самый хороший».

Они легко субстантивируются и могут быть в предложении подлежащими и дополнениями в соответствующем падежном оформлении (см. примеры выше).

Некоторые прилагательные из разряда качественных используются и в функции определителей, характеризующих глагольное действие, т.е. различного рода обстоятельств.

Но как и субстантивная функция имен прилагательных в предложении не превращает их в существительные, так и их адverbиальная функция — роль определителей глагольного действия, не переводит подобные единицы из одной грамматической категории в другую.

Это явление наблюдается во всех алтайских языках и касается как именных частей речи, так и наречий.

Единицы, способные функционировать в предложениях в качестве разных частей речи, рассматриваются в алтаистике как «синкретические формы», скорее всего связанные «с первичным синкретическим словом архаического языка в той его стадии, когда части речи в них отсутствовали и первоначальная дифференциация и формирование частей речи зависели не от словообразовательных элементов, а исключительно от семантики самого слова, способного (или не способного) назвать предмет по его отличительному признаку, свойству» [Чареков, 2000, с. 154].

Добавим, что в современном монгольском языке идет процесс выделения из состава качественных прилагательных типа *sayin* «хороший, хорошо» и др. собственно наречий посредством суф. *-iyar* > *-aar*, ср. *хурдан* «быстрый; быстро», но *хурднаар* «быстро», *хатуу* «твердый; твердо», но *хатуугаар* «твердо, настойчиво» [Орловская, 1961, с. 83–84; 1974, с. 190–191].

5. ГЛАГОЛ

Глагол, как часть речи, обозначающая грамматическое значение действия и выполняющая в предложении, как правило, функцию сказуемого, имеет исключительно важное значение во всех монгольских языках. Глагол считается абсолютной доминантой предложения [Холодович, 1979, с. 397]. В монгольских языках все грамматическое управление находится в ведении глагола, что во многом определяет и структуру предложения в этих языках [Санжеев, 1963, с. 8; Кузьменков, 1984, с. 4].

Каждая грамматическая категория глагола (переходность–непереходность; активность–пассивность¹⁹, залог, вид, времена, лица, наклонения) — это сложная система, которая в совокупности с другими системами образует целое — лексико-грамматическую категорию глагола.

Изучению глагола и его грамматических категорий в монголоведении посвящено немало работ, как монографических, так и отдельных статей, не говоря уже о разделах в любой из грамматик по монгольским языкам.

В «Очерках» предметом рассмотрения будут только те грамматические разделы, относящиеся к глаголу, которые не нашли места в наших предыдущих работах [Орловская, 1984; 2000] и которые, как нам представляется, меньше освещены в других работах монголоведов, исследовавших глагол, особенно на материале языка классических и древних текстов. К таким разделам относятся: глагольное суффиксальное словообразование, категории вида и залога.

5.0. Глагольное словообразование

Самым распространенным способом образования глаголов является суффиксальный, т.е. присоединение к глагольным основам различных словообразовательных морфем.

Словообразовательные возможности глагола зависят от основ других классов слов, от основ которых образуются глагольные основы. Глагольные основы, в свою очередь, делятся на: 1) первообразные, или

¹⁹ Переходность–непереходность и активность–пассивность монгольского глагола либо заложены в лексическом значении глагольной основы, либо иногда в соответствующих словообразовательных глагольных суффиксах [Санжеев, 1963, с. 9].

корневые²⁰; 2) производные, мотивированные различными частями речи.

К первообразным (корневым) можно причислить такие глаголы, как *ire-* «приходить, приезжать»; *yabu-* «идти, ехать»; *ide-* «есть, поедать»; *γar-* «выходить, уходить, уезжать»; *aba-* «брать, получать, принимать» и многие другие. Подобные глагольные основы графически полностью совпадают с формой 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения (*imperativ*): *ire* «приходи»; *γar* «выходи», *aba* «возьми».

Производные глагольные основы образуются, как уже сказано, посредством различных суффиксов практически от любой части речи²¹.

5.1. Производные глаголы, мотивированные именными, наречными и некоторыми другими основами

От указанных основ глаголы образуются посредством различных суффиксов, из которых лишь некоторые имеют широкую сферу употребления и продуктивность, а другие характеризуются весьма ограниченными словообразовательными возможностями.

Зафиксированные в текстах суффиксы размещаются в алфавитном порядке.

Суффикс *-čA-* (км. *-čA-*)

Значения производных глаголов, образуемых этим суффиксом, определяются лексическим содержанием мотивирующих основ:

nököče- [Н, с. 80; SH, § 205] «подружиться», *nökeče-* [МА, с. 260] «оказывать помощь» (км. *nökeče-* [Гол. II, с. 60] «подружиться, водить дружбу; присоединиться к кому-либо; следовать за кем-либо») < **nökö* ~ **nöke*. Ср. *nökör* «друг, приятель». Ср. в современных монгольских языках: халх. *nəxčə-* [Цэв., с. 386] «дружить, быть в дружеских отношениях» ~ [МРС, с. 245] «приставать к кому-либо; быть в интимных отношениях»; бур. *nүхэсэ-* «быть спутником, подружиться, дружить»; калм. *nөкрс-* «любить общество, быть компанейским; быть ловеласом»;

denggeče- [SH, § 203] ~ *tengče-* [МА, с. 346, в: *tengče 'ülbe*] «соответствовать, быть равным, годиться» (км. *tengče-* [Гол. III, с. 95] *id.*, кроме

²⁰ Г.И. Рамстедт называет их исконно исторически первичными глаголами (глаголами-корнями) [Рамстедт, 1957, с. 141].

²¹ Исключение может быть лишь в случае, если этого не позволяет семантика мотивирующей основы.

того, «устанавливаться (о цене)») < *teng* «равновесие, равный». Ср. халх. *тэнгэцэ-*, бур. *тэнсэ-* id.;

dergeče- [SH, § 146] «быть поблизости, стоять рядом» < *derge* [SH, § 277] «поблизости, по соседству». Ср. км. *dergede* [Гол. III, с. 145] «возле, подле, вблизи»;

qala'ūca- ~ qalawūca- [MA, с. 288] «страдать от жары; лихорадить» (км. *qalawūca-* id.) < *qala'un ~ qalawun ~ qalūn* «жар, горячий». Ср. халх., бур. *халуун-* id.

В классическом и современных языках имеется также ряд производных с этим суффиксом: км. *talača-*, халх. *талца-* «делиться на две части, группы (команды при игре)» < *tala* [Гол. III, с. 53] «сторона, страница, промежуток между строками; грань»; км. *büliyeče-*, халх. *бүлээцэ-*, бур. *бүлээсэ-* «согреться, нагреться» < *büliyen* «теплый (о жидкости)».

Суффикс *-či-*, иногда *-čA-* (км. *-či-*)

Посредством этого суффикса образуются как переходные, так и непереходные глаголы от пассивных корней (основ), главным образом от так называемых превербов (preverb) типа *ququ* (*quyu*) и других, употребляемых перед некоторыми глаголами и соответствующих некоторым русским приставкам:

hoqtoči- [SH, § 240] «резать на части (на куски), рубить, кромсать» (км. *oytoči-* id.) < **hoqto-*, ср. км. *oyta ~ oyto* «совсем, совершенно, все». Ср. ниже: *hoqtol-* и *hoqtori-*;

ququči- [SH, § 19] «ломать, переломать, изломать» (км. *quyuči-* id.) < **ququ*; км. *quyu* «пополам, на две части». См. ниже: *ququl-* и *ququra-*;

suquči- [SH, § 132] «вытаскивать, вырывать» (ср. км. *suqura-* [Гол. II, с. 424] «вырываться, отваливаться, отскакивать») < **suqu-*. Ср. км. *suqu* со значением резкого движения при выхватывании чего-либо;

qaqača- (**qaqači-* ?) [H, с. 88; MA, с. 291; SH, § 172] ~ *qaqača-* [HC, 30b] «расставаться, разлучаться; избавляться» (км. *qayača-* id.) < **qaqa-*. Ср. км. *qaya* со значением раскалывающего действия глагола: «раз-, рас-». Ср. ниже: *qaqal-*, *qaqara-*.

Глаголы, образованные от подобных превербов посредством этого суффикса, известны и в современных языках: халх. *бутчи-* «разбиваться вдребезги, крошиться», *бута* «вдребезги, совсем»; халх. *тасчи-* «растрескиваться», калм. *тасч-* «разбить, громить, рвать на части» < *tas* «звукотраждение треску» (см. также [MXXX3, с. 189–190]).

Суффикс *-čilA-* (км. *-čilA-*)

По своему составу этот суффикс сложный, состоит из *-či-* + *-la-*. Первый из них, распространенный во всех алтайских языках, формирует имена со значением «рода деятельности, обозначенной в маркирующей основе», а второй образует отыменные переходные глаголы (см. ниже). Глаголы на *-čilA-* засвидетельствованы в основном в тексте SH:

de'üčile- [SH, § 203] «считать младшим братом; оказывать почтительность к старшему» (км. *de'üčile-* [Гол. III, с. 132] id.) < *de'ü* ~ *degüü* «младший брат; младший годами»;

kelečile- [H, с. 70; SH, § 229] «поручать (передавать) сведения (известия, донесения)» < *kele(n)* «язык; слово; известие»;

kö'üčile- [SH, § 214] «усыновить, обращаться как с сыном» (км. *köbegüčile-* [Гол. III, с. 628] id.) < *kö'ün* ~ *köbegün* «сын, мальчик»;

tarbaqačila- [SH, § 90] «охотиться на тарбаганов (степных сурков)» (км. *tarbaqačila-* id.) < *tarbaqa(n)* «тарбаган, степной сурок»;

qaĵarčila- [SH, § 239] «указывать путь, быть проводником, гидом» (км. *qaĵarčila-* id.) < *qaĵar* «земля, почва; местность».

Производные на *-čilA-* распространены в классическом монгольском, а также в современных (монгольском, бурятском, калмыцком) языках [MXXX3, с. 187].

Суффикс *-dA-* (км. *-dA-*)

Посредством этой весьма распространенной модели образуются глаголы со значением прислуживания кому-либо, использования, уговора кого-либо, просьбы у кого-либо, а также и с некоторыми другими значениями, обусловленными лексическим содержанием маркирующей основы:

arqada- [SH, § 140] ~ *aryada-* [MA, с. 105] «сбить с толку, обмануть; симулировать, притворяться» (км. *aryada-* id.) < *arqa* ~ *arya* «уловка; хитрость; способ». Ср. халх. *arqada-* [MPC, с. 42] «задабривать; упрашивать, просить, умолять» < *arqa* «способ, средство; метод; возможность»;

beri'ede- [SH, § 227] ~ *berēde-* [MA, с. 117] «наказывать, бичевать (посохом)» (км. *beriyede-* id.) < *beri'e* ~ *berē* «посох, кий»;

küčüde- [God., с. 58] «брать силой» < *küčün* «сила, могущество; крепость»;

mināda- [MA, с. 236] «стегать, бичевать, хлестать (кнутом)» < *minā* [MA, с. 236] < *mina'a* [SH, § 255] «плеть, бич»;

osolda- [Н, с. 82; SH, § 255] «допускать оплошность, небрежность; лениться» (км. *osolda-* id.) < *osol* [Гол. I, с. 230] «нерадение, беспечность; небрежность». Ср. *osal* [МА, с. 271] «ошибка, оплошность».

От имен со значением качества образуются непереходные глаголы:
turqada- [МА, с. 355] «худеть, тощать» < *turqan* «тощий». Ср. км. *büdügüde-* «стать слишком толстым» < *budugun* «толстый»;
kögside- «быть слишком старым» < *kögsin* «старый, престарелый»;
boyunida- «быть слишком коротким» < *boyni-* «короткий».

Производные глаголы с суф. *-da* широко распространены во всех современных монгольских языках: халхаском, бурятском, калмыцком, баоаньском, дагурском, дунсянском, монгорском [МХХХЗ, с. 181–182].

Суффикс *-jī-* (км. *-jī-*)

Посредством данного суффикса от именных основ образуются непереходные глаголы, значение которых заложено в маркирующих именных основах:

baya'jī- [МА, с. 114] «разбогатеть, обогащаться» (км. *bayaḷjī-* id.) < *bayan* «богатый»;

dayijī- [Н, с. 49; SH, § 111] «отделиться, отдалиться; взбунтоваться» (км. *dayiči-* [Гол. III, с. 6] «враждовать, соперничать») < *dayin* «вражда, ссора; война»;

öbüljī- [МА, с. 272] ~ *ebüljē-* [МА, с. 151] ~ *übüljē-* [SH, § 148] «провести зиму, перезимовать» (км. *ebüljī-* ~ *ebüljē-* id.) < *öbül* ~ *ebül* ~ *übül* «зима»;

qata'uḷjī- [Н, с. 89] «усердствовать; закаляться, утруждаться» (км. *qataḷḷjī-* ~ *qataḷḷči-* [Гол. II, с. 94] «быть твердым, стойким; напрягать силы; перемогаться в болезни») < *qata'u* ~ *qataḷu* «твердый, жесткий, крепкий, непоколебимый».

Производные с этим суффиксом также широко распространены практически во всех современных языках [МХХХЗ, с. 185–186].

Суффикс *-jīrA-* ~ *-čirA-* (км. *-jīrA-*)

Этот суффикс составной, включающий в свой состав *-jī-* + *-rA-*. Незначительное количество выявленных непереходных глаголов с этим суффиксом передают значения, аналогичные производным на *-jī-*:

sayijīra- [Н, с. 94; НС, 7а] «улучшаться, исправляться» (км. *sayijīra-* id.) < *sayin* «хороший, добрый, благожелательный»;

anggičirA- [SH, § 177] ~ *angyijīra-* [НС, 5b, в: *angyijīrayui-*] «отделиться, избавляться, освобождаться» (км. *anggičirA-* id.) < *anggi* «часть,

доля, отдел»; км. *тауијѝра-*, халх. *муужра-* «лишаться чувств, падать в обморок», бур. *муужар-* «становиться хуже, ухудшаться; худеть» < *тауи* «плохой, дурной; слабый».

В современных монгольских языках существует значительное количество глаголов, образованных от пассивных (= омертвелых — Г.Д. Санжеев) корней или от «частиц-превербов» своеобразных префиксов, присоединяемых к глагольным основам. Причем значение тех и других может быть установлено лишь методом исторической этимологии.

В «Очерках» количество таких глаголов ограничено содержанием текстов.

Суффикс *-qinA-* (км. *-qinA-*)

Этот суффикс присоединяется к звукоподражательным (ономатопоэтическим) корневым морфемам (= пассивным корням) и формирует глагольные основы со значением действий или состояний, протекающих ритмически или прерывисто:

qišqina- [МА, с. 299] «шипеть (о змее)» < **qiš* «шипящий звук»; км. *qanggina-* [Гол. II, с. 73] «звучать; бряцать, звенеть» < *qang* «звук, издаваемый металлическими предметами»;

čingine- [Гол. III, с. 374] «звенеть, звучать» < *čing* [Гол. III, с. 372] «выражение стука, треска».

Количество производных с этим суффиксом зависит от наличия в языке соответствующих корневых морфем, например: халх. *гингэнэ* «издавать, тонкий, монотонный звук». Ср. км. *ginggine-* [Гол. III, с. 593] «всхлипывать, вопить; выть (о собаке)» < **ging*; бур. *таршагана* «трещать, дребезжать» < **тарша-*: *арзагана* «скалить зубы» < **арз-*. Ср. *арзагар* «оскаленный»; *арзай-* «быть оскаленным».

Суффикс *-qirA-* (км. *-qirA-*)

Употребление этого суффикса также связано с наличием звукоподражательных корневых морфем, присоединяясь к которым он формирует глаголы со значением, соответствующим содержанию подобных корней:

kürkire- [МА, с. 230] «рычать (о зверях), урчать; ворковать (о птицах); урчать (о животе)» (км. *kürkire-* [Гол. III, с. 676] «издавать звук, шуметь, кричать; ворчать, бормотать; перекликаться (о птицах и зверях)» < **kür* «издавать соответствующие звуки»;

qurqira- [МА, с. 312] «булькать, издавать булькающие звуки» (км. *qurqira-* [Гол. II, с. 194] «храпеть, хрипеть; хрюкать») < **qur*. Ср. км.

qur qar [Гол. II, с. 183] «хрип в горле, урчание в животе»; *qur qur* [Гол. II, с. 183] «фырканье, храпение, тяжелое дыхание лошади при езде»; *šarqira-* [МА, с. 331] «хрустеть, шелкать (например, пальцами)» (км. *šarqira-* ~ *sirgira-* [Гол. II, с. 520] «ломить, неметь, чувствовать слабость») < **šar* ~ *sir* «звук шума, шелест, журчание». Ср. халх. *шур хийх* «шелестеть, хрустеть».

Суффикс *-l-* (км. *-l-*)

Посредством суффикса *-l-* образуется ряд переходных глаголов от «частиц-превербов».

Непереходные глаголы образуются от этих же самых приставок с суффиксами *-ra-* ~ *-ri-* (см. ниже). В редких случаях это — корневое наречие с самостоятельным лексическим значением.

Количество таких производных глаголов ограничено наличием числа подобных «приставок» в языке:

oqta- [МА, с. 268] ~ *hoqtol-* [SH, § 129] «оторвать, отрезать, отрубить» (км. *oqtol-* id.) < **hoqto* ~ **oqta*. Ср. км. *oyta* ~ *oyto* «совсем, совершенно, вовсе»;

qaqal- [SH, § 209] ~ *qaqala-* [МА, с. 291] «колоть, разбивать, ломать и т.п.» (км. *qaqal-* id.) < *qaqa* ~ *qaya* передает в глаголе «раскалывающее, раздробляющее действие»;

ququl- [МА, с. 310; SH, § 19] «сломать, переломить» (км. *ququl-* id.) < **ququ* ~ *ququ* — обозначает перелом чего-либо на две части, пополам;

tasul- [МА, с. 342; SH, § 137] «оторвать, отломать» (км. *tasul-* id.) < **tasu* — выражает завершение действия: «совершенно, совсем, вполне».

Суффикс *-lA'* (км. *-lA-*)

Это один из самых распространенных и продуктивных отыменных глаголообразующих суффиксов. Производные глаголы, образованные посредством этого суффикса, известны во всех алтайских языках [Рамстедт, 1957, с. 173–177]. Такие глаголы, с самым широким кругом значений, представлены во всех ныне существующих монгольских языках [МХХХЗ, с. 176–177; Грамматика, с. 30–31].

В древних текстах этот суффикс также активно использовался при образовании в основном переходных глаголов, значение которых определялось содержанием маркирующей основы:

noyala- [НС, 5b, 11b] «властвовать, господствовать» < *ноуан* «господин, князь»;

abala- [МА, с. 93; SH, § 189] «ловить, устраивать облаву, охотиться» (км. *abala-* id.) < *aba* «охота»;

emčüle- [SH, § 231] «предоставить в собственность, получить долю, наделять» (км. *ömčüle-* id.) < *emčü* ~ *ömči* «часть, доля, пай, наследство»;

emle- [МА, с. 154] «лечить, принимать лекарство» (км. *emle-* id.) < *em* «лекарство»;

qajärčila- [SH, § 231] «быть проводником, гидом» (км. *qajärčila-* id.) < *qajärči* «проводник, гид, указывающий путь, дорогу»;

daula- [Н, с. 49] ~ *dūla-* [МА, с. 147] «петь» (км. *dayula-* id.) < *da'u* ~ *dawu* [SH, § 214] «голос; звук»;

kelele- [Н, с. 70; SH, § 95] ~ *kelle-* [МА, с. 215] «говорить, рассказывать» (км. *kelele-* ~ *kele-* id.) < *kele(n)* «язык; речь»;

erkile- [НС, 10a] «ведать, распоряжаться» < *erke* ~ *erki* «право, власть, полномочия»;

to'ola- ~ *to'ula-* [SH, § 262] ~ *tōla-* [МА, с. 352] «считать, пересчитывать» (км. *toyala-* id.) < *to'o* ~ *to'u* «число, количество»;

ügüle- [SH, § 219; Н, с. 107; НС, 2a; УМ, с. 364] ~ *ügele-* [МА, с. 374] «говорить» (км. *ügüle-* id.) < *ügü* ~ *üge* «слово; речь, изречение»;

hildüle- [МА, с. 184] «ударить мечом» < *hildü* «меч».

Суффикс *-li-* (км. *-li-*)

Производные глаголы с суффиксом *-li-* зафиксированы только в двух случаях:

amurli- [Н, с. 35; SH, § 156] «успокаиваться, затихать, отдыхать» (км. *amurli-* id.) < *amur* «отдых, покойствие»; халх. *амарли-* «успокаиваться; выздоравливать после болезни»;

tawuqali- [SH, § 131] «ссориться, препираться; злиться» < *tawuqan* [SH, § 193] «плохой, плохонький»; перен. «злой, вредный». В МХХХЗ этот суффикс не отмечен.

Суффикс *-mši-* (км. *-mši-*)

Этот суффикс в производных глаголах встречается крайне редко. Нами зафиксирован в единственном случае:

eremši- [SH, § 277] «уважать за мужество, смелость» < *ere* «мужчина; муж»; перен. «мужество, характер». Ср. перевод этого глагола в тексте SH на современный монгольский язык: ...*эрэмгий түрэмгий зан гаргаж...* [МНТ, § 277] «...проявлял мужественный и властный характер». Как и предыдущий, этот суффикс в МХХХЗ и грамматиках по монгольским языкам не отмечен.

Суффикс $-rA^1$ - ~ $-ri$ - (км. $-rA$ -)

Этот суффикс образует непереходные глаголы от «частиц-превербов». Аналогичные переходные глаголы производятся посредством суффикса $-l$ - (см. выше):

butara- [МА, с. 126] «распадаться, разваливаться на части» (км. *butara-* id.) < *buta* — придает глаголу значение усилительного действия: «вдребезги, в прах, совсем». Ср. халх. *бүт цохи-* «разбивать, разгромить» при *цохи-* «бить, ударять»; *бүт дэвсэ-* «растоптать» при *дэвсэ-* «топтать»;

qaqara- [МА, с. 126] «распадаться, разваливаться на части» (км. *qaqara-* id.) < **qaqa* — придает значение раскалывающего, раздробляющего действия глагола;

quqara- [МА, с. 309] ~ *ququra-* [SH, § 121] «сломаться, переломиться, отделяться от целого» < *quqa* ~ *ququ* — обозначает перелом чего-либо;

hoqtori- [SH, § 80] ~ *oqtara-* [МА, с. 268] «быть обрезанным, оторванным, вырванным» < *hoqta* ~ *oqta*. Ср. халх. *огт* «совсем, совершенно, вовсе»;

tasura- [МА, с. 342; SH, § 158, в: *tusura-qda*] «оторваться, отломаться, сломаться, отделяться» (км. *tasura-* id.) < *tasu* — выражает в глаголе усиление и завершение действия.

Количество подобных глаголов определяется наличием в языке таких «частиц-превербов».

Суффикс $-rA^2$ /- ri - (км. $-rA$ /- ri -)

По сравнению с суффиксом $-rA^1$ - глаголы на $-rA^2$ - широко представлены во всех современных монгольских языках [МХХХЗ, с. 178–179], и этот суффикс принадлежит к наиболее продуктивным.

В древних текстах данный суффикс также можно причислить к продуктивным. Производные глаголов являются в большинстве своем непереходными и обозначают действия, обозначенные в производящих основах:

belgüre- [МА, с. 117] «открываться, раскрываться, проявляться» < *belgü* ~ *belge* [МА, с. 117] «признак, знак, примета; характерная особенность». Ср. др.-тюрк. *belgür* id. < *belgü* id.;

daldari- [SH, § 255] «укрываться, прятаться; уклоняться от повинности» (км. *daldari-* [Гол. III, с. 60] «укрываться, удаляться») < *dalda* «тайный, скрытый»;

belbüsüre- [МА, с. 116] «овдоветь; находиться в трауре» (км. *belbesüre-* id.) < *belbüsün* ~ *belbesün* «вдова»;

kökere- [МА, с. 220–221] «зеленеть, синеть» (км. *kökere-* «синеть, зеленеть; блекнуть; сделаться голубым» < *köke* «синий, голубой; зеленый (о траве)»; ср. др.-тюрк. *köker-* «блекнуть» < *kök* «блеклый; голубой»);

jujāra- [МА, с. 210] «уплотняться, стать толстым; густым» (км. *jujāra-* id.) < *jujān* [МА, с. 210] «толстый; густой»;

samawura- [SH, § 197] «ошибаться, сбиваться с толку; расстраиваться, приходиться в замешательство» (км. *samawura-* id.) < *samawu(j)* «беспорядок, смута, хаос; замешательство»;

üderi- [SH, § 170] «полдничать (вечереть)» < *üde*. Ср. км. *üde* [Гол. I, с. 299] «полдень».

Суффикс *-rqA-* (км. *-rqA-*)

Производные с этим суффиксом глаголы обозначают проявление того свойства, которое выражено в маркирующей основе, — высокомерия, кичливости, хвастовства, чванства:

dayisurqa- [SH, § 276] «поступать враждебно, как неприятель» < *daysun* «враг, противник, неприятель»;

güčürge- [SH, § 124] «проявлять свою силу, насилие, поступать насильственно» (км. *küčürge-* ~ *kücirge-* [Гол. III, с. 651, 653] id.) < *güčün* ~ *küčin* «сила»;

omorqa- [SH, § 124] «гордиться, кичиться, быть надменным» (км. *omorqa* ~ *omurqa-* id.) < *omou* ~ *omuy* «гордость, надменность, высокомерие»;

soyurqa- [Н, с. 95; МА, с. 325; НС, 9а; УМ, с. 365; SH, § 185] «быть милостивым, оказывать милость, прощать; награждать» (км. *soyurqa-* id.) < **soyu*; ср. др.-тюрк. *čuyurqa-* > *suyurqa-* > *soyurqa-* id. < кит. *c'yu* «доброта, милость; ласка» [God., 1985, с. 62];

usurqa- [SH, § 188] «искать воду» < *usun* «вода».

Глаголы на *-rqA-* шире представлены в классическом и современных (монгольском, бурятском, калмыцком) языках [МХХХЗ, с. 180–181]:

км. *noyarqa-*, халх., бур. *ноёрхо-*, калм. *нойрх-* «кичиться, вести себя высокомерно; господствовать» < *noyan* «князь, господин»;

км. *bayarqa-*, халх., бур. *баярха-* «гордиться, хвастаться богатством» < *bayan* «богатый, зажиточный; обилие, богатство»;

км. *yekerke-*, халх. *ихэрхэ-*, бур. *ехэрхэ-* «важничать, чваниться, проявлять высокомерие» < *yeke* «большой, великий»; перен. «хвастливый»; км. *ejerke-*, халх. *ээрхэ-*, калм. *эзрк-* «вести себя как хозяин, властвовать» < *ejen* «хозяин, господин».

Суффикс *-s(A)-* (км. *-s(A)-*)

Модель с этим суффиксом представлена в основном непереходными (иногда переходными) глаголами, содержание которых определяется семантикой производящей основы:

amsa- [Н, с. 35; МА, с. 101] «пробовать, вкушать (пищу)» (км. *amsa-* id.) < *ama* «рот, уста»;

bayas- [Н, с. 39; МА, с. 115; SH, § 195; НС, 15a] «радоваться, веселиться» (км. *bayas-* id.) < *bayar* «радость»;

keyis- [SH, § 31] ~ *keis-* [МА, с. 213] «развеваться на ветру, нестись по ветру» (км. *keyis-* id.) < *key* ~ *kei* «ветер»;

hünis- [МА, с. 192; SH, § 27] «пахнуть, нюхать» (км. *üniis-* id.) < *hünir* «запах»;

ḡusa- [МА, с. 211; SH, § 177] «проводить лето, летовать» (км. *ḡusa-* id.) < *ḡun* «лето»;

öles- [МА, с. 275; Н, с. 84] ~ *ölös-* [SH, § 151] «голодать, испытывать голод» (км. *ölös-* id.) < **öl*. Ср. км. *öl* [Гол. I, с. 303] «питание, жизненные припасы»;

sonas- [МА, с. 324] ~ *sonos-* [Н, с. 95; SH, § 281] ~ *sonus-* [НС, 36a] «слушать, услышать» (км. *sonos-* id.) < **sonar* > *sonor*, ср. км. *sonor* «слух»;

unda'as- [SH, § 145; МА, с. 364] ~ *undās-* [SH, § 67] ~ *unda'ās-* [МА, с. 364] «испытывать жажду» (км. *undaḡas-* id.) < *unda'an* ~ *undān* «питье, напиток».

Аналогичные производные с этим суффиксом присутствуют в бурятском, калмыцком языках [МХХХЗ, с. 184].

Суффикс *-ši-* (км. *-si-*)

Посредством этого суффикса образуются непереходные глаголы со значением нахождения где-то, появления в предмете того или склонности к тому, что обозначено в производящей основе:

aldarsi- [НС, 29a; УМ, с. 376, в: *aldarsiḡul-* «прославиться» (км. *aldarsi-* [Гол. I, с. 50] id.) < *aldar* «слава, известность»;

orosi- [SH, § 279; УМ, с. 377, в: *orosiḡul*] ~ *orusi-* [НС, 11a] «находиться, располагаться» (км. *orosi-* [Гол. I, с. 268] id.) < *oron* ~ *orun* «место; местопребывание»;

naqursi- [УМ, с. 378] «превратиться в озеро» < *naqur* (*-naḡur*) «озеро»;

gemi- [God., с. 63] «раскаиваться, сожалеть» (км. *gemi-* id.) < *gem* «ошибка, вина; погрешность».

Производные на *-si* известны почти во всех современных монгольских языках [МХХХЗ, с. 184–185]. Суффикс *si* особенно продуктивен и активен в современном халха-монгольском, где в терминологической лексике появилось много глагольных неологизмов: *хамариши*-лингв. «лабилизация» < *qamar* «нос»; *уруулиши*-лингв. «огубление» < *ириүл* «губы»; *туйлиши*- физ., лингв. «поляризация» < *туйл* «предел» и мн. др. [Бертагаев, 1974, с. 231–232].

Суффикс *-siyA-* ~ *-si'A-* (км. *-siyA-*)

Этот суффикс исторически является составным с компонентами *si-* + *-yA* < *-ya* [Грамматика, 1962, с. 179]. Формирует он глаголы со значением наличия у предмета качества, присутствующего главным образом в основах качественных прилагательных:

sayisiya- [UM, с. 367, в: *sayisiyada-*] «одобрять, хвалить» (км. *sayisiya-* id.) < *sayin* «хороший, добрый; благополучный»;

buruysiya- [НС, с. 23b] ~ *buru'siya-* [SH, § 281] «осуждать, порицать, обвинять» (км. *buruysiya-* id.) < *buruyu* ~ *buru'u* «ложный, недобрый»;

jöbsiye- [SH, § 119] ~ *jöbsi'e-* [Н, с. 68] «одобрять, хвалить» (км. *jöbsiye-* id.) < *jöb* «правильный, добрый; верный, справедливый»;

berkesiye- [SH, § 227] «затрудняться, испытывать трудности; отчаиваться» (км. *berkesiye-* [Гол. II, с. 275] «испытывать трудности, быть в хлопотах; совеститься») < *berke* «трудный, обременительный; злой сердцем, жесткий в поступках».

Производные на *-siya-* известны и в современных монгольском [ОЦМХЗ, с. 133; ОЦМХҮЗБ, с. 32], бурятском [ГБЯ, с. 178–179], калмыцком [ГКЯ, с. 184] языках, хотя сам суффикс не является, видимо, продуктивным. Он, например, отсутствует среди многих других суффиксов глагольного словообразования в «Сравнительной грамматике монгольских языков» [МХХХЗ].

Суффикс *-t-* (км. *-d-*)

Этот суффикс наряду с такими, как *-lA-* и *-rA-*, принадлежит к наиболее продуктивным и распространенным.

Производные глаголы, образованные этим суффиксом, передают суть значений, заложенных в маркирующих именных основах:

durat- [Н, с. 51; SH, § 67] ~ *durad-* [God., с. 64] «вспоминать, припоминать; упоминать» (км. *durad-* id.) < *dura* «воля, склонность; помыслы»;

niket- [Н, с. 79] ~ *niked-* [God., с. 63] «объединяться» (км. *niged-* id.) < *nigen* «один, единый»;

nüket- [God., с. 64] «продырявиться, образоваться (о дыре, щели)» (км. *nükede-* [Гол. II, с. 59] id.) < *nüke(n)* «дыра, щель, яма»;

qala 'ut- [God., с. 64] ~ *qala 'üt-* [МА, с. 288, в: *qala 'üt-qa*] «разогреться, согреться; растопить» (км. *qala'ud-* id.) < *qala 'un* «горячий; жара, зной»;

urtut- [МА, с. 367] «стать длинным, удлиняться» (км. *urtud-* id.) < *urtu* «длинный»;

üjilet- [МА, с. 376] ~ *üilet-* [Н, с. 108] ~ *üyilet-* [SH, § 101] «работать, делать, производить» (км. *uiled-* id.) < *üyle* ~ *üjle* «работа, дело, действие; поступок»;

tübsit- [МА, с. 358] «выравниваться, исправляться» (км. *tübsid-* «быть ровным, простым») < *tübsin* «прямой, ровный».

5.2. Производные глаголы, мотивированные глагольными основами

Данную группу глаголов можно подразделить на две группы:

I — Образования, связанные с видо-аспектуальными значениями;

II — Производные глаголы, обладающие неограниченной продуктивностью, имеющие отношение к образованию залоговых форм.

I. Видо-аспектуальные оттенки передаются несколькими особыми суффиксами с соответствующими значениями:

Суффикс *-l(A)-* служит для образования глаголов длительного состояния, повторяющегося и многократного действия:

caqil- [МА, с. 131] «сверкать, блистать (о молнии)» (км. *caqil-* id.) < *caqi-* «сверкнуть, блеснуть (о молнии)»;

geçikile- [= *geçkile-*] [SH, § 275] «беспрерывно топтать, затаптывать, потаптывать ногами (о многих)» (км. *geçkile-* [Гол. III, с. 595] id.) < *geçki-* ~ *geşki-*. Ср. *giçke-* [МА, с. 437] «топать».

Посредством суффиксов *-lĵA-* ~ *-balĵA-* ~ *-qalĵA-* образуется ряд глаголов, указывающих на продолжительность, длительность того или иного действия, ритмичность и повторяемость, а также плавно протекающее действие. Как средство образования особых «длительно-ритмических глаголов» эти суффиксы относятся к непродуктивным:

darbalĵa- [SH, § 105] «развеваться на ветру; взвиваться; трепетаться» (км. *darbalĵa-* ~ *darbalĵi-* id.) < *darba-* [Гол. III, с. 84] «развеваться на ветру; бить крыльями по воздуху»;

durbaľa- [God., с. 71] «гореть, разгораться ясным пламенем» < *durba-* ~ *durbu-* [Гол. III, с. 225] «пылать, гореть, развеяться на ветру»;

čerbegelje- [SH, § 101, в: *čerbegelje 'ül-*] «свисать, свешиваться, обвисать, раскачиваться» (км. *čerbelje-* «раскачиваться (о растениях)») < **čerbe-*. Ср. км. *čerbe-* [Гол. III, с. 368] «прыгать, подпрыгивать; летать»;

niqsaqalja- [SH, § 90] «шататься, колотья; колебаться» < **nisqa-*;
ketügelje- [SH, § 229] «крутиться, вращаться, вертеться; проходиться с обратным поворотом» < **ketü-*. Ср. км. *getü-* ~ *gete-* «объехать кругом, обходить незаметно для других»;

sičabalja- [SH, § 21] «ползать, пресмыкаться» < **siča-*.

К числу глаголов, образующихся от глагольных основ, относятся и производные с суффиксом *-rA³-*.

В отличие от суффикса *-rA¹-*, который формирует непереходные глаголы от «частиц-превербов», и *-rA²-*, образующего глаголы от именных основ, которые широко представлены во всех монгольских языках, и этот суффикс принадлежит к наиболее продуктивным, суффикс *-rA³-* преобразует переходные глагольные основы в непереходные со значением действия или состояния (лица, предмета) с некоторой протяженностью во временном плане:

delgere- [H, с. 50; MA, с. 140; HC, 4а, в: *delgeregül-*] «распространяться, расширяться» (км. *delgere-* id.) < *delge-* «развернуть, разложить; раскрыть»;

ebdere- [MA, с. 149] «разваливаться, разрушаться» (км. *ebdere-* id.) < *ebde-* «ломать, разрушать»;

amura- [God., с. 71] «успокаиваться, быть спокойным; отдыхать» (км. *amura-* id.) < *amu-* [SH, § 209] «благоденствовать, успокоиться»;

asqara- [MA, с. 107] «выливаться, проливаться, вытекать» (км. *asqara-* id.) < *asqa-* «лить, проливать».

6. О КАТЕГОРИИ ВИДА

Вид в монгольских, как и во многих других языках, находится в тесной связи с категорией времени, поясняя, каким образом осуществляется, протекает действие во временном плане с точки зрения его продолжительности, степени завершаемости, результативности и т.п.

Но категория вида вообще (и в монгольских языках в частности) понимается довольно широко, так как в эту категорию включается все то, что составляет более широкое и универсальное понятие — категория аспектуальности.

Важным этапом в изучении видов стало разграничение вида [aspect — в международной терминологии] и способа действия [action-sart]²² — явления более широкого по сравнению с морфологической категорией вида. Если аспектология пользуется всеми языковыми средствами: морфологическими, синтаксическими, лексическими, а также контекстом и присуща всем языкам мира, то категория вида, которая проявляется в противопоставлении различных морфологических форм, присутствует не в каждом языке, например, она отсутствует в немецком [ЛЭС, с. 84]. В различных языках мира категория вида отличается как по внешним (синтетическим или аналитическим) формам своего выражения, так и со стороны содержания. Если в славянских языках через всю систему глагола проходит противопоставление совершенного и несовершенного видов, то в других языках, в частности в монгольских, такая корреляция отсутствует. Здесь «нельзя подвести каждый глагол под ту или иную видовую категорию, как это наблюдается в русском языке» [Пагва, 1961, с. 31].

В монгольских глагольных основах не содержится каких-либо видовых оттенков, в них не заложено ни значения предела, ни значения длительности. Это своеобразная аксиома нейтральности первичных глагольных основ по отношению к виду фактически давно признается всеми монголоведами. Наряду с этим отмечалось, что «глагольный вид слабо развит в монгольских языках» и поэтому не случайно монголоведы долго не решались выделять его [Цыдендамбаев, 1979, с. 120–121].

У Алексея Бобровникова [Бобровников, 1849, с. 128–129], как и позже у В.Л. Котвича [Котвич, 1902, с. 99], категория вида как таковая отсутствует, а две глагольные формы, которые ныне большинством монголоведов рассматриваются как видовые, относились к залоговым. Это форма на *-цгаа/ -цгээ* (учащательный залог) и дополнительно (у Котвича) — формы на *-схи* и *-лхиле* (уменьшительный залог). Н. Поппе также не выделял категорию вида, а все глагольные формы рассматривал в разделе «Образование глагольных основ». Среди них глаголы множественности (суф. *-саγā/-сегē*), глаголы, обозначающие часто повторяющееся, многократное быстрое действие (суф. *-л*), глаголы продолжительности (суф. *-лзā / -лзē*), выражающие различные ритмичные и частые действия, а также частые и быстрые действия (суф. *-балза / -белзе* или *-γалза / -гелзе*) [Поппе, 1937, с. 134–144].

²² Впервые термины «aspect» (для вида) и «actionsart» (для способа действия) употребил S. Agrell в 1908 г. на материале польского языка. См. [Вопросы глагольного вида. 1962, с. 35].

Начиная с «Грамматики современного монгольского языка» Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 1951], в которой вид был выделен как самостоятельная грамматическая категория, эта категория стала выделяться практически во всех грамматических исследованиях по монгольским языкам.

Здесь не исследуется вся глобальная тема «Аспектология», а рассматриваются лишь те некоторые аналитические глагольные сочетания, которые мы считаем возможным отнести к видовым, как к ядру поля аспектуальности.

Исследователи монгольских языков, отмечая недостаточную изученность категории вида в данных языках, обычно подчеркивали, что эта категория выражается главным образом аналитическими средствами. Что же касается синтетического способа выражения видовых особенностей глаголов в монгольском языке, то он представлен «весьма непродуктивно» [Галсан, 1975, с. 206]. При этом важно иметь в виду особый характер как синтетических, так и аналитических глагольных форм, а именно то, что все они являются «формами глагола, а не самостоятельными глаголами. Видовые основы лишены словообразовательной способности и от них никогда не образуются какие-либо производные слова, в том числе залоговые основы» [Грамматика, 1962, с. 188]. Это замечание Г.Д. Санжеева крайне важно, дабы исключать из числа видовых форм те глагольные образования с видовыми оттенками, суффиксы которых носят словообразовательный характер.

Самое большое распространение в монгольских языках получили аналитические формы как собственно вида, так и в более широком смысле — категории аспектуальности. Аналитические формы представлены во всех жанрах и стилях современного монгольского языка, «в любом проявлении речи» [Шарху, 1975, с. 227–233].

Монгольские аналитические формы, как известно, состоят из сочетания двух (реже — трех) глагольных форм, образующих нечленимое словосочетание, имеющее общее интегрированное грамматическое значение. В роли неспрягаемого компонента таких сочетаний выступают деепричастные и причастные формы, несущие основное лексическое значение. В качестве связующего звена функционируют служебные глаголы, способствующие передаче цельного грамматического значения всего комплекса. Особенностью подобных аналитических образований является то, что они в отличие от простых глагольных форм, которые указывают на время протекания действия, обозначают и характер, различные способы протекания этого действия: завершен-

ность, начинательность, продолжительность, предшествование, протяженность и т.п.

Способы протекания действия, как лексико-грамматическая категория, не должны отождествляться с грамматической (морфологической) категорией вида, хотя это очень близкие, часто соприкасающиеся друг с другом, но не адекватные понятия большого поля аспектуальности.

Некоторые монгольские лингвисты полагают, что аналитические формы в монгольских языках «не образуют систему глагольного вида», что они являются «структурно-лексическими показателями способа и характера протекания действия, а не средством выражения грамматической категории вида, характерной для славянских языков» [Шарху, 1975, с. 232–233]. Аналитический способ, несомненно, доминирует в сфере аспектуальности. И тем не менее вряд ли можно согласиться со столь категоричным отрицанием наличия в монгольских языках в системе аспектуальности грамматической категории вида. Большинство исследователей наличие этой категории в данных языках не отрицается. Однако авторы, в той или иной степени затрагивающие в своих трудах категорию вида, порой по-разному ее трактуют. В результате к виду причисляются либо производные, имеющие словообразовательный характер, либо то, что относится к обширному полю аспектуальности.

В современном монголоведении существует концепция образования глагольных видов синтетическим способом посредством ряда суффиксов с теми или иными видовыми характеристиками [ОЦМХЗ, с. 145–146; ОЦМХУЗБ, с. 76–78; Санжеев, 1959, с. 66–67; Цыдендамбаев, 1979, с. 121–126]. Но как справедливо отмечал Ц.-Ж. Цыдыпов, все эти суффиксы «выражают характер протекания действия, тем самым они могут быть классифицированы как морфологические показатели категории аспектуальности» [Цыдыпов, 1972, с. 59].

Сторонники аналитической концепции вида [Шевернина, 1958, с. 82–100; 1977, с. 256–260; 1988, с. 120–127] считают, что показателями категории вида в монгольских языках служат суффиксы деепричастных и причастных форм с глагольными связками. Однако в таком случае сложным остается вопрос, что является в подобных конструкциях морфологическим показателем вида и какие из подобных конструкций относить к различным проявлениям поля аспектуальности.

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что в аналитических видовых глагольных формах морфологическими показателями являются «аффиксы причастных и деепричастных форм, регулярно соз-

дающие видовые значения в системе аналитических конструкций» и что при этом вид «обладает тотальным распространением в языке, т.е. охватывает все глаголы, во всяком случае, их абсолютное большинство...» [Цыдыпов, 1972, с. 66].

К аналитическим видообразующим формам мы считаем возможным относить лишь сочетания деепричастных и причастных форм с грамматикализованным вторым компонентом — служебным глаголом *bayi-* «быть, существовать» и (в древних и классических текстах) с глаголом *a-* «быть», которые принимают временные показатели, обозначающие протекание действия во времени.

В привлеченных к исследованию текстах можно выделить три вида, образованных аналитическим способом²³.

Совершенный вид (Perfect). Он обозначает, что действие произошло в прошлом, ранее другого события. Оно может быть релевантно и по отношению ко времени суток. Образуется этот вид посредством причастия прошедшего времени на *-γsan /-gsen* и временных суффиксов служебных глаголов *bayi-* и *a-*, например: 1) *Tendece manggal qaγaly-a-bar oduγsan noyad ceceγ oroγsan-i üjeñi egüber oduγsan aγyuyi kemen...* [TD 38, F 26v] «Потом начальники, отправившиеся через Священные Ворота, увидели дождь цветов и сказали: „Он [уже] ушел через эти [Ворота]“»; 2) *...olan-a masi sayisiyaqdaqsan aγyiqu* [UM, с. 367] «...[Он уже] заслужил большую похвалу масс»; 3) *darqan ner-e ber öggügsen aγyiqu* [UM, с. 371] «...[Император] пожаловал ему титул „дархана“»; *Singsi ügüler-ün taqümdayu törö masi menegün ayui yeke aγsan aγyuyi* [HC, 10b] «*Singsi* сказал: „Нормы почитания были очень большими и необъятными“».

2. Продолженный, или прогрессивный, вид (Progressive) обозначает продолжающееся во временном отрезке действие. Образуется этот вид посредством сочетания соединительного на *-ñi /-ci* и слитного на *-n* деепричастий с теми же служебными глаголами: 1) *...eñy-e kürtele ber on-u caγ-un takil-i üiled-ün amui* [TD 52, F 45r] «...[они] до сих пор исполняют ежегодные жертвоприношения»; *Jamuga-yin ñi[k] mö'ören mö'ören siroi sa-cun saçun bayimu* [SH, § 121] «[Рыжая корова] все мычит и мычит в сторону Джамухи и разбрасывает копытами землю»; 2) *Tere çaqa'qan moritu gü'ün u'urqa-bar-ıyan dokiñi bayiba* [SH,

²³ В «Очерках...» не анализируются аспектуальные значения, выражаемые как суффиксальными, так и другими грамматическими и лексическими средствами, а те немногие суффиксы, связанные с аспектуальными значениями, выражающими продолжительность, моментальность, краткость, интенсивность, ритмичность и т.п., рассматриваются в разделе «Глагольное словообразование».

§ 91] «Тот всадник на белом коне продолжал размахивать своим урюком»; *ötegi üker sibardaysan metü öber-ün kücün aldaju amui* [TD 67, F 63v] «Ты утрачиваешь свою силу словно старый бык, застрявший в грязи»; *Beder-če uiqud-un qan inu Bis Baliq-a orusin saqun ajuqu* [UM, с. 386] «Издравле уйгурский хан проживал в Bis Baliq'е».

3. Многократный вид употребляется для передачи действий и ситуаций, которые происходят обычно, регулярно, и для обозначения общих понятий, постоянных свойств. Образуется он посредством морфологического форманта многократного причастия на *-day / -deg* и служебных глаголов *bayi-*, *bol-* или связок *bui*, *yum* для маркирования времени, которые могут и отсутствовать.

Этот вид широко распространен в современном языке, но в наших текстах отмечен в единичных случаях: *...öber-eegen yekes-tür tabiyalabasu jokiday bolu* [НС, 8b] «...если он услужлив по отношению к старшим (к тем, кто выше его самого), значит, он всегда бывает услужлив (соответствует этому)»; *üker mögeredeg* «скот мычит»; *noqai ünege qoyar qucaday* «Собаки и лисы лают».

Ср. в современном монгольском: *Orčin üy-e-yin erdemted enekü üsüg bičig-i uyüürčün mongγol üsüg bičig geju nereyitdeg yum* [UM, с. 11] «Современные ученые называют эту письменность уйгуро-монгольской письменностью»; *Ci uyüür üsüg bičig sayin mededeg üü? geju Cinggis qayan asayγusan-du...* [UM, с. 11] «Когда Чингис-хан спросил: „Хорошо ли ты знаешь уйгуро-монгольскую письменность...?“».

7. ЗАЛОГИ

Знакомство с литературой, где рассматривается категория залога в различных языках, приводит к выводу, что по данному вопросу у лингвистов нет единой точки зрения. Это зависит как от особенностей структуры того или иного языка, так и от различного подхода к определению данной языковой категории. В понятие залога вкладывается крайне разнообразное и противоречивое содержание.

Одни исследователи считают залог только морфологической категорией, другие наделяют его признаками трех языковых уровней — лексического, морфологического, синтаксического; третьи считают залог категорией лексико-морфологической.

В 1970-х годах распространенной теорией залога в отечественном языкознании стала теория, созданная на основе изучения соотношения семантики и синтаксиса в их взаимодействии. В рамках этой теории

наряду с понятием залога стало использоваться и понятие диатезы — схемы соответствия между единицами синтаксического уровня (подлежащее, сказуемое, прямое и косвенное дополнения) и единицами семантического уровня (субъект, предикат, объекты). Изменения в них влечет за собой и смену диатез [Апресян, 1974; Бондарко, 1976; Холодович, 1979].

Согласно этой теории, залог определяется как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Холодович, 1979, с. 5–13].

В исследованиях, посвященных описанию грамматического строя монгольских языков, как правило, имеются и разделы, посвященные залогам. Но и здесь отсутствует единство взглядов и четкая определенность в характеристике этой категории.

Так, Г.Д. Санжеев, много внимания уделявший исследованию глагола и его грамматических категорий, писал: «Несмотря на то, что монгольские языки давно уже стали объектом пристальных и кропотливых лингвистических изысканий в трудах, главным образом наших отечественных языковедов, нельзя сказать, чтобы в вопросе о залогах в этих языках была достигнута достаточная четкость и необходимая ясность» [Санжеев, 1963, с. 12].

Под категорией залога ученый понимал «такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному в подлежащем» [Там же, с. 18]. В то же время автор не считал залог формой глагола. Различие между залогом и видом монгольского глагола он видел в том, что «образование залоговых основ представляет собой образование новых глагольных основ, новых глаголов, новых лексических единиц, — иными словами, залог не является формой глагола» [Там же, с. 9].

Другие монголоеды, напротив, считали, что залог — «формообразовательная категория глагола, частично выражающая в нем синтаксические субъектно-объектные отношения в предложении и словосочетании» [Наделяев, 1954, с. 58].

Монгольский лингвист П. Бямбасан, подробно исследовавший категорию залога в родном языке, пришел к выводу, что залог в монгольском языке — формообразующая словоизменительная категория [Бямбасан, 1970, с. 230–231].

Как считает Ц.Б. Цыдендамбаев, «залог в бурятском языке представляет сложную категорию, носящую смешанный ярко выраженный лексико-грамматический характер. Лексичность залога наглядно проявляется, в частности, в том, что глаголы, получившие залогообразующие суффиксы, оказываются в состоянии присоединять к себе

словоизменительные формы глагольных времен и наклонений». «Гармоничность залога сказывается в том, что он в предложении выражает отношение глагола, обозначающего действие, к имени-объекту или субъекту и в зависимости от направленности этого отношения глагол получает определенную маркировку» [Цыдендамбаев, 1979, с. 85–86].

В последние годы к определению залога в монгольских языках стала применяться теория функционально-семантических полей, развиваемая на материале славянских языков, в которой понятийную основу поля залоговости составляет отношение понятия действия к семантическому субъекту и к семантическому объекту. «Залог, — пишет Р.П. Харчевникова, — формируется средствами морфологии и синтаксиса: залоговая глагольная форма, являясь ядром конструкции, во многом предопределяет и ее структуру: количество членов (компонентов, по Г.Д. Санжееву), характер отношений между ними» [Харчевникова, 1996, с. 13].

Мы в своем исследовании исходим из того, что залог как лексико-грамматическая категория представляет собой единство лексического значения и формальных грамматических средств, выражающих это значение. Но лексические и морфологические привязки все же не достаточно релевантны в определении категории залога, ибо залоговая сущность проявляется только в определенных синтаксических конструкциях. Глагольная форма сама по себе, при любом способе ее морфологического оформления, не выражает залогового значения вне ее связи с другими элементами предложения. Значение залога как лексико-грамматической категории проявляется в наличии субъектно-объектных отношений, что получает свое выражение в соответствующей (залоговой) глагольной форме и в структурном оформлении предложения в целом.

Залоговые формы не изменяют основного лексического содержания глагольной основы, а лишь придают ей новые аспекты грамматических значений. Залог — это оформление глагольной основы, в которой выражается отношение обозначенного в ней действия к субъекту-подлежащему. Залоговые структуры — это такие конструкции, у которых позицию сказуемого занимает оснащенная специальными суффиксами глагольная форма, выражающая отношения действия к субъекту или субъектно-объектные отношения в предложении, которые будут отличаться структурно от исходного (простого) построения.

Ср.: *Bi nom ungsiqu* «Я буду читать книгу» и *Aq-a namay nom ungsiyulqu* «Брат заставит меня читать книгу». Здесь субъект исходной конструкции превращается в объект действия, т.е. нарушается соот-

ветствие подлежащее—субъект, свойственное простой (незалоговой) конструкции. Для маркировки изменений в исходной конструкции в плане выражения появляется набор разных средств: возникает субъект-каузатор действия, в глагольной основе сказуемого происходят формальные изменения, субъект-подлежащее первого предложения превращается в агенса — реального исполнителя действия, которое должно осуществиться по воле (желанию, приказу) второго лица-каузатора, побуждающего агенса к выполнению обозначенного в глагольной основе действия. Изменяется и морфологическое оформление имени, занимающего позицию подлежащего в исходной конструкции: в качестве уже агенса-объекта действия это имя оформляется показателем винительного или косвенных падежей.

В монгольских языках категория залога тесно связана с лексико-грамматическими разрядами переходных-непереходных и активных-пассивных глагольных основ, подробно исследованных в работах Г.Д. Санжеева и Ц.Б. Цыдендамбаева. Но сами по себе эти разряды не образуют и не определяют залогов, а имеют с последними лишь опосредствованную связь по линии выражения отношения действия к его субъекту (непереходность) или объекту (переходность).

Ц.Б. Цыдендамбаев считал, что «в бурятском языке залогообразуются главным образом от активных глагольных основ, независимо от того, являются ли они переходными или непереходными. Иначе говоря, пассивные по своей семантике глаголы большей частью не принимают залогообразующих суффиксов». Но это, по мнению ученого, не исключает того, что от отдельных пассивных глаголов «при помощи суффикса побудительного залога могут быть образованы активно-переходные глаголы, становящиеся в ряды залогообразующих основ» [Цыдендамбаев, 1979, с. 85].

Категория переходности-непереходности представлена в первичной лексической глагольной основе без какого-либо специального морфологического оформления. Лишь небольшое количество монгольских глаголов могут содержать в себе как переходное, так и непереходное значения, например: глагол *törökü* «рожать», но и «рождаться» (о человеке): халх.: *хүү төрөв* [МРС, с. 419]: а) «родился мальчик»; б) «родила мальчика».

Аналогичное значение этот глагол имеет и в бурятских говорах: в западно-бурятских он обозначает «родиться», а в восточных, кроме того, — и «родить» [Санжеев, 1941, с. 55]. Но это касается главным образом непроепроизводных глаголов. В производных же категория переходности-непереходности выявляется по наличию в их основах ряда

суффиксов. Глагольные основы с суффиксом *-lA-* являются, как правило, переходными, а с суффиксом *-rA-* — непереходными: *qayala-* «разламывать, раскалывать, разрывать» — *qayara-* «разламываться, раскалываться, трескаться».

Любой непереходный глагол при присоединении к нему суффикса каузативности превращается в переходный.

Переходные глаголы, которые являются активными, обозначают действия, производимые субъектом в отношении другого лица или предмета, оформленных в предложении показателем винительного падежа: *Ede qurban merkit... Hö 'elün-eke-yi Čiledü-dača buliñu abdala 'ai* [SH, § 102] «Эти трое маркитов... отобрали у Чилэду Оэлун-экэ»; *bi ene kö 'ün-been čimada öksü kēñü 'ü* [SH, § 15] «...я отдам тебе этого своего мальчика».

Непереходные глаголы, которые подразделяются на: а) непереходно-активные [*yabu-* «идти, ехать», *ire-* «приходить, приезжать»] и б) непереходно-пассивные [*urya-* «расти», *yaljajyura-* «беситься, страдать водобоязнью», *berbeyi-* «коченеть, деревенеть (от холода)»], обозначают действия, производимые субъектом или которые происходят с самим субъектом нередко независимо от его воли и желания²⁴.

Основные залоговые формы были намечены еще в самых первых монгольских грамматиках. В них выделялось всего три залога: 1) страдательный, 2) переносный или причиняющий, 3) взаимный (совокупный) [Шмидт, 1832, с. 56; Ковалевский, 1835, с. 84–89]. Последний из залогов был подразделен Александром Бобровниковым на взаимный и учаственный [Бобровников, 1835, с. 55–56]. Тем самым были выделены в самостоятельные значения взаимности и совокупности.

Автор классической грамматики монгольского языка Алексей Бобровников выделял уже пять залогов. Это — причиняющий, страдательный, взаимный, учаственный и учащательный [Ал. Бобровников, 1849, с. 123].

Следует отметить, что в ранних монгольских грамматиках не проводилось грани между залоговыми и видовыми категориями, последние вообще не выделялись. В.Л. Котвич к пяти выделенным Ал. Бобровниковым залогам добавил еще два: уменьшительный, имеющий значение «несколько, немного, едва, чуть-чуть, ненадолго», и средний

²⁴ Категории переходности–непереходности, равно как и активности–пассивности глагольных основ в монгольских языках, подробно исследованы в трудах Г.Д. Санжеева [Санжеев, 1947, с. 93–116; 1962, с. 137–200; 1963, с. 12–16; 1961, с. 296–306], поэтому в данном разделе мы эти категории больше не обсуждаем.

залог [Котвич, 1902, с. 95, 100]. Последний — это переходные глаголы, образованные от переходных: *ebdekü* «разрушать» — *ebderekü* «разрушаться».

Н. Поппе, не выделяя раздела о залогах, в параграфе «Образование глаголов от глагольных основ» пишет: «Отглагольные глаголы распадаются на: 1) побудительные, 2) страдательные, 3) взаимные, 4) глаголы соучастия, 5) глаголы множественности, 6) учащательные, 7) средние, 8) продолжительные» [Поппе, 1937, с. 140].

В работах Г.Д. Санжеева представлены четыре залога: побудительный, страдательный, совместный и взаимный [Санжеев, 1963, с. 19–65].

Эти названия сохраняются в других современных исследованиях по глаголу.

Что же касается выделенного Алексеем Бобровниковым учащательного залога, то среди монголоведов до сих пор нет единой точки зрения о его сущности. Некоторые ученые стали рассматривать его в системе видов как «учащательный вид» [Санжеев, 1963, с. 66; Цыдендамбаев, 1979, с. 123, 124; Харчевникова, 1996, с. 28].

Г.Д. Санжеев тем не менее сделал замечание, что «эта глагольная форма ныне начинает применяться лишь в речи о многих, т.е. превращается по существу в форму множественного числа» [Санжеев, 1963, с. 66]. Ц.Б. Цыдендамбаев также вынужден был признать, что «с точки зрения функционирования этот суффикс, по крайней мере в монгольском языке, перестает быть видообразующим» [Цыдендамбаев, 1979, с. 123–124].

Думается, что правы были те авторы первых монгольских грамматик, которые квалифицировали суффикс «учащательных глаголов» как залоговый.

Отметим, что в анализируемых текстах «учащательных» глаголов не выявлено, поэтому эта глагольная форма далее не обсуждается.

В самых ранних монгольских текстах существовали все те залоговые формы, которые известны классическому и современному монгольским языкам.

За исключением формы действительного (прямого) залога, как морфологически исходной формы для всех прочих залоговых форм, остальные имеют свои собственные, присущие только им суффиксы. Участвуя в образовании залоговых конструкций, они устанавливают отношения между словами в предложениях и, подобно падежным, временным, причастным и деепричастным формам, образуют свой парадигматический ряд, например:

bari- «держать, брать»
bariyul- — побудительный залог
bariyda- — страдательный залог
barilca- — совместный залог
barildu-/barilda- — взаимный залог.

Связи между словами в залоговых конструкциях проявляются, как уже сказано выше, в отношениях между действием (процессом) и субъектом и объектом, что передается через отношения глагола в его соответствующем морфологическом оформлении к именам (субъекту и объекту), которые принимают определенную падежную форму. Следовательно, в залоговых конструкциях присутствуют: а) сфера субъектных отношений и б) сфера объектных отношений. И в обеих этих сферах отражаются особенности морфологии и синтаксиса данной языковой системы в целом.

7.1. Формы каузатива и побудительный залог

Семантика «каузативности» значительно шире понятия «категория побудительного залога», поэтому формы каузатива заслуживают особого внимания, так как они отличаются своими значениями и особенно своеобразным синтактико-стилистическим использованием. Монгольские каузативные глагольные формы представляют собой второобразные глагольные основы с особыми суффиксами. Регулярность морфологического выражения каузативного значения не исключает полисемантизма производных с данными суффиксами. Наряду с образованием залоговых конструкций эти суффиксы создают как переходные глаголы от непереходных, так и участвуют в лексико-семантических модификациях производных основ по сравнению с основами производящими. При этом существуют лексические ограничения при образовании производных глаголов — новых лексических единиц, и в меньшей степени такие ограничения касаются производства переходных глаголов от непереходных. Глагол в побудительном залоге всегда является переходным независимо от того, идет ли речь о лице или предмете. Но сказанное не обозначает, что побудительный залог вообще является способом превращения непереходного глагола в переходный [Санжеев, 1947, с. 96].

Суффиксы, сообщаемые глагольным основам каузативное значение и участвующие в построении побудительных залоговых конструкций, не имеют такой степени универсальности, как другие суффиксы: страдательного *-da-*, *-yda-*, совместного *-lca-*, взаимного [*-ldu-/ldu-*] залогов.

К каузативным суффиксам принадлежат: *-γul-* (в ШН — и некоторых других древних текстах — *'Ul-*), *-lγA-*; *-γA-*; *-γA-/-'A-*. При этом наиболее распространенным, как в древнем, так и в современном языках, является *-γUl-* /-*'Ul-* (суффикс *-lγA-* в тексте «Сокровенного сказания» вообще отсутствует). Глаголы с суффиксами *-γUl-* и редко с *-lγA-*, как правило, и участвуют в построении побудительных залоговых конструкций.

Монгольский побудительный залог назван «одним из любопытнейших явлений в системе грамматического строя монгольского языка» [Ивченков, 1958, с. 126].

Г.Д. Санжеев справедливо указывал на то, что «побудительный залог имеет большую неопределенность, чем страдательный залог. Конкретное значение глагола в побудительном залоге выявляется лишь в зависимости от данного лексико-синтаксического окружения». А «то, что в наших (монгольских. — М.О.) грамматиках называется побудительным залогом, на деле оказывается конгломератом самых разнообразных форм» [Санжеев, 1941, с. 62, 65].

Залоговое значение определяется не одним морфологическим показателем каузативной глагольной формы, а структурой предложения в целом, совокупностью всех его грамматических признаков — падежным оформлением имен, обозначающих действующих лиц, которыми управляет каузативная глагольная форма. Этой форме должны соответствовать конкретные субъектно-объектные отношения. Значение побудительности, заключенное в предложении, предполагает наличие определенных отношений между членами предложения: субъектом и объектом — реальным исполнителем обозначенного каузативной глагольной формой действия. Изменение функции имени (субъекта-подлежащего) сопровождается изменением его падежной формы. Основной доминирующей стороной оппозиции актив–неактив является сторона синтаксическая, морфологические формы обслуживают синтаксические конструкции — активную и побудительную.

Суть побудительного залога составляет трехчленная морфологическая структура и бинарная оппозиция активной и каузативной конструкций. Активной считается конструкция, где носителю глагольного действия (сказуемому) соответствует логический субъект-подлежащее и не всегда обозначенные синтаксические признаки актива — прямое и косвенное дополнения. Ср. *Batu qutduγ kūrje-iyer maltaba* «*Batu* копал лопатой колодец» и *Batu orob* «вошел *Batu*».

Иные признаки присутствуют при побудительном залоге: в структуре предложения появляется еще одно действующее лицо-каузатор

обозначенного в глагольной основе действия. Подлежащее—субъект актива превращается в агенса — реального исполнителя действия, который оформляется в монгольских языках винительным или некоторыми косвенными падежами. При активе действие исходит от самого участника ситуации, являющегося носителем глагольного действия, при побудительном залоге оно направлено на него. И все это находит свое морфологическое оформление как в глаголе — суффиксы каузативности, так и в именах — главных действующих лицах данной ситуации. *Aq-a Batu-yi qutduṛ maltayulaba* «старший брат заставил *Batu* копать колодец».

В побудительном залоге задача каузативного преобразования состоит в представлении исходной ситуации так, чтобы инициатива в осуществлении обозначенного в глагольной основе действия принадлежала особому участнику ситуации — каузатору. Понятие каузации содержит в себе широкий спектр от приказа и повеления до дозволения и попустительства. Это определяется соотношением лексических компонентов данной ситуации: глагольного действия, исполнителя действия и его каузатора, роль которого состоит в воздействии на агенса — реального исполнителя действия и выявляется на формальном уровне, путем присвоения ему статуса субъекта, оформленного, как правило, именительным падежом.

В древних текстах выявлено несколько типов побудительных залоговых конструкций в зависимости от того, насколько эксплицированы в них члены—участники каузативной ситуации, ибо при необходимом наличии трех компонентов в конкретном предложении может быть обозначена только каузативная глагольная форма, тогда как подлежащее—субъект (инициатор действия) или агенс (реальный исполнитель действия) могут оказаться не эксплицированными, хотя и легко вычисляются из предыдущих предложений или ближайшего контекста.

Преобладающее число побудительных конструкций образуются посредством оформления глагола-сказуемого суффиксом -'Ul- /-qul-/-γUl-.

1. Присутствуют все главные компоненты побудительной конструкции:

а) субъект-подлежащее в именительном падеже, агенс — реальный исполнитель действия, оформлен винительным падежом: *Cinggis-qahan niken üdür Būri-bökö Belgūtei qovar-i abaldu'uluṣa ke'eba* [SH, § 140] «Чингис-хан однажды заставил *Būri-bökö* и *Belgūtei* я побороться»; *Suu-tu qaqaṇ souyrqaḷu imavi... ulus-un yeke üile-yi qadaqalaqulū...*

[УМ, с. 383] «Доблестный хан благоволил [ему] и заставил его ведать (хранить) великими делами государства»; [*Toqon-Temür qaqañ*]... *mongqol qajar-a gürjü. olon mongqol ulus-i abu'at qari'ulju ire'ülju amurli'ulbai* [Н, IIa, 27r] «[*Toqon-Temür qaqañ*] достиг монгольских земель, пленил и вернул (заставил вернуться) большое количество монголов и умиротворил (заставил усмириться) их»; ...*tenggiri ö'erün oro olon amitan-i jarcimla'ulqu boluyu* [Н, IIa, 2r] «Небо заставляет придерживаться порядка множество своих живых существ»;

б) подлежащее в именительном падеже, агенс–исполнитель действия оформлен дательным-местным или местным падежами: *Dörbei ... ere-tür harban müsüt ürge'ülñi süke uqali kirü'e si'üci ere-yin jer jebseg jasa'ulju hula'an buqa-yin yabuqsan mör-iyer mör-tür bayiqsan modut hoqtočin cabci'ulju kürügede'ülñi* [SH, § 240] «*Dörbei* приказал каждому мужчине нести по десять прутьев, вооружиться (сделать оружием): топор, тесло, пилу, долото и, продвигаясь тропой Красных быков, велел срубать и спиливать встречающиеся на пути деревья...»; ...*mün Jelme ö'esün-gü usun erijü abciraju taraq jü'üreju qa'an-a ü'ulba*²⁵ [SH, § 145] «...тот самый *Jelme* нашел воду, развел в ней тарак и напоил хана (предложил выпить хану)»;

в) подлежащее в именительном падеже, агенс–исполнитель действия оформлен орудным падежом: *Üde çay-tür bodisdv... qamuy tngri-ner-iin ayimaç-iyar küregelegülñü yarçu odun büki-yi...* [TD, с. 25, F 7 r] «В полдень *Bodhisattva* вышел, окруженный (дозволив быть окруженным) толпой всех богов...»; *narin ökid-iyer nayadun dayun-i ürgelju ülü tasulun üiledkegüüged...* [TD, с. 30, F 14v] «[Она] приказала прекрасным девушкам все время непрерывно играть и петь...». Ср. в АТФ: *Qatun-u tere ügen-tür qaqañ jobsiyejü Toqon tayisi-yi Salamučin Sayimučin neretü qoyar elci-ber çajar-tü inu kürgegülbe* [АТФ, 4398] «Хан согласился с теми словами ханши и приказал двум своим гонцам по имени *Salamučin* и *Sayimučin* доставить *Toqon tayisi* в свои земли».

II. Подлежащее-субъект, каузатор действия, в данном конкретном предложении отсутствует, но может быть вычислен из контекста или представлен как некое абстрактное лицо:

а) агенс, реальный исполнитель действия, оформлен винительным падежом: *sayit kö'üd-i anu sibawu-ban bari'ulñu daqa'ulju yabutqun* [SH,

²⁵ Ряд глаголов, каузативные формы которых в современном языке образуются посредством суффикса *-lyu*, в тексте «Сокровенного сказания» имели суффикс *-ul* [-*yul*]. Среди них и глаголы *ayu'ul*- «заставить бояться, устрашить»; *ü'ul*- «предложить (заставить) пить». Ср. в современном языке: *ayulya*- 'id', *uyulya*- 'id' [Цэв., с. 26, 605].

§ 266] «[Чингис-хан] приказал: «Пусть их лучшие сыновья следуют [за вами] и пусть держат [в руках] своих птиц»; *Soqor elči-yi inu ašgiǰu yabuqun eme'el inu ūrgeǰü qari'ulǰu'ui* [SH, § 245] «[Teb-Tenggeri] посланца *Soqor*'а избил, [а потом] заставил вернуться пешком и нести за спиной седло»; ...*olon amitan-i enke-ber amurli'ulqu-yin tula bui* [H, IIa, 14r] «[Государь] призвал к спокойствию (умиротворению) все живые существа»; *Jrly-iyar Ui Suu-vi bii tas-un ayalqus-i joǰiyaqulbai*. ...*Esenbuq-a-yi mongqolčilan orčiquluqad uiqurčilan bičigülbei* [UM, с. 361] «По указу [Императора] текст стелы было поручено сочинить *Ui Suu*... Перевести на монгольский [язык] и написать по-уйгурски было поручено *Esenbuq-a*»; ...*anı*... *adūsun teǰe'ülü'et tari'yal'ulun sa'ulqaba* [H, IIa, 27v] «Им позволили кормить скот и заставили возделывать поля»;

б) агенс в качестве реального исполнителя действия оформлен дательным-местным и местным падежами: *Mori-yan Kököčü aqtančın-da'an bari'ulǰu'ui* [SH, § 188] «[Senggüm] приказал своему конюху *Kököčü* подержать своего коня»; *Basa Degei qoniči-da bükde'ül-i či'ulqan minqa mede'ülba* [SH, § 222] «[Он] поручил собрать отовсюду [людей] чабану *Degei*'ю и управлять тысячью»; ... *öber-e busud-ta duradaqayulqui-vi üli kereglekü ber bügesü*... [TD, с. 25, F 7r] «...хотя [он] не нуждался в том, чтобы другим поручили напомнить [ему]...»; ...*sayin ner-e qovitus-a aldarsiyulad*... [HC, 2b] «...наши добрые имена будут прославлены потомками»;

в) агенс-имя в орудном падеже: ...*Batu-tan-ivar. öci'ülǰu ileget, daruitur uruqsi ne'üǰü* [H, IIb, 15v] «*Batu* и других отправили доложить и [они] тотчас же двинулись вперед (к югу)»; *Horqui Ilaqa-tan elčiniyer, yesün aqtas-iyar. a'ulǰarin üǰe'ülü'et. ĵori'ud-ıyan öci'ülǰu ilemü* [H, IIb, 13r] «[Император] через (= посредством) послов *Horqui, Ilaqa* и других преподносит [его величеству] девять отборных рысаков [в честь] аудиенции и с почтением уведомляет о наших намерениях»; *Arqai-qasar Sügegei-ǰe'ün qovar-ıvar edüi üges dawu bari'ulǰu ilēba* [SH, § 181] «[Чингис-хан] отправил *Arqai-qasar*'а и *Sügegei-ǰe'ün*'а, приказав заучить эти слова»²⁶.

²⁶ В переводе этого предложения на современный монгольский язык Ц. Дамдинсүрэн орудный падеж агенса — реального исполнителя действия заменил дательным-местным: *Архай Хасар, Сүхэхай Жэун хоёрт энэ үгсийг цээлүүлж илгээв* (§ 181) 'id'. Это свидетельствует, что орудный и дательный-местный падежи в определенном смысле были взаимозаменяемы, т.е. данный каузативный глагол управлял разными падежами. Ср. пример с аналогичным значением, где агенс, реальный исполнитель действия, оформлен местным падежом: ...*tende elčın-e da u bari'ulǰu ilērün* (§ 265) «[Чингис-хан] отправил гонца, приказав ему заучить наизусть послание».

III. В побудительной конструкции отсутствует агенс — реальный исполнитель действия, который предстает как некое абстрактное лицо: *Tendece Cinggis-qahan to'osun üje'et aqtas-ıyan bari'ulu'at aca'alaju morilaba* [SH, § 170] «Чингис-хан, увидев там пыль, приказал ловить и выючить коней, после чего [они] отправились в путь»; ... *Cinggis-qahan üjeju qoyitu'ul-aca niken boro qosiliq abcira'ulju Teb-Tenggeri-yin de'ere inu talbi'ulju...* [SH, § 245] «Чингис-хан, увидев [это], приказал принести из задней юрты старую покрышку и натянуть ее над [телом] *Teb-Tenggeri...*»; *Siremün joriy-ıyan uqa'ulju ilemü* [H, IIb, 7v] «*Siremün* приказал изложить [в письме] свои намерения»; *Mauši biçig-tur siliyu sayid aran törö yosuban qamiy-a endegülju kemejügi* [HC, 21a] «В *Mauši biçig* говорится: „Где (= как) могут честные и достойные люди позволить считать ошибочным свое верное (правильное) поведение?“».

IV. Иногда в залоговой конструкции не эксплицированными оказываются как субъект-подлежащее (каузатор действия), так и агенс — реальный исполнитель действия, которые можно вычислить из контекста: *Qara Qoço-dur negüju ireged qotad balaqad nemen bosqaju quruqan ba yoqurqas erügülün nödügülju* [UM, с. 370] «Прибыв в *Qara Qoto*, [он] построил новые города, крепости и земляные валы, заставив [народ] копать [землю]»²⁷; *Nökö'e buru yosu ügei eme gü'ün-ü üge-tür oroju Otçigin-abaqa-yin ulus-un ökit abcira'ulju alji'as bolbai-je* [SH, § 281] «Вторая моя оплошность состояла в том, что [я] послушался недостойной женщины и приказал доставать девушек из числа поданных *Otçigin-abaqa*»; ... *Burqan-i eü'ten büte'üi-e a'ulja'ulba* [SH, § 267] «[Чингис-хан] приказал встретить *Burqan*'а за воротами».

Каузированные суффиксом *-Ul/-yUl* глагольные формы участвовали не только в образовании побудительных залоговых конструкций, но имели некоторые другие значения.

Как уже сказано выше, каузативные глаголы с этим суффиксом, участвующие в построении побудительных залоговых конструкций, имеют, как правило, такие значения, как «заставить, допустить» и т.п. кому-либо совершить действия. В такой каузированной глагольной основе содержится значение действия и побуждение кого-то к совершению этого действия.

Однако в ряде случаев глаголы с каузативным суффиксом оказываются не связанными с построением залоговых конструкций, и тогда такой суффикс выполняет чисто словообразовательные функции.

²⁷ О значении словосочетания *quruqan ba Yoqurqas erügülün nödügülju* см. [Cleaves, 1949, с. 112, примеч. 95; Rachewiltz, 2004, т. II, с. 1038].

Но при этом вряд ли стоит утверждать, что «монгольские залогообразующие аффиксы являются одновременно лексическими и грамматическими показателями» [Дондуков, 1999, с. 38–39], ибо это касается только тех случаев, когда непереходный глагол трансформируется в переходный, причем с изменением или расширением своего лексического значения. Так, от глагольной основы *bayi-* «быть, находиться, существовать» посредством суффикса *-ul/-γul-* образован переходный глагол *bayi'ul- /bayiyul-* «создавать, учреждать, организовывать; строить, воздвигать»: *bars jil Onan-nu teri 'ün-e quriju yisün költü qaqa 'an tuq bayi'ulu'at Cinggis-qahan-na qan ner-e tende ökba* [SH, § 202] «...в год Барса, собравшись у истоков [реки] Онон, водрузили белое девятиножное знамя и там присвоили Чингис-хану звание „хан“»; от основы *üje-* «смотреть, рассматривать; пробовать; читать; учиться; изучать» образован переходный глагол *üje'ül- (üjögül-)* «показывать, демонстрировать; оказывать помощь; учить», при этом в предложении с этим глаголом действие осуществляет сам субъект-подлежащее: *...ene öki-iyen Cinggis-qahan-na üje'ülsü ke'en ayisu bi* [SH, § 197] «...я еду показать свою дочь Чингис-хану»; *...Sudadani qayan-a edeger jögüdin-i üjögülbei* [TD, с. 25, F 7r] «...[он] передал (показал) королю *Sudadani (Suddhadana)* эти сновидения».

В древних и классических текстах зафиксирован ряд предложений, в которых глаголы с суффиксом *-γul/-'ul* не выражают залоговых отношений и в то же время этот формант не выполняет и словообразующей функции, например: 1) *Edö'e man = i tarqa'ulun baraju eke-ben de'ü-ner-iyen erin ot* [SH, § 83] «Сейчас, когда мы разойдемся, иди и ищи свою мать и младших братьев»; 2) *Ani tarqa'ulun baraju dotora-ban setkiju...* [SH, § 84] «Когда они разошлись, [Тэмуджин] подумал...»; 3) *Tende jamuqa-yi tendeče qari'ulu'at uru'ud-un jürcedei uru'ud-ıyan uduridu'at mangqud-un Quyuldar mangqud-ıyan uduridu'at jamuqadača qaqaçaju Cinggis-qahan-tur ireba* [SH, § 130] «Когда Джамуха вернулся, урудский Джурчидэй и мангудский Хуилдар, возглавив своих подданных, отделились от Джамухи и прибыли к Чингис-хану»; 4) *Ong qayan-i iregülüged: Cinggis-qahan Ong qayan qoγar qamtudcu jamug-a-yin esergü inu morilay-a: kemeldüjü ...* [АТФ, 1307] «Когда Ванхан прибыл, Чингис-хан и Ванхан объединились и решили выступить против Джамухи...».

Во всех этих предложениях побудительные глагольные формы: *tarqa'ulun, qari'ulu'at, iregülüged*, образованные соответственно от глагольных основ *tarqa-* «расходится, разъезжается», *ire-* «приходить, при-

езжать», *qari-* «возвращаться, вернуться», не выражают какого-либо побуждения или принуждения к действию, т.е. реальные субъекты — исполнители обозначенных глагольных действий совершают эти действия по собственной инициативе, а не по побуждению, дозволению или приказанию вторых лиц. В таком случае получается, что лица, исполняющие эти действия, как бы позволяют сами себе совершить их; люди, разыскивающие скрывающегося Тэмуджина, позволяют себе разойтись (1-е и 2-е предложения); Джамуха позволяет сам себе вернуться (3-е предложение); Ван-хан сам себе прибыть (4-е предложение). Представляется, что в подобных случаях употребление побудительных глагольных форм связано с тем, что все действующие лица — исполнители обозначенных действий обладают высоким или по крайней мере не низким социальным положением в обществе. Если учесть, что почтительные глаголы или их формы употребляются для характеристики действующих лиц, по отношению к которым нужно выразить особую форму уважения, то не исключено, что и суффикс *-’ul/-yul* является здесь омонимичным побудительному суффиксу и употреблен для выражения особого почтения и уважения со стороны автора повествования к лицам, осуществляющим указанные действия. Для сравнения можно указать на то, что в японском языке при довольно развитой системе употребления почтительных слов «среди гоноративных (почтительных. — М.О.) форм имеются синтетические формы, образуемые при помощи суффикса, омонимичного суффиксу страдательного залога» [Алпатов, 1973, с. 72]²⁸.

Следует отметить и то, что во всех вышеприведенных примерах в переводе их на современный монгольский язык «побудительные» глагольные формы переданы обычными формами: 1) *Биднийг тармагц, эх ба дуу нарын зүг яв* [МНТ, 83]; 2) *Тэднийг тармагц, Тэмүжин дотроо сэтгэрүүн...* [МНТ, 84]; 3) *Жамухыг харьсны хойно...* [МНТ, 130]; 4) *Ван-ханыг ирмэгц...* [АТ, с. 54].

Вторым по продуктивности суффиксом каузативности считается суффикс *-lʷa-*. Однако в древних текстах производные с ним встречаются редко, а в тексте SH он вообще отсутствует. Глаголы же, каузативные формы которых в современном языке (а также и в классических текстах) образуются посредством суффикса *-lʷA-*, в SH оформлены суффиксом *-’ul-*. Ср., например: *ayu’ul-* [SH, § 189] и *ayulya-* [Цэв., с. 26] «заставить бояться, угрожать» при *ayu-* «бояться»; *ǰ’ul-* [SH, § 145] и *ǰulya-* [Цэв., с. 605] «заставить (предложить) пить» при *ǰ-* (*ǰyи-*)

²⁸ О средствах выражения почтительности и уважения в монгольском языке см. [Орловская, 2003, с. 10–15].

«пить», *quyu'ul-* [SH, § 66] и *yuyulya-* [Цэв., с. 157] «заставить просить (вымаливать)» при *quyu-* (*yuyu-*) «просить, умолять».

Несколько глагольных форм, каузированных суффиксом *-lyA-*, зафиксировано в МА и Н: *avilya- ~ ailya-* [МА, с. 96, 108] «заставить бояться, испугать» (км. *avilya-* id.) < *ayi- ~ ai-* «бояться»; *bavilqa- ~ bailya-* [МА, с. 115, 109] «поставить; остановить» (км. *bavilya-* «id») < *bayi- ~ bai-* «находиться, быть»; «стоять»; *bökevilge-* [Н, с. 43] ~ *bökeilge-* [МА, с. 123] «заставить наклоняться, согнуться; согнуть» (км. *böküvilge-* id.) < *böküyi- ~ bökei-* «сгибаться, наклоняться»; *nü'ülge-* [МА, с. 262] «заставить поменять место, переселить» (км. *negülge-* 'id') < *ne'ü-* [Н, с. 78] ~ *nü-* [МА, с. 262] «кочевать, передвигаться, переселяться»: *jögelge-* [Н, с. 68] «заставить перевозить, перетаскивать» (км. *jögegelge-* id.) < *jöge-* ~ *jögege-* «таскать, перетаскивать, перевозить»; *sa'ulya-* [МА, с. 319] ~ *sa'ulqa* [Н, с. 93] «заставить сесть, посадить» (км. *sayulya-* id.) < *sa'ü-* ~ *sa'u-* «сидеть».

Еще реже использовался алломорф *-lyA-* суф. *-l-*, зафиксированный в тексте SH в двух случаях: 1) *ü'ul-* [SH, § 145] «напоить, предложить (заставить) выпить»: *qa'an-a ü'ulba* «предложил хану выпить [кумыс]»; ср. перевод этого предложения на современный язык: «*Чунгис хаанд уулгав*» [МНТ, 145]; 2) *sa'ül-* [SH, § 19, 155] «усадить, велеть сесть» (км. *sayulya-* id.) < *sa'u-* «сидеть»: *kö'üd-iyen jergelen sa'ülhü* [SH, § 19] «усадила рядом своих сыновей»; в современном языке: *зэрэгцүүлэн суулгаж...* [МНТ, 19] id.

Однако, скорее всего, был прав Г.И. Рамстедт, отмечавший, что «здесь присутствуют, вероятно, гаплогические формы» [Рамстедт, 1957, с. 150–151], т.е. формы, заменяющие **sa'u'ul-* и **ü'u'ul-*, и суффиксом в таком случае является не *-l-*, а *-'ul* (*-yul*).

Суффиксы *-yA-*/*-qA-*/*-'A-*

Кроме суффиксов *-yUl-*/*-'Ul-* и *-lyA-* к залоговым традиционно относятся *-yA-*/*-qA-*/*-'A-*, иногда *-yA-*. Но в отличие от первых эти суффиксы не всеми исследователями монгольских языков трактуются однозначно.

Ц.Д. Цыдендамбаев относил их к «нерегулярным моделям» в образовании побудительного залога, хотя признавал, что «такая аттестация их носит несколько уклончивый характер, обусловленный тем, что не так просто понять роль этих суффиксов в языке» [Цыдендамбаев, 1979, с. 93].

Развивая мысль о противоречивом характере указанных суффиксов, автор отмечал, что в бурятском языке активные (в том числе и переходные) глаголы способны менять свои отношения с субъектом

и объектом и служат продуктивной базой для образования залогов. Но пассивные (в том числе и непереходные) глаголы такой возможностью не обладают: они не могут выражать направленность действия на объект или субъект, а следовательно, и не участвуют в залогообразовании. Поэтому суффиксы *-га*, *-ха* и *-аа* реализуют другую свою возможность, выступая в качестве словообразующих моделей, создающих от пассивных (непереходных) глагольных основ активные переходные глаголы.

Однако автор видел и сложность в однозначности такой характеристики указанных суффиксов, так как «пассивные глаголы, принимая тот или иной суффикс из числа перечисленных, наряду с приобретением активности, т.е. способности управлять именем, иногда могут выражать и побудительность».

Появление побудительного значения в активных глаголах, образованных от пассивных, связано, как считает автор, с лексическим значением слова, употребленного в качестве объекта действия: если действие направлено на объект, выраженный именем, обозначающим предмет или вещь, т.е. именем, относящимся к лексической категории неодушевленных предметов, то глагол, связанный с ним, приобретает лишь активность, но если действие направлено на объект, выраженный именем, обозначающим человека, живое существо или приравниваемый к ним предмет, т.е. именем, относящимся к лексической категории одушевленных, то глагол, связанный с ним, приобретает не просто активное, а активно-побудительное значение [Цыдендамбаев, 1979, с. 93–95].

Г.Д. Санжеев, неоднократно возвращавшийся в своих трудах к лексико-грамматической оценке обсуждаемых суффиксов, по-разному характеризовал их: 1) образуют переходные глаголы от непереходных [1941, с. 65]; 2) образуют побудительные глаголы [1962, с. 205–207].

Во втором томе своей «Сравнительной грамматики монгольских языков», посвященном «Глаголу», автор уже категорически отрицает принадлежность этих суффиксов к залоговым: «Следовательно, в современных монгольских языках, — пишет автор, — суффиксами побудительного залога являются только такие, как (по нормам старописьменного монгольского языка) *-һул* ~ *-гүл*, *-һа* ~ *-ге* и иногда *-һа* ~ *-ге* (после некоторых глагольных основ с конечными *-л*- и *-р*-). Что же касается суффиксов *-ха* ~ *-ке* и *-һа* ~ *-ге* (после пассивно-глагольных основ с конечными краткими гласными), то они должны быть признаны не залогообразующими, а фактически средствами образования основ переходных глаголов от основ непереходных глаголов» [Санжеев, 1963, с. 30–31].

Р.П. Харчевникова, исследовавшая систему глагола в современном литературном калмыцком языке, относит эти суффиксы наряду с суффиксами *-ул* и *-лһ* к образующим побудительный залог, хотя и отмечает, что данные суффиксы образуют глагольные основы побудительно-го залога менее регулярно по сравнению с *-ул*, *-лһ* [Харчевникова, 1996, с. 20].

К залоговым эти суффиксы причисляет и С.А. Крылов [Крылов, 2004, с. 75–76].

После этого экскурса в историю изучения данных суффиксов целесообразно проследить их употребление и синтаксико-грамматическую роль в древних текстах.

Приведем ряд примеров с разными глагольными основами: ...*qari daru 'ulun salqaya ke 'e 'et...* [SH, § 255] «[Чингис-хан] сказал: „Победим чужеземцев и поделим [их]“»; ...*Cinggis qa 'an-a gubi ese qarqajū 'u* [SH, § 260] «Чингис-хану доли не выделили»; *Ong-qan altan term-e bosqajū* [SH, § 184] «*Ong-qan* воздвиг золотой шатер»; ...*Suu-tu qaqaṅ soyurqajū imayı tulqu ner-e-tür kürgeged...* [UM, с. 383] «Мудрый государь благоволил к нему и присвоил ему звание (довел его до имени) „*tulqu*“»²⁹; *Mön Indu esen büküi-dür-iyen nasu köbegüd-iyen söyün surqar-un* [UM, с. 374] «Когда *Indu* был еще жив, [он] поучал своих повзрослевших сыновей»; *Tngri-yin dörben çay-un ayur-i keregler-ün yaǰar-un jlıy-i [= jrlıy] uqaǰū tariyalayad...* [HC, 9b, 10a] «Проводят посевы (засеивая), учитывая законы четырех времен года и понимая законы земли (т.е. ландшафт и время суток)»; *Ede eǰige kö 'ün qoyar odun baraqsan ulus nada qurivaǰū öǰürün...* [SH, § 164] «Эти отец с сыном собрали и передали мне утраченное государство».

Как показывают примеры, глаголы, каузировавшиеся вышеперечисленными суффиксами, не участвуют в образовании побудительных залоговых конструкций. Субъект-подлежащее в каждом из этих предложений (в некоторых случаях он не эксплицирован) не побуждает кого-то к совершению обозначенного в глагольной основе действия, а осуществляет его сам. Здесь присутствуют прямые субъектно-объектные отношения, т.е. прямой залог.

Когда же надо выразить побудительные залоговые отношения, то к указанным суффиксам наращивается формант побудительного залога *- 'ул- / -γул-*.

²⁹ F.N. Cleaves перевел *tulqu ner-e* как «a name on which he might rely», хотя и не считал перевод точным [Cleaves, 1949, с. 126; примеч. 219].

В этом отношении характерны примеры с глаголом *sögöt-* «класть земной поклон; стать на колени»: *Buru'u bö'esü namančilan sögöike'eñi Teb-Tenggeri-yin qoyinača sögöt geñi'üi* [SH, § 245] «Если признаешь свою вину, стань на колени, — сказали они, — и поставили [Отчигина] на колени позади Teb-Tenggeri». В этом предложении каузируемый суффиксом *-ge* глагол-сказуемое может обозначать повеление или принуждение по отношению к каузируемому лицу совершить действие, обозначенное в глагольной основе. Поэтому в переводе данного предложения на современный монгольский язык Ц. Дамдинсурэн употребил этот глагол с суффиксом побудительности *-уул*: *Отчигиныг Тэв тэнгэрийн хойноос согдуулжээ* [МНТ, § 245, с. 211] «Заставил Отчигина встать на колени позади Тэн-Тэнгри». Однако, в этом же тексте, где надо было подчеркнуть насильственное принуждение к совершению действия, обозначенного этой же глагольной основой, к суффиксу *-ge /-ke* присоединен суффикс *-'ul/-'ül*: *...Teb-Tenggeri-yin qoyinača sögöike'üldeba ke'et uyilaba* [SH, § 245] «„[Они] заставили [меня] встать на колени позади Teb-Tenggeri“, — сказал он и заплакал»³⁰.

Ср. *jam tabli'ulju jamučin ula'ačün qarqa'asu olon ulus-a amuqulang elčün-e ber yabuqui-a ilebte bui* [SH, § 280] «Если, поручив установить уртонные станции, выставить проводников и ямщиков, это будет благо и особенно удобно для курьеров» и *...qahan-nu jarlig-iyar hon-hontur sülen-e sürüg-eče niken silegü irge ja'un qonid-ača niken jušaq qonin qarqa'ulba* [SH, § 280] «...по указу хана заставили [подданных] поставлять ежегодно для супов от стада по одному жирному барану, от ста овец — по одной суягной овце». Ср. также предложения из текста *«Altan tobči»: miyui-tu köbeng uyañu yal sitayabai* [АТФ, № 3086] «Привязали к кошкам вату (хлопок) и подожгли» и *čirig yal sitayaqui-tur jonong jarliq bolorun: ...čirig-ün kümün tolyai-yin arbayad yal sitayaçun geñi jarlañu sitayalyaba* [АТФ, № 4468] «Когда солдаты зажгли огни, jonong приказал: „Пусть у каждого солдата зажгутся по десять огней“ — и заставил [их] зажечь».

Следовательно, основным суффиксом, участвующим в образовании побудительных залоговых конструкций, был суффикс *-'ul /-yul*. Что же касается суффиксов *-qa /-ya /-'Ä-*, то их роль сводилась главным образом к образованию переходных глаголов от непереходных глагольных основ. Эти суффиксы отличаются от других (залоговых) суффиксов и месторасположением в глагольной словоформе. Так, если перед

³⁰ В словоформе *sögöike'üldeba* имеется еще и показатель страдательного залога *d-*, и дословный перевод предложения — побудительно-страдательный: «[Я] был [ими] принужден встать на колени».

суффиксами побудительного залога *-'ul/ -γul-* и *-lγa-* возможна постановка суффиксов других залогов [*-ldA-/ -lčA-/ -γdA-*]: *ab-* «братъ», *abaldu-* — взаимный залог, *abaldu'ul-* — взаимный и побудительный, например: *Cinggis-qahan niken üdür Būri-bökö Belgūtei qoyar-i abaldu'uluya ke'eba* [SH, § 140] «Чингис-хан заставил [приказал] *Būri-bökö* и *Belgūtei'*ю [взаимно] побороться», то суффиксы *-qA- /-yA- / -'Ā-* не употребляются после других залогообразующих основ: они присоединяются только к первичным основам, преобразуя непереходные в переходные. Когда же надо выразить побудительные залоговые отношения, к таким основам, как уже сказано выше, присоединяется суффикс *-'ul / -γul-* в более поздних текстах, кроме того, и суффикс *-lγA-*. Ср.: *qar-* (= *γar-*) «выходить, уходить», *qarqa-* (*γarγa-*) «выносить, выставлять, выпускать», *qarqa'ul-* (*γarγaγul-*) «заставить вынести, удалить».

Следует отметить, что в монгольском языке сочетание в одной словоформе двух суффиксов побудительного залога практически не употребляется, т.е. нельзя употребить *-'ül- + 'ül-* [*-γul- + -gül-*] или *-lγa- + -γul-*.

Правда, П. Бямбасан, исследовавший суффиксы побудительного залога в родном языке, отметил, что в монгольском языке не бывает многоступенчатых форм и что только в устной речи современных монголов иногда встречаются такие формы: *хэвтлүүл-* при *хэвтэ-* «делать», *угаалгаулл-* при *угаа-* «мыть» или *зөөлгүүл-* при *зөө-* «тащить, перевозить», но и они крайне редки [Бямбасан, 1970, с. 250–252]. Думается, что это связано со стилистическими особенностями разговорной речи.

Исходя из сказанного выше, считаем, что и в древнем монгольском языке указанные выше суффиксы не принадлежали к числу образующих побудительные залоговые конструкции, хотя в единичных случаях построение такой конструкции возможно, но это зависит как от лексического содержания глагольной основы, так и от содержания предложения в целом. Наиболее характерным примером из современного монгольского языка является: *Ээж дүүг долоон цагт босгов*¹ «Мама разбудила (но и заставила встать) младшего брата в семь часов». Ср.: *Дүү долоон цагт босов* «Младший брат встал в семь часов». См. также пример с глагольной формой *sөгötgejü'üi* «поставили», но и «заставили встать на колени», при *sөгöt-* «встать на колени, кланяться».

Это можно считать (как и в случаях наличия словообразовательной функции у суффикса *-γul-*) частным проявлением основного граммати-

¹ Пример взят из указанной работы П. Бямбасана.

ческого значения этого суффикса. Способность отдельных глагольных суффиксов (в данном случае — каузативных) выполнять как словоизменительную, так и иногда словообразовательную функции характеризует монгольский язык как имеющий такие черты, где органически переплетаются явления словоизменительного и словообразовательного характера, хотя в целом монгольские языки принадлежат к тем, в которых словоизменение и словообразование составляют две самостоятельные сферы в их грамматической структуре.

Древние тексты свидетельствуют, что суффиксы *-qa*, *-'Ā*, *-ya* употреблялись для трансформации непереходных глаголов в переходные и ныне сохранились лишь в широко употребляемых глагольных парах, различающихся именно по непереходности-переходности.

7.2. Пассив и пассивные конструкции

Пассив (страдательный залог) в древнем языке принадлежал к особо высокочастотным. Нередко он выполнял особую стилистическую роль в текстах, несвойственную ему в современном языке, что обусловило и разные степени его употребления.

Особенно насыщены пассивными формами тексты, относящиеся к XIII–XIV вв. И поэтому есть все основания возразить против утверждения, что «древнейшая стадия развития, на которой страдательный залог, отпочковавшийся от побудительного, отличался весьма узкой сферой своего действия и что его современная стадия характеризуется расширением [этой] сферы» [Ивченков, 1952, с. 13–14].

Нам представляется, что процесс шел в обратном направлении, и это будет показано на многочисленных примерах употребления пассивных залоговых форм, не свойственных современному языку, а также отсутствия их в аналогичных предложениях при переводе на современный монгольский язык, например текста «Сокровенного сказания».

В древнем монгольском языке в отличие от классического и современного, где формальной приметой пассива служит суффикс *-γda-*, употреблялись также и *-da-* / *-ta-* и не только, как предполагалось, для односложных глагольных основ типа *ögde-* / *ögte-* от *ög-* «давать» [Санжеев, 1964, с. 78], но и для многосложных, например: *sonosda-* / *sonosta-* [HC, 29a; SH, § 183] от *sonos-* «слушать, услышать», *ququlda-* [SH, § 22] от *ququl-* «ломать, переламывать».

Нередко суффикс *-da-* присутствовал в многосложных основах, оснащенных другими залоговыми формантами, чаще всего побудительного

залога: *törögülde-* [НС, 2а] < *törö-* «рождать(ся), *aldarsiqulda-* [УМ, с. 376] < *aldarsi-* «прославляться, становиться известным».

Присоединение показателей пассива к глагольным основам не меняет исходного лексического содержания этих основ, поэтому образование пассивных форм практически не имело лексических ограничений. Сами основы принадлежали как к переходным, так и непереходным глаголам, например: *noqai-a ülü idekde-* [SH, § 255] «...не быть съеденным собакой» от *ide-* «есть, съесть»; *arsi-nar-a yabuydaysan* [TD 21, F 2v] «...исхоженная [посещаемая] отшельниками...» от *yabu-* «идти, ехать»; *...ökin-e iregdeñi...* [TD 22, F 3v] «...были посещаемы девицами...» от *ire-* «приходить, приезжать». Особенно часто в древних текстах использовались пассивные формы так называемых речевых глаголов (*Verba dicendi*): *keme-, kelele-, ügüle-* «говорить, сказать, изречь, рассказывать». При этом в таких случаях, как правило, отсутствовал логический субъект, и тогда пассивной конструкцией выражалось действие, отвлеченное от его производителя, характеризуя последнего как неопределенно-личный факт. В этом часто проявлялось специфическое использование пассива в стилистических целях, когда умалчивался истинный производитель действия, например: *tegüber qouayula bolju eden-i udiriduy-a kemegeñi...* [TD 42, F 32r] «„Давайте таким образом объединимся и поведем их (будем руководить ими)“, — было сказано...»; *...edüge çu bui büged tatayalja kemegeñi...* [TD 34, F 22r] «„...а сейчас не возражай [больше]“, — было сказано...»; *sayin eçige-yin çinu nilqa nuntuq hüni butara'ulçayñi atuqai ke'ekdeñi...* [SH, § 242] «„Пусть всегда будет дымиться очаг в родном кочевье младшего [брата] твоего доблестного родителя“, — было сказано...». Ср. в современном монгольском языке: *Сайн эцгийн чинь багын нутагт голомтондоо утаа гаргаж яваг гэж...* [МНТ, § 242] (Пассив здесь отсутствует). (Об этих глаголах см. также ниже.)

Ал. Бобровников в своей «Грамматике», в которой он видел «грамматику книжно-разговорного монгольского языка» [с. VII], отмечал, что «страдательные глаголы, как и причиняющие (побудительные. — М.О.), имеют два значения: или выражают то состояние, когда предмет сам подлечит действию на него другого предмета, — или то состояние, когда кто-нибудь несвободно допускает чье-нибудь действие на какой-нибудь сторонний предмет. В первом случае значение... страдательной формы соответствует русскому страдательному; а во втором — имеет значение действительного залога и может управлять винительным падежом. Например, *alaydaq* значит: „быть убитым“, — или допустить по необходимости, чтобы кто-нибудь убил кого-нибудь, — не

быть в состоянии воспрепятствовать убийству». В качестве такой ситуации приводится известный пример, когда птица-лебедь, сидя в камыше и доверяясь этому камышу, допускает (дает возможность) злой птице-мышелову съесть яйца и птенцов: *...sibayun-du öndege jüljaya-ban idegdebe* [Бобровников Ал., 1849, с. 126].

Аналогичное определение страдательного залога находим и у других исследователей. «Страдательный залог, — пишет В.Л. Котвич, — кроме обычного значения, соответственного европейским языкам (подвергаться известному действию), имеет еще следующее: допускать против воли или желания бессознательное совершение кем-нибудь действия, означенного основным глаголом» [Котвич, 1902, с. 97].

Исходя из того факта, что в монгольских языках существуют семантические основания, связывающие между собой значения побудительного и страдательного залогов (что, впрочем, характерно не только для монгольских языков, но и для многих, а возможно, и для всех алтайских языков), Г.Д. Санжеев высказал предположение, что страдательный залог некогда отпочковался от побудительного и что, «по-видимому, в древнем монгольском языке не было особого страдательного залога, функции которого выполнялись побудительным или побудительно-страдательным залогом...» [Санжеев, 1941, с. 63; 1963, с. 42]. Однако значения побудительного и страдательного залогов совпадают только в определенных случаях, а именно «когда кто-либо подвергается действию другого лица в результате своей оплошности, небрежности или вообще проявления пассивности» [Санжеев, 1963, с. 42]. В других же аспектах эти залоговые формы выполняли свои собственные функции и имели только присущие каждому из них залогообразующие форманты. Высокая частотность как того, так и другого в самых древних монгольских текстах может свидетельствовать о том, что исконно это были самостоятельные залоговые формы. Подтверждением может служить и употребление двух этих залогов в одной и той же глагольной основе со значениями как каузативности, так и пассивности, например: *...sayin ner-e tanu egüride aldarsiquldamiu ħe* [UM, с. 376] «...доблестное имя ваше будет прославлено повсюду» < *aldarsi-* «прославляться, становиться известным» — *aldarsi + qul-* «прославлять, популяризировать» — *aldarsi + qul + da-* «стать (быть) кем-нибудь прославленным»; *qutuqar köbegün Sönlü üile-dür ēs-e barildaquldañqu* [UM, 235] «Третий сын, Sönlü не был допущен к делам» — *barilda-* взаимн. залог от *bari-* «держат, брать в руки» — *barilda- + qul-* — побуд. залог от *barilda-*, т.е. «заставить (побудить) кого-то к обозначенному в глагольной основе действию» — *barildu + yul + da-* «быть кем-то принужденным к данному действию».

Г.Д. Санжеев, уделявший в отечественном монголоведении наибольшее внимание категории залога в целом и, прежде всего, его каузативным и пассивным формам, выделял три степени употребления монгольского страдательного залога, а именно:

а) полная свобода превращения прямого оборота в страдательный, что имеет место в случаях субъектно-объектной обратимости:

морь шарыг ёшиглёно — «конь лягает вола»;

шар моринд ёшиглёгдёнё — «вол избивается конем»;

б) ограниченная — частичная возможность превращения прямого оборота в страдательный, заключается в том, что в подобном страдательном обороте невозможно обозначение реального исполнителя:

бид цайгаа барав — «мы кончили (т.е. выпили) весь свой чай»;

цай мань барагдав — «наш чай кончился (весь выпит)»,

здесь невозможно обозначить лицо, т.е. косвенно указать, кто же кончил (пить) чай;

в) нулевая — абсолютная невозможность превращения прямого оборота в страдательный:

цайгаа ув — «выпили свой чай». Но никоим образом нельзя *цай нь уугдав* — «их чай выпит» [Санжеев, 1947, с. 108–109]³².

Две последние степени относятся к субъектно-объектной необратимости. Но и здесь, — как отмечает и сам автор, — имеются отступления, особенно по диалектам, ибо много зависит от лексического содержания каждого данного имени и каждого данного глагола [Там же, с. 109].

Считая недостаточной теорию «субъектно-объектной обратимости» для полной характеристики «страдательных оборотов» в монгольском языке, которая «значительно сужает рамки использования страдательного оборота в речевой жизни монголов, фактически оставляя без внимания подавляющее количество видов страдательных предложений, свободно бытующих за пределами этой обратимости и не подчиняющихся ей», и отмечая чрезвычайно широкое их использование, К.С. Ивченков подчеркивал, что в современном монгольском языке «страдательный оборот образуется буквально с любым сочетанием субъекта и объекта, а именно:

1) с одушевленными подлежащим и косвенным дополнением,

³² Ц.Б. Цыдендамбаев, однако, опровергает это утверждение, отмечая, что и по-бурятски не только привычно говорить *уна уува* «выпил (или выпили) воду», но и допустимо сказать *уһан уугдава* «выпита вода» [Цыдендамбаев, 1979, с. 102].

О том, что с грамматической точки зрения вполне можно построить предложения со страдательной формой этого глагола и что отсутствие этой формы свидетельствует лишь о том, что нет необходимости употреблять данный глагол в страдательной форме, пишет и монгольский лингвист П. Бямбасан [Бямбасан, 1970, с. 260–261].

2) с неодушевленными подлежащим и косвенным дополнением,
3) с одушевленным подлежащим и неодушевленным косвенным дополнением,

4) с неодушевленным подлежащим и одушевленным косвенным дополнением» [Ивченков, М., 1952, с. 12–13].

Приведем примеры на эту классификацию из древних текстов, добавив, что в любом из перечисленных сочетаний один или даже оба из главных участников ситуации — синтаксический субъект-подлежащее, т.е. лицо (предмет), подвергающееся действию, и синтаксический объект (косвенное дополнение) — реальный исполнитель действия, в данной конкретной конструкции могут оказаться не эксплицированными, а вычисляются из окружающего контекста.

I. Одушевленные субъект и объект: ...*Cinggis-qahan Jamuq-a-da tende gödölgekdeñi*... [SH, § 129] «Чингис-хан был ранен там Джамухой...»; ...*köbegün inu Sergesdeb degedüs-e ...sovurqaydayad*... [UM, с. 285] «...сын его *Sergesdeb*... был облагодетельствован Императором...»; ...*ene Udiraki Arsi olan kümün-e kündülegden amui* [TD 44, F 34r] «...этот *Risi Udraka* почитается многими людьми».

II. Неодушевленные субъект и объект:

...*ordu qarsi-ban qaranguyi-bar büriegdeküi* [TD 58, F 54v] «...дворец его [был] окутан мраком»; ...*gün qudduγ-un uruγar-a üjgedeküi odun*... [TD 47, F 38v] «...звезды, отражаемые дном глубокого колодца...».

III. Одушевленный субъект, неодушевленный объект:

[*Erten-ü gegeben qad*]... *ngri-de ibegegdeñü*... [HC, 31b] «[Просвещенные правители древности] ... находились под покровительством [были покровительствованы] Неба»; ...*Solqarnai ċi ngri-de sovurqaatañi*... [UM, с. 429] «...*Solqarnai*, ты облагодетельствован Небом...»; *Naran-a ċilgegdebesü ber kei-e keviskegdebesü ber: simary-a qur-a-da sirbigdebesü ber: simuyul sona-da idegdebesü ber: amuri dalda ülü eriküi-e ċe yar-ıyan daldalaysan ber ügei* [TD 48, F 39r] «Хотя [Бодхисатва] был иссушен солнцем, обдуваем ветром, исхлестан снегом и дождем, съедаем оводами и комарами, [но он] не только не искал убежища и спокойствия, но даже не укрывал своих рук».

IV. Неодушевленный субъект, одушевленный объект:

...*irgen-e barimtalaydaqu üliγer ügei bolu* [HC, 20a] «...нет больше примера, который не поддерживался бы народом».

Пассив в древних текстах по многим аспектам отличается от такового не только в индоевропейских языках, но и от пассивных конст-

рукций в классическом и современном монгольских языках. Этот факт был уже отмечен учеными. Так, Е. Haenisch был первым из исследователей, кто обратил внимание на пассивные конструкции в тексте «Сокровенного сказания», которые в значительной мере отличаются от имеющихся в других, более поздних текстах письменного монгольского языка. Характерной чертой в употреблении пассива в SH E. Haenisch считал частое использование пассивных форм от непереходных глаголов [Haenisch, 1950, с. 17]. Эти наблюдения были подтверждены и исследователем языка SH J.C. Street'ом [Street, 1957, с. 43].

Но самый полный и тщательный анализ всех пассивных конструкций в тексте SH был проведен Н. Поппе.

Н. Поппе выявил три различных случая употребления пассивных форм в этом тексте, а именно: 1. Чистый (pure) пассив, т.е. пассив латинского типа; 2. Вынужденный (necessitative) пассив, т.е. случаи, когда пассивной формой глагола выражается идея необходимости (necessity) или возможности (possibility) действовать; 3. Пассив, который лишь косвенно (indirectly) влияет, на синтаксический субъект.

Каждый из трех главных случаев использования пассива обсуждается автором с точки зрения наличия или отсутствия в конкретном предложении главных участников ситуации — синтаксического субъекта и объекта, переходности или непереходности глагольной основы пассивной формы, а также морфологического оформления имен — субъекта и объекта при конкретной пассивной глагольной форме [Poppe, 1965, с. 366–377]³³.

7.2.1. Пассив истинный или аналогичный таковому в индоевропейских языках

Это — пассивные конструкции, в которых синтаксический субъект непосредственно подвергается действию и является, таким образом, прямой жертвой этого действия, осуществляемого со стороны синтаксического объекта — реального исполнителя его. Субъект, как правило, оформлен именительным падежом, объект — исполнитель действия — косвенными падежами, чаще всего дательным-местным или местным.

Как уже отмечено выше, все имена-участники ситуации в пассивных конструкциях могут быть как одушевленными, так и неодушевленными.

³³ В «Очерках» рассматриваются наиболее распространенные случаи использования пассива в анализируемых текстах.

ленными реалиями, как полностью эксплицированными, так и вычисленными из ближайшего контекста.

А. Обозначены как субъект, подвергающийся действию, так и объект — реальный исполнитель этого действия, например:

...*qahan anu qarači tüsimel-ün qar-tur qoroqdabasu...* [H, II, 19v] «...когда государь их пострадал от рук невежественных чиновников...»; ...*tenggeri-de ese ta'alaqdaba bida* [SH, § 143] «...мы не любимы Небесами»; ...*Sudadani qayan ber noyir-a daruydañ...* [TD 34, F 22v] «...и король *Sudadani* был во власти сна [был одолен сном]»; ...*tere çaytur: Çanak yasıyın jobalang-a daruydañ...* [TD 33, F 20r] «...в то время Чанака был подавлен горькими страданиями»; *Tegün-ü siltayan-ıyar toyın kümün kemebesü mgrı kümün-e takıydamuı* [TD 52, F 44v] «По этой причине [этот] монах является объектом поклонения [почитается] богами и людьми».

Б. Субъект — лицо, подвергающееся действию, в данном предложении не обозначен, но вычисляется из контекста:

...*anda-da hülegdebe-je* [SH, § 201] «...[Я] ведь был побежден андой (побратимом)»; ...*kücütü kümün-e moquday jıda-bar qatquydaqu metü* [TD 46, F 36v] «...как если бы [он] был пронзен сильным человеком тупой шпагой»; ...*jeğün eteged-ün irgen-e savısvaydañquı* [UM, с. 245] «...[Он] был одобрен восточным народом»; ...*erten-ü surmayai yeke nigülesküi sedkil-e ködelegdeji...* [TD 25, F 7r] «...[Он] был озарен (подвинул) [привычной] мыслью великого сострадания во времена оно...».

В. Не эксплицирован синтаксический объект — реальный исполнитель действия, например:

...*tabun gü'ün-ni ala'at harban niken gü'ün-ni yaraqaqdañu...* [H, IIb, 22v] «...пять человек убили, одиннадцать были ранены...»; ...*a'ui qajāt anu jük jük qubıyaqda'at qucüten qabutan çeri'üt na'adum metü busanıqdadabai* [H, IIa, 4v] «...их обширные земли были поделены во всех направлениях, а их храбрые стойкие солдаты были рассеяны [в беспорядке], словно [это была] игра»; *yartabai çı kemebesü...* [TD 63, F 59v] «Ты побежден», — сказал [он]».

Г. Конструкции, в которых не эксплицированы как синтаксический субъект, так и объект:

Tedüi erijü ese oldalāi [SH, § 112] «Потом [они] искали, но [она] не была найдена»; ...*üjekdeba ke'en bu kelele kē'et nökcıba* [SH, § 83] «...не говори, что [ты] был обнаружен [мною]», — сказал [он] и удалился»; ...*olon-ta wü quyu'ulju ökbüsü de'eñlekdegü cō'en-te-wü quyu'lju ökbüsü doromjılaqdaqu* [SH, § 66] «...если отдать [дочь], когда многократно

сватают (просят), [это значит, ты] уважаем (тебя предпочитают), если отдать, когда малократно просят, [значит, ты] унижен».

7.2.2. Пассив, выражающий идею необходимости, долженствования или возможности действия, идею иметь удобный, благополучный случай для его осуществления

Образуется такой пассив как от переходных, так и от непереходных глаголов. Как правило, субъект в подобных конструкциях не обозначен.

Пассив от переходных глаголов

...*mon-a mon-a qoyin-a sayin ner-e tanu egüride aldarsiquldami ʃ-e* [UM, с. 376] «...навсегда и навечно будет прославлено ваше имя»; ...*degedüs-e Oron-u cing ün-en-iyer kücü ögügsen ʃerge-yi uqabasu uridus-a inu ong ner-e nemegdekii bui* [UM, с. 364] «...если учесть честную службу Oron'a Императору, то [надо признать], что его предку должен быть добавлен титул вана»; *boyda sayid-un ayali aburi anu taqimdayu bolquicaa deger-e basa nemegdekü anu ügei-ügü³⁴ kemen...* [HC, 16a] «...нет ли там чего-либо в добродетели (характере) мудрецов, что могло бы быть добавлено сверх их почтения?»; ...*naran sara-yi qaraqı üʃegden büle'e* [SH, § 63] «...имел возможность наблюдать солнце и луну (солнце и луну быть видимыми)»; *Tere tusa-yi sayı setkiǰü uruq-un uruq-a gürtüle ker umartaqdaqu* [SH, § 204] «Вспоминая теперь о той помощи, [не мыслю], как это может быть забыто потомками потомков?»

Пассив от непереходных глаголов

Eyimü üges sonoscu yekin sa'uqdaqu ke'eba [SH, § 190] «Услышав такие слова, как можно усидеть (быть сидящим)?»; *Nadur Büri Güyüik qoyar mawuilaju qurim ülü qurimlan morilaqdaba* [SH, § 275] «Büri и Güyüik обиделись на меня, не остались на пиру и вынуждены были уехать»; ...*ci ese itqa'asu huylun büküi usun-tur hulalun büküi qal-tur oroqda'ai büle'ei-ʃe* [SH, § 204] «..если бы ты меня не уговорил, я бы утонул в темной воде и сгорел в жарком огне (вынужден был бы войти в огонь)»; *Tende Ögödei-qahan ebetcin gürteǰü aman kelen jabqan aliaqdarun* [SH, § 272] «Там Огэдэй-хан заболел и затруднялся говорить (стал затрудняемым)».

³⁴ *ügü* — здесь так обозначена вопросительная частица *üi*.

Особенностью языка древних текстов является частое употребление пассивных форм, не свойственных таким непереходным и непроизводным глаголам, как:

- ire-* «приходить, приезжать, прибывать, приближаться»;
- oro-* «входить, въезжать, идти, ехать, направляться»;
- od-/ot-* «идти, отправляться, уходить, уезжать»;
- negü-/newü-* «кочевать, переезжать, передвигаться, переселяться»;
- čida-* «мочь, быть в состоянии, уметь»;
- yada-* «не мочь, не быть в состоянии, не уметь»;
- kičiye-* «стараться, стремиться, быть прилежным, усердным»;
- qari-* «возвращаться, вернуться»;
- jiryа-* «быть счастливым, блаженствовать, наслаждаться»;
- emige-/emiye-* «бояться, страшиться»;
- tarqa-* «расходиться, разъезжаться» и др.

При наличии в предложении субъекта, подвергающегося действию, и объекта — исполнителя этого действия, последний оформлялся дательно-местным или местным падежами: *Jamuqa nököт-te'en bariju irekdeba* [SH, § 200] «Джамуха был захвачен (захватив, сделали пришедшим) своими товарищами». Ср. перевод этого предложения на современный монгольский язык, где пассивную форму имеет основной смысловый глагол *бару-* «захватывать, держать»: *Жамуха нөхөддөө баригдаж ирээд...* [МНТ, § 200] id.; *...aylay-tur kinari-yin ökin-e iregdeñi...* [TD 22, F 3v] «...когда [вы] были посещаемы в уединенных местах *кинмара-* девицами...».

Нередко действие, обозначенное пассивной формой глагола *ire-* «приходить, приезжать», осуществлялось самим синтаксическим субъектом, т.е. полностью зависело от его желания, намерения и устремления: *...jürkin-i jırqо'an üdüt güleceñi ese-gü irekdeba* [SH, § 136] «...шесть дней прождали джиркинов, но [они] не появились»; *...Yisügei-qan imayi ö'er-dür-iyen irekdeñi...* [SH, § 150] «...*Yisügei-qan* его [поддержал] и прибыл лично»; *...Yisügei-qan ečige minu čimada teyin ke'en irek'deñi... ulus činu aburaju öksü ke'en...* [SH, § 177] «...*Yisügei-qan*, отец мой, так сказал тебе: „[Я] приду... и спасу твое государство“»; *Elsen irekdeñi Ciggis-qahan eye-tür anu oroju...* [SH, § 248] «[Они] пришли к согласию, и Чингис-хан одобрил это (в их согласие вошел)...».

Действие при этом могло осуществляться как его реальным исполнителем, т.е. синтаксическим объектом, так и принадлежать самому субъекту: *...öčügiken ken-e ber ködelgen čidaydaqu busu bui* [ТД 66, F 63r] «...[и он] не может быть сдвинут кем бы то ни было ничтожным»; *...nököd-iyen жүрүге vadaydañu...* [SH, § 128] «...друзья его оробе-

ли (сердца сделали несостоятельными, неумеющими)»; ...*sarta'ul irgen-e eye-dür-iyen ese oroqdañu...* [SH, § 265] «...сартульский народ не пришел к согласию»; *Edüge... ċi edür söni ülü kemen kičivegdeküi* [TD 58, F 54v] «Сейчас ты должен быть осторожным (усердствовать) днем и ночью»; ...*Büri Güyük qoyar-a eyin ke'ekde'et eye ügei tarqaqdaba* [SH, § 275] «Бури и Гуюку было так сказано, но они не согласились и разъехались (были разъехавшимися)»; *Tayıči'ut... nuntuq-tur gēñü newükdeñü...* [SH, § 74] «Тайчуды, [бросив вдову Оэлун-уджин с детьми] в кочевье, [сами] откочевали (были откочеванными)». Ср. перевод этого предложения на современный монгольский язык: *Ийнхүү тайчууд... Өэлүн үжинг хөвүүдийн хамт нутагт гээж нүүсэн ажээ* [МНТ, 1957, § 74] id.

Пассивные формы речевых глаголов (Verba dicendi)

В древних текстах довольно часто использовались пассивные формы от таких глаголов, как *keme-*, *kelelle-*, *ke'e-*, *ügüle-* / *ögüle-* «говорить, сказать, изрекать».

Конструкции с пассивными формами этих глаголов можно подразделить на три вида:

1. Кто-то является объектом речи, т.е. синтаксический субъект служит предметом (темой) разговора, например: *ken-e ber mayui es-e kemegdebei* [UM, с. 388] «[о них] никто не говорил плохо (они никем не были плохо оговариваемы); *γayiqamsiy burqan-u arban qoyar jokiyangyui kemegdekü üiles-i-inu* [TD 68, F 65r] «Дела, в которых говорится о двенадцати удивительных творениях Будды»; *Tende Ćinggis qahan ügüleriün Aša-qambu-da ker eyin ügülekdēn büle'ei* [SH, § 256] «Тогда Чингис-хан сказал: „Как это так говорилось про Аша-Хамбу?“»; ...*yosun-tur adali meden kelelekdeñü...* [SH, § 263] «...[О них] говорили, что [они] хорошо знают традиции города...»; ...*Naiman irgen olon ke'ekdemüi qan anu ger-teče ese qariqsan tanggi ke'ekdemüi* [SH, § 193] «...говорят, найманов много. Но их хан, говорят, изнеженный человек, не выходящий из дома»; *Mongqol-un aqtas turuqat ke'ekdemüi* [SH, § 194] «Говорят, монгольские кони отошали»; *Siliyu sayid ĵiči teyin busu. Ügeyi onoñu ügülegdekü* [НС, 20а] «Честные и достойные, однако не такие. [Они] должны высказываться, обдумав [свои] слова».

2. Синтаксический субъект не является предметом (темой) разговора, но говорится все же о нем, что по-русски можно передать, как «мне сказали», «я информирован», «сообщено, что», «было сказано, что»: *Tegüber qoyayula bolju eden-i uduriduya kemegdeñü...* [TD 42, F 32r]

«„В таком случае давайте объединимся и поведем [их]“ — так было сказано»; ...*uridus-un sayin ner-e-yi buu qutuqadqun kemegdegsen-u tula...* [UM, с. 369] «...так как было сказано: „Не позорьте имена предков...“»; *Eke inu... qadana busu gü'ün-ne ügülerün kö'üt minu qat bolju'u ke'ekdemüi* [SH, § 112] «Мать их... сказала другим, находящимся во дворе людям: „Мне было сказано, что сыновья мои стали ханами“»; ...*tende Tayang-qan ügülerün ene dorona čö'eket mongqol bui ke'ekdemüi* [SH, § 189] «...тогда Таян-хан сказал: „Сообщается, что на востоке совсем немного монголов“»; *Edüge ču buu büged tatajalja kemegdañi...* [TD 34, F 22r] «„А сейчас не возражай больше“, — было сказано».

3. Распространенным было и употребление пассивных форм этих глаголов, когда нужно было высказать определение (заключение) каким-то событиям, поведению, что можно передать словами «будет означать», «будет называться», «может быть названо»: *Ečige eke-dür-iyen ülü čiqulalan jad kümün-dür čiqulalabasu ayalı aburi-dur jočın kemegdegü* [HC, 19b] «Если кто-либо не проявляет любви к своим родителям, но показывает ее по отношению к посторонним людям, то это называется противоречием нравам»; *Ede yurban jüil-i ülü talbin ödür-tür yurban qusiğün aduyusun-u miqabar tabıylabasu ber ači ügei taqımdayı kemegdevü* [HC, 23a] «Даже если он почитает [своих родителей], ежедневно принося мясо пожертвования трех видов скота, не оставляя там, [он] будет называться почтительным без заслуг»; *Ečige-yügen üge dağan yabubasu yağın taqımdayı kemegdekü* [HC, 31a] «Если сын поступает только в соответствии с указаниями своего отца, как тогда это может быть названо сыновним почтением?»

7.2.3. Определительные пассивные конструкции

В анализируемых текстах широко использовались определительные пассивные конструкции. При этом эксплицированный синтаксический объект — реальный исполнитель действия, кроме дательного и местного падежей, оформлялся также исходным, родительным, реже — орудным падежами. Пассивные причастные формы (в большинстве своем это формы прошедшего причастия) образовывались как от переходных, так и непереходных глагольных основ. Приведем несколько примеров из разных текстов: *qayan-ča... Si ning ong ner-e sovurqavdaqsan Indu* [UM, с. 387] «...Indu, которому ханом (исх. п.) был пожалован титул *Si ning ong*»; ...*ečige-yin činu qurivaqdaqsan ulus-i manu...* [SH, § 73] «Государство наше, собранное отцом твоим (род. п.)»; ...*degedü arsi-nar-a yabuydaysan teyimü oron-dur asuru sayitur*

orosin sayuju [TD 21, F 2v] «...пребывая в таком прекрасном месте, которое посещалось мудрыми отшельниками (мест. п.)...»; ...*irgen-ü nasu aburida-ta yabuydaqu yabudal bolu* [НС, IIa] «...деяния, которые обычно и всегда осуществляются (проводятся) народом (род. п.)»; *Yelvi-ber qubilyadaysan ökiked metü: yerü üjšeküleng-ten bügesü ber qabiy-a ügei* [TD 65, F 62r] «хотя в целом и прекрасны, но [вы] не реальны, подобно девушкам, превращенным магией... (орудн. п.)»; ...*len wang ejen-eče jaruydaysan Wan pai hou-tan elčin-niyer öci'üljü büle'e* [Н, IIb, 15v] «*Wan pai hou* и другим посланцам, отправленным владыкой *len Wang* (исх. п.), было поручено доложить [Императору]»; *Ečige eke-de törögüldegsen ba teñvegegsen aci-yi masi [kü]ndü-de sedkiñi yabuyad...* [UM, с. 374] «С большим уважением думаю о благодарности, рожденной и вскормленной [вашими] отцом и матерью (дат.-мест. п.)».

Частое и разнообразное употребление пассивных конструкций в древности свидетельствует не только об их изначальной большой продуктивности, но и о том, что монгольские непереходные глаголы существенно отличались от таковых в индоевропейских языках, ибо между монгольскими непереходными и переходными глаголами в образовании пассивных форм существовала небольшая разница: непереходные употреблялись как переходные, а переходные активные вели себя подобно непереходным (см. также [Porre, 1965, с. 317]).

Иначе используется этот залог в современных языках. Описывая случаи ограниченного употребления страдательного залога в монгольских языках (на примере бурятского), которые во многом связываются с так называемым принципом «субъектно-объектной обратимости», Г.Д. Санжеев указывал на то, что определительные причастия чаще всего используются в форме прямого залога в случаях, когда по смыслу должен быть применен страдательный залог — явление известное и широко распространено почти во всех монгольских и тюркских языках. Кроме того, в определительной и предикативной позициях вместо страдательных глаголов употребляются распространенные в бурятском языке страдательные причастия, которые образуются посредством суффикса совместного падежа *-тай* от основы несовершенного переходного глагола, например: *тавяатай* (от *табья*) «поставленный», *бэшээтэй* (от *бэшээ*) «написанный»... [Санжеев, 1962, с. 233]. На сравнительно редкое употребление страдательного залога в современном бурятском языке указывал и Ц.Б. Цыдендамбаев [Цыдендамбаев, 1979, с. 102].

Что касается продуктивности использования пассивных конструкций в современном монгольском языке, то, по мнению монгольского

лингвиста С. Галсана, такие конструкции «наблюдаются весьма редко». Ученый особо подчеркивает «непродуктивность форм страдательного залога и их излишнее искусственное употребление». Частое же использование страдательных форм в художественной литературе, особенно переводной, автор считает абсолютно неоправданным и чуждым структурным особенностям монгольского языка. И поэтому «то или иное высказывание получает весьма вычурный характер» и «придает монгольской речи иронический оттенок» [С. Галсан, 1975, с. 230].

7.3. Взаимный залог (Реципрок)

Среди залоговых форм к высокочастотным в древних текстах можно отнести и взаимный, хотя по сравнению с двумя предыдущими (побудительным и страдательным) он употреблялся все же реже.

Морфологической приметой данного залога служит суффикс *-ldU-* (реже *-ldA-*). Однако Ал. Бобровников [1849, с. 127] и В.Л. Котвич [1902, с. 98] указывают только *-ldA-*. А.Н. Поппе отмечает как *-ldU-*, так и *-ldA-* [1937, с. 142]. В данных текстах, как правило, употребляется суффикс *-ldu-*, а *-lda-* зафиксирован только в трехзалоговой комбинированной словоформе *bari+lda+yul+da* [UM, с. 235] — взаимно-побудительно-страдательная (реципрок-каузатив-пассив) форма от глагольной основы *bari-* «держат, строить».

Присоединяется этот суффикс как к переходным, так и к непереходным глагольным основам, при этом переходные иногда превращаются в непереходные: *tebere-* «обнимать кого-либо» — *teberildu-* «обниматься». Непереходные же своего значения не изменяют: *bulqa-* «сражаться» — *bulqaldu-* «сражаться (между собой)».

В монголоведной литературе этот залог определяется как обозначающий действие, которое совершается двумя исполнителями «по отношению к друг к другу», каждый из которых одновременно является объектом одного и того же действия со стороны друг друга, т.е. действие одного направлено на другого, а другого на первого. «Иными словами, во взаимном обороте предмет-подлежащее и предмет-дополнение, обычно оформленное посредством совместного (в древнем языке — соединительного. — *М.О.*) падежа, как бы стоит друг против друга, направляя друг на друга данное действие» [Поппе, 1937, с. 142; Санжеев, 1962, с. 240].

Однако многочисленные случаи использования взаимных залоговых глагольных форм в древних текстах свидетельствуют о более широком диапазоне значения конструкций с этим залогом. Немалое ко-

личество примеров указывает на то, что взаимный залог употребляется в тех случаях, когда два компонента (лиц(а)) осуществляют одно и то же действие, находясь в противостоянии друг к другу, т.е. действие одного (одних) направлено на другого (других), как и последнего на первого, например: *öber jäyuraban bulyalduñu ukilan ebcegüben deledbei*: [TD 68, F 64v] «Сражаясь между собой, [они] плакали и били себя в грудь»; *Činggis qahan... ĵatıqa-yin esergü inu morilañu Dalan-Balñut bayilduñu...* [SH, § 129] «Чингис-хан отправился сражаться против Джамухи, и они сразились [в местечке] *Dalan-Balñut...*; ...*ulus-iyar-ıyan bolju qaqa ĵoriy-ıyar qoton bekilen sitügeleldün böküi-dür Duw-a-tan köbegüd... kürcü bürin qatqulduqui-dur mön Ataıbuq-a üküüiben ülü talqan yeke törö-yi sedkiñi beyenggedün sitügeleldün qatqulduqad...* [UM, с. 370–371] «...и когда [он] со всем своим народом противостоял [врагу] с единственной целью защитить город, прибыли принц *Duw-a* и другие [с войском], и они сразились друг с другом..., тогда тот самый *Ataıbuq-a*, думая об империи и не считаясь с тем, что сам может погибнуть, лично вступил в битву...»; ...*merkid-ün Toqto'a-beki-lü'-e Činggis-qahan bayilduñu...* [SH, § 197] «Чингис-хан сразился с меркитским *Toqto'a-beki...*»; *Oroñu qatqulduva kē'esü...* [H, IIb, 22r] «[Мы] подойдем и сразимся».

Не менее распространенным было и значение, когда два или более лиц совершали важное для обеих сторон или совместное действие: ...*noyanli'ut ba čerik irgen-nü örgen to'an ki'ed-i ba basa büri-yer evetüldüñü...* [H, IIb, 15r] «...многие офицеры, солдаты и прочие, все совещались...»; ...*irgen oryon tegün-i egeren qaralduñuqui* [HC, 13a] «...народ смотрел на него с надеждой»; ...*Gahan tüsimel qaraçus irgen anñirun dürbeldüñü ümedü qañar-a yabuqui-tur...* [H, IIa, 9v] «...когда хан, чиновники и чернь в панике бежали и добрались до северных земель»; ...*irgen oryan öbesüben böged navıraldun ĵoqılduñuqui* [HC, 12b] «...народ сам по себе жил в согласии и добрых отношениях [друг с другом]».

Для передачи значения совместного, совокупного совершения действия часто использовалась взаимная форма «речевых» глаголов: «говорить, обсуждать, советоваться, совещаться, приходиться к взаимному соглашению». Это мог быть как коллектив, совокупность действующих лиц, так и одно лицо, назначаемое или изъявляющее желание совершить с кем-то обоюдное действие: ...*ıngri-ner čiyulñu ĵarıyaqui arı-a-yi evetüldümüi* [TD 30, F 15r] «...боги собрались и обсуждают, каким способом [он] мог уйти»; ...*ö'er ĵa'ura nengñileldiıva ke'eldüñü nengñileldiıba* [SH, § 86] «...договорились между собой, чтобы обыскать и обыскать»; ...*ker bolıysan siltayan-i keleldüñü...* [TD 38, F 27r] «[Они прибыли

туда] и обсуждали причину случившегося»; ...*salaqar modun-a anda ke'eldüjü*... [SH, § 117] «...под развесистым деревом [они] назвались побратимами»; *Çanak tere ayisui tere ayisui Çanak-lüge keleldüy-e kemen* [TD 38, F 27r] «*Çanak* подъезжает. Он подъезжает, давайте [мы] поговорим с *Çanak*-ом».

В случае если во взаимно-совместном действии одно лицо (лица) первым(и) изъявляе(ю)т желание совершить какое-либо действие или назначается кем-то, то в предложении оно в качестве подлежащего стоит в именительном падеже, а «соучастник» действия в качестве объекта главного лица оформляется косвенным падежом: *Çinggis-qahan Qada'an-tur bawuju teberildüba* [SH, § 146] «Чингис-хан спустившись [с коня], обнялся с *Qada'an*»; *ÿamuqa ügülerün erte üdür üçüget çay-tur... qan anda-lu'a anda ke'eldürün ülü singgeküi ide'e ideldüjü ülü umartaqu üges ügüleleldüjü*... [SH, § 201] «*ÿamuqa* сказал: „Давно во времена детства [мы] с ханом-андой решили стать побратимами, ели вместе неразбавленную еду, произносили незабываемые слова...“»; *Jelme-yin kö'ün Yisün-te'e aqalaÿu Tüge-yin kö'ün Bügidei-lü'e eyetüldüjü atuqai ke'eba* [SH, § 225] «„...Старшим будет сын *Jelme Yisün-te'e* и пусть [он] будет править, совещаясь с сыном *Tüge Bügidei'*ем“, — сказал [он]»; *Qudus-qalçan-lu'a eyetüldüjü atqun ke'eba* [SH, § 191] «„[Вы] посоветуйтесь с *Qudus-qalçan*“, — сказал [он]»; *Siremün-i Ta-ning-a gürcü. Nanggia tchei houei-luwa üjeldüjü*... [H, IIb, 8v] «Когда *Siremün* прибыл к *Ta-ning*, [он] встретился с *Nanggia tchei houei*...»; *öber-eçe yekes-tür ba üçüged-tür naviralduÿu yabuysan-u tula*... [HC, 32a] «...Так как [они] живут в согласии с теми, кто старше и младше их самих».

Посредством формы взаимного залога обозначалось и действие, когда кто-то присоединяется, намерен присоединиться к другому лицу (лицам) или следовать за ним(и) для осуществления общих действий: *Gemsiyer-ün boluÿujai bidan-tur kemen ögüleldüjü: bodisdv-i dayalduba* [TD, с. 44, F 34v] «„Как бы нам не пришлось раскаиваться“, — говорили они — и последовали за Бодхисаттвой». При этом в предложении сами действующие лица могут быть не эксплицированы, а выявляются из контекста: *Qorçuqai-boldaq-a бүкүи-дүр ÿolqalduba* [SH, § 88] «Когда уже были в [местечке] *Qorçuqai-boldaq*, [Чингис-хан] встретился [с матерью и братьями]»; ...*üçügen çay-tur sirqa aqta-tan naiman morit de'eremetteÿü qurban qonoÿu nekeÿü ayisuqui-tur ÿolqalduba ÿ-e* [SH, § 205] «в детстве, когда [я] трое суток преследовал грабителей, угнавших восемь мерингов, я ведь повстречался [с тобой]»; *Altun aşuq ügülerün bi ber ene eye-tür orolduba* [SH, § 152] «*Altun aşuq* сказал: „И я участвовал в этом совещании“».

В некоторых случаях в таких конструкциях второе лицо (лица) присутствует только как пассивный объект ситуации, находящийся при осуществлении какого-либо действия: *Jelme busu gü'ün ülü itegen sakildüü sa'uü...* [SH, § 145] «Зэлмэ, никому не доверяя (вокруг), [сам] охранял [Чингис-хана]»; *Bidan-i sibawulaqui abalaqui-tur kehte'ül bidan-lu'a sibawulaldun abalaldun yabutuqai* [SH, § 232] «Когда мы будем ловить птиц и охотиться, пусть стража будет ловить птиц и охотиться вместе с нами»; *Tür-ün üile-dür barildur-un...* [UM, с. 380] «Когда вначале [он] принимал участие в делах...»; *öber-ečegen erdem-tii sayid-luy-a degü barildu* [UM, с. 375] «Станьте побратимами с теми, кто лучше и образованнее вас»; *...Onan müren-nü teri'ün-e Botoqan-bo'orji-da boljalduya... Botoqan-bo'orji-da boljal qajar-a neyileldüya ke'en...* [SH, § 106] «[Я] назначаю встречу в [местечке] *Botoqan-bo'orji* у истоков реки *Onon*. ...Встретимся в условленном месте *Botoqan bo'orji*»; *Temüjin anda-tur morila'asu bi köndelen-eče oroldusu ke'eju'üi* [SH, § 166] «...если [вы] отправитесь сражаться с побратимом *Temüjin*'ом, я вмешаюсь (досл. „буду участвовать со стороны“»).

Пассивным соучастником ситуации могла оказаться и птица (ручной сокол), как например, в таком предложении: *Ideküi ide'en ügei arun činō-yin qun-tur qorqaqsan görö'esün mariyaǰu qarbuǰu alajū ideldü'et činō-yin ideksen-ni temüldüüi ide'et ö'er-ün qo'olai-da'an qarčiqai-ba'an ber teǰi'eldün tere hon qarba* [SH, § 26] «Когда не было еды, [Bodončar] подкрадывался и убивал антилоп, застрявших в волчьих балках, и питался ими или собирав падаль после волчьих трапез, ел сам и кормил своего ястреба».

Мы привели довольно значительное количество примеров на употребление взаимных залоговых форм (особенно из текста SH), чтобы подчеркнуть, насколько широко подобные формы использовались в древних текстах. Следует отметить также, что в большинстве случаев в переводе предложений с этими глагольными формами на современный язык взаимные глагольные формы передаются «прямым залогом». Это особенно заметно в переводе текста «Сокровенного сказания» на современный язык, где эти глагольные формы употребляются значительно реже, и круг их значений ограничен только взаимностью (или совместностью) действия двух, иногда нескольких, участников ситуации.

7.4. Совместный залог (социатив)

Маркером этой залоговой формы служит *-lčA-*, крайне редко *-čA-*. Присоединяется он к переходным и непереходным глагольным основам, не изменяя их значений (переходности-непереходности).

Согласно определениям этого залога в монголоведной литературе, касающейся данной темы, эта залоговая форма характеризуется как указывающая на соучастие двух или более лиц-субъектов в одном действии [Котвич, 1902, с. 98; Поппе, 1937, с. 142; Бямбасан, 1970, с. 220 и сл.; Отгонсүрэн, 1982, с. 69–78].

При этом отмечается недостаточность такого определения, ибо считается, что присутствующие в обороте два компонента находятся не в равных ситуациях, так как ведущим или инициатором действия в таких конструкциях является второй компонент, выраженный в косвенном дополнении, а первый, обозначенный в подлежащем, лишь присоединяется ко второму для совместного совершения действия [Санжеев, 1947, с. 115; 1963, с. 57–58].

Такие примеры в текстах существуют: *ayulas-un qayan Bandab neretü ayula-dur oduysan-i Bimbisari qayan medeji qoyina-ača anu darulčan dayan odču...* [TD, с. 43, F 32v] «Король *Bimbisari* узнал, что [*Bodhisattva*] ушел к Королю горы под названием *Bandab (Pandava)* и отправился вслед за ним (отправился туда и последовал за ним)».

Но все же далеко не всегда инициатором является второй компонент. Совместное действие (или противодействие) могут осуществляться субъектами одновременно: *Qan-ečige minu Yisügei qan-lu'a bolulčaba* [SH, § 242] «хан–отец мой побратался (стал побратимом) с *Yisügei-qan*'ом»; *Ong-qan... Gür-qan abaqa-lu'a-ban bulga bolulčaba* [SH, § 150] «*Ong-qan* рассорился со своим дядей *Gür-qan*'ом».

Присоединяясь ко второму, первый компонент-подлежащее и сам может быть инициатором действия: *Da'arитай gereyit-lu'a³⁵ bolulčaba* [SH, § 242] «*Da'arитай* объединился с керейтами» (по тексту: *Da'arитай* сам ушел к керейтам из лагеря Чингис-хана). А также следовать за вторым(и) для совместного действия: *teden-i dayan surulcajulqu-yin tulada; gerte-eče yarqui čay činu edüge bolju amui* [TD, с. 25, F 6v] «Сейчас наступает ваше время покинуть ваш дом и следовать за ними для совместного обучения»³⁶.

Кроме того, совместный залог нередко употребляется в том же значении, что и взаимный. Ср. предложения: *...noyanli'ut ba čerik irgen-nü örgen to'an ki'ed-i ba basa büri-yer evetüldüni...* [H, IIb, 15г] «многие офицеры, солдаты и прочие люди все вместе совещались...» — взаимный залог и *Dayan bayasulčaysan tere dayun mön deger-e aldarsiju Aka-*

³⁵ *gereyit* «кереить» — так в тексте.

³⁶ Как и во многих других случаях, в конкретном предложении не всегда эксплицированы один или даже оба компонента ситуации, что выявляется из контекста. В данном случае отправиться должен *Bodhisattva*.

nista-dur kürtele sonostabai [TD, с. 37, F 25v] «Тот возглас их взаимной радости достиг таких высоких [областей] и был слышан в *Akanista* (*Akanistha*)» — совместный залог.

Более того, в одном предложении могли присутствовать обе залоговые формы, передавая (дополняя) одно и то же значение: *Činggis-qahan Ong-qan qoyar tende tatar-i da 'ulijū qubiyaldū abulcaju geyi[ti]-tūr-iyen qarju...* [SH, § 134] «Чингис-хан и Ван-хан там ограбили татар, поделили добычу и вернулись по своим ставкам»; *Basa Činggis-qahan ügüleriin köyiten bayildū iuriqaldun ŋbsiverülčen büküi-tür niru'un de'erece sumun irejü..* [SH, § 147] «Чингис-хан сказал: „Когда сражались, наступая и отступая [в местечке] *Köyiten*, с горного хребта (верха) выстрелили...“»; ...*adūsun ide'e-ben quluvaldurun Be[l]günetei. Bүgүнүtei Buqu-qatagi Buqatu-sa[l]jī dörbüle abulcaba* [SH, § 23] «Когда делили свои табуны и провизию, *Belgünetei, Bүgүнүtei, Buqu-qataqi, Buqatu saljī* вчетвером поделили [все] между собой (взяли)». Подобных примеров в текстах много, что свидетельствует об отсутствии между формами этих двух залогов резкой грани. Причем в переводе, например текста «Сокровенного сказания» на современный монгольский язык, часто эти формы заменялись «прямым» залогом.

Ср. предложения: *tede irgen Bodončar-i ken-ü-ei ba ya'un-u-ai be ke'en assaqui ügei, Bodončar be tede irgen-i ya'un irgen ke'en asa'ulcaqui ügei vabulduba* [SH, § 29] «Те люди не спрашивали *Bodončar*'а; чей и что [он] за человек. И *Bodončar* не спрашивал тех людей, что они за люди»; и перевод на современный язык: *тэд иргэн Бодончарыг хэн юун хүн бэ гэж асуухгүй. Бодончар бас тэр иргэнийг юун иргэн гэж асуугүй явна* [МНТ, § 29] id.: *Tere ayisuqui-tur Jamiqa Ong-qan-lu'a qamtu ayisulcaju ayisun aju'ui* [SH, § 170] «Когда подъехали, то оказалось, что прибыл *Jamiqa* вместе с *Ong-qan*'ом» и *Тэр цагт Ван-хантай Жамуха ирж явсан ажээ* [МНТ, § 170] «В то время с Ван-ханом прибыл Жамуха».

Иногда один из этих залогов заменялся другим (взаимным-совместным): *Qan-ečige minu bida qoyar ya'u ke'eldüle'ei* [SH, § 177] «Хан—отец мой, что мы обсуждали?» и *Хан эцэг минь, бид хоёр юу гэж хэлэлцсэн билээ?* [МНТ, § 177] id.; *Tende Činggis-qahan jarlik bolju Mönlik-ečige-de ügüleriin töregü-lü'e төрөлдүксен..* [SH, § 204] «Там Чингис-хан сказал *Mönlik-ečige*: „При рождении [мы] вместе родились [в одно время]“» и *Тэндээс Чингис-хан Мэнлик-эцэгт зарлиг болруун: «Төрөхийн хамт төрөлцөн...»* [МНТ, § 204]. Это также свидетельствует об отсутствии резкой грани в значениях этих двух залогов, что в определенных случаях они взаимозаменяемы или заменимы простой глагольной формой («прямым» залогом).

На совпадения значений этих двух залогов обратил внимание еще Ал. Бобровников, подметив, что «эти два залога употребляются без различия» [Бобровников, 1849, с. 128]. Позже В.Л. Котвич писал, что «различие между взаимным и совместным залогом почти совершенно исчезло так, что суффиксы *-лда* и *-лце* одинаково употребляются для выражения как того, так и другого залога» [Котвич, 1902, с. 94].

К этим замечаниям Ал. Бобровникова и В.Л. Котвича Г.Д. Санжеев добавляет, «что совместный и взаимный залогом не только выступают один вместо другого, но и просто обозначают действия, при совершении которых оба компонента никак не находятся в тех специфических отношениях, которые вообще «предусмотрены» непосредственными значениями этих залогов. Иными словами, совместный и особенно взаимный залогом часто обозначают действия, производимые многими, так сказать на коллективных началах. Подобное употребление этих залогов мы находим во всех монгольских языках» [Санжеев, 1963, с. 59–60]. Многочисленные примеры, выявленные в текстах XIII–XIV вв., незначительная часть которых приведена выше, подтверждают это замечание.

7.5. Комбинированные залоговые формы

Кроме рассмотренных выше залогов в монгольских языках распространено использование комбинированных залоговых форм, суть которых заключается в том, что к одной и той же глагольной основе наращиваются суффиксы других залогов. При этом, как отмечается в литературе, значение того или иного залога полностью [Галсан, 1976, с. 232] или почти всегда [Санжеев, 1963, с. 61] сохраняется.

В наших текстах, кроме того что в них широко представлены все выявленные залогом, активно используются и их комбинированные (сложные формы).

Особенностями залоговых форм в монгольских языках является то, что их употребление тесно связано со стилистическими функциями, которые более сложны по сравнению с другими суффиксальными морфемами [Отгонсүрэн, 1982, с. 170].

Несомненно, что использование комбинированных залоговых форм связано со стилистическими особенностями в построении предложений.

При этом оттенки значений таких своеобразных глагольных форм иногда трудно передать на русский язык, особенно когда в такой залоговой словоформе присутствуют три залога, сохраняющие свои значения.

1. Побудительно-страдательная форма: *Teb-Tenggeri-yin qoyinaca sögötke üldeba ke'et uyilaba* [SH, § 245] «„[Они] заставили меня встать на колени позади *Teb-Tenggeri*“, — сказал [он] и заплакал»; *bey-e belder...* [*ecig ek*]e-ecе *törögüldebei* [НС, 2а] «[Наши] тела... порождены [нашими] родителями»; ...*sayin ner-e tanu egüride aldarsiguldamui* [UM, с. 376] «доблестное (доброе) имя ваше будет прославлено навечно».

2. Побудительно-совместная форма: *sayin ecige-yin cinu nilqa nuntuq hüni butara 'ulcañi atuqai ke'ekdejü* [SH, § 242] «Пусть вечно будет дымиться очаг в родном кочевье младшего [брата] твоего доблестного родителя».

3. Взаимно-страдательная форма: *olan тауунлуу-а yabubusu ülü böged temeceldügdeküi* [НС, 22b] «Если [он] идет со многими нечестивыми, тогда [он] не должен ввязываться в общий (взаимный) спор».

4. Взаимно-побудительная форма: *Cinggis-qahan niken üdür Bүri-bökö Belgütei qayar-i abaldu 'uluуа ke'eba* [SH, § 140] «Чингис-хан однажды заставил *Bүri-bökö* и *Belgütei* я побороться».

5. Взаимно-побудительная-страдательная форма: *Qutuqar köbegün Sönlü üile-diür es-e barildayuldañi...* [UM, с. 235] «Третий сын не был допущен к управлению [общими] делами...».

6. Побудительная + побудительная — отмечена в устной речи современного монгольского языка [Бямбасан, 1970, с. 250–252].

Часть II

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В «Очерках» будут освещены не все вопросы, касающиеся синтаксиса языка текстов, а лишь те, которые дают общее представление об основных чертах и особенностях в построении предложения, формировании словосочетаний, развитии и изменении структуры синтаксических значений некоторых служебных глаголов.

1. ПОРЯДОК СЛОВ И ОСОБЕННОСТИ В ПОСТРОЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Любое предложение — это целостная единица речи, оформленная грамматически и интонационно по законам конкретного языка. Основной функцией предложения является функция коммуникативная, т.е. передача информации о действительности в каком-то определенном отрезке времени.

Простое предложение является самостоятельной синтаксической единицей — формой представления одного события, и оно «независимо от наличия в нем однородных членов, объединено общностью, единством своего предикативного ядра» [Виноградов, 1955, с. 423].

Именно категория предикативности, суть которой заключается в выражении синтаксического времени, категории модальности и лица, является главным конструктивным грамматическим средством, благодаря которому на базе языкового лексического материала строится предложение.

Категория модальности в монгольских языках передается формами наклонения глагола, различными модальными частицами, модальными словами, интонацией.

Категория времени выражается глаголами изъявительного наклонения, причастными и деепричастными формами, как правило, в соче-

тании со служебными глаголами или с предикативными частицами, содержащими временное значение.

Синтаксическая категория лица передается частично в некоторых повелительно-желательных формах, обозначающих то или иное лицо или лица.

Целостность и законченность предложения подкрепляется интонацией завершенности сообщения, которая «является обязательным сопутствующим элементом структурной схемы предложения» [Шведова, 1970, с. 545].

Анализ простого предложения осуществляется посредством выделения в его составе основных и второстепенных членов. Оно формируется двумя главными членами: подлежащим (имена существительные, местоимения, все субстантивированные части речи и словосочетания) и сказуемым (спрягаемые формы глагола, причастия и деепричастия с глагольными связками — служебными глаголами, имена существительные в форме их основы или в косвенных падежах, местоимения, числительные).

Основой в организации и формировании предложения, его главным конструктивным членом, сосредоточивающим в себе все основные свойства предложения, является сказуемое. Ему противопоставляются все прочие, среди которых особый статус занимает подлежащее, составляющее в паре со сказуемым главные члены, все прочие члены предложения относятся к второстепенным.

Одним из средств построения предложений, представляющих собой в смысловом и грамматическом отношениях строго организованные единицы, члены которых взаимосвязаны и взаимообусловлены, служит порядок слов, который тесно связан со всей грамматической структурой языка. В порядке слов проявляются правила соединения их в предложения: главные члены предложения — подлежащее и сказуемое, занимая определенные для них места, группируют вокруг себя все прочие его члены.

Важным фактором, определяющим порядок слов в том или ином языке, его строгую последовательность или возможность перемещения отдельных членов внутри предложения, является строй данного языка: наличие или преобладание в нем синтетических или аналитических элементов.

В языках синтетических, с хорошо развитой системой словоизменения и словообразования, в которых слово благодаря своей прозрачной морфологической оформленности сравнительно легко и быстро обнаруживает свою роль и синтаксическую функцию в предложении,

порядок слов является относительно свободным в том смысле, что каждый новый вариант размещения слов (если он не приводит к изменению грамматического значения слова) дает новые смысловые оттенки, т.е. новые высказывания на коммуникативно-смысловом уровне.

В языках аналитического строя и в тех, где слова морфологически в меньшей степени оформлены и грамматические отношения не могут быть выражены в пределах словоформ, порядок слов служит средством выражения грамматических отношений, т.е. синтаксическая функция слова определяется позицией слова в предложении.

Принадлежность монгольских языков к агглютинативным отражает и наиболее характерные черты и специфику построения предложения в этих языках. Главным и важнейшим фактором словорасположения служит здесь момент грамматический, суть которого состоит в том, что позиция слова или словосочетания в предложении определяется их грамматической ролью. Типичная модель размещения членов предложения характеризуется фиксированной позицией предикативного ядра — сказуемого, которое всегда должно завершать предложение. Подлежащему предназначена начальная позиция, в любом случае оно предшествует сказуемому, определения находятся в препозиции по отношению к определяемому, дополнения и обстоятельства располагаются перед поясняемыми словами.

Однородные члены предложения следуют один за другим без какого-либо грамматического оформления: *ebesün usun* [Н, IIa, 6v] «трава и вода» (= «трава и воды»); *tenggiri qajār* [Н, IIa, 1v] «Небо и Земля»; *qajār usun* [Н, IIb, 5v] «земля и вода».

За перечисленным рядом личных имен обычно следует числительное, указывающее на количество субъектов: *Be[l]günütei Bügünütei Buqu-qataqi Buqatu-sa[l]jī dörbe'üle abalčaba* [SH, § 23] «*Belgünütei, Bügünütei, Buqu-qataqi Buqatu-saljī* вчетвером (все четверо) [всѣ] разобрали между собой»; *niken üdür Temüjīn Qasar Bekter Belgütei dörben qamtu sa'uju* [SH, § 76] «Однажды *Temüjīn Qasar, Bekter, Belgütei* четверо (четыре) сидели вместе»; *Hö'elün-üjīn Örbei Soqatai jirin-e ügüleriin* [SH, § 70] «*Hö'elün-üjīn* сказала *Örbei* и *Soqatai* (*Örbei, Soqatai* двоим)».

Все составители грамматик и учебников по монгольским языкам описывают этот типичный для данных языков порядок слов, отмечая определенную стабильность в расположении членов предложения [Бобровников Ал., 1849, с. 199–212; Санжеев, 1934, с. 9–10; Санжеев, 1959, с. 81–82; Бертагаев, 1964, с. 66; Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, с. 158–159; Очиров, 1964, с. 156; Тодаева, 1960, с. 44–45, 68; Лувсан-

вандан, 1951, с. 14; *Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй*, 1989, с. 172–173].

Однако по ряду причин, как грамматических, так и стилистически-смысловых, такой порядок слов предстает не всегда строго выдержанным, т.е. он может нарушаться, что наблюдается и на материале языка древних текстов: порядок слов (SOV), являющийся для монгольских языков грамматической нормой, не был незыблемым.

Характерным в этом отношении является четырехязычный Арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб».

Зафиксированный в этом труде монгольский языковой материал признан самым важным из всех дошедших до нас аналогичных памятников XIII–XIV вв. как чрезвычайно ценный грамматический материал [Поппе, 1938, 5]. В монгольской части Словаря представлены не только отдельные монгольские слова, но и значительное количество целых фраз, в которых порядок слов не соответствует синтаксическим нормам монгольских языков: [VO]: *ačiraba ideküi-yi* [MA, с. 95] «[Он] принес еду»; [OVO]: *kirbičēr bosqaba quduyi* [MA, с. 219] «Из кирпича воздвиг колодец»; [VOS]: *abci orčiba tüni keyēr* [MA, с. 94] «Унес его степной дух».

Неестественный для монгольских языков порядок слов в данном Словаре можно объяснить влиянием немонгольских языков, «вероятно, тем, что оригинал переводился на монгольский и тюркский языки дословно и подстрочно» [Поппе, 1938, с. 5]. Однако зафиксированы примеры нестандартного словоупотребления и в других древних письменных источниках: [VS]: *irebei bida* [TD, с. 64] «Прибыли мы»; [VO]: *jebeleye imayi* [SH, § 147] «Вооружим его».

Свободным был порядок слов в предложениях, построенных по принципу аллитерации: [O₁SVO₂]: *qalq-a-dur činu bii tas bayiqulbai yeke-de tali* [UM, с. 388–389] «У ворот твоих стела была воздвигнута великолепно»; [SO₁VO₂]: *qamuq bügüdeger neres-iyen bičigülbei bii tas-tur qamtu* [UM, с. 387] «Все они свои имена заставили написать на стеле вместе»; [SVO]: *soyurqal kürtebei ükügsen ba amidu-dur* [UM, с. 388] «Благодарность достигла живых и мертвых».

В текстах зарегистрирована только одна вопросительная частица (в современном языке их две), которая маркировала вопросительные и риторические вопросительно-отрицательные предложения, не имеющие в своем составе иных вопросительных слов. Представлена она была несколькими фонетическими вариантами: -ü/-ǖ; -'ü/-'ǖ; -uu/-üü; -u'u/-ü'ü; -wü/-wǖ; -yü/-yǖ; -yu'u/-yü'ü.

В отличие от современных языков, где вопросительная частица всегда находится в постсказуемой позиции, завершая предложение, она использовалась и после любого из членов предложения, не исключая и отрицательных частиц *ese* и *ülü* «не», в целях придания высказыванию особой эмоциональной тональности и выразительности: *caq-u'ü qürba* [SH, § 248] «Вовремя ли прибыл?» (ср. перевод этого предложения на современный язык: *цагт ирэвүү?* [МНТ, § 248] id.); *arīyui-daki aylaγ-taki ingri-üü bui* [TD, с. 43, F 32v] «Пребывает ли божество в чистом краю в уединении?»; *olan-ta-wū quyu'ulju...* [SH, § 66] «Просить ли многократно?»; *Bi nidöni čimada ese'ü ügülele'e* [SH, § 104] «Разве я тебе не говорил в прошлом году?» (ср. в современном монгольском: *Би ноднин жил чамд хэлсэн бишүү?* [МНТ, § 104] id.); *namayü eγitü-yi ülü-'ü ŋ'aqu büle'e či ke'eba* [SH, § 145] «Разве ты не выдал бы [меня лежащим] вот таким образом?» (ср. в современном языке: *намайг энд ингээж хэвтэнэ гээж хэлэх байсан бишүү?* [МНТ, § 145] id.).

В структуре монгольских языков значительная роль в формировании глагольных аналитических конструкций отводится деепричастиям и причастиям.

В формировании таких конструкций обязательно участвует главный компонент — носитель лексического значения всей конструкции, в роли которого может выступать практически любой глагол в деепричастной или причастной формах и служебные (вспомогательные) глаголы, функция которых состоит в грамматическом оформлении глагольно-аналитических конструкций.

В качестве вспомогательных единиц использовались грамматикализованные и полуграмматикализованные формы служебных глаголов. К таким служебным единицам принадлежали и широко использовались глаголы *aqu* и *bökü/bükü* «быть, существовать, находиться»¹.

В современном монгольском языке эти два глагола (особенно глагол *aqu*) считаются архаичными, от которых сохранились лишь некоторые из существующих в языках деепричастных и причастных форм, тогда как в древности они имели полную (*aqu*) и почти полную (*bökü/bükü*) парадигму спряжения и функционировали иначе. Поэтому эти два глагола, их функции и трансформации на протяжении веков до полной грамматикализации целесообразно изложить подробнее.

¹ Все служебные или вспомогательные глаголы, начиная с первой Грамматики монгольского языка Я.Шмидта [Шмидт, 1832], находились и находятся в поле зрения монголоведов и в той или иной степени представлены практически во всех грамматических исследованиях по монгольским языкам (см. Библиографию).

2. ГЛАГОЛ *A-* (*AQU*) И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В древнем монгольском языке существовал глагол *a-* (*aqu*) «быть, существовать, находиться», который прошел в своей эволюции долгий и сложный путь: от лексически однозначного, полностью спрягаемого и синтаксически самостоятельного глагола при формировании предложения до превращения в служебную единицу — в одних случаях и до полной грамматикализации — в других.

Те же формы, «которые функционируют в современном монгольском языке, характеризуются, прежде всего, лексической опустошенностью, морфологической спаянностью и синтаксической зависимостью» [Пагва, 1961, с. 54].

Однако и в самых ранних памятниках монгольской письменности глагол *a-* наряду с основными глагольно-синтаксическими функциями уже широко и активно использовался в качестве служебного элемента в сочетании с именными, причастными и деепричастными глагольными формами.

Представляется, что можно рассматривать грамматические формы этого глагола и их использование в памятниках монгольской письменности XIII–XIV вв. не как исходные, а как представляющие собой результат эволюции еще более древних форм, ибо в самых ранних письменных зафиксированных текстах синтаксическое использование этого глагола, в отличие от других глагольных форм, шло уже по двум направлениям — синтаксически однозначному и служебному.

Корни глагола *a-* уходят в глубокую древность, и, поскольку его некоторые грамматические формы, например деепричастия *a-ra* (целевое) и *a-run* (цитатно-приготовительное), были неизвестны живым монгольским языкам и не находят объяснения на монгольской почве, можно предположить их заимствованный характер и заимствование самого глагола *a-*. Считается, что это имеет отношение к тюркским языкам, в которых существовали аналогичные монгольскому *a-* глаголы *ä-*, *är-* с таким же значением «быть, существовать». «Оба эти глагола, — как писал В.Л. Котвич, — не получили прочной основы для постоянного существования и находятся, особенно в живой разговорной речи, на грани исчезновения. Они уступили место другим глаголам с более конкретным значением» [Котвич, 1962, с. 217]. В монгольском языке это глаголы *bayi-* «быть, находиться» (если речь идет о состоянии покоя) и *yabu-* «ходить, двигаться» (при обозначении действия, связанного с движением).

В текстах XIII–XIV вв. зафиксированы почти все спрягаемые и некоторые залоговые глагольные формы глагола *a-* за исключением формы

многократного причастия *a.daq*, деепричастий — целевого *a.ra-*, разделительного *a.qad*, вместо которого использовалась форма *bö'et* от аналогичного по значению глагола *bökü* «быть, существовать», уступительного *a.bci*, сформировавшегося позже (к XVII в.) из изъявительной формы прошедшего времени на *-ba* и частицы *-ci*.

Таблица спряжения глагола *a-* (*aqi*)

Повелительные формы	<i>a.ya</i>	— optat. 1 л. [UM, с. 437; SH, § 200]
	<i>a.suqai (=a.suyai)</i>	— optat. 1 л. [H, с. 33; SH, § 124]
	<i>a.tugai (=a.tuyai) ~ a.dugai)</i>	— optat. 2 и 3 л. [H, с. 33; SH, § 96]
	<i>a.qṭun (=atqun)</i>	— optat. 2 л. мн. ч. [UM, с. 438; SH, § 191, 223]
Изъявительные формы	<i>a.mu — amui</i>	— pres. [H, с. 33; SH, § 103; TD, с. 22, F 3r]
	<i>a.ba ~ a.bai</i>	— pres. perf. [H, с. 33; SH, § 52; TD, с. 48, F39v]
	<i>a.lu'a ~ a.la'ai</i>	— pres.perf. [SH, § 44, 49]
	<i>a.ju'u ~ a.ju'ui ~ a.ji'ai ~ a.juyi</i>	— pres.imperf. [H, с. 33; SH, § 1; TD, с. 21, F 2r]
	<i>a.yu</i>	— pres.perf. [HC, 5a]
Причастные формы	<i>a.'ai</i>	— nom. imperf. [H, с. 33]
	<i>a.qu ~ a.qui</i>	— nom. fut. [H, с. 33; SH, § 16; TD, с. 21, F 2r]
	<i>a.qun</i>	— nom. fut. plur. [H, с. 33; SH, § 125]
	<i>a.qci ~ a.qcin</i>	— nom. pres. [Парва, с. 64]
	<i>a.qsan</i>	— nom. perf. [H, с. 33; SH, § 118]
	<i>a.qsat ~ a.qsad</i>	— nom. perf. plur. [SH, § 146]
Деепричастные формы	<i>a.n</i>	— conv. modale [HC, с. 33a–b; UM, с. 438]
	<i>a.ju</i>	— conv. imperf. [H, с. 33; SH, § 200; TD, с. 45, F 35v]
	<i>a.basu ~ a.'asu</i>	— conv. condit. [H, с. 33; SH, § 24 TD, с. 41, F 29v]
	<i>a.run</i>	— conv. preparat. [SH, § 26, 265]
	<i>a.tala</i>	— conv. term. [H, с. 33; SH, § 11; TD, с. 25, F7v]
	<i>a.qsa'ar ~ a:sa:ar</i>	— conv. condit. [SH, § 179, 196; TD, с. 29, F 12r]
Залоговые формы	<i>a.qda-</i>	— pass. [SH, § 201]
	<i>a.'ul-</i>	— caus. [SH, § 281]
	<i>a.ldu-</i>	— recipr. [SH, § 164]

Что касается четырех повелительных форм, то две из них — *a.tuqai* (*a.duqai*) и *a.suqai* — в своем исконном лексическом и синтаксическом значениях использовались предикативно в качестве самостоятельного сказуемого, например: *Adarqidai Qonqai, Dolongairdai Qongtaqar qoyar-i minu dergede atuqai* [SH, § 260] «Адаргинский Хонхай и Долонгирский Хонтахар пусть остаются при мне!»; *Ta setkil-tür aduqai... Ta ce'eju dотора minu aduqai* [SH, § 125] «Вы будьте в душе моей!.. Вы будьте в сердце моем!»; *...amuqulang-iyer e'üri asuqai* [H, IIa, 10v (2)] «будем пребывать всегда в мире (спокойствии)!»; *Bodončar... ükü'esü inu ükü'sügei, a'su inu asuqai ke'ju* [SH, § 24] «Бодончар сказал: „Если умирать, то пусть я умру, если жить, то пусть я буду жить!“». Ср. в совр. монг. языке: *Бодончар... үхвэл үхье амьдарвал амьдаръя* [МНТ, § 24], где глагол *a-*, как исчезнувший к этому времени в качестве лексически полнозначного и синтаксически самостоятельного, заменен синонимичным глаголом *amidaraqu* > *амьдрах* «жить, существовать».

Но следует отметить, что и в текстах XIII–XIV вв. сфера употребления повелительных глагольных форм, образованных от глагола *-a*, в служебной функции в сочетании с деепричастными глагольными формами была уже значительно шире: *sayid-i inu gürge'lün asuqai kemen* [SH, § 249] «лучших из них доставлю тебе!»; *ilč'in-iyen ilaldun av-a* [UM, с. 70] «Обменяемся нашими послами!»; *umartaqsan-iyen duratqalduju untaraqsan-iyen seri'ülülceñi ava* [SH, § 200] «напомним-ка друг другу забытое, разбудим-ка уснувшее!»; *Dalan turqa'd-i Ögöle-čerbi aqalañu atuqai Qudus-qalčan-lu' evetüldüñi atqun ke'ba* [SH, § 191] «Пусть Оголэ-чэрби командует семьюдесятью турхудами (дневная стража. — М.О.). Пусть советуется с Худус-Халцаном!» В переводе на современный язык формы *atuqai* и *atqun* заменены на *явтугай* [МНТ, § 191]. Равно как и *ауа* на *явъя* [МНТ, § 200] — от основы глагола *yabu-* «идти, ехать; быть, являться» > *яв-*.

Формы *a.ya*, *a.tqun*, *a.suqai* исчезли из современного монгольского языка. А форма *a.tuqai*, утратив свои качества полноценной в лексическом и семантическом отношениях единицы, сохранилась только в срединных позициях после именных и причастных словосочетаний или отдельных слов, причем в сочетании с уступительной частицей *ч* (< *čü*), которая могла находиться как в *постпозиции*, так и в *препозиции* по отношению к *atuqai*: *...nidün-dü üjēgdegsen öcūken jūjūg ebesün ču atuqai temege metü qaraqdan* [Пагва, 1961, с. 63] «хотя бы даже мелкие травы появились перед глазами верблюда»; *нэгэн нууц зүйл, хэдий бат хадгалагдсан атугай ч...* [Пагва, 1961, с. 63] «несмотря на то что прочно хранилась какая-то тайна...».

В сочетании с отдельными словами форма *atuqai* стала передавать значение, которое сводилось к роли своего рода союзного слова уступительного содержания: *хэн ч атугай* «хоть кто», «хоть кто бы то ни был», *хээээч атугай* «хоть когда», «хоть когда бы то ни было», «в любое время» [МРС, с. 47]; *ямар атугай ч үзсүгэй* [Цэв., с. 57] «как бы то ни было (в любом случае), увижу».

В состав изъявительных глагольных форм входила отсутствующая в современном языке форма *а.уи*, которая широко использовалась в разных временных планах настоящего-будущего времени с ярко выраженным модальным значением достоверности, убежденности или необходимости в совершении обозначенного в глагольной основе действия. Использовалась эта форма чаще всего в текстах с различного рода поучениями и наставлениями и когда совершение того или иного действия не подлежало сомнению. Это, например, текст Hsiao Ching (в монгольском переводе — «Тахимдаху бичиг» или «Ачлалт ном»), излагающий каноны поведения человека, особенно в отношениях между родителями и детьми. Это и текст «Сокровенного сказания», в котором также содержится много разного рода наставлений, например: *...tegünčilen nasuda noyalaqu nereber avu. ...tegünčilen nasuda buyan-iyar kii avu* [НС, 5а] «...в таком случае они навсегда сохраняют свой княжеский чин (имя). ...в таком случае они навсегда сохраняют также свое богатство»; *dayisun gü'ün... beye-'en ni'uju kele-ben bučayū avu* [SH, § 147] «враг скрывает свою личность (тело) и придерживает свой язык».

Прочие изъявительные формы: настоящего-будущего времени *a.tu/a.tui* и прошедшего времени *a.ba/a.bai* и *a.lu'a*, вошедшие со временем в разряд пассивных, использовались как самостоятельно в формировании сказуемого, так и в качестве служебных компонентов, содержательную часть которых составляли имена и деепричастные глагольные формы: *Basa čöl qājar-a görö'esün-eče busu ülü amui* [SH, § 247] «Также в пустыне никто не обитает (не находится), кроме диких животных»; *Mongqol ba kitat ilqal ügei neyide abai* [Н, IIa, 3v (4)] «Монголы и китайцы, без отличия, находились рядом»; *...ger dar'u Adangqa-Uriyangqadai gü'un alu'a* [SH, § 44] «человек *Adangqa-Uriyangqadai* всегда находился в юрте»; *qamūq mongqol-i Qabul-qahan meden aba* [SH, § 52] «Всеми монголами правил *Qabul-qahan*»; *Edö'e basa Sirqan-sira namayū üjeju ülü ja'an nökcün aba* [SH, § 84] «Сейчас *Sirqan-sira* снова увидел меня, но не выдал и прошел мимо»; *...dörben mören-dür unayṣad-i yaryaqūi čay inu bolju amui* [TD, с. 22, F 4r] «Сейчас настает время вытащить упавших в четыре реки».

В тексте SH зафиксированы следующие залоговые формы глагола *a-*: 1) побудительного (caus.) ...*ulus irgen-ü köl köser-e qar qaĵar-a talbi'ulĵu a'ulba* (§ 281) «...[я] позволил народу поставить ноги на почву (грунт), руки на землю»; 2) страдательного (passiv): ...*gönĵile-de'en qaĵaldajū aqda'ĵū'u-je* (§ 201) «...ведь [мы] укрывались (были укрываемы) своим одеялом»; 3) взаимного (recipr.): *Teyin üge baraldajū amara'alin alduba* (§ 164) «Веря своим словам [они] жили в обоюдном согласии (любви)».

Как отмечено выше, синтаксическое использование глагола *a-* шло в двух направлениях: самостоятельном (в своем исходном лексическом значении и грамматических формах) и служебном, т.е. при оформлении именных и глагольных сказуемых, что привело со временем к приоритетному использованию его в служебной функции. При этом некоторые грамматические формы совершенно исчезли из современного языка: *alu'ai*, *alu'a*, *ayu*, *an*, *aqsa'ar*. Сохранившиеся считаются омертвевшими или вошли в разряд пассивных, пережиточных — *amu*, *amui*, *aba*, *abai* и функционируют исключительно в качестве связочного материала в составе именных и причастных сказуемых.

Предикативно используемые имена существительные (включая собственные имена), числительные, причастия и деепричастия часто сопровождалась различными фонетическими вариантами формы давнопрошедшего времени *a.ĵū'u* / *a.ĵū'ui* / *a.ĵūqu* / *a.ĵūyai*: *Naqu-bayan kö'ün-ben Bo'odorċi-yi ĵa[b]qaĵū nisun nilbusu-bar aĵū'u* [SH, § 93] «*Naqu-bayan* проливал слезы (был в слезах) по своему утраченному сыну»; ...*e'enekċe qoyimar qaraqū aĵū'u* [SH, § 165] «[она] всегда должна была глядеть в передний угол»; *Ene bulqalduċi ĵirgin-u Qadaq ba'atar aĵū'u* [SH, § 125] «Этот вояка был джиргинский *Qadaq ba'atar*»: *sayin gü'ün-ü kö'ün aĵū'u-je* [SH, § 135] «Он был ведь сыном хорошего человека»; ...*ebüge inu ĵong gen neretü aĵūqu* [UM, с. 221] «Предка его звали (был с именем) *ĵong gen*»; *Qoyin-a basa ki küi wusin ner-e wungsinglaqsan aĵūyai* [UM, с. 230] «Позже было также добавлено звание *ki küi wusin*»; *taiċi'ut sakiĵū aĵū'u* [SH, § 80] «Охраняли Тайчуды»; *Jamuqa Ong-qan-lu'a qamtu ayisulċajū ayisun aĵū'ui* [SH, § 170] «Джамуха и Ван-хан приближались вместе»; *Aċi köbegün inu taban aĵūqu* [UM, с. 380] «Сыновей у него было пять»; *Imada-ċa ĵirquqan köbegüd töregsen aĵūqu* [UM, с. 379] «От нее родилось шесть сыновей».

В современном монгольском языке сохранился разговорный вариант формы *aĵūqu* / *aĵūqai* > *aĵi* с некоторыми функциональными изменениями. Так, если прежде форма *aĵūqu* и ее фонетические варианты употреблялась тогда, когда надо было передать значение прошедшего

(давнопрошедшего) времени, то *ajï* (в современной орфографии *ажээ*) утратила эту способность и используется главным образом в тех случаях, когда контекст нуждается в экспрессивно-модальной окраске и передает значения: «оказывается», «оказывается уже», «уже». Этот оттенок в значении *ажээ* обязан своему в прошлом временному значению, которое в монгольских языках тесно переплетается с модальным. Поэтому и в современном языке в некоторых случаях модальная окраска все еще содержит и временной оттенок, ср.: *Дорж явсан байна* «Дорж ушел (недавно, только что)», но: *Дорж явсан ажээ* «Дорж, оказывается, ушел (уже давно)».

В современном монгольском языке *ажээ* используется только в качестве модально-временной связки с преобладанием модального значения [Пагва, 1961, с. 68].

По-видимому, очень редко (встретилась в единственном случае) использовалась форма слитного деепричастия на *-n* — *-an*: *...uridus-un sür sünesün mün tendeken-e ülegü uqañi an bui* [НС, 33b] «...только тогда величественные духи предков не проявляют [себя] [Орловская, 2000, с. 108].

Отсутствовала в древних текстах и форма целевого деепричастия *a.ra*, хотя от основ любых других глаголов деепричастная форма на *-ra* использовалась активно.

Широко применялась форма *a.run* — цитатное, или приглаголительное, деепричастие, которое, как считалось, образовывалось от некоторых так называемых «речевых» глаголов, хотя на самом деле круг глаголов, служивших основами для образования этой формы, был довольно широк, при этом использовалась она не только как приглаголительно-цитатная, но и во многих других синтаксических функциях [Орловская, 1985, с. 80–86].

Например: *idekii ide'en ügei arun... görö'esün mariyañu garbuñu alañu ideldü'et...* [SH, § 26] «когда не было еды, [он] стрелял по ущельям и питался [остатками] загнанных туда волками зверей»; *Ene üge-yi Cinggis-qahan-a gürge'esü Cinggis-qahan mariya qala'un arun ügülerün* [SH, § 265] «Когда Чингис-хану донесли эти слова, [он] был еще горяч [от возбуждения] и сказал...»; *...Ge'ü-ben sa'an arun nambuqa sa'ul[u]qa-ban ke'ere bürgüñi...* [SH, § 205] «[Он] спрятал в степи свои подойники и кадки, в которые доил своих кобылиц».

Формы *a.ra* и *a.run* были неизвестны живым монгольским языкам, что предполагает их заимствованный характер, и самого глагола *a-* (как уже упоминалось выше). Тюркские глаголы *ä-* / *är-* имели широкий круг значений: от собственно глагольного до причастно-именного.

Подразумевается, что и монгольские формы *a.ra* и *a.run* имеют отношение к этим тюркским глаголам.

Что касается суффикса *-ra* в форме *a.ra*, то все исследователи, как писал В.Л. Котвич, «единодушно рассматривают его как показатель дательного падежа тюркского аориста», но сама форма возникла на монгольской почве [Котвич, 1962, с. 286].

Относительно происхождения формы *arun* мнения существенно расходились. Предложение рассматривать ее как форму родительного падежа того же аориста вызывает большие сомнения, поскольку нельзя объяснить, каким образом монгольский формант род. п. *-un* образовал деепричастие с различными синтаксическими функциями, далеко отходящими от основной синтаксической функции этого падежа, которая состоит в выражении грамматической (главным образом, определительной) связи между именами, не говоря уже о других его функциях в сложных синтаксических конструкциях, где этим падежом может быть оформлено имя в роли субъекта действия.

Но поскольку тюркский глагол *ār-* имел широкий спектр функций, то его причастная сущность вполне годилась для образования деепричастной формы на *-n*, которая имеется в монгольском языке.

Но на монгольской почве форма *a.run* не прижилась. И само цитатно-предварительное деепричастие, как форма архаичная, уже отсутствует в грамматиках по современному монгольскому языку, хотя некоторые застывшие формы типа *ügülerün* «сказал; когда произнес», *öcürün* «почтительно произнес» еще могут встречаться в художественных произведениях современных писателей [Пагва, 1961, с. 70].

Форма соединительного деепричастия *a.ǰu* выступала прежде как самостоятельная глагольная форма, например: *aǰu ber üküǰü ber ya'u qaqačaqun tede ke'eba* [SH, § 172] «как они могут разлучиться [друг с другом], будь они живы или мертвы?»; *edö'e niken-e qamtu aǰu umartaqsan-ıyan duratqalduǰu untaraqsan-ıyan seri'ülülceǰü aya* [SH, § 200] «Сейчас [мы], будучи вместе, давайте вспомним свое забытое, разбудим свое уснувшее!», но утратив свои вербальные качества, она субстантивировалась и стала употребляться в составе устойчивых словосочетаний: *аж амьдрал* «жизнь, существование»; *аж ахуй* «хозяйство»; *аж байдал* «образ жизни, бытие, жите-бытие»; *аж үйлдвэр* «промышленность, индустрия»; *аж төрөх* «жить, существовать» и т.д.

Форма условного деепричастия *a.basu* > *a.'asu* [SH], используемая прежде как самостоятельная глагольная форма: *a'asu inu asuqai ke'eǰü* [SH, § 24] «если жить, то будем жить!»; *...ede dörben külü'üd-ıyen dergedegen a'asu...* [SH, § 209] «...если эти четыре моих рысака будут рядом

со мной...», в современном языке, сохраняя значение условности, превратилась в своеобразный послелог², сопровождая именные или причастные словосочетания: *jalaluqsan abasu* «если бы развернул»; *ene iöri-dü abasu...* (досл.: «если этому государству») [Пагва, 1961, с. 68].

Форма *atala* (деепричастие предела), хотя и сохраняла еще свое первоначальное глагольное значение, например: *Da neretü qajar-a sa'uhü atala* [Н, IIb, 14г (5)] «во время пребывания (в то время как, живя, находился) в местечке под названием *Da*», все же чаще использовалась в качестве компонента наречно-временных сочетаний: *qurumut atala Mönglik-ečige dolo'an kö'üt-lü'e-ben irejü...* [SH, § 245] «Вскоре подыехал *Mönglik-ečige* с семью своими сыновьями»; *basa garumut atala basa niken gü'ün avisu gürcü* [SH, § 173] «также тем временем (вскоре) приблизился еще один человек»; *Tevin atala nigen çay-tur bodisdv ene edür bi...* *odsuyai kemen* [TD, с. 25, F 7v] «Тем временем однажды Бодхисаттва решил в этот день уйти»; *Tedüi atala Duwa-soqor aqa inu ügei boluba* [SH, § 11] «Тем временем (вскоре) их старший брат *Duwa-soqor* скончался».

В современном языке сфера употребления формы *atala* значительно сузилась, и она заменяется другими глаголами с аналогичным значением *bayitala* > *байтал*, *bögetele* > *бөгөөтөл*: *Чи хийх үрэгтэй байтал яагаад эс хийв* [Цэв., с. 68] «Несмотря на то что обязан сделать, почему не сделал?»; *Тарган мах бөгөөтөл амтгүй* [Цэв., с. 96] «Хотя мясо и жирное, но невкусное».

Что касается причастных форм, то судьба их сложилась по-разному.

Причастная форма настоящего времени *aqčī* (мн. ч. *aqčīn*), называемая в монгольской литературе также однократным причастием, в современном языке как глагольная форма почти вышла из употребления. В единичных случаях она сохранилась в исконно причастном («находящийся») значении как «книжная»: *уулын оройд агч гачуур* [МРС, с. 23] «ель, растущая (находящаяся) на вершине горы».

Все другие глагольные основы с суффиксом *qčī* > *-гч* сейчас активно закрепляются в субстантивном значении: *сурагч* «учащийся, ученик» < *сур-* «учиться, обучаться», *нийлүүтэгч* «поставщик, снабженец» < *нийлүүл-* «снабжать, доставлять», *зохиогч* «создатель, творец, автор» < *зохио-* «сочинять».

Что касается трех форм причастия будущего времени (*aqu*, *aqui*, *aqun*), то они, имея некоторые различия в лексико-грамматическом плане, прошли и разные пути в своей эволюции.

² Точнее: своеобразное союзное слово.

Форма *aqi* наиболее часто использовалась в качестве служебно-связочного элемента в составе именных и глагольных сказуемых: *ya 'un ĵewiidün aqi* [SH, § 63] «что это есть за сон?»; *ker aqi ke 'en* [H, IIb, 9v (4)] «кто это есть?»; *ger dotora ĵaruĵu aqi büle 'ei* [SH, § 16] «[он] прислуживал в юрте»; *dörben mingat uru 'ud-ıyan ċi medeñi ülü-ü aqi ċi* [SH, § 208] «разве ты не правишь четырьмя тысячами урутов?», а также выполняла определительную функцию: *qan qan aqi qayırqana bi buu-ĵe* [SH, § 160] «Хан, хан! Я ведь подобен жаворонку, находящемуся [в одном месте]».

В современном языке она практически вышла из употребления и лишь иногда встречается в атрибутивном значении в переводных произведениях, особенно поэтических. Но, как правило, вместо нее употребляется форма *бий* < *bui* «есть, иметься, находиться» [Владимирцов, 1929, с. 119].

Форма *aqi* в сочетании с деепричастными формами выполняла служебно-связочную роль в глагольных сказуемых: *sayıqan dayun-ıyar donıod-un aqi* [TD, с. 21, F 2r] «[Птицы] издавали прекрасные звуки (прекрасными звуками ворковали)»; *Činggis qahan busut-tur kilinglañu aqi* [SH, § 244] «Чингис-хан был зол на других»; *adu 'un ide 'en-e haran tutqar-a aqi* [SH, § 39] «получили достаточно провизии и людей для обслуживания [и место] для проживания».

Но поскольку эта форма была более «именной» по сравнению с другими ее вариантами, в современном языке она подверглась субстантивации в значении «бытие, существование; нахождение, пребывание» и в этих значениях стала употребляться как самостоятельно: *намайг гэртээ ахуйд энэ мэт сонсогдов* [Цэв., с. 58] «когда я был (при моем нахождении) дома, послышалось нечто подобное», так и в устойчивых именных словосочетаниях: *ахуй байдал* «быт, образ жизни»; *ахуй болзол* «жизненные условия»; *аж ахуй* «хозяйство»; *нийгмийн ахуй* «общественное (социальное) бытие».

Форма *aqun*, как форма множ. числа, употреблялась при согласовании с подлежащим во множ. числе. Использовалась она как в роли самостоятельного сказуемого, так и в служебно-связочной функции в сочетании с именами или причастно-деепричастными глагольными формами, иногда в сочетании и с другой глагольной связкой, уточняющей время действия: *mongqol qan üge 'ün ker aqun ta* [SH, § 126] «как вы, монголы, можете быть без хана?»; *teyin bögesü ya 'utan aqun tede* [SH, § 189] «если это так, что они имеют, [чтобы бояться]?»; *Ta qoyar urida baviqsa'ar ede bügün-i aqalaqu ülü 'ü aqun ta ke 'eba* [SH, § 125] «Вы двое, которые всегда были при мне, разве не будете во главе всех (всего)?»;

Ede dörben üjĕksen-i'en sonosuqsan-ıyan ülü ni'ün qabĕin jĭ'an aqun büle'ei [SH, § 216] «Эти четверо не скрывали увиденного и услышанного»; *ıqaqsan setkiksen-ıyen kelelen aqun büle'ei* [SH, § 216] «[они] всегда докладывали [мне] свои думы и мысли».

В современном языке форма *aqun* исчезла, поскольку отсутствует грамматическая категория согласования в числе.

Причастная форма прошедшего времени *aqsan* (*aqsat* — мн. ч.) использовалась в качестве атрибутивной: *ĵamuqa-lu'a aqsat ĵadaran qataqin salĵi'ut dörben tayiĕi'ut onggirat ki'et tende gü oroba* [SH, § 196] «Джадараны, Хатагины, Салджуты, Дорбены, Тайчиуты, Онгираты и другие (племена), которые были с Джамухой, отправились туда же»; а также в сочетании с деепричастиями: *quriyuĵu aqsan ulus...* [SH, § 167] «собранное государство (народ)»; *urida meden aqsan Alĕidai Qongqortaqai qoyar...* [SH, § 278] «*Alĕidai* и *Qongqortaqai*, которые прежде ведали [ими]...»; *öĕin melĕen aqsat sarta'ul irgen-ü soltan...* [SH, § 260] «Солтан сартулов, которые отказались подчиниться [Чингис-хану]»; *hiĵa'ur-un darun aqsan he'üid-ün siba'ut* [H, II b, 5v] «еще сидевшие в гнездах соколы (досл.: дверные птицы)».

В функции предиката в конечной позиции форма *aqsan* сопровождалась служебным компонентом, уточняющим временную соотношенность действия к прошлому: *...kereyid-ün ĵaqa-qambu ĵirin ökid-ü'en siltag-ıyar ö'er-ün qariyatan ulus-ıyar-ān tumtaqa aqsan aĵ'u-ĭe* [SH, § 208] «кереитский *ĵaqa-qambu* принял в расчет доводы двух своих дочерей и остался полностью со своим собственным народом».

В современном языке употребление формы *aqsan* в атрибутивной и предикативной функциях не прослеживается. Однако она используется со всеми именами и причастными формами в конечных позициях, придавая последним темпоральный оттенок прошедшего времени.

Произошла и ее внешняя трансформация — *aqsan* > *san*, т.е. апокопирование начальных звуков *a* и *q* (*y*). Явление апокопирования звуков и целых слогов было отмечено еще Б.Я. Владимирцовым и рассматривалось как влияние живой речи на литературный язык [Владимирцов, 1929, с. 331; 419].

В данном конкретном случае утраченными оказались сама глагольная основа *a-* и начальный согласный суффикса причастия прошедшего времени *-q-* (*-y*), т.е. *-qsan* (*-ysan*) > *-san* (*-сан*). Эту преобразованную форму, проникшую в язык из живой разговорной речи, на материале бурятского языка наряду с другими частицами исследовал Т.А. Бертагаев. Он назвал эту грамматикализованную форму частицей-суффиксом, или суффиксоидом-частицей, выполняющей предика-

тивную функцию и придающей оттенок бытования признака или предмета в прошлом [Бертагаев, 1961, с. 86].

В современном монгольском языке *-сан* < *-san* представляет собой своеобразную морфему, подчиняющуюся, как и прочие монгольские суффиксы, гармонии гласных. Она употребляется при именных и глагольных сказуемых в качестве показателя прошедшего времени, а также при формировании сослагательного наклонения.

Принадлежность же этой формы к частицам все же следует исключить, поскольку частицы не подчиняются гармонии гласных, не влияют на синтаксическую функцию членов предложения (в данном случае временную принадлежность), а лишь придают им или предложению в целом модально-смысловые оттенки.

В отличие от частиц, *-сан* (*-сан*), как правило, находится в слитном написании с лексической единицей, выполняющей функцию предиката: *санаа минь сайхансан, мөрөөдөл хүсэл минь ихсэн* [Цог., 1959, № 2; 29] «мысли мои были прекрасны, мои стремления были велики...» (*сайхансан* < *сайхан* + *-сан* < *агсан* (*aqsan*); *ихсэн* (*их* + *сэн*) < *их* + *-сан* < *aqsan*); *ухалаг хүүсэн* [там же] «умный был мальчик» (*хүүсэн* < *хүү* + *сэн* < *aqsan*); *гучин хоёр жилийн тэртээсэн* [УЗУ] «это было 32 года тому назад» (*тэртээсэн* < *тэртээ* + *сэн* < *aqsan*).

Тексты XIII–XIV вв. свидетельствуют, что существовавшая уже тогда функциональная дифференциация глагола *а-* была нормой. Постепенное вытеснение его глагольной сущности, замена самостоятельной синтаксической функции служебной вели к качественному изменению сути самого глагола, выветриванию лексического содержания и преобразованию его не только в служебную единицу, но в конечной стадии к грамматикализации отдельных форм или полному исчезновению из современного языка.

Эволюция этого глагола свидетельствует, что его спрягаемые формы вели себя по-разному и степень их грамматикализации не одинакова. Одни полностью утратили свою лексико-синтаксическую самостоятельность, превратившись в своеобразную морфему, подчиняющуюся гармонии гласных: *-aqsan* > *-san* (*-сан*), другие, как, например, форма соединительного деепричастия *аји*, утратив свои вербальные качества, субстантивировались и употребляются ныне в составе устойчивых именных словосочетаний: *-аји* > *аж байдал* «образ жизни, бытие».

3. ГЛАГОЛ *VÜKÜ/VÖKÜ*, ЕГО ФУНКЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ СПРЯГАЕМЫХ ФОРМ

В письменных текстах XIII–XIV вв. зафиксированы следующие спрягаемые формы этого глагола:

Повелительные формы	<i>bü.tügei</i> <i>*bü (*bö)</i>	— optat. [H, c. 44; SH, § 76]; в качестве optat. не зафиксирована
Изъявительные формы	<i>bü. le 'e ~ bü. le 'ei ~</i> <i>bü.lüge ~ bü.legei ~</i> <i>bü. ligi ~ bü.liyi</i>	— pres. perf. [H, c. 44; SH, § 3, 121, 251 и др.; TD, c. 40, F 29r]
	<i>bü.jü'üi</i>	— pres. imperf. [SH, § 110]
	<i>bu.yu</i>	— pres. perf. [H, c. 44; SH, § 6; UM, c. 360]
Причастные формы	<i>bü.kü~ bü.gü~</i> <i>bü.küi ~ bö.küi</i>	— nom. fur. [SH, § 86; H, c. 44; HC, 11a; UM, c. 365; TD, c. 21, F 2r]
	<i>bü.kün</i>	— nom. fut. plur. [H, c. 44; SH, § 35]
	<i>bü.ksen</i>	— nom. perf. [SH, § 155]
	<i>bu.i</i>	— nom. pres. [SH, § 35; H, c. 43; UM, c. 364]
Деепричастные формы	<i>bü.jü</i>	— conv. imperf. [SH, § 189]
	<i>bü.'et (= bü.'ed) ~</i> <i>bü.ged~bö.ged</i>	— conv. perf. [H, c. 44; HC, 9b; UM, c. 363; TD, c. 36, F 24r]
	<i>bö.esü ~ bü.gesü</i>	— conv. condit. [H, c. 43; HC, 32b; TD, c. 26, F 8r]
	<i>bü.getele ~ bö.'etele ~</i> <i>bö.getele</i>	— conv. term. [H, c. 43; SH, § 109; HC, 13b; UM, c. 385; TD, c. 29, F 12r]
	<i>bü.rün ~ bü.r-ün</i>	— conv. prepar. [SH, § 59; TD, c. 22, F 3v]

Что касается **bü* и *bütügei*, то как императивные глагольные формы в современном монгольском языке они не сохранились и функционируют только как отрицательные частицы при повелительном наклонении в значении ‘не’.

При этом *bü* как частица была представлена в ранних монгольских текстах в четырех вариантах:

1) *bu: ta ber bü a[b]ču yabutqun ke'et* [SH, § 72]

«Вы не берите [их] с собой!»

2) *bü: bü ki* [MA, c. 87] «не делай!»

3) *buu*: *sayin ner-e-yi buu quduqadqun* [UM, с. 369]

«не позорьте добрые имена [предков]!»

4) *büü*: *γayca Belgütei-yi minu büü tebcidkün* [АТФ, № 546]

«Только *Belgüte*'я моего не лишайте жизни!»

Эти варианты широко использовались и в других монгольских языках и диалектах. Но поскольку в языке существовали изъявительная форма настояще-будущего времени *buu* и причастная *bui*, отличающиеся вокализмом первого слога, среди монголоведов вставал вопрос — являются ли эти формы самостоятельными глагольными корнями, генетически не связанными между собой, или это фонетические варианты одного глагольного корня *bü-*.

Б.Я. Владимирцов, считавший, что глагол *bu-i* не имеет ничего общего с глаголом *bükiü*, с его основой *bü-*, все же признавал возможность происхождения корневых морфем *bü-* и *bu-* из одного общего архетипа: **bī > bu-*: *bi-* = *bü-*: *bi-* [Владимирцов, 2005, с. 59–65; 96, 580–582].

Ученый обратил также внимание на то, что у ойратов (западных монголов) в их старых и новых рукописях отрицание при повелительном наклонении чаще всего встречается в форме *bü*.

Ответ на вопрос, можно ли считать форму *bü* общемонгольской и «откуда взялось столько разных вариантов одной и той же частицы», Б.Я. Владимирцов увязал с особенностью уйгурской письменности.

В уйгурском алфавите, состоящем всего из 14 знаков, не было букв для обозначения огубленных гласных *o*, *ö* и *u*, *ü*.

Гласные *o* и *u* передавались сочетанием двух знаков *alēph + waw*, а *ö* и *ü* — тремя знаками *alēph + waw + yod*.

При изображении конечного *ü* в односложных словах последних, т.е. *yod*, мог читаться как *i*. Во избежание этого монголы в подобных случаях конечный *ü* стали обозначать через два *u*, т.е. вместо *bü* (но и *bui*) стали писать *buu*. Так появилась форма с двумя (но уже твердоязычными) *u* (*uu*).

Западные монголы-ойраты благодаря «ясной» Заяпандитской письменности имели возможность передавать конечный *u* в односложных словах, поэтому форма *bü* встречалась там чаще.

«Таким образом, — отвечал на поставленный вопрос Б.Я. Владимирцов, — на основании форм как живых монгольских наречий, так и косвенных монгольских и ойратских, можно думать, что общей формой этой частицы отрицания при повелительном наклонении была **bü*». Исходя из этой предпосылки, ученый предполагал, что отрицательная частица **bu*, употребляемая при повелительном наклонении является формой imperative [Владимирцов, 2005, с. 59–61].

Различные же корневые основы: *bü-, bö-, bu-* в спряжении глагола *bükü*, возможно, объясняются особенностями уйгурской письменности, которые закрепились в написании этих словоформ.

По наблюдениям венгерского алтаиста L. Bese, глагол *bü-* в значении «быть» сохранился лишь в письменном монгольском языке, но его следы в разговорных диалектах не прослеживаются. На этом основании ученый предполагал, что еще в среднемонгольский период глагол *bü-* исчез из разговорного языка и сохранился как мертвая форма благодаря письменным памятникам [Bese, 1974, p. 3–8].

Но в среднемонгольский период в письменном языке еще употреблялась форма *ortat. bütügei* как с положительным, так и отрицательным (запретительным) значениями, о чем свидетельствуют следующие предложения:

1) ...*aqa bütügei qorumut bayi* [SH, § 131] «...старший брат, остановись (не действуй), подожди немного!»;

2) *Açig-Sirun ügülerün qan qan bütügei* [SH, § 174] «*Açig-Sirun* сказал: „Хан, хан! Откажись (не делай так)!“»;

3) *Ker tebçigü inu ese uqaqsan-tur bütügei* [SH, § 242] «Как можно действовать без него, он не думал о последствиях, пощадите [его] (= пусть [он] будет)»;

4) *Anggida golo büjü bütügei* [SH, § 189] «[Лучше] быть подальше [от них]»;

5) ...*erte Alan-eke-yin tabun kö'üt metü yekin eye üge'ün bui ta bütügei* [SH, § 76] «Почему вы не живете в согласии, подобно пяти сыновьям жившей в прежние времена *Alan-eke*? Не делайте (не поступайте) так!».

Как видим из этих пяти предложений в двух случаях *bütügei* имеет положительное значение, а в трех — отрицательное и пока еще сохраняет свою глагольную сущность, т.е. не превратилась в отрицательную частицу.

Б.Я. Владимирцов предполагал, что в качестве отрицательной частицы при повелительном наклонении форма «*bimegei*» < **bümegei* (II «*bajmyhai*») попала в монгольскую письменность в сравнительно новое время (старые тексты ее не знали) из живой речи, где старая форма **bümegei* уже изменилась и перестала восприниматься как *ortativ* от глагола *bü* [Владимирцов, 2005, с. 53–60].

Но из приведенных выше примеров видно, что в XIII в. форма *bütügei* употреблялась в двух функциональных значениях: «пусть будет» и «не будет; нельзя». И лишь к XVII в. *bütügei* как глагольная форма с негативным значением стала необычной и непонятной, о чем

свидетельствует текст памятника XVII в. «*Altan tobči*», где, как известно, изложены целые главы из SH (XIII в.). Например: ...*erte Alan-eke-yin tabun kö'ün metü yekin eye üge'ün bui ta bütügei* [SH, § 76] «Почему вы не живете в согласии, подобно пяти сыновьям жившей в прежние времена *Alan-eke*. Не делайте (не поступайте) так!». Почти дословно это предложение изложено в тексте АТ. Однако в это время *bütügei* как глагольная форма с отрицательным значением уже была необычной, поэтому автор хроники Лувсанданзан в строке над словом *bütügei* поставил поясняющие глоссы: [*teyimü büü üiled* «не делайте так»].

И в других предложениях из SH, где использована глагольная форма *bütügei* с негативным значением (§ 131, 174), в АТФ над этим глаголом стоят поясняющие глоссы (*büü üiled*) «не делай», (*teyimü busu*) «не (делай) так» [АТФ, № 1152, 2020].

Однако возникает вопрос, как у положительного значения глагола *büi*- «быть» возникло негативное «не быть».

Л. Bese предложил свое объяснение этому явлению через первоначальное употребление для запрещения двойного повеления, приведя пример: *Anda bü ayu* «Анда, не бойся! [= Анда будь бойся!]».

По мнению автора, трансформация положительного значения глагола *büi*- в негативное не представляла семантической проблемы. Вопрос был лишь в том, когда повелительное *büi* оторвалось от своего собственного значения и стало самостоятельной частицей с запретительным значением «не», т.е. «будь» > «не будь». Ученый считал, что поскольку в среднемонгольский период глагол *büi*- «быть» отсутствовал в разговорном языке, а сохранялся как мертвая форма в письменных памятниках, то его первоначальное значение постоянно стиралось как следствие употребления в другом запретительном значении [Bese, 1974, с. 3–4].

Отметим, что в монгольских языках известны случаи противоположного явления, когда употребление двойного отрицания, двух отрицательных частиц при одном глаголе выражало утверждение. Конструкция с несколькими отрицаниями ведет к полной утрате негативного смысла и превращению через этот этап «отрицания отрицания» в позитивное утверждение [Пюрбеев, 1975, с. 329–330].

Подтверждением того, что негативное значение может превращаться в позитивное утверждение, могут служить имена со словообразующим суффиксом *-msAr*, состоящим из имяобразующего суффикса *-m* и суффикса с отрицательным значением *-sAr*, который этимологически соотносится с отрицательным суффиксом *-siz/-siz*, *-sur/-sür*, *-sar/-sār*, общим для всех тюркских языков [Hashimoto Masaru, 1984(85), с. 421–424].

Посредством этого суффикса в монгольском языке был образован ряд отглагольных имен, первоначально отрицательного значения, что зафиксировано в текстах XIII–XIV вв. Например: *uqamsar* [SH, § 240; Н, IIa, 19v] «неизведанный, непонятный» < *uqa-* «понимать, разуместь»; *ölösümser* [SH, § 56] «не голодающий, не испытывающий голода» < *ölös-* «голодать, быть голодным».

Но в XVII в. имена на *-msAr* имели уже положительное значение, а для передачи отрицательного к ним добавлялось слово-отрицание *ügei* «не», «нет», употреблявшееся с именными формами: *uqamsar seremser ügei* [АТФ, № 3199] «не разумеющий, не пробуждающийся».

Ср. в современном языке: *ухамсаргүй* [МРС, с. 470] «недогадливый», *тоомсоргүй* [МРС, с. 409] «невнимательный, равнодушный», *санамсаргүй* [МРС, с. 349] «необдуманный, нечаянный».

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что и изначально положительное значение глагола *büi-* «быть» могло трансформироваться в негативно-отрицательное «не быть» и его повелительные формы функционируют ныне исключительно в роли отрицательных частиц при повелительном наклонении.

Объяснение, каким образом *bütügei* превратилось в частицу *bitegei*, дано Б.Я. Владимирцовым, хотя ученый подвергал сомнению существование в письменном языке самой формы **bütügei* и употреблял ее со звездочкой. Объяснение же состоит в том, что в монгольских языках, особенно в его диалектах, *ü*, находясь в постпозиции по отношению к *b*, нередко переходит в *i*. Чередование *ü* с *i* наблюдается и в тюркских языках.

А что касается появления в форме *bitegei* гласного *e* вместо *ü* после согласного *t*, то здесь действовал закон регрессивной ассимиляции, особенно с утратой в словоформе *bütügei* морфологического значения суф. *-tuɣai* [Владимирцов, 2005, с. 59–65].

Изывительные формы. Форма прошедшего времени *bülüge* и ее фонетические варианты (см. таблицу) употреблялась в роли сказуемого как самостоятельно, так и в сочетании с именами, причастными и деепричастными формами, наречиями; *ger dotara Sigi-Qutuqu büle'e* [SH, § 203] «В юрте находится *Sigi-Qutuqu*»; *Tolui kö'ün dergede büle'e* [SH, § 272] «*Tolui* был рядом»; *...tere tegüncülen bülüge* [TD, с. 64, F 60r] «...это было именно так»; *...mongqol qahan delegei-yi ejeleñü büle'e* [Н, IIa, 6, r(4)] «...монгольский хан владел миром»; *eñen-iyen qoyinaça eyin-kü ülü qocorqu bülüge bi* [TD, с. 40, F 29r] «...я не должен был находиться позади своего господина»; *Börte-üjñ-ü eke Cotan neretei büliyi* [SH, § 94] «Мать *Börte-üjñ* звали (была с именем) *Cotan*»; *Qači*

külüg-ün kö'ün Qaidu Nomulun-eke-deče töregsen бүлэ'е [SH, § 46] «Сын *Qači külüg'у Qaidu* был рожден от матери *Nomulun*».

В современном языке *bülüge* > *билээ* (разговорный вариант) как самостоятельная глагольная форма не функционирует и употребляется исключительно в сочетании с именными, причастными и некоторыми деепричастными формами, придавая подобным сочетаниям экспрессивно-модальные оттенки. При ослаблении временного значения эта форма стала как бы вневременной: действие, обозначенное содержательной частью, может относиться к любому временному плану, т.е. речь могла идти как о настоящем, так и о прошедшем или будущем событии. Временная локализация конкретизируется наречно-временными словами или контекстом в целом.

По наблюдениям Т. Пагвы, форма *билээ* «в современном языке в повествовательных именных предложениях встречается сравнительно редко». Чаще она используется «в вопросительных, восклицательных и отрицательных предложениях, где она усиливает и конкретизирует их вопросительные, восклицательные и отрицательные оттенки» [Пагва, 1961, с. 81–82].

Форма *büjü'üi* засвидетельствована пока в единственном случае, в тексте SH в функции самостоятельного сказуемого: *Börte-üjñ tede dürbekün irgen-tür büjü'üi* [SH, § 110] «*Börte-üjñ* находилась среди тех убегающих людей». В современном языке она отсутствует.

Причастные формы. Одной из синтаксических функций причастных форм является определительная, в основном с указанием на место нахождения: *mongqol qajar-a bügü qarıs-i bügüde-yi qamu'at...* [H, IIa, 24, r(1)] «Объединив всех чужеземцев, пребывающих на монгольских землях»; ...*Sa'ari-ke'er-e bügü Joči-Darmala-yin adu'un* [SH, § 128] «Табун *Joči-Darmal*'ы, находящегося в местечке *Sa'ari-ke'er-e*»; ...*amsar-a бүкүй nungqasu tatalaju...* [SH, § 86] «...потянул шерсть, находящуюся у отверстия (дыры)...»; *datora-yin ulus ba qada'un бүкүй ali be jiyilten irgen-i bügüde-yi qamuju...* [H, IIa, 25, r(3)] «Собрал весь народ с пожитками, находящийся внутри страны и за ее пределами».

Получая падежное или падежно-послеложное оформление *бүкүй* в сочетании с именами или наречиями формировала в структуре предложения словосочетания, сохраняя свое исконное глагольное значение «быть, существовать»: *egün-ü siltayabar esen бүкүй-дүр едиге еке-yin sedkil amuyu* [HC, 15a] «по этой причине при жизни родители бывают спокойны»; *urida mongqol kitat nevide бүкүй-түр mongqol qahan delegei-yi ejelejü бүлэ'е* [H, IIa, 6, r(4)] «Прежде, когда монголы и китайцы жили (находились) рядом, миром правил монгольский хан»; ...*olon amitan*

kedün bügü-yi ülü medekdemü- [Н, IIa, 1r(3)] «...неизвестно, сколько существует живых существ»; ...yosu bükü-yin tula kümün üligerleñi dayan yabuqu ene buyu [НС, 11a] «...поскольку существует закон, люди всегда следовали ему».

В сочетании с деепричастными формами (соединительное, слитное) форма büküi в дат.-местн. падеже выступала в качестве служебного элемента, придавая содержательной части деепричастий темпоральное значение: Ca'adai-yin qar-ača Muqali tatañ büküi-tür Cinggis-qahan sonoscu sem sa'un bui [SH, § 254] «Когда Muqali ташил Ca'adai я за руки, Чингис-хан слышал и сидел молча»; ...Dörmegei-balaqasu ebden büküi-diir Burqan Cinggis-qahan-a a'uljar-a ireba [SH, § 267] «...когда был разрушен город Dörmegei, Burqan прибыл встретиться с Чингисханом».

В современном языке büküi > бухий в разговорном языке отсутствует, а в письменном, утратив свое лексическое содержание, используется в сочетании с именами в качестве послелога со значением совместности: ус бухий сав «посуда с водой»; боловсрол бухий хун «образованный (с образованием) человек» [МРС, с. 98].

Отсутствует в современном языке и форма причастия прошедшего времени bükсен, которая и в древних текстах пока выявлена в единственном случае — в сочетании с формой условного деепричастия: ene üge-tür Cinggis-qahan ügülerün: egeci çinu çima-dača sayin bükсен bö'esü eri'ülüye [SH, § 155] «Если твоя старшая сестра красивее тебя, [мы] проверим [это]».

Деепричастные формы. Форма соединительного деепричастия büñi, отсутствующая в современном языке, зафиксирована только в тексте SH: anggida qolo büñi bütügei [§ 189] «Пусть [они] остаются подалее!».

Форма же разделительного деепричастия bö'et / büged использовалась в текстах довольно активно. В комплексе с именами и соединительным деепричастием она придавала содержательной части такого сочетания значение действия, предшествующего другому действию (событию): Alan-qo-a ere ügefii'üi bö'et. qurban kü'üt töre'ülbi [SH, § 17] «Alan-qo-a, будучи без мужа, родила трех сыновей»; aba de'ere bö'et... olon gü'ün ügülerün [SH, § 190] «находясь на охоте... многие люди говорили...»; Belgütei teyin çabcıqdañ bö'et ya'un-a ba ülü bolqan... [SH, § 131] «[Хотя] Belgütei был так порублен, но [он] не придавал [этому] значения...»; eñi'e turuq ima'-ar-i bolju bö'et edö'e kü'ün-tür minu teyin mawui setki'esü... [SH, § 167] «...до сих пор [вы] видели в нем [нашу опору], а сейчас так плохо думаете о моем сыне...».

В сочетании с повелительной глагольной формой 1 л. обоих чисел форма *bō'et* подчеркивала суть действия, обозначенного в содержании глагола: *bi uduyit-merkit-tur üküldüva bō'et ke'en ügüle To'oril-qan aqa morilarun* [SH, § 118] «„Я [готов], давайте же до смерти бороться против *uduyit-merkit*'-ов“, — сказал *To'oril-qan* и отправился [воевать]»; *Ene gödölükse'er sili'ui-a qaqačan söni dülün gödölüva bō'et ke'eba* [SH, § 118] «Пока будем передвигаться, давайте отделимся от них и будем двигаться [дальше] всю ночь»; *...morilava bō'et ke'eba* [SH, § 190] «...давайте в тот же час выступим [против них]!».

В древних текстах эта деепричастная форма приобрела и еще одно, не свойственное глагольной форме значение. В постпозиции ко многим именам, местоимениям, наречиям и даже отрицательным частицам она утрачивала суть своего глагольного происхождения и выступала исключительно в качестве конкретизатора и усилителя значения предшествующего ей члена предложения или отрицательной частицы. Эти значения можно свести к таким как: «потом», «во время», «в то время как», «точно», «тот самый» и т.п.³

Например: *...çeri'üt söni bō'et budaraĵu'ui* [SH, § 197] «...войска в ту же ночь были разбиты»; *...tevin bō'et qal-na'ut tüle' ülütkün ke'en* [SH, § 193] «...[если] так, пусть [они] разожгут огни!»; *...evin bō'et boltuqai* [SH, § 248] «Пусть будет точно так!»; *...iregüi üdügüi üile-yi urida böged uqaĵu...* [UM, с. 363] «...предстоящие дела он знал еще заранее...»; *ene büged olan irgen-ü taqimdaĵu yosun bolu* [НС, 10а (3)] «Это точно и есть закон (обычай) почтительного отношения к множеству людей»; *taqui üile buu böged üiledüdkün* [UM, с. 374] «Не совершайте плохих дел!».

В современном монгольском языке форма *bō'et / böged > бөгөөд*, хотя и не утратила внешнего облика, в грамматическом плане не сохранила и следов своих прежних синтаксических функций, полностью исчезла из разговорной речи и, подвергшись грамматикализации, используется исключительно в роли союза со значениями «и», «да»: *цэцэн бөгөөд шийдвэртэй* [МРС, с. 79] «умный и решительный»; *сэргэлэн бөгөөд гавшгай* [Цэв., с. 96] «бодрый и проворный», а также связывает отдельные члены предложения: *Галдан бол 60 орчим насны бөгөөд сайн анчин юм* [Пагва, с. 91] «Галдану около 60 лет, и [он] хороший охотник».

Деепричастная форма *bō'esü* употреблялась в письменных памятниках в именных, причастных (причастие прошедшего времени) и не-

³ См. также: [Rachewiltz, 2004, с. 423].

которых других словосочетаниях, сообщая им условно-уступительное значение, при котором совершается действие, обозначенное в заключительном (или срединном) сказуемом: *qan ber bögesü qalar degeñilegdekü inu buyu* [НС, 32b] «Если даже он является правителем (ханом), конечно, имеется тот, кто должен быть возвышен»; *tevin bö'esü ireküi cinu masi kilbar* [Н, Па, 5v (1)] «Если так, твое прибытие (будет) очень легким»; *Buru'u bö'esü namançilan sögöt* [SH, § 245] «Если есть вина (если знаешь свою вину), согнись в молитве»; *Gü'ün-ne ese öktesen bö'esü Dobun-mergen de'ü-de'en çimada guyuua ke'eñü* [SH, § 6] «Если еще не просватана (не отдана человеку), для тебя *Dobun-mergen*, мой младший брат, попрошу [ее в жены]»; *Senggüm-i ese sirqaqsan bö'esü yambar maqa bolun büle'ei bida* [SH, § 208] «Если бы *Senggüm*'а не ранили, то что бы на самом деле случилось с нами?»; *man-i ügei bö'esü öttör güyüñü gürcü ese ala'asu Altani eme gü'ün yakin büle'e* [SH, § 214] «Если бы мы не были [там] и не убили [его], чтобы делала женщина *Altani*?».

В современном языке вместо *bö'esü* употребляется форма условного деепричастия *bolbasu* от семантически близкого глагола *bol-* «делаться», «становиться», в современной орфографии *болбол*, или его усеченная форма *бол* со значением «если».

Форма *bögetele* указывала на степень, предел во времени для совершения последующего действия: *Toqto'a-beki-yi kebte'e bö'etele... jıqacın buluqacın görö'ülüçin talbiqsat dayın ayısu ke'en* [SH, § 109] «Пока (в то время как) *Toqto'a-beki* спал (лежа находился), рыбаки, охотники на соболей и других животных сообщили, что приближается продвинувшийся [вперед] враг»; *Sara ber oytaryui-dur aysayar kü bui bügetele... qosun jëgün-diir... yakin ayutala bui kemen* [TD, с. 29, F 12r] «Пока луна все еще продолжает оставаться на небе, чего бояться пустого сна?».

В современном языке *bögetele*, хотя и сохранила свой фонетический облик (в современной орфографии *бөгөтөл*), но с ослаблением лексического значения, функционирует ныне в качестве уступительной единицы со значением «хотя»: *салхитай бөгөтөл дулаан* [МРС, с. 79] «Хотя и ветер, но тепло»; *тарган мах бөгөтөл амтгүй* [Цэв., с. 96] «Хотя мясо жирное, но невкусное».

Что касается формы приглагольного деепричастия *bürün*, то она употреблялась как самостоятельно: *...tende Hö'elün-üñin ke'elitei бүрүн... jöb tende Çinggis-qahan töreñü'üi* [SH, § 59] «...в то время *Hö'elün-üñin* была беременна... именно там и родился Чингис-хан»; *Qutu Cila'un qoyar kö'üt tende бүрүн irge-ben abu'at qaqaçañu...* [SH, § 162] «Сыновья *Qutu* и *Cila'un* находились там и, взяв своих людей, отделились...», так и в сочетании с соединительным деепричастием: *...ene balyasun-aça*

yarču bürün... teyimü oron-dur asuru sayitur orosin sayıju [TD, с. 21, F 2v] «...удалившись из этого города, прекрасно расположились в таком дворце»; ...*numun sumun-iyar jebe-yi qurıyaju bürün qar-i dayısun-i türıdkel ügegü-e darıyad...* [Lig., с. 69] «...собрали луки и стрелы и полностью разбили чужеземного врага».

Но одновременно происходило размывание лексического содержания самого глагола *bü-*, и форма *bürün* (как и *bü'et*) стала использоваться в качестве служебной единицы — маркера подлежащего, конкретизируя и подчеркивая его значение: *Bi bürün eke eçige-dece ücügen qoçorçu...* [SH, § 201] «Я (что касается меня) маленьким остался без родителей»; *İigüntei bürün morid üked qonid aduqun-a jeber büküiber sayın kümü manaqulsun bolqan tüsiju* [UM, с. 276–277] «*İigüntei* ловко управлялся с лошадьми, рогатым скотом, овцами и всеми табунами, [поэтому] на него можно было надеяться как на хорошо стерегущего [скот]»; *Oorum bürün urida Ün-tang-luu neretü cölege bülege* [UM, с. 331] «*Oorum* прежде имел название *Un-çang-luu*»; *Nökör ci bürün masi mungtanıju ayısu aju'u* [SH, § 90] «Друг, ты приблизился [ко мне] в большом смятении».

В современном языке форма *bürün* отсутствует, как практически исчезла из языка и сама деепричастная форма на *-run*.

4. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Слова в предложениях соединяются разными способами:

- 1) как равноправные, равноценные (сочинительная связь);
- 2) как зависимые, подчиненные (подчинительная связь).

Сочинительная связь. По способу сочинения связываются главным образом однородные члены предложения, выполняющие сходную синтаксическую функцию. Связь между ними устанавливается:

а) при помощи общего для однородных компонентов суффикса или обобщающего слова — чаще всего в этой роли выступали числительные: *quvaq jer jebe-vi qurıyaju...* [H, IIb, 23r] «отобрали панцири [и]оружие»; ...*altan mönggün ayaqa saba yısün yısüt nu 'ut ökit yısün yısüt aqtas teme 'et yısün yısüt eldeb-ıyer yısün yısüt jisüleju a 'ul'agui-tur...* [SH, § 267] досл. «золотые [и] серебряные чаши девять на девять, юноши [и] девушки девять на девять, кони [и] верблюды девять на девять и другими (разными) [подарками], каждый девять на девять, встретили (одарив, встретили)»; *tere daqu-yi Temüjin Qasar Belgütei qurban a[b]çu*

otcu... [SH, § 96] «*Temüjîn, Qasar, Belgütei* — трое (три) отправились, забрав ту доху».

б) Посредством соединительного союза *ba* «и», который в древних текстах использовался довольно широко, но в современном языке отсутствует: ...*edür-tür arca-yin nigeken ür-e ba nigen tuturyan teregüten-i idesügei* [TD, с. 47, F 38r] «[Я] буду есть в день всего лишь одну ягоду можжевельника и одно [зернышко] риса и т.п.». Кроме союза *ba* однородные члены в этом предложении объединены обобщающим словом в винительном падеже *teregüten-i* «и другие», «т.п.»; ...*mongqol novant ba ulus irgen-i bügüde-yi yumbiju...* [H, IIa, 19r] «собрали всех — монгольских князей и народ». Здесь также кроме соединительного союза употреблено и обобщающее местоимение в винительном падеже.

в) При перечислении однородных членов вместо одного группового суффикса получал падежное оформление каждый из таких членов, при этом не исключалось и употребление соединительного союза: ...*tendenče... soyurqal-ıyan ba mör-ıyen ejelen cıdayad...* [HC, 9a] «...только тогда [он] может сохранить свое вознаграждение и свою службу...»⁴; ...*tatar-un Qargil-sira-yi süke-ber kitaqai-bar mün tende alaju'ui* [SH, § 214] «...татарского Qargil-sira там же и убили, [действуя] топором [и] ножом»; *ıngri-yi ba yajar-i temdegtei-e uqaju...* [HC, 32a] «[...так как они] отчетливо понимали небо и землю»; *nomıqan sayid-i ba höri'ü kečeüs-i nomıqatqan surqan atuqai* [H, I la, 12r] «умиротворять и поучать [надо] спокойных добряков и упорных упрямецв»; *Öber-eče yekes-tür ba ücüged-tür nayıralduju yabuysan-u tula...* [HC, 32a] «Они действовали так, чтобы жить в согласии с теми, кто выше, и с теми, кто ниже их самих...».

Подчинительная связь. Подчинительная связь выражается в подчинении одного слова другому и достигается посредством примыкания, управления и согласования.

Примыкание — это не маркированный вид подчинительной связи, когда подчиненное слово, оставаясь само неизменным, подчинено другому по смыслу своей грамматической функции и местоположению в предложении. Как правило, оно предшествует тому слову, к которому примыкает.

К именам существительным в качестве определения примыкают все имена прилагательные, причастия, числительные, некоторые местоимения, иногда и сами существительные.

⁴ Об использовании слова *mör* «след, путь; ряд» в значении «служба» см. [Rachewiltz, 1982, с. 64].

Наиболее широко примыкание использовалось в определительных группах: *bayiquldaysan bii tas* [UM, с. 360] «воздвигнутая стела»; *altan čirayi* [H, IIb, 1v] «золотой лик»; *öndör batu qoton* [TD, с. 28, F 11r] «высокая прочная стена»; *noqot ireküi čaq* [SH, § 27] «время прилета уток»; *modun se'ül* [SH, § 275] «деревянный хвост»; *yadanggih gü'ün* [SH, § 14] «бедный человек»; *dörben dalai* [HC, 33b] «четыре моря»; *tere hon* [SH, § 26] «тот год»; *yisüdüger bölöğ* [HC, 16a] «девятая глава»; *maqui üile* [UM, с. 374] «плохое дело».

К прилагательным, причастиям и наречиям примыкают слова с усилительным или ограничительным значениями, характеризующими степень качества или признака: *yeke ücügen* [H, IIb, 17v] «очень маленький»; *masi sayisiyaqdaqsan* [UM, с. 367] «весьма одобренный»; *ulam čing ünen-iyer* [HC, 18b] «совершенно искренне»; *masida soruyçi* [TD, с. 25, F 7v] «очень притягивающий»; *ülemji masi* [TD, с. 47, F 38v] «весьма, очень».

Управление — это такая зависимая связь, когда подчиненное слово получает то или иное падежное оформление в зависимости от лексико-грамматического значения управляющего (подчиняющего) слова. В предложении монопольное право управлять падежными и падежно-последовательными формами принадлежит глаголу-сказуемому. Все глагольные формы управляют именами существительными, числительными, местоимениями, а также субстантивированными формами других частей речи. Управляемые слова, выполняющие функцию дополнения или обстоятельства, оформляются соответственно различными формами. Прямое дополнение, как правило, имело форму винительного падежа (за исключением тех случаев, когда имя — прямое дополнение — остается в форме своей основы): *tenggiri-yin jorig-i daqan* [H, IIa, 5v] «следуя стремлениям Неба»; *ulus-un üile-yi osolda-* [H, IIa, 2v] «презирать государственными делами»; *üge-yi ese ab-* [TD, с. 68, F 64v] «не внять слову» (досл. «не взять слово»); *yeke üsüg-i biçi-* [UM, с. 365] «написать заглавные буквы»; *amitan-i üje-* [TD, с. 21, F 2v] «увидеть живые существа».

Имена, выступающие в значении косвенных дополнений и обстоятельств, оформлялись всеми прочими падежными формами:

дательно-местным падежом: *Bodhisdv-tur ögüle-* [TD, с. 28, F 11v] «сказать *Bodhisdv'e...*»; *üile-tür kičie'e-* [H, IIa, 13r] «усердствовать в делах»; *jiŋquqan sara-dur joqıya-* [UM, с. 365] «сочинить в шестом месяце»;

местным: *Mongqol yaŋar-a gün-e oro-* [H, IIa, 19r] «глубоко вторгнуться в монгольские земли»; *ulus irgen-e delgeregül-* [HC, 4a] «распространить для народа»;

исходным: *busud-ača songqu-* [H, IIa, 2v] «выбрать из других»; *qamuy ñig-eče küriyelgöl-* [TD, с. 21, F 2v] «быть окруженными со всех сторон»;

дательно-местно-исходным: *Ciledü-deče bülijü abda-* [SH, § 102] «отобрать у *Ciledü*»; *jamuqa-dača ülü qaqača-* [SH, § 121] «не расставаться с *jamuqa*»; *çoy ñali-dača ayu-* [HC, 20v] «бояться яркого света»;

орудным: *kücin-iver abura-* [TD, с. 22, F 4r] «спасти силой»; *çeri üd-iver bekile-* [H, IIa, 19v] «укрепить войском»; *kiçigel qataquñil-ivar güiče-* [UM, с. 384] «осуществить усердием и старанием»; *manggirsun-ivar teji-* [SH, § 74] «вскормить диким луком»;

совместно-соединительным: *elçin-luwa ese üsüldü-* [H, IIa, 20v] «не встретиться с посланцами»; *Ongging-çinsang-lu'a qamsa-* [SH, § 183] «объединиться с *Ongging-çinsang*'ом»; *olan mayun-luy-a yabu-* [HC, с. 22b] «идти со многими недостойными».

Управляемые именами существительными определения реализуются в форме родительного падежа.

Родительный падеж характеризуется большим разнообразием синтаксических значений. Это почти единственный из всех падежей, осуществляющий самую широкую грамматическую связь между именами и выступающий в функции различного рода определений. Самая распространенная его функция — обозначение принадлежности в самом широком смысле этого слова: *bars-un ama* [UM, с. 240] «пасть тигра»; *uridus-un sür sünesün* [HC, 33a] «величественные души предков»; *uruq-un uruq inu* [UM, с. 290] «потомок потомков»; *Mongqol ulus-un qan* [UM, с. 361] «хан монголов»; *Burqan-qaldun-nu ejet* [SH, § 9] «Владыки *Burqan-qaldun*'а».

Родительным падежом передавались значения, характеризующие определяемое с точки зрения местонахождения, времени, цели и т.п.: *dörben eteged-ün ulus* [HC, 15b] «государства четырех сторон света»; *arban ñig-ün burqan-nuyud* [TD, с. 21 F 2v] «Будды десяти сторон»; *qubi sar-un arban dörben-e* [UM, с. 376] «четырнадцатого числа предопределенного [судьбой] месяца»; *irgen-ü eçige eke* [HC, 27a] «родители (отец, мать) [для] народа»

Именами существительными, в том числе и именами собственными, управляет большая часть послелогов, особенно образованных от грамматикализованных форм знаменательных частей речи.

Послелог *qamtu ~ qamtu-bar* «вместе с», «одновременно с» управляет соединительным падежом: *çeri üt-lü'e-ben qamtu* [SH, § 144] «со своим войском»; *Ong-qan-lu'a qamtu* [SH, § 160] «вместе с *Ong-qan*'ом»; *Güçük-luwa qamtu-bar* [H, IIb, 2v] «вместе с *Güçük*'ом».

Родительным падежом управляли послелого: *deger-e* «на, над, к; около, рядом»: *Senggüm-ün deger-e* [SH, § 171] «У *Senggüm*'а»; *dege'ün* «рядом, около»: *kebt'e'ül-ün dege'ün* [SH, § 229] «рядом со стражей»; *door-a ~ dooro* «внизу, под»: *modun tutum -un door-a* [TD, с. 55, F 50v] «под каждым деревом»; *dergede* «рядом с, к, возле»: *modun-u dergede* [TD, с. 55, F 50v] «к дереву»; *čegel-ün dergede* [HC, 6a] «возле источника»; *ger-ün dergede* [SH, § 90] «около юрты»; *dotura ~ dotora* «в, внутри, среди»: *amitan-u dotor-a* [HC, 16b] «среди живых существ»; *dumda* «между, среди»: *em-e mangyus-un dumda* [TD, с. 32, F 17v] «среди женщин-мангусов»; *ükedel-ün dumda* [TD, с. 31, F 17r] «среди кладбища (трупов)»; *hindus-un dumda* [SH, § 264] «среди индусов»; *yadan-a* «за, вне; кроме»: *balqasun-u qadana* [UM, с. 280] «за пределами (вне) города»; исходным падежом управлял послелог *ulam* «вследствие; из-за»: *ečige-eče inu ulam* [UM, с. 285] «из-за своего отца»; *qatayujil-ača ulam* [HC, 18a] «из [чувства] стойкости (осмотрительности)».

Качественные прилагательные управляли исходным падежом имен при образовании сравнительных конструкций для выявления качественного различия одного признака, присущего двум предметам или лицам: *Temüjin-eče niken nasun yeke* [SH, § 66] «на год старше *Temüjin*'а»; *kümün-eče degedü* [HC, 16b] «лучше (выше) человека»; *olon-ča dotun-a* [UM, с. 362] «любимый более других».

Согласование — вид синтаксической связи, когда подчиненное слово согласуется с подчиняющим по грамматически выраженным лицу и числу.

Что касается согласования в лице, то в древних текстах, равно как в классическом и современном языках, речь может идти лишь о некоторых повелительно-желательных формах, употребление которых бывает обусловленным тем или иным действующим лицом. Так, препозитивная форма (optativ) на *-sU* и *sUqai (= sUyai)* и повелительно-пригласительная на *-ya* употреблялись с 1-м лицом ед. и мн. числа: *bi [čima-dur] ögüleju ögsü* [HC, 2a] «я скажу тебе»; *bi qayaly-a negesügei* [TD, с. 31, F 15v] «я открою ворота»; *uturaju ögsü ba* [SH, § 123] «мы выгоним их»; *Dimisyi baquy-a* [UM, с. 38] «остановимся-ка [мы] в Дамаске»; *jergeber ügüley-e* [UM, с. 363] «расскажу [я] по порядку».

Повелительная форма на *-dqUn* употреблялась со 2-м лицом мн. ч.: *qariju buu iredkün* [TD, с. 38, F 26v] «[Вы] не возвращайтесь»; *ta ber ...čerigüd-iyen jasadqun* [UM, с. 58] «Вы постройте свои войска»; а форма на *-Uqai* относилась к 3-му лицу и обозначала приказание, просьбу или

разрешение совершить какое-либо действие: *büsiretügüi* (вм. *büsiretügüi*. — *M.O.*) *ayatuqai* [UM, с. 16] «пусть [они] убоятся!»; *Esenbuq-a-yi... bičigültügei* [UM, с. 365] «пусть поручат написать *Esenbuq-a*».

Отметим, что форма на *-tUqai* использовалась и со 2-м лицом: *ingri mini a bui yasultuyai* [TD, с. 30, F 14r] «О божество мое, не печалься!»; *ta Möngke qaqaṅ tümen tümen nasultuqai* [UM, с. 21] «Вы, *Möngke qaqaṅ*, живите многие тысячи лет!».

Согласование в числе, хотя и носило уже нерегулярный характер, все же по сравнению с современным языком, в котором «грамматические формы множественности весьма не продуктивны» и потенциальная возможность употребления их касается в основном художественной литературы [Галсан, 1975, с. 127–128], в прежние времена использовалось весьма часто.

В качестве определителей выступали либо количественные числительные, либо формы мн. числа имен и причастий; *dörben qayalyas* [TD, с. 30, F 14v] «четыре двери»; *arban ökid* [TD, с. 50, F 42v] «десять дочерей»; *sayid degediis* [HC, 34b] здесь «высшие монархи»; *itegelten Bo'orči Boroquṅ qoyar* [SH, § 172] «надежные *Bo'orči* и *Boroquṅ* (= Боорчи Борохул два)»; *orusiyuluṅsad qubčad* [HC, 6a] «установленные [обычаем] облачения»; *kereglegdegsed arad* [HC, 14b] «использованные [в делах] люди».

Что касается согласования в роде, то в современном монгольском языке грамматическая категория рода отсутствует. Понятие же биологического рода выражается исключительно лексикой [Галсан, 1975, с. 123].

И в древних текстах категория рода как закономерная и последовательно выраженная уже отсутствовала, но отдельные факты согласования по роду (точнее по половому признаку) имели место. Проявлялось это иногда при согласовании формы вопросительного местоимения *ya'u* ~ *ya'un* «что?, какой?, чей?» с именами женского пола, когда в таких случаях это местоимение приобретало суффикс *-jin*, используемый при обозначении лиц и имен женского пола, например: *eme-yi barijin ya'uṅjin gü'ün ci ke'en* [SH, § 38] «захватив женщину [он] сказал: „Ты чья?“» Ср.: *ya'un gü'ün ci* [SH, § 15] «Ты чей человек?» (по отношению к мужчине).

Иногда согласование по половому признаку проявлялось в сочетании лиц или собственных имен со словоформами *neretei* (для женского пола) и *neretü* (для мужского пола) «с именем»: *Temülün neretei ökin* [SH, § 60] «Девушка по имени *Temülün*», но: *Santa mati neretü köbegün* [TD, с. 31, F 15v] «сын Неба по имени *Santa mati*».

Иногда такое согласование наблюдалось в использовании некоторых глагольных форм в роли сказуемого в зависимости от половой принадлежности действующего лица: *Yisügen qadun... dōi ᠋ sa'ubi* [SH, § 155] «*Yisügen qadun* села ниже»; *Temüjīn-i... ese uqabi bi* [SH, § 100] «*Temüjīn 'a* [я] не заметила», но: *bi edö'e ireba ke'et* [SH, § 93] «„Я только что прибыл“, — сказал [он]»; *gergei inu Börte-üjīn-ü eke Cotan neretei bulivi* [SH, § 94] «Мать его супруги *Börte-üjīn* звали *Cotan*»; *...mōnggön ölegei tanatu könjile inu Cinggis qahan tende abula'ai* [SH, § 133] «...себянящую колыбель и перламутровое одеяло там забрал себе *Cinggis qahan*».

Но в целом это было не закономерное, а скорее случайное явление, и примеров таких в текстах незначительное количество [Орловская, 2000, с. 25–31].

5. МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Словосочетание — это особая категория синтаксиса, конструктивный элемент предложения, один из составляющих компонентов, необходимый материал в его построении.

Хотя словосочетания выделяются только на базе предложений, частью которых они являются и через которые входят в систему коммуникативных категорий речи, они изучаются и самостоятельно как синтаксическая единица, имеющая свои структурные и семантические черты.

Изучение словосочетаний, представляющих собой смысловое и грамматически оформленное по законам того или иного языка объединение двух или более полнозначных слов, дает возможность выявить и понять некоторые типологические особенности языка, в данном случае языка древних письменных монгольских текстов. Эти тексты позволяют обозначить особые типы в построении словосочетаний, имеющие расхождения в морфологических и синтаксических средствах их выражения по сравнению с таковыми в современном языке.

Основное внимание здесь будет уделено только тем словосочетаниям, которые в процессе развития грамматической системы письменного монгольского языка подверглись определенной трансформации, различным дивергентным процессам, обусловленным особенностями развития грамматической системы современных монгольских языков.

В результате некоторые существовавшие в прошлом синтаксические модели словосочетаний были частично или полностью утрачены и исчезли из употребления в современных языках.

Атрибутивные словосочетания. Специфику языка XIII–XIV вв. представляет наличие личного местоимения 3-го л. ед. и мн. числа. Исконной формой этого местоимения служила форма **in* «он, она, оно» [Рамстедт, 1957, с. 69; Котвич, 1962, с. 144], и в ранних текстах это местоимение было представлено всеми падежными формами, т.е. имело полную парадигму склонения:

им. п.	<i>i < *in</i>	<i>a < *an</i> «они»
род. п.	<i>inu</i>	<i>anu</i>
дат.-местн. п.	<i>imadu, imadur, imada</i>	<i>ana, andur</i>
вин. п.	<i>imayi</i>	<i>ani</i>
исх. п.	<i>imača, imadača</i>	<i>anača, andača</i>
орудн. п.	<i>imabar</i>	<i>anibar</i>
соед. п.	<i>imaluγa</i>	<i>anluγa</i>

[Тэмэртгоо, 1967, с. 45–47].

В классическом монгольском и современных языках сохранились лишь формы родительного падежа этого местоимения *anu* и *inu* (реже *ni*), используемые как графические варианты одной и той же притяжательной частицы 3-го л. со значением «его, ее, их», всегда занимающей постпозицию по отношению к своему определяемому. Исчезло и различие между единственным *inu* и множественным *anu* числом этих местоименных притяжательных частиц.

Однако в древности *inu/ anu/ ani*, как и любое другое личное местоимение, находясь в препозиции к определяемому, создавали определительно-притяжательные словосочетания со значением принадлежности кому/чему-либо: *anu ordu dotor-a* [UM, с. 277] «в их дворце»; *anu balqasun* [UM, с. 28] «их город»; *anu uruq* [SH, § 165] «их род»; *ani ebesün usun* [Н, IIa, 27v] «их травы и воды»; *inu metiis* [SH, § 156] «ему подобные».

Следует отметить, что и в XIII–XIV вв. функционирование этого местоимения в качестве постпозитивных частиц уже превышало их статус самостоятельного личного местоимения 3-го л., утрачивая, таким образом, способность создавать определительно-притяжательные словосочетания.

Среди атрибутивных словосочетаний к самым широко распространенным и разнообразным по характеру создаваемых синтаксических значений относятся словосочетания с атрибутивным компонентом в родительном падеже.

Все многообразие этих значений тщательно исследовано на материале монгольских языков [Пюрбеев, 1993, с. 20–37]. Древние тексты не составляют исключения относительно многообразия таких значений. Поэтому мы отметим лишь тот факт, что при формировании именных определительных словосочетаний имена в род. падеже получали иногда вместо формантов этого падежа *-U*, *-Un*, *-yin*, показатель вин. п. *-i*; *modun-i* (вм. *modun-u*) *gesigiüd* [TD, с. 45, F 35v] «ветки дерева»; *tergen-i* (вм. *tergen-ü*) *čī'ü* [SH, § 124] «ось телеги»; *dēli* (вм. *dēliin*) *keseک* [MA, с. 141] «кусочек шубы»; *dēliin totar* [MA, с. 142] «подкладка шубы».

В современном монгольском языке подобное явление не наблюдается, хотя в баоаньском, дунсянском, монгорском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка родительный и винительный падежи имеют один и тот же показатель. Явление это объясняется исторической генетической связью между этими падежами, что уже отмечалось в монголоведной и тюркологической литературе [Санжеев, 1953, с. 163, 195; Тодаева, 1960, с. 75, 93, 112; Севортян, 1960, с. 93; Бертагаев, 1964, с. 42; Тенишев, Тодаева, 1966, с. 53–54; Цыдендамбаев, 1972, с. 345; Орловская, 1984, с. 24; 2000, с. 42–44].

В среднемонгольском языке еще в значительной мере сохранялось согласование различных видов определений в числе: *sayid degediis* [HC, 346] «высшие монархи»; *eyimün üges* [SH, § 255] «такие слова»; *ire[k]set ötögüs öljeten nököt minu* [SH, § 125] «прибывшие старые благословенные друзья мои»; *sayit ökit* [SH, § 64] «прекрасные девушки»⁵.

Формант множественного числа получали имена, сочетаемые с количественными определителями: *jirin qatut* [SH, § 71] «две госпожи»; *tümet hüle ü harad* [H, Па, 27r] «свыше десяти тысяч людей»; *olon nököt* [H, Па, 26v] «множество друзей».

В современных монгольских языках (крайне редко в халха-монгольском) еще иногда допускается оформление определяемого показателем множественного числа при наличии количественного определения, но в целом этот вид определительных словосочетаний исчезает [Пюрбеев, 1991, с. 81].

Качественные прилагательные, образованные посредством суффикса *-tan*, содержащего в себе значение совокупности или множества, формировали определительные словосочетания с определяемыми во мн. ч.: *güčüten*, *qabutan čeri'üt anu* [H, Па, 4v] «их сильные, ловкие солдаты»; *sečen biligten küčüten köbegiüd* [TD, с. 62, F 58r] «умные, талант-

⁵ В этих примерах определение и определяемое оформлены показателями множественного числа: *-d/-t*, *-s*, *-n*.

ливые, сильные юноши»; *saqaltan emeged* [SH, § 275] «усатые старухи».

С утратой принципа согласования определения с определяемым в числе прилагательные на *-tan* (за очень редким исключением: халх. *хортон дайсан* [МРС, с. 542] «коварный враг») практически вышли из употребления и были заменены прилагательными с суф. *-tu, -tai*, причём последний стал весьма продуктивным в производстве имен прилагательных в классическом [Поппе, 1937, с. 111–112] и особенно современном [Орловская, 1961, с. 91] монгольских языках.

В древности причастие прошедшего времени (nom. perf.) имело и форму мн. ч. на *-qsAd*, формирующую определительные словосочетания с мн. ч. определяемого: *ügülegdegsed üges* [НС, 66] «сказанные слова»; *irekset naiman minqat turqa'ut* [SH, § 266] «восемь тысяч прибывших торгудов»; *ire[k]set nököd* [SH, § 125] «прибывшие друзья». Ныне эта модель ввиду отсутствия согласования в числе также исчезла из состава определительных словосочетаний.

В редких случаях имело место согласование в роде, точнее, по половому признаку, так как грамматическая категория рода отсутствовала, а существовали лишь некоторые глагольные формы и именные суффиксы, указывающие иногда на принадлежность действующего лица к женскому или мужскому полу (см. выше). Ср.: *Susati neretei ökin* [TD, с. 50, F 41v] «девушка по имени *Susati*», но: *Santa mati neretü ngriyin köbegün* [TD, с. 31, F 15v] «сын богов по имени *Santa mati*»; *Temülin neretei ökin* [SH, § 60] «девушка по имени *Temülin*», но: *Wei-tzeu neretü kö'ün* [Н, IIa, 5r] «юноша по имени *Wei-tzeu*»; *ni'ur-tur-iyen geretei nidün-tür-iyen qaltai ökin* [SH, § 66] «девушка с сиянием на лице и огнем в глазах», но: *nidün-tür-iyen qaltu ni'ur-tur-iyen geretü kö'ün* [SH, § 62] «юноша с огнем в глазах и сиянием на лице».

Причастие будущего времени прежде существовало в трех вариантах: *-qU, -qUi* и *-qUn*. Причастие на *-qU* в современных языках до сих пор выполняет в предложении все присущие причастным глагольным формам синтаксические функции. Две другие формы имели свою специфику, что и привело их в конечном итоге к исчезновению из языка.

Форма на *-qUi*, участвующая в создании определительных словосочетаний: *amurliyulqui çay* [TD, с. 23, F 4r] «время успокоения»; *yabuqui çaq* [SH, § 254] «время похода (отправления)»; *eneriküi aman* [Н, IIa, IIr] «обещание милосердия» — постепенно утрачивала свое причастно-глагольное значение. Большая степень номинативности стала причиной ее функциональной трансформации и исчезновения не только из по-

строения причастно-определятельных словосочетаний, но и к почти полному устранению из синтаксической системы современных монгольских языков и диалектов.

В халха-монгольском языке эта причастная форма стала использоваться субстантивно при формировании имен существительных со значением различных абстрактных и логико-философских понятий: *сэтгэхүй* «мышление» < *сэтгэ-* «мыслить, размышлять»; *мэдрэхүй* «восприятие» < *мэдрэ-* «ощущать, чувствовать»; *бодохүй* «дума, воображение» < *бодо-* «думать, размышлять» [Пюрбеев, 1984, с. 54; Орловская, 2000, с. 93], хотя изредка она все еще встречается в литературе в качестве причастной формы и передает временные, условные отношения, равные по выполняемой функции причастию на -х [-qU] в дative. Ср.: *наран гудайхуй* = *наран гудайхад* «когда солнце приближалось к закату» [Цэдэндамба, 1970, с. 9].

Форма на -qUn, будучи формой мн. ч., наряду с другими глагольно-причастными функциями использовалась и в определятельных словосочетаниях с именами во мн. ч.: *degere-ċe ģrekün bodisdv-nar* [TD, с. 56, F 52v] «спустившиеся сверху бодхисатвы», *dürbeģü yabuqun merkid* [SH, § 109] «удирающие меркиты». Но такой тип словосочетаний с веками встречался все реже и постепенно угас. Сама причастная форма еще некоторое время продолжала употребляться в качестве сказуемого, нередко в сочетании с глагольными связками [Орловская, 1958, с. 112], но в современном монгольском языке она уже отсутствует [Цэдэндамба, 1970, с. 9].

В определятельных словосочетаниях использовалась и причастная форма на -qċi/-ģċi; -qċin/-kċin; -qċid/-gċid, характеризующая определяемое с точки зрения действия, выраженного в производящей основе: *qatqulduqċi Kċkse 'ü-sabraq* [SH, § 159] «воинствующий *Kċkse 'ü-sabraq*»; *duradqayċin medegċin nököd* [HC, 30 a] «дающие советы и направляющие друзья»; *egüskeċid teyimün arad* [HC, 20a] «такие порождающие опасность люди»; *soroģi dayun* [TD, с. 25, F 7v] «всасывающий звук».

В современном языке эта форма утрачивает временное значение и превращается в лексическую единицу, равную отглагольным именам существительным, обозначающим разного рода деятелей со значением, вытекающим из содержания глагольной основы: *сурагч* «учащийся, ученик» < *сур-* «учиться, обучаться»; *жолодогч* «вождь» < *жолоод-* «править, управлять»; *захирагч* «распорядитель, управляющий» < *захир-* «управлять, командовать»; *сонсогч* «слушатель» < *сонсо-* «слушать, услышать».

Определительные словосочетания с именами, оканчивающимися на так называемый «неустойчивый» согласный *и*. Особенностью данной категории имен является то, что в одних случаях этот конечный согласный утрачивается, а в других остается постоянным, т.е. устойчивым. К последним относятся имена, обозначающие: а) названия людей: *emegeп* «пожилая женщина», «старуха», *ebügen* «старик», *keiken* «девушка», *qatun* «княжна, госпожа»; б) признаки предметов: *ulayan* «красный», *caуan* «белый», *qoyosun* «пустой, порожний», *eçiken* «маленький» и т.п. В словах этой группы *-и* не исчезает ни при каких обстоятельствах.

К группе слов с неустойчивым *-и* относятся имена, обозначающие названия растений, животных, природных явлений, некоторых предметов: *modun* «дерево», *ebesün* «трава, сено», *morin* «конь», *qonin* «овца», *çilayun* «камень», *altan* «золото» и т.д.

Круг значений определительных словосочетаний с этой группой слов был прежде и остается до сих пор ограниченным предметными свойствами и признаками зависимого компонента. Чаще всего это материал, из которого сделан предмет, или уподобление тому или иному предмету-вещи: *bulqan даqu* [SH, § 96] «соболья доха»; *modun se'ül* [SH, § 275] «деревянный хвост»; *altan çikin* [UM, с. 332] «золотые уши»; *möngün erike* [MA, с. 239] «серебряная бахрама»; *altan linqus* [TD, с. 56, § 52r] «золотой лотос»; *altan çila'un* [H, IIa, 5v] «золотой камень»; *burqasun ger* [SH, § 103] «ивовый шалаш». В редких случаях усеченная основа этой группы имен использовалась с послелогом: *çinö metü kö'üd* [SH, § 78] «волкам подобные сыны», но ср.: *naran metü gege'en* [SH, § 224] «солнцу подобный геген» (один из высших санов буддийского духовенства. — *М.О.*). Также редко вместо ожидаемой полной основы употреблялась усеченная (неполная) основа в сочетаниях, где определяемое является предметом сравнения (уподобления). Такой случай зафиксирован в словаре «Мукаддима́т ал-Адаб»: *dabusu ügetüi* [MA, с. 55, 137] «резкими (солеными) словами (речами)», при *dabusun* «соль», ср.: *dabusun ügei bolba* [MA, с. 137] «пища стала несоленой (без соли)». Подобное словосочетание зафиксировано в современном калмыцком языке: *dabsta үг* «соленое слово» (букв. «с солью слово») [Пюрбеев, 1991, с. 88].

Адъективные словосочетания. Отличительной чертой в формировании адъективных словосочетаний было использование местного падежа на *-А* в управляемых именами прилагательными существительных.

Падеж этот считался архаичным уже на самом раннем этапе развития монгольского языка и выделялся лишь как омертвелый формальный

элемент в некоторых наречно-послеложных словах типа *deger-e* «наверху», *dotur-a* «внутри», *јауур-а* «между» [Бобровников, 1849, с. 95; Рамстедт, 1957, с. 39].

Но древние и более поздние — классические тексты свидетельствуют о несостоятельности таких предположений, так как этот падеж был широко представлен в них.

В древних и классических монгольских текстах имена в местном падеже использовались в самых различных синтаксических функциях [Орловская, 1984, с. 33–35; 2000, с. 44–46], участвовали они и в формировании адъективных словосочетаний: *ulus-a qoortu üiles* [UM, с. 367] «вредные для государства дела»; *iden-e baruq* [SH, § 46] «жадные до еды»; *olon ulus-a amuqulang* [SH, § 280] «спокойный для многих людей»; *elçin-e ber... ilüfte* [SH, § 280] «удобный особенно для посыльных».

Но в современном языке подобные словосочетания отсутствуют. Связано это с тем, что значения и функции этой падежной формы совпадали с таковыми дательного-местного падежа на *-dUr/-dU*, который со временем заменил падеж на *-A*. В современном языке этот падеж приобрел в своем звучании долготу (*-AA*) и используется ограниченно, как правило, в локативном значении в именах после основ на согласный *-н*: *тайзнаа* «на сцене», *дэлгэцнээ* «на экране», *танаа* «Вам».

В адъективных словосочетаниях причастия будущего времени на *-qU* и *-qUi* не получали падежного оформления при управлении ими именами прилагательными: *qaqacaqui berke* [SH, § 194] «трудный для расставания»; *ireküi kilbar* [H, IIa, 5v] «легкий для прибытия (приезда)»; *sürçigdeküi sürçiküi noyitan* [TD, с. 45, F 34v] «мокрый (сырой) для натирания и быть натертым», тогда как в современных языках прилагательное, как правило, требует оформления этих причастий дательного-местным падежом: *хийхэд хялбар ажил* [Цэв., с. 770] «работа, легкая для исполнения»; *явах зорчиход хэцүү* [Цэв., с. 738] «трудный при отправлении в путь»; *ухахад бэрх* [Цэв., с. 738] «трудный для понимания».

Глагольные словосочетания. Среди глагольных словосочетаний значительное распространение имела модель, когда управляемое глаголом имя оформлялось упомянутым выше ныне архаичным местным падежом на *-A*: *qoyidus-a aldarsiyul-* [HC, 2a] «прославить для потомков»; *gün-e ündüsüle-* [UM, с. 401] «уходить в глубину»; *amitan-a ög-* [TD, с. 23, F 4v] «давать живым существам»; *kijār-a šiga-* [H, IIb, 22r] «приближаться к рубежу (границе)»; *qan kümün-e kücü ögkü* [HC, 3a] «служить хану»; *Soqoq-usun-a bü-* [SH, § 158] «находиться в (местечке)

Soqoq-usun»; *mongyol yajar-a gün oroju* [Н, Па, 19г] «войти глубоко в монгольские земли».

Распространенными были и сочетания глаголов с именами в соединительном падеже. Подчиненное слово обозначало, как правило, лицо, вместе с которым осуществлялось действие: *Širemün-luwa baraldu* [Н. Па, 21v] «бороться с *Širemün*'ом»; *Ong-qan-lu'a qamtu ayisulča-* [SH, § 170] «встретиться с *Ong-qan*'ом»; *yasodari-luy-a qamtu bü-* [TD, с. 29, F IIv] «быть вместе с *yasodari*»; *dorodus-luy-a sedkil dayaldu-* [HC, 35a] «объединиться со слабыми (нищими)»; *Örügtemür-lüge qamtu qadaqala-* [UM, с. 326] «сразиться с *Örügtemür*'ом»; *olan maγun-luy-a yabu-* [HC, 225] «идти со многими нечестивыми».

В словаре «Мукаддимат ал-Адаб» зафиксированы глагольные словосочетания, в которых управляемые имена в соединительном падеже обозначали предметы как орудия действия: *qalqanla'ā saqi-* [МА, с. 290] «защищаться щитом»; *ǰidalā qatqu* [МА, с. 297] «пронзить копьем»; *qudayāsa tem[e]nlē usun tata-* [МА, с. 308] «таскать воду из колодца [при посредстве] верблюда (досл. „верблюдом“)

В современном монгольском языке соединительный падеж отсутствует [Санжеев, 1953, с. 174], а аналогичные значения передаются совместным падежом на *-tai*. Но этот падеж до сих пор используется в баоаньском, монгорском, дунсянском [Тодаева, 1960, с. 112; 75; 94] и современном калмыцком языках [Грамматика, 1983, с. 107].

Особенностью языка древних текстов было наличие в них большого количества глагольных словосочетаний с зависимым именем в двойном дательном-местном-исходном падеже на *-dača*: *qayān-dečegegen od-* [TD, с. 29, 12v] «удалиться от своего хана»; *eme-deče töre-* [SH, § 43] «родиться от матери»; *ǰamuqa-dača ülü qaqača-* [SH, § 121] «не расставаться с *ǰamuqa*»; *Čiledü-deče buliǰu abda-* [SH, § 102] «отобрать у *Čiledü*»; *čoy Jali-dača ayu-* [HC, 20b] «благоговеть перед [его] славой (великолепием)» [= «от [его] блеска и сверкания»].

Двойная падежная форма *-dača* образована из сочетания двух формантов: дательного-местного падежа (локатива) на *-da* и исходного (аблатива) на *-ča*. Она использовалась для обозначения лица, места, от кого, откуда исходит то или иное действие, когда надо было что-то отобрать, изъять у кого/чего-либо. В любом случае эта двойная форма передавала одно аблативное значение.

Но первый компонент *-da* имеет в монгольских языках локативное значение. В таком случае встает вопрос, чем было вызвано употребление такого сдвоенного падежа для передачи одного конкретного аблативного значения? Комбинирование падежных показателей в пределах одной

словоформы свойственно не только монгольским, но и другим языкам: тюркским, уральским, тунгусо-манчжурским, японскому, корейскому и другим [Благова, 1970, с. 60–82]. Сочетание местного и исходного падежей встречается в языке древнеуйгурских текстов. Так что наличие дательного-местно-исходного падежа в монгольских языках не является для них чем-то специфическим, а лишь свидетельствует о типологическом сходстве грамматических моделей.

Способность падежных показателей сочетаться друг с другом дает возможность уточнять значение того или иного полисемантического показателя. Но монгольский формант дательного-местного падежа *-dA* полисемантической не обладал. Он использовался наряду с другими формантами *-dUr*, *-dU* в значении локатива, не содержащими в себе аблативного значения.

Однако тюркологи находят в древнетюркских языках полифункциональный местно-исходный падежный показатель *-dA*. Отражением полифункционального значения этого падежа в памятниках рунической письменности является употребление его в качестве исходного в языке некоторых средневековых тюркских памятников [Насилов, 1955, с. 104–110; Тенишев, 1970, с. 25–26]. В восточно-туркестанском языке аффикс *-da*, *-dā* помимо основного значения (место, время) выражал некоторые значения исходного падежа, а в послеложных сочетаниях он полностью соответствовал форме исходного падежа [Щербак, 1961, с. 80–81].

В текстах орхоно-енисейских памятников не было аффиксального различия для выражения локативного и аблативного понятий. Там существовал один местно-исходный падеж, образуемый посредством показателя *-dA*. А конкретное падежное значение выявлялось только в контексте [Насилов, 1960, с. 29]. Поэтому есть основание предположить, что в древности монгольский суффикс *-dA* (появившийся не без влияния тюркских языков) был полифункционален. Генетическая нерасчлененность двух значений, локативного и аблативного, требовала уточнения посредством присоединения показателя исходного падежа. Со временем в монгольских языках за показателем *-dA* закрепилось только локативное значение, и он перестал использоваться в передаче аблативных значений. Процесс этот происходил постепенно и поэтому в письменных памятниках в течение длительного времени использовались две падежных формы — дательного-местно-исходная и простая исходная — для передачи одних и тех же значений. С вытеснением самой двойной падежной формы исчез и такой тип глагольных слово-сочетаний.

В текстах XIII–XIV вв. была широко распространена глагольная форма на *-rUn*, обычно называемая цитатным или приглагольным деепричастием (conv. праerativum). Однако роль этой формы в предложении не исчерпывалась только обозначением действия, предшествующего прямой речи. Она выражала и другие отношения: целевые, причинные, выполняла функцию заключительного сказуемого. И формировалась она не только, как считалось, от основ речевых глаголов, но и от многих других, обладающих различным смысловым содержанием [Орловская, 1985, с. 80–86]. Например: *ingri-yi taqir-un* [HC, 17a] «для жертвоприношения Небу»; *imayi wung singlar-un* [UM, с. 267] «чтобы отблагодарить его»; *terged-ün urida yabuju ayisurun* [SH, § 118] «ехал перед повозками»; *ene balyasun-ača: yarču bürün* [TD, с. 21, F 2v] «выходя из этого города».

В современном языке подобные словосочетания отсутствуют. Но сама эта архаичная форма, именно как цитатная, хотя уже и не упоминается в грамматиках по современному монгольскому языку, все же «довольно часто встречается в произведениях современных писателей» [Шарху, 1971, с. 8].

Отсутствует в современных языках (за исключением баоаньского, дунсянского и монгорского [Тодаева, 1960, с. 84, 102, 120] и деепричастная форма на *-rA* с целевым значением, которая также часто использовалась в древних текстах, создавая глагольно-именные словосочетания: *Cinggis qa'an-a gücü ögüre* [SH, § 220] «для оказания помощи Чингис-хану»; *qad-tur inu taqir-a* [HC, 14a] «для жертвоприношений их правителям (ханам)»; *bulaqat keremün qudalduju abura* [SH, § 182] «чтобы закупить соболей и белок». В современных монгольском, бурятском и калмыцком языках целевые отношения выражаются иными деепричастиями соответственно на: *-хаар*, *-хаа*, *-хаяа*/*-хап*.

Особенность глагольных словосочетаний просматривается и в сочетании глаголов с именами на «неустойчивый» согласный *-n*. В современном языке такие имена, выполняя функцию прямого дополнения при глаголах, утрачивают этот конечный согласный. В древних текстах, однако, закономерности в оформлении подобных имен в аналогичной функции не прослеживается. Передавая одни и те же значения, имя могло употребляться как с этим *-n*, так и в усеченной форме без *-n*. Ср.: *usun eri-* [SH, § 145] «найти воду» и *usu u 'u* [SH, § 272] «выпить воду»; *usu ög-* [SH, § 272] «дать воду», но: *usun nudura-* [SH, § 72] «перекрыть воду». Ср. также: *miqa id-* [SH, § 195] и *miqan id-* [SH, § 232] «есть мясо», *miqa ög-* [SH, § 13] «дать мясо»; *öki üje-* [SH, § 54] и *ökin-i üje-* [SH, § 66] «увидеть девушку»; *morin unu-* [SH, § 145] и *mori unu-* [SH, § 99] «оседлать коня».

В формировании именных, адъективных и глагольных словосочетаний наряду с падежами использовались послелого, создавая последложные словосочетания.

Здесь будут представлены только те субстантивно-последложные и глагольно-последложные словосочетания, которые либо совсем исчезли из употребления в современных языках, либо претерпели некоторые изменения в процессе многовекового функционирования. Так, например, самыми распространенными с древних времен являются послелого *tula/tulada* «так как», «потому что», «для того, чтобы», «за», «ради чего-либо». Та и другая форма употреблялись в прошлом однозначно, управляли именами и причастными формами в род. п. (реже основой) и указывали как на причину, так и на цель действия: *jarliq gürgeksen-ü tula* [Н, IIb, 17r] «так как был доставлен указ»; *eçige eke-yügen ülü umartaqu-yin tula* [НС, 33a] «чтобы не забывать своих родителей»; *qamuy nom-i tegüskekü-yin tulada* [TD, с. 53, F 47(r)] «чтобы исполнить все *dharm*[ы]»; *busud-i orolçayulqu-yin tulada* [TD, с. 42, F 3v] «чтобы заставить участвовать»; *noyamsik aburitu tula* [SH, § 46] «так как имел княжеский нрав»; *aqa de'ü ja'ura adaruçei tula* [SH, § 46] «так как среди старших братьев (слыл) забиякой»; *amitan-a tusa-yin tula* [TD, с. 22, F 3(r)] «ради пользы живых существ»; *uridus-yuqan tula bayiquldaqsan bii tas* [UM, с. 218] «стела, воздвигнутая в честь (для) своих предков».

В классических текстах и в современном языке послелог *tula* стал передавать причинное значение в позиции после основы слов, а целевое — управляя родительным падежом. Ср.: *үнэн худлыг мэдэхийн тул* [Цэв., с. 553] «чтобы узнать правду», но: *орой болсон тул* [МРС, с. 422] «так как стало поздно»; *ялахын тул* [МРС, с. 422] «чтобы победить», но: *чи ирсэн тул* [Цэв., с. 553] «так как ты пришел».

Послелог *metü* со значением уподобления чему-либо в тексте SH зафиксирован в форме мн. ч. при согласовании с формой мн. ч. управляемого слова: *narat metüs de'ü-ner* [SH, § 245] «соснам подобные младшие братья»; *qatqulduqun metüs ket bui* [SH, § 170] «нападающие (подобные нападающим), кто [они]?».

Только в древних текстах зафиксирован послелог *sitü* — синоним *metü*: *nimgen mölsün degere geçkikü sitü* [НС, 6a] «как если бы (подобно тому, что) шагать по тонкому льду»; *oyira sitü* [НС, 35a] «как если бы [находился] вблизи»; *açige [= eçige] eke-yügen gegüdeglecegsen sitü* [UM, с. 280] «словно утратили своих родителей»; *qaqsa kö'ün minu ügei sitü Senggüm* [SH, § 164] «словно как бы несуществующий единственный сын мой *Senggüm*».

Послелог *kürtele* / *gürtele* «до, вплоть до», по происхождению — форма деепричастия предела от глагола *kür-* «доходить, достигать», в ранних текстах еще тесно связан со своим глагольным происхождением и управлял местным и дательным-местным падежами, хотя лексическое значение его было уже значительно ослаблено. Ср. примеры: *örön-eĕe dörön-e kürtele* [НС, 33b] «с запада до востока»; *uĵaqur-ĕa üĵügüür-tür kürtele* [UM, с. 384] «с начала до конца»; *eĵey-e kürtele* [TD, с. 50, F 42r] «до сих пор»; *uruq-un uruq-a güртеle* [SH, § 112] «от потомков до их потомков»; *ekilekii-eĕe heĕüs-tür güртеle* [Н, IIa. 15v] «с начала до конца».

В современных монгольских языках глагольная форма *kürtele* (халх. *хүртэл*) уже грамматикализовалась в послелог, который, как правило, употребляется после основы слова, что не характерно для глагольного управления, например: халх. *комбинатаас уурхай хүртэл* [ОЦМХ, с. 218] «от комбината до шахт»; *арва хүртэл тоол-* [МРС, с. 577] «считать до десяти»; *хамгийн сүүлийн өдөр хүртэл* [МРС, с. 577] «до самых последних дней»; *илалтаһаа илалта хүртэтэр* [БРС, с. 629] «от победы к победе»; калм. *асхн күртл герлүд эрг* — [Грамматика, 1983, с. 280] «обходить дома до вечера»; *сүл күртл умиш-* [КРС, с. 328] «читать до конца».

6. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛЯМ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

По интонации, задачам и целям высказывания, определяющим характер предложения, можно выделить четыре функционально-модальных вида: побудительные, повествовательные, вопросительные и восклицательные.

Побудительные предложения обозначают намерение, желание говорящего совершить действие по собственной инициативе, а также побуждение собеседника к осуществлению действия согласно воле говорящего. Такие предложения в зависимости от интонации передают разные оттенки волеизъявления от категорического приказания, требования к совместному действию до призыва пожелания, приглашения и вежливой просьбы совершить какое-либо действие. Они указывают также на опасение и предосторожность относительно нежелательного действия. Сказуемые в таких предложениях выражаются глагольными формами побудительно-желательного наклонения. Эти формы (равно как и изъявительные) используются только предикативно.

Различные эмоциональные оттенки в семантику побудительных предложений вносят особые специальные частицы, которые добавляют в высказывания резкость, категоричность, усиливают побуждение к действию.

Примеры: *ger-e minu çi bol* [TD, с. 64, F 60r] «Ты стань моим свидетелем!»; *bi [çima-dur] ögülejü ögsü* [HC, 2a] «Я скажу [тебе]»; *bi qayaly-a negesügei* [TD, с. 31, F 16r] «Я открою ворота»; *Dimisiyi baquy-a kemebei* [UM, с. 38] «Остановимся-ка в Дамаске»; *Tegüber qoyayula bolju eden-i uduriduy-a* [TD, с. 42, F 32r] «В таком случае давайте-ка объединимся и поведем их!»; *Ta ber... çerigüd-iyen şasadqun* [UM, с. 58] «Вы выстройте свои войска (солдат)!»; *Haran ba ünemsige'üjei* [SH, § 169] «Как бы [некоторые] люди не приняли [это] за истину!»; *minu tula aqa de'ü tür mawuqalin bolulça'uļjai* [SH, § 131] «Как бы братья не перессорились из-за (ради) меня»; *Olon haran uqatuqai medetügei* [H, IIa, 23r] «Многие люди пусть поймут и познают!»; *qurban müred-ün teri'ün ken ber bu bawülutqun* [SH, § 179] «У истоков трех рек никому не оставливаться!»; *ya'un ber jöli'a ögüye* [SH, § 272] «Отдам любой выкуп!»; *tede qortan emeged-i ebçe'üt anu jorqaldaya-çi bida* [SH, § 275] «Поломаем-таки ребра тем коварным женщинам!»; *haran ba ünemsige'üjei* [SH, § 161] «Как бы некоторые люди не приняли это за истину!».

Повествовательные предложения характеризуются спокойной тональностью сообщения при изложении событий, фактов, утверждений или каких-либо явлений, требующих их объективного освещения со стороны автора. Эти предложения формируются изъяснительным наклонением в трех временных планах — настоящем, прошедшем, будущем. В связи с наличием категории модальности утверждения или отрицания, т.е. наличия отношения содержания предложения к объективной реальности, они подразделяются на утвердительные и отрицательные, выражающие возможность или невозможность осуществления того или иного действия.

В утвердительном предложении связь между подлежащим (предметом мысли) и сказуемым (как этот предмет характеризуется) представлена как реально существующая. Утвердительная интонация предложения подкрепляется логическим акцентированием сказуемого, которое нередко сопровождается специальными частицами подтверждения, указывая на важность и значимость действия: *sayin gü'ün-ü kö'ün aju'u -je* [SH, § 135] «Он определенно сын хороших людей»; *besüd-eçe Degei Kücügür aqa de'ü qoyar ireba-gü* [SH, § 120] «От бесудов прибыли старший и младший братья *Degei* и *Kücügür*»; *Canak a edüge çu çay bolju amui* [TD, с. 34, F 21v] «*Canak*, сейчас уже наступило время»;

Eđige- eke-yügen tejiġen tabıylaqu qatayujıl inu üdür üdür-eċe öbesün nemegdeyü [HC, 18a] «Его усердие в обслуживании своих родителей увеличивается изо дня в день»; *sayın nereben qoyıduş-a aldarsıyuluıy* [HC, 28a] «[Они] прославят свои добрые имена для потомков»; *Duwa-soqor manlai dumda qaċċa nidütü qurban ne'ürit qaċar-a qaraqı büle'e* [SH, § 3] «*Duwa-soqor* имел единственный глаз посреди лба и видел на расстояние трех кочевков»; *Qaċċa tenggiri medeyü* [H, IIa, 1r (4)] «Знает, только Небо».

Утвердительные предложения могут быть преобразованы в отрицательные посредством отрицательных частиц *ese* и *ülü* «не»: *güre 'elekset qaċar-aċa ese qödöljü'üi* [SH, § 146] «[Они] не сдвинулись с достигнутых мест»; *amıban ülü sögegdeküi* [HC, 36b] «Жизнь свою не подвергают уничтожению»; *Si teyin-gü ke[b]te ülü ĵa'aqu bi* [SH, § 82] «Ты лежи так, я [тебя] не выдам»; *...alı be'jöblangud-i es-e üjċebi* [UM, с. 374] «Не видели никаких страданий»; *olon amıtan kedün bügü-yi ülü medegdemü* [H, IIa, 1r] «Неизвестно сколько находится живых существ»; *Cınggis qa'an-a ya'u ber ese ökba* [SH, § 157] «Чингис-хану ничего не дали».

Отрицание *ügei* «не, нет, без» является постпозиционным и употреблялось, как правило, при именах и причастных формах со значением отсутствия чего-либо: *kümün ügei oi* [TD, с. 35, F 22v] «безлюдные (без людей) леса»; *ıdċari ügei* [UM, с. 384] «без устали».

Употреблялось это отрицание и после причастных форм, выполняющих роль сказуемого: *tede irgen Bodonċar-i ken-ü'ei ba ya'un-u'ai be ke'en assaqui ügei* [SH, § 29] «Те люди не спрашивали *Bodonċar'a*, кто он и чей».

Частица именного происхождения *busu* / *busi* «иной; другой», в качестве отрицания имеющая значение «не..., а», указывала иногда и на отсутствие какого-либо действия или чего-либо: *üdür buri üjeldüjü surıjı ögkü busu bui* [HC, 26a] «не надо видетъся каждый день и давать [им] наставления»; *Egüdügsen bügüde möngke busu* [TD, с. 24, 5v] «Все возникшее не вечно».

Целью вопросительных предложений является желание говорящего выяснить то, что ему не известно, непонятно, не ясно до конца. Эти предложения наделены особой вопросительной интонацией.

К данному типу относятся собственно вопросительные, в которых требуется ответ (утвердительный или отрицательный) на поставленный вопрос, а также риторические (риторическо-вопросительные и вопросительно-отрицательные), которые не требуют прямого ответа, так как последний содержится или подразумевается в самом вопросе. В состав таких предложений входят: вопросительные местоимения, наречия и

специальная вопросительная частица, которая в древности имела несколько фонетических вариантов (см. выше).

Примеры: *kedün saras bolba* [H, IIa, 20v] «Сколько прошло месяцев?»; *kedün gü'ün-ni alaba* [H, IIb, 21r] «Сколько человек убил?»; *mün mün ya'un üge ügülemü ci ke'eba* [SH, § 34] «Почему ты все время говоришь (повторяешь) эти слова?»; *erte üder bida ya'u ke'eldüle'ei* [SH, § 136] «О чем мы говорили прежде?»; *Kerkin sayumui ci* [TD, с. 36, F 24v] «Как ты будешь жить?»; *umartaqu ödür inu keñy-e bolqu* [HC, 35a] «Когда может наступить день забвения? (= что я могу забыть — риторический вопрос)»; *Köbegün minu cımada ger-teçe yarqu-yin kereg inu yayun bui* [TD, с. 30, F 13v] «Сын мой, скажи, какая у тебя необходимость покинуть дом?»; *Deleme yekin ügület ta* [SH, § 21] «Почему вы говорите вздор?»; *Temüjın ger-tür buyu-ü* [SH, § 100] «Дома ли *Temüjın*?»; *Jigüntei-yin köbegüd inu buyu qu* [UM, с. 281] «Находятся ли [здесь] сыновья *Jigüntei*'я?»; *Biliktü toyin busu'u bui* [H, IIa, 11v] «Не мудрый ли это священник?»; *Tedüi üü ülü irekü-üü* [TD, с. 39, F 28r] «Тогда ли [он] не вернется [назад]?».

В риторических вопросительно-отрицательных предложениях с препозитивными отрицательными частицами *ülü* и *ese* «не» или постпозиционной *busu/ busi* «не..., а» вопросительная частица *ü* нередко ставилась после этих частиц в целях придания высказыванию выразительности и эмоциональной интонации: *üjegü-yin minu nidün sonosqu-yin minu cikin bolju ülü-ü aqu ci ke'en* [SH, § 252] «Разве ты — не мои глаза, чтобы видеть, и не мои уши, чтобы слышать?»; *ñırqodu'ar de'ü busu-ü ci* [SH, § 203] «Разве ты не шестой брат [мой]?»; *namayi eyimü-yi ülü'ü jı'aqu büle'e ci ke'eba* [SH, § 145] «Разве ты не выдал бы меня вот так [лежащим]?»; *kidu'ađi ebügen ese-ü ke'eju büle'e* [SH, § 181] «Не называл ли [ты моего отца] стариком-убийцей?»; *Bida ese-ü ügüleldülü'ei* [SH, § 177] «Разве мы не обсуждали [это]?».

Восклицательные предложения характеризуются своей эмоциональностью и могут относиться к любому из трех предыдущих разрядов (побудительных, повествовательных, вопросительных), т.е. семантика восклицания может присутствовать в любом из них и отличаются они только тем, что передают либо эмоциональные переживания (состояние) говорящего, либо различные модальные оттенки. Обычно такие предложения сопровождаются местоименными и некоторыми другими частицами, а также междометиями: *ayaqa saba kekte'ül-gü asaratuqai* [SH, § 232] «Посудой пусть ведает стража» (-*gü* в слове *kekte'ül* — усилительно выделительная частица); *Ai soyuluq kö'ün-ece'en qaqaçaqu-yü törö-deçe qaqaçaba* [SH, § 178] «О, какая жалость! Разлу-

чившись со своим сыном, [я] разлучился со своим государством!»; *Ai miq-a çisun terigüten burtay ügei: ariyun tngri-ner-ün ökid-ün bey-e ber: anggijırajı odqu-yin-tulada: arıyadan qaıyuruçı buı*: [TD, с. 65, F 62r] «О, в образе непорочных дочерей божеств, лишенных плоти, крови и прочего, [вы] хитростью вводите меня в заблуждение, чтобы [я], освободившись, удалился».

7. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

По типу предикативных отношений, связывающих главные члены, простые предложения представлены двумя моделями:

1) с именным предикатом: $S(N) = P[N + \text{связка}]$;

2) с глагольным предикатом: $S(N) = P[V + \text{связка}]$.

По структурному типу составы предложений бывают: а) простыми нераспространенными (двусоставными), построенными только на базе главных членов предложения — подлежащего и сказуемого и б) распространенными, состоящими из главных и второстепенных членов (определения, дополнения, обстоятельства).

Именные предложения — это предложения, в которых подлежащее, как и в любом другом типе предложений, передается именами в форме номинатива и любыми другими субстантивированными частями речи и словосочетаниями, причастиями, реже деепричастными формами, сопровождаемыми номинализаторами — лично-местоименными и другими частицами (*minu, çinu, anu, inu, ber* и др.), и сказуемое также выражено какой-либо именной частью речи или иными субстантивированными формами, сопровождаемыми глагольными связками, частицами (лично-предикативными, модальными или отрицательными), но иногда и без них.

Самыми распространенными глагольными связками были различные формы спряжения двух ныне архаичных глаголов *a-* и *bö-/bü-* «быть, существовать» (см. выше) и *bol-* «становиться, делаться, превращаться», которые, сопровождая сказуемое, характеризовали субъект предикации: *Gergei inu Qo'ai Maral aji'ai* [SH, § 1] «Супруга его была *Qo'ai Maral*»; *Börte-üjin-ü eke Çotan neretei büliyi* [SH, § 94] «Мать *Börte-üjin* звали (была с именем) *Çotan*»; *Açi köbegün inu tabun ajuqu* [UM, с. 380] «Внуков его было пять»; *kö üt minu qat bolju'u* [SH, § 112] «сыновья мои стали ханами»; *ebesün ber inu sayın bolju'ui* [SH, § 177] «Травы стали обильными (хорошими)»; *Otçigin ta jirin elçiten*

bolju'ui [SH, § 245] «Вы с *Otcigin'*ом (*Otcigin* вы двое) стали посланниками»; *Sayin gü'ün-ü kö'ün aju'u-je* [SH, § 135] «[Он], наверняка, сын хорошего человека».

Предикативная связка в структуре именного предложения могла и отсутствовать, особенно если подлежащее — личное местоимение, занимало постсказуемую позицию: *Serekui tan-u job* [SH, § 20] «Подозрения ваши верны»; *Jarči'ut Adangqan uriyangqajin bi* [SH, § 38] «Я — *Adangqan uriyangqai'*ка [клана] *Jarči'ut*».

Глагольные предложения. В таких предложениях сказуемое может быть выражено либо одной из финитных глагольных форм (в том числе и аналитическими), либо причастными формами со связками, иногда и без них: *Ene söni sesig ügei üile minu бүтүмүй* [TD, с. 33, F 19r] «Этой ночью мои действия, несомненно, осуществляются»; *Qaqca tenggiri medeyü* [H, IIa, 1r] «Знает только Небо»; *Tenggiri gü ejeleyü* [H, IIa, 1r] «Лишь Небо владеет»; *Temülün neretei niken ökin törebi* [SH, § 60] «Родилась девочка по имени *Temülün*»; *Beler-če uyiqud-un qan inu Biš baliq-a orusin saqun ajuqu* [UM, с. 386] «Издавна уйгурский хан жил в *Biš-Baliq-a*»; *caу inu edüge bolju amui* [TD, с. 23, F 3v] «Время сейчас [уже] наступает»; *Bida manaqar erte бүчүжү бариya* [SH, § 168] «Мы рано утром [их] захватим»; *imada-ča jirquqan köbegüd töregsen ajuqu* [UM, с. 379] «От нее родилось шесть сыновей»; *Duwa-soqor manglai dumda qaqca nidütü qurban ne'ürüt qajar-a qaraqу бүле'e* [SH, § 4] «*Duwa-soqor* с одним глазом во лбу видел на расстояние трех кочевков»; *Temüjin namayı ülü ükü'ülgü* [SH, § 149] «*Temüjin* меня не убьет»; *ülemji asuru masi turuysan* [TD, с. 26, F 8v] «[Он] чрезвычайно истощен»; *bosqui kücün baraysan* [TD, с. 26, F 6v] «Нет сил встать» (= сила встать исчезла).

Как при именном, так и при глагольном сказуемом, подлежащее, выраженное личным местоимением, как правило, завершало предложение: *ülü udan burqan bolqu-yi üjekü ci* [TD, с. 46, F 37v] «Вскоре ты увидишь [мое] превращение в Будду»; *Edö'e qarangqui söni ker olqun bida* [SH, § 83] «Сейчас, темной ночью как найдем мы [его]?»; *Soqtaba bi* [SH, § 272] «Захмелел я»; *yekin teyin setkiba ta* [SH, § 77] «Почему вы так думаете?».

Иногда подлежащее, выраженное личным местоимением, могло как предварять, так и завершать предложение: *Bi ene söni jewüden jewüdeleba bi* [SH, 63] «Я этой ночью увидел сон».

Такие постпозиционные личные местоимения в бурятском, калмыцком, дагурском языках превратились в лично-предикативные частицы, отсутствующие в современном монгольском языке.

Например: бур. *Бидэ арсахагуйбди* [ГБЯ, Синтаксис. М., 1962, с. 39] «Мы не будем возражать»; *Шу эндээ хүлээхэши* [там же] «Ты подожди

здесь»; калм. *Бидн сурһульчнвдн* [Пюрбеев, 1977, с. 101] «Мы — учащиеся»; *Төрскэн зөригэр харсжт* [там же, с. 93] «Вы храбро защищали свою Родину». Причем, указание на действующее лицо «вы» содержится только в глагольной форме — *харсжт* с лично-притяжательной частицей *t < ta* «Вы».

В дагурском языке личные местоимения 1-го и 2-го лица выступают в качестве показателей сказуемости при глаголах изъявительного наклонения и при именах, употребленных в роли сказуемых: *ipэбэйби* «я прийду»; *хэлсэнтā* «вы сказали» [Тодаева, 1960, с. 64].

Подлежащее в структуре предложения нередко оказывается неэксплицитированным, но легко восстанавливаемым из контекста: *eјen ügei nuntuq-tur qocorcu amui* [SH, § 149] «[*Temüjün*] остался в безлюдном кочевье»; *oroјu qatgulduya* [Н, IIb, 22v] «[Мы] войдем и сразимся»; *Bügünütei Belgünütei nereten büle'e* [SH, § 10] «[сыновья] были с именами *Bügünütei* [и] *Belgünütei*».

Все предложения, как именные, так и глагольные, подразделяются на простые (I) и сложные (II).

Первую группу составляют: а) предложения, не осложненные второстепенными членами предложения, т.е. состоящие из подлежащего и сказуемого и б) предложения, состоящие из подлежащего и сказуемого, а также второстепенных членов предложения: определений, дополнений, обстоятельств.

Ко второй группе относятся: а) синтаксические структуры с так называемыми «развернутыми членами предложения или причастными и деепричастными оборотами», представляющими собой специфические конструкции в предложении, часто со своими собственными подлежащими и сказуемыми — деепричастными формами и падежно-оформленными и неоформленными причастиями; б) синтаксические структуры, соответствующие (в традиционной терминологии) сложносочиненным предложениям, части которых синтаксически независимы и соответствуют законченным предложениям, связь между которыми осуществляется посредством параллелизма или союзов и союзных слов.

Со второй половины XX в. исследование синтаксиса сложного предложения на материале алтайских, в том числе и монгольских, языков разрабатывается на основе понятия полипредикации в качестве определяющей структурной черты сложного предложения⁶. В «Очерках» исследуются только предложения с причастиями и деепричастиями в качестве структурных элементов простого предложения.

⁶ См., например, [Скрибник, 1988].

Двусоставные предложения. Двусоставное (нераспространенное) предложение формируется двумя главными членами: подлежащим и сказуемым. Например: *ireba bi* [SH, § 118] «приехал я» (подлежащему предшествует сказуемое); *Ĵetei Doqolqu-ċerbi aqa de 'ü qoyar ireba* [SH, § 120] «прибыли старший и младший братья — *Ĵetei* и *Doqolqu-ċerbi*»; *Qaqca Tenggiri medeyü. Tenggiri gü eĵeleyü* [H, IIa, 1r] «Только Небо знает. Только Небо владеет».

Поскольку количество предложений, состоящих только из подлежащего и сказуемого, ограничено, так как последние бывают осложнены теми или иными второстепенными членами, то эти категории целесообразно рассматривать в составе распространенных предложений.

7.1. Категория подлежащего

Подлежащее, как главный член предложения, грамматически независимый от других членов предложения, сообщает то, к чему относится информация, содержащаяся в сказуемом.

В зависимости от целей высказывания, логического ударения подлежащее может занимать любую позицию в составе предложения, но перед сказуемым, за исключением случаев, когда оно выражено личными местоимениями: тогда оно может оказаться и после сказуемого.

В роли эксплицитно выраженного подлежащего употребляются все имена существительные (собственные и нарицательные, конкретно вещественные и абстрактные), местоимения и числительные в именительном падеже и все прочие субстантивированные части речи и словосочетания как в ед., так и во мн. числе.

Элементами субстантивации служат, как правило, лично-местоименные частицы *minu*, *ċinu anu*, *inu*, *ni* и некоторые другие, например *ber*, а также грамматикализованные глагольные формы — *kemebesü*, *bolbasu* — формы условного деепричастия, образованные соответственно от глаголов *kete-* «говорить, сказать» и *bol-* «становиться», роль которых сводилась не только к функции субстантиваторов, но и к подчеркиванию значения главного участника ситуации в тексте.

Наряду с этим некоторые из частиц, среди которых упомянутая выше неизвестная современным языкам, но широко представленная в древних текстах частица *ber*, использовались не только в качестве маркировки подлежащего, но и могли следовать после любого другого

члена предложения, придавая ему усилительно-выделительное, конкретизирующее значение. подчеркивали главное, актуальное в высказывании, что являлось темой (топиком).

Подлежащее, выраженное именем существительным, в том числе собственным именем: *Gergei inu Qo'ai maral aǰ'ai* [SH, § 1] «Супруга его была *Qo'ai maral*»; *Duwa-soqor aqa inu dörben kö'ütü büle'e* [SH, § 11] «Старший брат его *Duwa-soqor* имел четырех сыновей (был с четырьмя сыновьями)»; *Mön bingǰang oron kemebesü Si ning Ong-un ded köbegün inu aǰuqu* [UM, с. 380] «Тот, *bingǰang oron* был вторым сыном *Si ning Ong'a*»; *köbegüd inu qurban aǰuqu* [UM, с. 373] «Сыновей (сыновья) было три»; *Qurmusta terigüten ber tegün-e mörgümüi* [TD, с. 62, F 50r] «Хурмуста и другие поклонялись ему».

Подлежащее, выраженное местоимением: *Bi ber ende aǰu* [TD, с. 45, F 35v] «Я здесь нахожусь»; *Ta ber bu a[b] ci yabutqun* [SH, § 72] «Вы уезжайте без них (досл. не беря [их])». Как уже выше отмечалось, подлежащее, выраженное личным местоимением, нередко занимает постсказуемую позицию: *Tede qurban naran-i uqaba-'ü ci* [SH, § 55] «Ты понял [намерения] тех троих людей?»; ...*Edö'e qarangqui söni ker olqun bida* [SH, § 83] «Как мы найдем теперь, темной ночью?»; *Ende bawuya bida* [SH, § 110] «Мы остановимся здесь».

Подлежащее, выраженное числительным: *qutuqar inu Buyan: dötüger inu Bayan boluqsan aǰuqu* [UM, с. 379] «Третий был *Buyan*, четвертый — *Bayan*»; *ǰirquduqar inu Derbis čumui ön-ü sem ön bui* [UM, с. 380] «Шестой, *Derbis*, — это *čumui ön-ü sem ön*».

Подлежащее, выраженное прилагательным: *Yekemed inu Terkün Buq-a [aǰuqu]* [UM, с. 378] «Старший [был] *Terkün Buq-a*»; *Tendekin ögüler-iin* [TD, с. 52, F 45r] «находящиеся там сказали»; *nöğöge inu qan kütün-e cing ün-en-iyer kücü ögkü* [HC, 2b-3a] «следующее (другое) — чистосердечно служить хану».

Подлежащее, выраженное причастными формами и причастными словосочетаниями:

а) причастием будущего времени: *sedkikü inu erten-ü sayid-tur adali buu* [UM, с. 240] «Его помыслы (*sedkikü* «думать, мыслить, размышлять») были такими же, как и у прежних достойных людей»; *Bidan-dur yubuqui-van berkesiyen aǰu'u* [SH, § 278] «Служба при нас (досл. хождение) затруднительна»; ...*ülü süsülkün ǰegün eteged bayǰu...* [TD, с. 61, F 56v] «неверующие находились на левой стороне»; *sereküi ber tan-u ǰob* [SH, § 20] «Подозрения ваши верны».

б) причастием прошедшего времени: *minqat minqad-ača ilqaǰu iregset naiman minqat turqa'ut bolba* [SH, § 226] «отделившиеся (отделившись,

прибывшие) из многих тысяч стали восемью тысячам *turqa'ut'*ов (дневной стражей)».

в) однократным причастием: *Ene bulqalduǰi Jirgin-ü Qadaq ba'atar aǰu'u* [SH, § 185] «Этот вояка был джиргинский *Qadaq ba'atar*»; *çayayan-i tayalayǰid anu bodisdv-i maǰtaǰu... qara-yi tayalayǰid bodisdv-i dayariǰu...* [TD, с. 62, F 58r] «Любящие справедливость (белое) хвалили Бодхисаттву... любящие зло (черное) оскорбляли Бодхисаттву».

Как уже отмечалось выше, позиция главного актанта в предложении нередко остается неэксплицированной и вычисляется из контекста: *oroǰu qatgulduya* [H, IIb, 22v] «[Мы] войдем и сразимся»; *nuntuq-tur qoçorçu amui* [SH, § 149] «[*Temüǰin*] остался в безлюдном кочевье».

Кроме именительного падежа подлежащее изредка могло оформляться исходным падежом: *Ça'adai-aqa-ça boltuqai ke'eǰü...* [SH, § 279] «Пусть решает старший брат *Ça'adai*» (-*ça* = -*aça* исх. п.); *...aimay-un aqalaqsand-aça iretügei ke'en* [H, IIb, 2r] «Пусть придут старейшины аймаков».

7.2. Категория сказуемого

Глагольное сказуемое

Сказуемое — также главный член двусоставного предложения, грамматически зависимый от подлежащего. Оно может быть выражено как финитивными глагольными формами (повелительно-желательные, изъявительные), включая аналитические формы, так и причастными формами с глагольными связками (допускается и их отсутствие), деепричастиями со служебными глаголами, именами и другими частями речи.

Нередко сказуемое сопровождается частицами, сообщающими дополнительную модальную окраску в смысловом значении, подчеркивая важность, значимость утверждения в законченности осуществляемого действия.

Сказуемое, выраженное повелительно-желательными формами

Сказуемые, обозначенные этими формами, предусматривают разные способы в достижении цели, присутствующей в содержании глагольной основы, с той или иной степенью категоричности: приказание, просьбы, пожелания, обращения к какому-то лицу или намерения самого лица осуществить предстоящее действие.

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го л. ед. и мн. числа, как правило, обозначает настойчивое приказание или пожелание осуществить действие: *sayurin-dayan sayu* [HC, 2a] «[Ты] сядь на свое место!»; *Teyin biu sedki Canak'a* [TD, с. 36, F 24v] «Не думай так, Canak!»; *ger-e minu ci bol* [TD, с. 64, F 60r] «Ты стань моим свидетельством!»; ...*öber-ecegen erdem-tü sayid-luy-a aq-a degü barildu* [UM, с. 375] «...станьте побратимами с теми, кто образованнее и лучше вас!».

Сказуемое, выраженное пропозитивной формой 1-го лица ед. числа, иногда мн. числа, обозначает намерение, желание, готовность совершить действие: *Bi [çimada] ögüleñi ögsü* [HC, 2a] «Я намерен сказать [тебе]»; *sayin aqta qatari ulju a[b]çirañi ökksü ba* [SH, § 123] «Мы пригоним и отдадим [тебе] прекрасных коней»; *tere siltayan-i boyol öcisü:* [TD, с. 38, F 27v] «[Я, ваш] раб, расскажу о той причине (обстоятельствах)»; *bi qayaly-a negesügei* [TD, с. 31, F 16r] «Я открою ворота»; *Bi urida mör jasan yabusuyai* [TD, с. 31, F 15v] «Я пойду вперед и подготовлю путь»; *eçige-dür-iyen iresügei bi* [TD, с. 29, F 13r] «Я приду к отцу своему»⁷.

Сказуемое, выраженное повелительно-пригласительной формой 1-го лица ед. и мн. числа, обозначает намерение, желание говорящего осуществить действие или обращение ко второму лицу (лицам) осуществить действие совместно: *edüge... jergeber ügüley-e* [UM, с. 363–364] «Сейчас... [я] все расскажу по порядку»; *Dimisyi baquy-a kemebei* [UM, с. 38] «Давайте-ка остановимся в Дамаске!»; *Edüge şlüge-iyer maqtan ayalulay-a* [UM, с. 242] «Сейчас восславлю стихами»

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го и 3-го лица, обозначает приказание, разрешение или вежливую просьбу осуществить действие: *ÿly il bulqan irgen-tür kürbesü busiretügüi* (вм. *büsiretügüi*. — М.О.) *ayutuqai* [UM, с. 16] «Когда указ достигнет чужеземных народов, пусть [они] убоятся»; *Canak a edüge çu cay bolju amui: morin-i abçu ireñi ögtügei* [TD, с. 34, F 21v] «О Canak, уже наступает время. Иди и приведи коня!»; *tngri minu a biu yasultuyai* [TD, с. 30, F 14r] «О божество мое, не печалься»; *Ta Möngke-qayan tümen tümen nasultuyai* [UM, с. 21] «Вы, Möngke-qayan, живите многие тысячи лет».

Эта же повелительная форма используется, когда действие осуществляется в результате указов и постановлений: *bidan-u dergede yabuqun metüs-i oro'ultuqai* [SH, § 224] «Впускать всех желающих присутствовать при нас (рядом с нами)»; *bidan-tür irekün haran-i bu itqatuqai* [SH, § 224] «...аратов, направляющихся к нам, не задерживать!».

⁷ В текстах наряду с формой на *-sU* в том же значении использовалась и *-sUÿAi*, последняя закрепилась в современном языке [Лувсанбалдан, 1961, с. 33; Орловская, 2000, с. 72].

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го лица мн. числа обозначает требование, приказание или призыв, носящие скорее категорический характер выполнить, осуществить указанное действие: [*Ta köbegüd...*] ...*mayi üile buu böged üiledüdkün* [UM, с. 374] «...[Вы, сыновья], не совершайте плохих дел!»; *Ta ber... çerigüd-iyen ğasadqun* [UM, с. 58–59] «Вы... постройте свои войска!»; *Qoyar ğala 'us bui ta üğeldüktüt⁸ mono qoyına bu telb]çildü[k]tüt ke'eba* [SH, § 93] «Вы двое молоды дружите, отныне и впредь не оставляйте друг друга!»; [*ta*]...*ulaq-a umda sigüsü ane* (= ene. — *M.O.*) *ülü megüdülün öğüdkün* [UM, с. 26–27] «[Вы] полностью снабжайте подводами, питьем и харчами!»; *Ta noyad minu sonosudqun* [UM, с. 445] «Вы, князя мои, слушайте!»; *Ta kö'üt de'ü-ner minu öter qaritqun* [SH, § 149] «Вы, сыновья мои, быстро уходите [отсюда]!»).

Сказуемое, выраженное формой опасения, обозначает действие, связанное с разными лицами ед. и мн. числа, и выражает опасение, предостережение и боязнь того, как бы не совершилось нежелательное действие: *Sirgü'etü namayi alağu ile 'üğei* [SH, § 149] «Как бы *Sirgü'etü* не убил меня»; *minu tula aqa de'ü-tür tawuqan bolulça'uğai* [SH, § 131] «Как бы братья не перессорились из-за меня»; ...*üküksen amin ügei beye minu abçu otçu yeki 'üğei* [SH, § 149] «Как бы не пришлось [вам] иметь дело с моим мертвым, безжизненным телом»; *Qor-ıyan abda'uğai çı* [SH, § 190] «Как бы ты не позволил [врагам] отобрать свои колчаны».

Сказуемое, выраженное изъявительными глагольными формами

Сказуемое, выраженное глаголами настояще-будущего времени

1) Форма на *-uU*. Эта отсутствующая в современном языке форма содержала в себе модальное значение достоверности, убежденности или необходимости в совершении обозначенного в глагольной основе действия. Поэтому она, как правило, использовалась в различного рода поучениях, наставлениях, изречениях, когда осуществление того или иного действия не подлежало сомнению: *sayın nere-ben qoyıduş-a aldarsiyuluvu* [HC, 28a] «свои добрые имена прославят для потомков»; ...*ene söni bodısdv gerteçe mağad yaruvu* [TD, с. 31, F 15r] «...этой ночью

⁸ Форма *-ktüt* представляет собой форму мн. числа от *-ktün*, которая, в свою очередь, является метатезой *-dqun > -qdun / -ktün*, вытеснившей со временем первую [Weiers, 1969, с. 127; Орловская, 2000, с. 74].

Бодхисаттва, несомненно, уйдет из дома); *Açitu eke ðinu buyu bi* [TD, с. 47, F 37v] «Я же и есть твоя заботливая мать».

Фонетическими вариантами формы *-yU* были:

-yi, который как и *-yU*, употреблялся после основ, оканчивающихся на гласный: ...*öki qatu oluyi-je çi* [SH, § 55] «...жену ты [себе], конечно, найдешь»; ...*dayisun müit gü boluyi* [SH, § 136] «...[снова] появился враг»;

-i и *-u* использовались после основ на согласные: *Ger-tür-iyen qariju ayisi* [SH, § 100] «[Я] возвращаюсь к себе домой»; *Qoyinaça haran ubur subur nekeju ayisu* [SH, § 91] «За нами (сзади) гуськом [нас] преследуют люди»; ...*yabudal-ıyan orosiylqu-yin eçüs inu ene bolu* [HC, 3a] «...это и есть конец осуществления своего деяния».

В тексте SH зафиксированы и случаи употребления варианта с *-ai*: *Jamıqa... Cınggis-qahan-tur morılaju ayısai* [§ 129] «*Jamıqa* выступил против Чингис-хана (= отправился к Чингис-хану)»; ...*ede ya'ut haran teyin hüldeju ayısai* [§ 195] «...Это что за люди так гонятся [за ним]?»⁹.

2) Форма на *-m*, также древнейшая форма, обозначала действие, относящееся, в зависимости от контекста, к настоящему или будущему времени, происходящее обычно, постоянно, регулярно, а также и соотносимо с моментом речи: *Tede ber ülü üjegdem ni* [TD, с. 40, F 29v] «Они невидимы»; *Cögeken idegen idegsen-ıyer qutuy-i olum* [TD, с. 47, F 38r] «[Они] достигают святости, очень скромно питаются»; *ö'erün qaǰar-tur qarım* [H, с. 13, 20v] «[Мы] возвратимся в свои земли».

Со временем эта форма исчезла из письменного монгольского языка, сохранившись в первоначально «чистом» виде лишь в баоаньском и монгорском языках, где она стала употребляться в качестве показателя будущего времени [Тодаева, 1964, с. 84].

3) Формой на *-mU*, близкой по значению к предыдущей, также передавалось действие, совершающееся обычно, постоянно, часто, повседневно, в данный момент: *Tngri-yin mör kemebesü ... tümen jüil ed-i törögüleju manduqulurun* [UM, с. 328] «Небесный путь порождает десятки тысяч предметов и веществ»; *ken-ü kö'üt ene üdür uqulǰa alaju eyin idemü* [SH, § 200] «Чьи это юноши, убив сегодня горного барана, так едят [его мясо]?»; *Üdür buri man-tur ireju esükçileju odumu* [SH, § 31] «Каждый день [он] приходит к нам, пьет кумыс и уходит».

⁹ О происхождении и однозначности всех фонетических вариантов этой древнейшей финитно-предикативной формы, сохранившейся в современном монгольском языке только в словоформе *ayisui* > халх. *айсуй* со значением действия, совершающегося в данный момент, и с ограниченной сферой употребления, см. [Рамстедт, 1957, с. 96–98; Weiers, 1969, с. 139; Орловская, 1984, с. 83–87].

Но она обозначала также и действие, относящееся к моменту речи в прошлом. Это так называемое «историческое настоящее», характерное для диалогов и прямой речи: *Činggis-qahan üjĕjü üqülerün ene ya'ın bolumu* [SH, § 145] «Чингис-хан, увидев [это], сказал: „Что это произошло?“»; *Bi ene ĵewüden-ĵewüdüleba bi. ċaqan singqor... qar de'ere minu tu'uba yambar ele sayı üjĕ'ülümü ke'ejü* [SH, § 63] «[Чингис-хан] сказал: „Я этой ночью видел сон. Белый сокол... опустился мне на руку. Что бы хорошее это предвещало?“».

В контексте форма на *-mU* использовалась и для передачи действия, осуществление которого произойдет в будущем: *eyimü söni edüge qamiy-a odumu* [TD, с. 33, F 19r] «Куда [вы] пойдете сейчас, в такую ночь?».

Модальная частица *-ĵe / ĵe* придавала действию, которое в зависимости от контекста могло принадлежать как настоящему, так и будущему времени, оттенок вероятности, предположения или утверждения: *...hoi-yin irgen-ü yabudal Quduqa medemü-ĵe* [SH, § 241] «*Quduqa* ведь знает поведение [и образ жизни] лесного народа»; *...yeke üile qadaqalan ċidamu Ĵe* [UM, с. 277] «...определенно сможет сохранить великое дело».

4) Форма на *-mUi* (возможно, фонетический вариант *-mU*) обозначала действия, сходные по своему временному плану с предыдущей формой. Действие могло относиться как к данному моменту, так и к повседневным событиям и состояниям: *Amaray köbegün-iyen tulada yasalumui bi* [TD, с. 47, F 37v] «Я горюю о своем любимом сыне»; *Eđđ'e noqan-u dawun idireküi qucal quċamui* [SH, § 189] «Сейчас [наши] собаки тревожно лают»; *...edüge ükülügei rasiyan-i¹⁰ erin odumui* [TD, с. 33, F 19r] «Сейчас я иду искать бессмертную *rasiyan*'у».

Значение действия, которому предстоит совершиться в будущем, выявляется из контекста: *Naiman-u Tayang-qan qor ċinu abura iremüi* [SH, § 190] «Найманский *Tayang-qan* прибывает (но и «прибудет») забрать твои колчаны»; *...yaċayar kerkin sayumui ċi* [TD, с. 36, F 24v] «...как ты будешь жить в одиночестве?».

Частица *-ĵA / ĵA* придавала высказыванию оттенок несомненности выполнения обозначенного в глаголе-сказуемом действия или значение особой экспрессии и выразительности: *tegün-lüge adali: ün en bolumui Ĵa kemen sedkimü bi* [TD, с. 41, F 30r] «Я думаю [это] правда, что вы станете равным с ним»; *Mon-a mon-a qoyin-a sayın ner-e tan-u egüride aldarsiyuldamui ĵ-e* [UM, с. 376] «Ваше славное имя, несомненно, прославится в настоящем и будущем»; *...tere mör-i busud-tur tuyulyaĵu*

¹⁰ *rasiyan* (в современном монгольском — *аршаан*) — «целебный минеральный источник; целебная минеральная вода»; уст. «святая, живая вода».

bolumui ǰa [TD, с. 42, с. 31v] «...тот путь [мы] можем ведь передать и другим?».

5) Форма на *-t*. Эта форма уже неоднократно упоминалась в монголоведной литературе, причем происхождение и значение ее трактовались неоднозначно. С.А. Козин определял ее как форму будущего времени изъявительного наклонения, возможно, с некоторым оттенком сомнения [Козин, 1939, с. 28–33]. Это же мнение, как и то, что она была заимствована из тюркских языков, разделял и В.Л. Котвич [Котвич, 1962, с. 272–276]. N. Poppe [1955, с. 262–263] и M. Weiers [1969, с. 137] рассматривали ее как мн. число глагольной формы на *-n*. Но форма на *-n* — это деепричастная форма, а деепричастия по числам не изменяются. Поэтому, это скорее всего была заимствованная форма, известная только ранним письменным монгольским памятникам и исчезнувшая из языка уже к XVII в. [Орловская, 1984, с. 99; 2000, с. 80].

В тексте SH зафиксировано несколько предложений, в которых сказуемые, выраженные глагольной формой на *-t*, обозначают действия, относящиеся к плану настоящего и будущего времени: *deleme yekin ügület ta* (§21) «Почему вы говорите вздор?»; ... *qaraçus tende uqat-ǰe* (§ 21) «простой люд тогда узнает ведь»; ...*kei unuǰu yubut tede alalduqui üdür haran-u miqa idet tede* (§ 195) «оседлав ветер, мчатся они, в дни сражений людское мясо едят они»; ...*uru'ut mangqut ke'ekdet* (§ 195) «...[они] называются урууты и мангуты»; *basa mono qoyina Bedü'ün-i uqat-ǰe bida ke'eba* (§ 209) «после всего этого мы ведь узнаем (поймем) [поведение] Bedü'ün'a»¹¹.

Сказуемое, выраженное глаголами прошедшего времени

Прошедшее время выражалось тремя различными глагольными формами с их фонетическими вариантами: *-bA/-bAi/-bi*; *-lUγA* и *-ǰUqUi/-čUqUi*.

В отечественном и зарубежном монголоведении эти три формы чаще всего называются: перфектный презенс-форма на *-lUγA*, перфектный претерит-форма на *-bA/-bAi/-bi* (последняя указывала на то, что действие связано с лицом женского пола) и имперфектный претерит-форма на *-ǰUqUi/ -čUqUi* [Санжеев, 1963, с. 119–129; 182–193].

¹¹ В переводе SH на современный язык форма на *-t* в этих предложениях заменена на современные формы настояще-будущего времени (см. МНТ — соответствующие параграфы).

В некоторых современных зарубежных исследованиях они обозначаются как past I (*-bA/ -bAi*), past II (*-jUqui/ -ĉUqUi*) и past III (*-lUγ -A*) [Binnik 1990, с. 47–53] или как direkt (*-lüγ-A*) и indirect (*-jUγUi / -ĉuqui*) past [Svantesson, 1991, с. 190–194].

На протяжении длительного времени ученые пытаются установить основные отличия между тремя этими формами и найти в них дополнительные временные или модальные оттенки. Поиски различия между ними шли в направлении установления степени завершенности действия в рамках прошедшего времени или в выявлении дополнительных модальных или видовых нюансов.

Если более или менее общее мнение сложилось у исследователей по поводу значения формы *-jUqui / -ĉUqUi*, служащей для выражения давнопрошедшего времени с наличием особого модального оттенка неожиданности данного действия [Бобровников, 1849, с. 356; Котвич, 1902, с. 108; Поппе, 1937, с. 120; Санжеев, 1963, с. 190; Лувсанвандан, 1951, с. 119], а также дополнительного значения «заглазости», т.е. того, что действие в прошлом осуществлялось без участия повествующего о событиях, который осведомлен о них с чужих слов путем умозаключения [Бадан, 1985, с. 79–80], то мнения относительно различия в значении форм *-bA* и *-lUγ-A* расходятся, а порой и диаметрально противоположны.

Близки оценки в употреблении этих двух форм у Ал. Бобровникова и В.Л. Котвича.

Форма *-bA* определяется как обозначающая действия и события, неизвестные ранее слушателю, а *-lUγA* — достоверная форма, указывающая на то, что сообщаемое предполагается уже известным слушающему или что рассказывается о событиях общеизвестных, о которых, по мнению говорящего, еще не знает слушающий [Бобровников, 1849, с. 346, 350–356; Котвич, 1902, с. 107–108].

Н. Поппе определял формы *-bA* и *-lUγA* как близкие по значению, хотя в отличие от *-bA* последняя «может выражать действие более длительное и имеет оттенок достоверности и общеизвестности» [Поппе, 1937, с. 119].

Г.Д. Санжеев, отметив, что перфектный претерит (*-bA/ -bAi*) «в монгольских языках является одной из тех глагольных форм, которые за исторически обозримый период не подверглись каким-либо существенным семасиологическим и грамматическим изменениям, а поэтому во всех языках имеют более или менее одинаковое значение и аналогичное употребление», считал, что эта форма передает «такое действие, которое закончилось в прошлом до момента речи или перед событием,

составляющим предмет повествования, а равно действие, завершение которого в момент речи представляется несомненным, т.е. действие и настоящего времени» [Санжеев, 1963, с. 193–195].

Разногласия в оценке значения и употребления этих трех глагольных форм прослеживаются и в работах монгольских лингвистов.

Форма на *-bA* рассматривается то как обозначающая недавно полностью закончившееся действие (*саяхан гуйцэд өнгөрсөн цаг*) или как еще неизвестное прошедшее (*мэдэгдээгүй өнгөрсөн цаг*) [Лувсанвандан, 1951, с. 119; 1968, с. 73–74], то как передающая значение законченного в прошлом [действия] (*өнгөрсөн төгссөн цагийн утгыг илрүүлнэ*) [Орчин цагийн монгол хэл зүй, 1966, с. 149]; или как заведомо известное прошедшее время (*мэдэгдэж өнгөрсөн цаг*), близко связанное с моментом речи [Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт, 1987, с. 165–166].

Более единое мнение в указанных работах прослеживается относительно формы на *-lUγA* как обозначающей недавно прошедшее или неполностью завершённое действие (*саяхан өнгөрсөн буюу гуйцэд биш өнгөрсөн*) или как прошедшее продолженное (*өнгөрсөн үргэлжилсэн цаг*) [Лувсанвандан, 1951, с. 119; 1968, с. 73–74], а также как только что (сейчас) законченное время (*одоо өнгөрсөн цагийг илрүүлнэ*) [Орчин цагийн монгол хэлзүй, 1966, с. 149; Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт, 1987, с. 165–166].

Существует и такая точка зрения, что в современном монгольском литературном языке между этими двумя формами нет разницы как во временном, модальном аспекте, так и в стилистическом отношении, так как они «одинаково широко употребляются в любом функциональном стиле речи». А единственное отличие между *-bA* и *-lUγA* видится лишь в том, в какой форме — письменной или устной речи они употребляются: *-bA* присуща письменной, хотя это и не носит строго регламентированного характера, а *-lUγA* более свойственна устной речи, хотя может присутствовать и в письменной, особенно «в связи со стремлением как можно точно и полно зафиксировать в письме то, что говорят». Но в вопросительных предложениях и тогда, когда за сказуемым следует какая-либо частица или сопутствующий эмфатический элемент, в устной речи используется форма *-bA* [Бадан, 1985, с. 79–80].

Существовало ли какое-либо отличие при использовании этих двух форм и их фонетических вариантов во временном и модально-стилистических аспектах, проследим на материале разных текстов XIII–XIV вв.

Сказуемое, выраженное формой на *-bA/-bAi/-bi*

Действия, обозначенные этой формой, относятся к прошлому. При этом временная локализация того или иного осуществившегося действия или процесса по отношению к моменту речи во многом зависит от контекста в целом:

1) действие, совершившееся недавно: *Bi Sumur taq-un orai deger-e qarba* [UM, с. 446] «Я взошел на вершину плато *Sumur*». Это действие можно определить и как предпрошедшее, поскольку вслед за ним следует другое действие: *Naran singgekü-in* (вм. *-yin-*. — *M.O.*) *jug* (вм. *jug-*. — *M.O.*) *qarangqu-yi daqaba* [UM, с. 446] «[и я] последовал в сторону заходящего солнца»;

2) действие заканчивается к моменту речи: *Temüjin-i бүкүү-йи үгеи эсе игаби. Qoyinača bosu'at irebi bi ke'ebi* [SH, § 100] «Там *Temüjin* или нет, не знаю. Я выехала с северной стороны»; *Temüjin-i abura ireba ke'eji'ü* [SH, § 69] «[Я] приехал забрать *Temüjin*'а»;

3) действие заканчивается в момент речи: *...suyuluγad sača ger-ün dotor-a gegegen gerel-iyer dügürbei* [TD, с. 29, F 12v] «Как только [он] уселся, дом внутри наполнился ярким светом»; *Bi edö'e ireba ke'et* [SH, § 93] «Я только что прибыл»; *Dobun-mergen de'ü-de'en čimada quyuca ke'eji Dobun-mergen de'ü-yü'en üjere ilēba* [SH, § 6] «„[Мы] для тебя, своего младшего брата *Dobun-mergen*'а, попросим [девушку в жены]“, — сказал [он] и отправил *Dobun-mergen*'а посмотреть [девушку]»;

4) действие, закончившееся давно по отношению к моменту речи: *irged manu masi yadaǰu ükügsed manu qočorba. Ülegsed manu qoqolai yadaǰu jorčiba* [UM, с. 309] «Люди наши очень устали. Умершие оставались [на местах]. Оставшиеся [в живых], страдая от голода, шли [вперед]»; *Jorčiqsad ber manu bügüde qariǰu irebei* [UM, с. 310] «Идущие [вперед] все вернулись»; *Tayisi irged tariyan ber manu sayin bolba* [UM, с. 310] «*Tayisi*¹² стали нашими хорошими хлебобобами»; *Bičig minu üker jil... Köndelen-e бүкүү-түр биçеби* [UM, с. 40] «Письмо мое написал в год Быка, находясь в *Köndelen*'е»; *[Bii tas]... on bars jil arban sara-yin arban qoyar-a baviqulbai* [UM, с. 389] «[стелу] воздвигли двенадцатого десятой луны года Тигра»; *Arsi boluγsan-dur-iyen yeke dalai-yin dotor-a-ača qudalducin-i diyan-u küčün-iyer aburabai* [TD, с. 22, F 4r] «Когда [вы] стали отшельниками, вы спасли купцов с великого моря силой своей медитации».

¹² Титул чиновника-феодала в дореволюционной Монголии.

Иногда формой на *-bA/ -bAi* передавалось действие в прошлом, как бы происходящее в настоящем, т.е. в качестве так называемого расширенного настоящего, вместо формы на *-mU/ -mUi*, например: *bey-e bilder üsün mariyan bolju [eçige ek]e-eçe türügüldebei* [НС, 2а] «[Наши] тела, [которые состоят] из волос и плоти, порождаются родителями».

Необычным представляется и употребление этой формы не для обозначения действия в прошлом, а для передачи значения предостережения от возможности совершения нежелательного действия в будущем: *ayuriysan ömörigsen emeged alayaban ebçigüben deledcü: aq-a jaq-a minü alaydaba: ai çi bosçu buruуд kemen* [ТД, с. 61, F 56v] «Сморщенные, усохшие старухи сжимали свои ладони и били себя в грудь, восклицая [каждая приговаривая]: «Мой старший, ты можешь быть убит. О, вставай и спасайся бегством!».

Редким случаем является и обозначение действия этой формой в сочетании с глагольными связками, поскольку с последними, кроме причастных и деепричастных форм, употреблялась только изъявительная форма на *-m*. Пример: *edüge çu köbegün-i kiçiyejü çay bolbai aqyuu* [ТД, с. 28, F 11r] «Настало ли сейчас время охранять мальчика всеми способами?» (*bolbai aqyuu* < *bolbai aqy uu*; где *uu*- вопросительная частица).

Итак, тексты XIII–XIV вв. свидетельствуют, что использование в сказуемом форм на *-bA/ -bAi/-bi* характерно для повествовательной речи при описании событий, произошедших в прошлом, причем закончившихся в момент или незадолго до момента речи, а также и в отдаленном прошлом, при этом повествующий, как правило, является участником или свидетелем описываемых событий или хорошо осведомленным о них.

Сказуемое, выраженное формой на *-IUγA*

Форма на *-IUγA* в древних текстах имела многочисленные фонетические варианты: *-IU'ai* < *-IUγai/ -IUqai*; *-IU'a*; *-lĀi*, *-laya*; *-legei*, *-lq-a*, *-lya*. Форманты *-ligi* и *-liyi* < *ligi*, зафиксированные в тексте SH, использовались (хотя и нерегулярно) для обозначения действия, исходящего от лица или относящегося к лицу женского пола [Орловская, 2000, с. 86].

Сказуемые, обозначенные этой формой, передавали абсолютное значение прошедшего времени, при этом имея также различную степень соотнесенности с моментом речи в прошлом:

1) это действие могло быть закончившимся в отдаленном прошлом: *yisüŋke...qurban jaqud qučün tabun aldas-tur ontudlq-a* [UM, с. 4] «*yisüŋke...* выстрелил из лука на триста пять сажений» (речь в тексте идет о далеком прошлом); *Bi urida imayi kümün bolomu ĵe kemen sedkilege* [UM, с. 239] «прежде я думал, что он станет человеком»; *amin minu nikente a[b]ču qarulu'a ċi* [SH, § 145] «жизнь мою однажды ты уже спас»; *türün urida... Yeke Ćiledü-dece... Hö'elün eke-yi buliñu abtalāi* [SH, § 111] «В прошлом он отобрал у *Yeke Ćiledü* *Hö'elün eke*»;

2) действие, совершившееся сравнительно недавно: *sayi güregen güregelen büligi* [SH, § 155] «Недавно [она] вышла замуж»; *kö'üt inu... söni namayi üĵeñu buga'u minu a[b]ču sulalañu qono'a'ululāi* [SH, § 84] «Его сыновья, увидев меня ночью и ослабив на мне колодки, позволили переночевать»;

3) действие могло заканчиваться и в момент речи: *Dei sečen ügülerün yisügei quda ken-tür ĵoriñu avisula'a ke'eñu'ü. Yisügei-ba'atur ügülerün... olqunu'ut irgen-tür öki guyusu ke'en avisula'a ke'eñu'ü* [SH, § 62] «*Dei sečen* спросил: „Сват *yisügei*, к кому ты едешь?“. *Yisügei-ba'atur* отвечал: „Я еду просить (сватать) у олхунутов девушку“».

Сопоставляя значение действий, обозначенных формами на *-ba* и *-Iya*, можно отметить, что они передавали одни и те же значения совершившихся действий в прошлом с различной степенью соотносительности их с моментом речи. Объединяло эти формы и то, что повествующий, как правило, либо сам был участником описываемых событий, либо был о них хорошо осведомлен. Отличие же состояло в том, к какому литературному жанру принадлежал текст. Глаголы-сказуемые на *-ba* чаще всего встречались в спокойной повествовательной речи, отсюда и частое употребление в соответствующих литературных жанрах, а форма на *-Iya* характерна для диалога, прямой речи, личных рассуждений участников описываемых событий.

Сказуемое, выраженное формой на *-ĵUqUi/-ċUqUi*

Эта форма, как и предыдущая, употреблялась в разных фонетических вариантах: *-ĵU'Ui / -ĵUγUi / -ĵigi / — ĵi' Ai; -ċUqUi / -ċU'Ui / -ċiAi / -ċigi*.

Сама форма обозначала прошедшее время, независимо от временного плана этого прошедшего: было ли это в далеком прошлом или совершилось относительно недавно.

Она содержала в себе значение «заглазости», т.е. обозначала такие действия и события в прошлом, прямым участником или свидетелем которых говорящий, как правило, не являлся.

Только этой формой можно было выразить действия, которые являлись неожиданными, непредвиденными, необычными, с точки зрения говорящего, собеседников или всех участников описываемых событий. Но это модальное значение неожиданности и непредвиденности действия не было доминирующим, а просто подчеркивалась и выделялась та информация о событиях в прошлом, которая достойна вызвать интерес и внимание слушателя.

Эта форма нередко использовалась в текстах, начинающих повествование, особенно исторических, например: *Činggis-qahan-nu huǰa'ur... Börte-činö aǰu'u. Gergei inu Qo'ai-maral aǰi'ai* [SH, § 1] «Предком Чингис-хана был *Börte-činö*. Его супругой была *Qo'ai-maral*».

Но в целом действия, обозначавшиеся этой формой, относились к разным временным планам прошедшего времени.

1) Действия, как случившиеся в далеком прошлом и непрерывные в течение длительного времени, и как новая неизвестная прежде информация: *Sangšü bičig-tür qan kümün jöbtei-e üiledügseber narbai ulus udum-iyar inu savıǰıraǰıyui kemeǰügü* [HC, 4a (6-7)] «В *Sangšü bičig* говорится: „С тех пор как ханы правили справедливо, весь народ стал лучше в своем поведении“»; *Beler-če Uıqud-un qan inu Bis Baliy-a orusin saǰun aǰıqu... ulus-ıyan sayıtur ǰarčimlaǰıqu* [UM, с. 386] «С давних времен уйгурский хан постоянно проживал в *Bis Baliy-a'*... [Он] хорошо правил своим народом».

2) Действия, в которых сообщается новая информация о сравнительно недавно совершившемся факте, который представляется непредвиденным и неожиданным как для сообщающего, так и для слушателя: *Yeke noyan Ongging čingsang Altan-qan-a duratqarun: Mongqol masi gücütei-e ireǰü... bidan-u... čeri üd-i daruǰı büreltele kidüǰu'ui. Iteǰeltü Cabčiyal-i ber bulıǰı abču'ui* [SH, § 248] «Великий князь *Ongging čingsang* доложил *Altan-qan'*у: „Монголы пришли с очень большой силой... [Они] подавили и полностью уничтожили наши отборные войска. И даже захватили надежно укрепленный *Cabčiyal'*“».

3) Действие могло обозначать и простую констатацию совершившегося факта: *Olankin ümeksi otǰu'u ǰ-e* [H, 11a, 26, v5] «Большинство же ушло к югу»; *qutuqar köbegün Sünlü üile-dür es-e ba'rildaǰuldaǰıqu* [UM, с. 235] «Третий сын его, *Sünlü*, к делам не допускался (= в делах не участвовал)».

Иногда эта форма обозначала действие, которое производилось самим участником ситуации, т.е. 1-м или 2-м лицом: *tere metü nökö'e kil[ü]gün činu bi ese' ü aǰu'u... tere metü nökö'e gürdün činu bi ese' ü aǰu'u* [SH, § 177] «...подобно тому, разве я не был второй твоей оглоблей?»

...подобно тому, разве я не был вторым твоим колесом?» *Edüge Il qan misiq-a-in* (вм. *-yin*. — *М.О.*) *nom-dur oratuqai kemejü ilejüükü ci* [UM, с. 47] «Ныне ты пригласил меня принять христианство (досл. «пригласил говоря: „*Il qan* вступи в христианство“»)».

Помимо сказуемых, представленных заключительными глагольными формами, обозначающими три плана времени: настоящее, прошедшее, будущее, не менее широко используются и сказуемые, выраженные аналитическими формами — сочетаниями разных причастных и деепричастных форм со вспомогательными (служебными) глаголами и связками, передающими не только временные значения, но также модальные и видовые.

Сказуемое, выраженное причастными формами

Причастные формы, совмещая в себе значения глагола и имени, выполняют в предложении как предикативную, так и субстантивную и атрибутивную функции. Причастных форм несколько, их степень вербальности различна, и поэтому частота использования в функции сказуемого также различна. Так, в современном монгольском языке причастия будущего времени на *-x < qu*, прошедшего *-cAn < -gsan*, многократного *-dAg < -dAy*, обладающие большей глагольностью, «в позиции конечного предиката в независимых предложениях имеют тенденцию даже переходить в собственно глагол изъявительного наклонения» [Цэдэндамбаев, 1970, с. 3].

Эти же формы в падежном оформлении или в сочетании с послелогами выполняют функции срединного сказуемого в так называемых «полипредикативных конструкциях».

Сказуемое, выраженное причастием будущего времени

Эта причастная форма, представленная тремя фонетическими вариантами: *-qU*, *-qUi*, *-qUn*, в качестве сказуемого использовалась как в своей основе, так и в сочетании с глагольными связками. Соотнесенность обозначенного в таком сказуемом действия с временным планом зависела как от сочетания самого причастия со связками, наличия в предложении второстепенных членов с темпоральным значением, так и нередко от окружающего контекста.

Из трех перечисленных вариантов в функции сказуемого чаще употреблялась форма на *-qU*: *...ger-tür aqai sedkil-i edüge iülü egüskekü bi*

[TD, с. 34, F 21r] «...я сейчас не намерен (не имею мысли) остаться дома»; *Temüjīn namayi ülü ükü'ülgü* [SH, § 149] «*Temüjīn* не умертвит меня»; *Abdulal-a-in* (= *yin*. — *М.О.*) *ǰrly ken ülü büsirekü kümün aldaqū üküü* [UM, с. 416] «Человек, не почитающий указы *Abdulal-a*, поступает опрометчиво и умрет»; *Sim uqay-a ü[gei] qamiy-a uqagu* [HC, 1b] «Как лишенный разума *Sim* узнает?»; *nöögöde niçun ülü üiledkü bi* [TD, с. 49, F 40r] «Я не вернусь во второй раз».

В приведенных примерах эта форма выражает действие, которому предстоит осуществиться или есть намерение осуществить его в будущем.

Но в контексте действие, обозначенное этой формой с постпозиционным отрицанием *ügei* «не; нет», могло быть осуществленным и в прошлом: *Tede irgen Bodončar-i kenü'ei ba ya'un-u'ai be ke'en asaqu ügei. Bodončar be tede irgen-i ya'un irgen ke'en asa'ulcaqu ügei yabulduba* [SH, § 29] «Те люди не спрашивали *Bodončar*'а, чей [он сын] и какого [клана]. И *Bodončar* не спрашивал тех людей, кто они».

Дополнительные модально-временные оттенки действие приобретает при использовании причастия с глагольными связками: *bidan-u uruq andur odu'asu ala'un-a bayiǰu e'enekce qoyimar qaraqū aǰu'u* [SH, § 165] «Если наша родня отправится к ним, [она] должна сидеть спиной к двери и всегда смотреть [в сторону] *qoyimar*-а»¹³; *Belgütei nasuda abaldurun bara'un qanču-ban mültülǰü niçügün yabuqu büle'e* [SH, § 131] «*Belgütei* всегда боролся (был драчлив), [он] засучил правый рукав и продолжал голой [рукой] бороться»; *Qan-ečige minu bi cö'en ber bö'esü olon-ni ülü eri'ülg'ü büle'e. Mawui ber bö'esü sayin-i ülü eri'ülgü büle'e bi* [SH, § 177] «Хан-отец мой! Если я мал [нас мало], я не давал повода искать большего [числа]; если я плох, я не давал повода искать [кого-либо] лучше».

В контексте уже реально произошедшее действие может быть представлено как гипотетическое, но возможное для осуществления при сложившихся обстоятельствах: *...bi dan-tur oroqu duratu büle'e. ...dan-tur edüi idüreǰü ireba bi ke'egü büle'e. Namayi iinen bolqajū qubčasun nada ökjü asaraqū büle'e. Bi morin unu'at üǰetele edüi ja'ura ülü-'ü iregü büle'e* [SH, § 145] «Я бы сказал, что собирался (хотел) убежать к вам... И я поспешно прибыл присоединиться к вам. [Они] поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. А я бы, оседлав коня, разве не вернулся бы к вам, [Чингис-хану], в момент, пока [они] не увидели бы меня».

¹³ *goyimar* — почетная сторона юрты, противоположная двери. Относительно значения слов *ala'un* и *e'enekce* см. [Rachewiltz, 2004, vol. I, с. 597].

Сказуемое, выраженное причастной формой на *-qUi*

Поскольку эта форма как «более именная» синтаксически чаще использовалась субстантивно и атрибутивно, количество примеров на ее предикативную функцию сравнительно немногочисленно. Выполняя роль сказуемого, как и форма на *-qi*, она употреблялась как в своей основе, так и со служебными глаголами или связками, обозначая действия, которым надлежит совершиться в будущем: *Tegün-i ber eyin uqagdagui* [TD, с. 21, F 2r] «Это может быть понято так»; *öber-ün eçige eke-yügen kündülebesü busu kümün-i könggeleküiben emegegdeküi* [HC, 3b] «Если кто почитает своих собственных родителей, он избежит презрения к себе других людей».

Сочетание этой причастной формы с глагольной связкой *bülüge / büle'ei* передавало значение действия, совершившегося в прошлом: *...eke tan-u... qotola-ıyan ökcü qo'osun yabuqui büle'ei* [SH, § 254] «Мать ваша отдавала [вам] все, а сама ходила голодной».

Глагол *bol-* «становиться, делаться» в служебной функции придавал значение наступления времени для совершения обозначенного в причастии действия: *...ter üile edüge bütüküi bolba* [TD, с. 51, F 43r] «...сейчас настало время выполнить (осуществить) то дело»; *...qamuy qatud nököd inu: qayıran qoyar sayıd-i qamtu alduqui bolba* [TD, с. 39, F 28v] «[Тогда] все женщины и их спутники были готовы потерять своих обоих возлюбленных».

Сказуемое, выраженное причастной формой на *-qUn* как форма мн. числа

Эта форма использовалась в сказуемом при согласовании с подлежащим во мн. числе. При этом локализация во времени (при отсутствии связочных компонентов) определялась предшествующим контекстом, и действие могло относиться к прошедшему времени: *...jarim-ud anu degel ügei nicügün: jarim-ud anu üsün aldaraju... sabsuyiqun: ...jarim-ud anu atan-aça silüsün çuburiqun: jarim-ud anu sidün-ıyen qabırqun* [TD, с. 31–32, F 17v] «...некоторые из них были нагие, без одежды; некоторые из них были непричесанными, у некоторых изо рта текла слюна, некоторые скрежетали зубами».

Временное значение и модальные оттенки конкретизировались присоединением глагольных связок: *müt Buyıruq-qan Quduqa qoyar jada medekün aju'ui* [SH, § 143] «Те самые *Buyıruq-qan* и *Quduqa* знали, оказывается, волшебства»; *Ta ker irekün büle'ei* [SH, § 214]

«Как вы могли прийти?»; *Qahan-eçige-yin jarliy-iyar urida ker yabuqun büle'ei* [SH, § 278] «Как и прежде отправлялись по указу хана-государя».

Сказуемое, выраженное причастием прошедшего времени

Сказуемое, выраженное причастием, формантами которого служили *-ysAn* и *-ysAd* (для мн. числа), как правило, обозначало предшествующее моменту речи или завершённое в прошлом действие: *bosqui kücün baraysan* [TD, с. 26, F 8v] «Не было силы встать (сила встать исчезла)»; *...ülemjü asuru masi turuysan* [TD, с. 26, F 8v] «...[он] был очень истощен»; *...qaqan-a kücü öggün negüjü yungçang-a nuntuqlaqsan* [UM, с. 386] «...оказывая услугу хану, [он] перекочевывал и обосновался лагерем в *yungçang'e*».

Однако несмотря на ярко выраженное темпоральное значение (действие осуществлялось в прошлом), эта причастная форма нередко сопровождалась глагольными связками, которые относили действие к далекому прошлому: *erte üdür-eçe tatar irgen ebüges eçiges-i baraqsan büle'e* [SH, § 154] «С давних времен татары убивали наших дедов и отцов»; *Imada-ça jırıqan köbegüd töregsen ajuqu* [UM, с. 379] «От нее родилось шесть сыновей»; *Urida mongqol qahan-na tüsikdeksen bui* [H, IIa, 14v] «Прежде [он] полагался на монгольского хана»; *...yasun inu yungsang-un jégün eteged Gün Mören-ü qıjaqar-a orosıquluqsan ajuqu* [UM, с. 376–377] «...кости его были погребены в пределах [реки] *Gün Mören* к востоку от *yungsang'a*».

При согласовании сказуемого с подлежащим в числе (уже нерегулярном) использовалась форма мн. числа *-qsAd*: *...nere qarqaqsat bui* [H, IIa, 22r] «[Они] приобрели имя»; *buıadhi sedkil-i ülü umartagsad* [Weiers, 1969, с. 169] «Озаренные не забывают душу»; *ge'üd-iyen ülü sa'an talbıgsad aju'u* [SH, § 145] «[Бежали так поспешно, что] оставили недоенными своих кобылиц»; *Edö'e tere ösöl ösön ire[k]se[ft] aju'u* [SH, § 102] «Теперь те [трое] отомстили [за прежде похищенную *Hö'elün-eke*]».

Сказуемое, выраженное однократным причастием на *-qç'i(n)* и *-qç'id* (для мн. числа)

В отличие от современного языка, где эта причастная форма крайне редко употребляется в качестве сказуемого, а, закрепляясь в субстантивном значении, пополняет ряды имен существительных, в древних

текстах она нередко использовалась в роли сказуемого в сочетании со служебным глаголом, обозначая действие или состояние, осуществляемое субъектом или присущее какому-либо явлению: *olan qoor-tu jöbalang-ud-i törögülüğci bui* [TD, с. 23, F 5r] «[Они] порождают много опасных страданий»; *Egüdügsen bügüde möngke busu gilbelgen ba: qumaki ger-tür adali ödter ebdereğci bui* [TD, с. 24, F 5v] «Все, что возникло, — невечно, вскоре исчезает (разрушается), подобно молнии или дому из песка»; *Edeger jırgalang-ud bügüde: namur-un egülen-dür adali orosil ügei ebdereğci bui* [TD, с. 33, F 20r] «Все эти радости непостоянны, как осенние облака, и исчезают».

Сказуемое, выраженное причастной формой на -γAi/ -γA (в SH: -'Ai)

Сказуемое, выраженное этой формой, обозначает, что действие, начавшееся в прошлом, продолжается в период описываемых событий: *Dungčang-balagasun-tur gürcü e 'erejü abun yadaju qariju... genetgejü jici qarin... Dungsang-balaqasu abu'ai* [SH, § 247] «[Jebe] достиг города *Dungsang*, но не смог [его] захватить и вернулся назад, но [через шесть суток] возвратился и взял город»; *...möngke tenggeri-de gücü nemegdejü qar-tur-ıyan oro'ulju ösi-ıyen abu'ai-je bida* [SH, § 267] «...[наша] сила увеличилась Вечным Небом, отдавшим [врага] в наши руки, и мы свели счеты (отомстили)».

Сочетание этой причастной формы с отрицательной частицей *edügüi ~ üdügüi* «еще не» передавало значение еще не произошедшего, но ожидаемого действия: *Basa ber nasun-dur kürüge edügüi amu* [TD, с. 33, F 19v] «А также [вы] еще не достигли совершеннолетия»; *ıngri a eju-e-de jarim söni ber boluy-a edügüi* [TD, с. 29, F 13r] «Мое божество, полночь еще не наступила».

Сказуемое, выраженное причастной формой на -dAγ

Эта форма называется многократным причастием, что свидетельствует о том, что обозначаемое действие является в определенном временном отрезке обычным, постоянным, т.е. не имеет временной соотнесенности, а определяет лишь характер протекания действия, его постоянность или частоту. Использовалась она во всех присущих причастным формам синтаксических функциях, но зафиксированное количество примеров незначительно.

В качестве сказуемого отмечена в сочетании с глагольной связкой *bolu* < *bol-* «становиться, делаться»; ...*öber-ečegen yekes-tür tabiγlabasu iŋqidav bolu* [НС, 8b] «если [он] служит [своим] господам (кто выше, старше) почтительно, это значит быть покорным (услуживать)».

Сказуемое, выраженное деепричастными формами

Монгольские деепричастия отличаются от всех прочих глагольных форм разнообразием значений и частотой употребления в предложениях. Образованные посредством различных формантов, они являются законченными, неспрягаемыми и далее неизменяемыми (за редким исключением) глагольные формы.

В предложениях они предстают как единицы «незаконченной предикации», так как содержат в себе лишь лексическое значение сказуемого, а время совершения действия, виды наклонения, числа, иногда лица зависят исключительно от служебно-вспомогательных глаголов, выступающих носителями грамматического значения сказуемого.

Именно вспомогательный компонент служит оформителем предикативных отношений между подлежащим и сказуемым — его лексико-знаменательной частью.

По своему происхождению, структуре, семантике и использованию в предложении деепричастия подразделяются на две группы. К первой принадлежат три формы: соединительное деепричастие, слитное и разделительное.

Ко второй относятся все прочие: условное, уступительное, продолжительное, целевое, цитатное, особенностью которых является их семантико-синтаксическая однозначность, так как в большинстве своем в предложении они обозначают различные обстоятельства совершения действия: время, условия, образ действия и т.п.¹⁴.

Сказуемое, выраженное соединительным деепричастием

Это деепричастие образуется от глагольных основ посредством суффикса *-jU / -čU*.

Сказуемое с этим деепричастием выражается аналитической глагольной формой, где в роли неспрягаемого компонента, несущего основное

¹⁴ В современном монгольском языке количество деепричастий второй группы значительно шире. См. [Шарху, 1971].

лексическое содержание и конкретное значение данного действия, выступает деепричастие, а в качестве вспомогательно-служебной единицы — служебные глаголы, благодаря которым передается целостное грамматическое значение всего аналитического комплекса.

Служебные глаголы можно подразделить на два вида: полностью грамматикализованные и частично грамматикализованные.

Первые выполняют чисто служебную функцию. Они характеризуются отсутствием функциональной раздвоенности и употребляются исключительно в роли глагольных связок. Наряду с утратой лексического содержания в некоторых из них присутствует и ослабление временных значений.

Вторые употребляются как самостоятельно, так и в служебной функции, с той или иной степенью утраты своего лексического значения.

К служебным глаголам полной грамматикализации относятся некоторые формы ныне архаичных глаголов *a-*; *bö-/bi-* «быть, существовать».

Эти глаголы прошли сложный путь в своем развитии и претерпели значительную эволюцию в своем содержании, прежде чем превратиться в глагольные связки [Пагва, 1961, с. 54–100; Санжеев, 1963, с. 76–81].

Уже в XVII в. они утратили свое лексическое значение и функциональную самостоятельность и стали использоваться в качестве служебных элементов, придавая деепричастному комплексу видовременные и модальные оттенки.

Но в XIII–XIV вв. эти глаголы имели еще почти полную таблицу спряжения, а некоторые из них и залоговые формы (о пути развития этих глаголов см. выше).

В наших текстах в качестве вспомогательного служебного компонента употреблялся ряд спрягаемых форм глагола *a-*.

Связка *amu* ~ *amui* является формой настояще-будущего времени, которая в сочетании с деепричастием в качестве сказуемого обозначала действие настоящего времени, придавая содержанию иногда и значение продолжительности, некоей длительности в плане этого настоящего: *Ene tergen ya'un te'eñi amu ke'eba...* *Ungqasun te'eñi amu ke'ebi* [SH, § 10] «Что везет эта телега?... [она] везет шерсть»; *qahan yakin kilinglajū amui* [SH, § 260] «Почему так гневается хан?»; *çay inu ediğe bolju amui* [TD, с. 22, F 3v] «Сейчас наступает его время»; *Eñen ügei nuntuq-tur goçorçu amui* [SH, § 149] «[*Temüjīn*] остается без хозяина¹⁵ в родном кочевье».

¹⁵ Речь идет об отце *Temüjīn*'а *yisügei ba'atar*'е, которого уже не было в живых.

Форма -ayu также относится к настояще-будущему времени, но имеет и модальное значение, придавая обозначенному в деепричастии действию аспект полной уверенности, иногда продолжительности в его осуществлении: *Davisun yabuqsan gü'ün... beye-'en ni'üjü kele-ben bucaǰu ayu* [SH, § 147] «Враг скрывает свою личность (тело) и придерживает свой язык».

Повелительно-пригласительная форма 1-го л. обоих чисел av-a придает значение намерения, желания совершить действие: *basa noyad turıyan (tur-ıyan) qoriqaǰu av-a* [UM, с. 437] «...также запрещаю [это] своим нойонам!».

Со связкой aqtun (повелительная форма 2-го л. мн. ч.) сказуемое обозначает требование или призыв совершить обозначенное в деепричастии действие: *Ai, nöked minu noyad sonogču aqtun* [UM, с. 438] «О друзья мои, нойоны, слушайте!».

Со связкой aǰuqu обозначалось действие, относящееся к прошлому, совершившееся в разные временные отрезки и нередко с модальными оттенками неожиданности, неопределенности, необычности для участников ситуации: *...tayıci'ut saǰıǰu aǰu'u* [SH, § 80] «...но [там] оказывается караулили тайчуды»; *Bi ber urıduş-i ülü uda'araqui-ača umartaǰu aǰu'u* [SH, § 254] «Я забыл будто [сам] не следовал предкам»; *Tumat irgen-ü noyan Daiduqul-soqor ükü'esü eme inu Botoqui-tarqun tumat irgen-i medeǰu aǰu'u* [SH, § 240] «после смерти *Daiduqul-soqor*'а, нойона (князя) народа *Tumat*, этим народом продолжала править его жена *Botoqui-tarqun*».

В сочетании со связкой aba (изъявительная форма прошедшего времени) деепричастие обозначало действие, также соотносимое с прошедшим временем, при этом локализация этого прошлого по отношению к моменту речи выявляется, как правило, из контекста: *Edüge bi ene qaǰar-un deger-e qaǰca bi qan bolǰu aba* [UM, с. 446–447] «Сейчас на этой земле только я стал (являюсь) ханом»; *Tendece Cinggis-qahan Naya-yi yekin töde'eǰü aba ci ke'en* [SH, § 297] «„Ты почему, *Naya*, держал [ее у себя в доме]?“ — сказал тогда Чингис-хан».

Действие, обозначенное этой деепричастной формой со связкой bölüge / bülüge, также относилось к плану прошедшего времени. Возможно, это прошедшее выражает законченность действия к моменту речи, так как участником или свидетелем событий нередко оказывается сам повествующий: *Bida aqanar, degüner maqun qaraçus-un tasiy-a ügesiyer dur-a qoçarulçaǰu bülügei* [UM, с. 70] «Мы, старшие и младшие братья, по лживым словам жалких простолюдинов утратили волю»; *Ane* (вм. *ene*. — *M.O.*) *ale* (вм. *ele*. — *M.O.*) *qaǰar deger-e minu metü ĵırqaqsan qan*

es-e töreñü bülege [UM, с. 447] «На этой самой земле не родился счастливый (блаженствующий) подобно мне хан»; *Urida mongqol kitat neyide büküi-tür. mongqol qahan delegei-yi ejeleñü büle'e* [H, IIa, 6r] «Прежде монголы и китайцы жили рядом, [а] миром владел монгольский *qahan*».

В качестве служебных единиц, определяющих временной план обозначенного действия, а также придающих сказуемому некоторые видовые оттенки, использовались и лексически однозначные глаголы с той или иной степенью утраты своего лексического значения или грамматикализации.

Эти знаменательные глаголы также прошли длительный путь эволюции от лексически однозначных слов до служебного элемента. При этом степень утраты лексического значения и грамматикализации для ряда глаголов была различной. В одних случаях они постепенно утрачивали свое лексическое значение, превращаясь в служебную единицу, в других еще сохраняли его, приобретая при этом уже некоторый отвлеченный характер.

Служебная функция таких в той или иной степени грамматикализованных глаголов проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых именно такой глагол относит обозначенное в деепричастии действие к тому или иному временному плану, а также придает различные модальные оттенки, характер продолжительности, некоторой длительности или полной завершенности действия.

В функции служебных глаголов, придающих действию значение его продолжительности, длительности, использовались глаголы *bayi-* «быть, находиться»; *yabu-* «идти, ехать»; *sAyu-* «сидеть; жить; находиться»; *kebte-* «лежать, ложиться».

В таких аналитических формах модальные значения, как правило, переплетаются с другими оттенками, свойственными значению каждого из таких глаголов.

Так, сочетание *-jU + bayi-* указывает на равномерное продолжение обозначенного в деепричастии действия в каком-то определенном отрезке времени: *tere ča'aqan moritu gü'ün u'urqa-bar-ıyan dokiñü bavıba* [SH, § 91] «Тот всадник на белом коне размахивал своей ургой¹⁶. *Jamuqa ede Temüjin To'oril Jaqa-qambu-tan-u čeri'üd-i üje'e[t]* *Jamuqa qoyar tümed čeri'üd-ıven jasañü baviñü'ui* [SH, § 108] «*Jamuqa*, увидев войска *Temüjin'a*, *To'oril'a* и *Jaqa-qambu*, выстроил двадцать тысяч своих солдат».

Действия в этих предложениях происходили в прошлом, что и обозначено двумя формами прошедшего времени (*-ba* и *-ju'ui*).

¹⁶ Урга — укрюк, длинный шест с петлей на конце для ловли скота.

Глагол *yabu-* придает деепричастному сочетанию значение действия в движении или его продолжительности: ...*bidan-u čeri'üt kibu'ud-iyar ači'a-ban tatañu yabuba* [SH, § 248] «...наши войска ташили свой груз [со связками] шелковых изделий (шелковой тафты)»; *či noyitan nobsilduñu köyiten köbsildüñu vabuba-je či* [SH, § 213] «В сырость ты мок вместе [со мной], в холод ты ведь мерз вместе [со мной]».

Затянувшееся действие передавалось сочетанием с глаголом *kebte- / gebte-* «лежать, ложиться»: *basa kebte'ül minu beye ča'ada ordo horčun bayıñu e'üten daruñu kebtetügei* [SH, § 278] «А также пусть ночная стража расположится вокруг моего личного дворца и стережет ворота»; ...*sorilduya kē'esü ülü bolun arqalañu gebtemü* [SH, § 245] «[Я] предложил помериться силой, но [он] не согласился и продолжает притворяться».

В функции служебных глаголов, указывающих на начало действия, его направленность в определенную сторону, а также его завершенность, использовались глаголы: *ire-* «приходить, приезжать»; *yar-* «выходить, выезжать», *oru-* «входить», *od-* «отправляться», глагольная форма *ayısui* «приближаться» и др.

Глаголы *ire-* и *ayısui* указывали на направленность действия в эту сторону, а также на то, что действие заканчивается или приближается к концу: *odun hüsiün anu burqaliq časun metü butarañu keyisñu iremü* [SH, § 31] «Перья [гусей и уток] летали по ветру словно хлопья снега»; *Qasar... yeke a'uruq-tur bawuñu ireba* [SH, § 253] «*Qasar* остановился во дворце [Чингис-хана]»; ...*naiman gürcü ayısui* [SH, § 195] «...найманы приближаются».

Сочетания с глаголом *yar-* указывают на направленность действия откуда-либо, а также на его начало или законченность: ...*qamtu do[b]tulñu oro'a[t] sirqa aqtatan-i hüildeñi qarba* [SH, § 90] «отправившись вместе, [они] угнали соловых мерингов»; *Toqto'a Qudu Čila'un kö'üt-lü'e-ben čō'en gü'ün beyes-iyen tata'añu qarba* [SH, § 197] «*Toqto'a* с сыновьями *Qudu* и *Čila'un* и еще несколько людей убежали».

Глагол *od-* придавал действию, обозначенному в деепричастии, значение его законченности или достижение цели действующим лицом: ...*yal yarbasu ber daru deger-e türedcü oduva* [TD, с. 24, F 6r] «огонь появляется, [но] мгновенно исчезает»; ...*nidun qara erin setkiñü odulu'a* [SH, § 145] «...в мгновение ока [я] решил».

Глагол *oru-* (иногда *talbi-* «класть, ставить») указывал на направленность действия: ...*yabuqad-iyar hoi-tur güyüñü oroya ke'eldün...* [SH, § 101] «...решили пешком убежать в лес»; ...*ničügün yekin güyüñü oroba či* [SH, § 145] «...почему ты убежал голым [в стан врага]?»; ...*Onan-müren*

ǝ'ede qatarajū vorčijū talbiba [SH, § 32] «...[они] устремились вверх по течению [реки] *Onan-müren*».

Деепричастие в сочетании с глаголом *ab-* «брат, взять» обозначало действие, совершаемое в пользу, в интересах действующего лица, а с глаголом *ög-* «давать, отдавать» — в интересах какого-либо иного лица: ...*Bekter Belgütei aqa de'ü qoyar-a bulijū abdala* [SH, § 76] «...[рыбка] была отобрана [у него] братьями *Bekter* *ом и *Belgütei* *ем»; ...*itegeltü Cabčiyal-i bulijū abču'ui* [SH, § 248] «...[монголы] захватили надежный (надежно укрепленный) *Cabčiyal*»; ...*Čaqa-neretei öki Činggis-qahan-a qarqajū ökba* [SH, § 249] «...предложил привезти Чингис-хану [свою] дочь *Čaqa*»; *sayurin-dayan sayu bi [čimadur] ügüleñi ögsü* [HC, 2a] «сядь на свое место и позволь мне сказать [тебе]».

В сочетании с модальными глаголами *čida-* «мочь, уметь, быть в состоянии» и *yada-* «не мочь, не быть в состоянии» аналитические комплексы имели значение возможности или невозможности, затруднения и т.п. в осуществлении обозначенного деепричастием действия: ...*ta qat bolutqun ke'eñi vadaba-je bi* [SH, § 179] «Я ведь не мог сказать: „Станьте вы ханами“»; в сочетании со слитным и соединительным деепричастиями: *ulus minu asarajū barin čidaqu-yū* [SH, § 189] «...сможет ли [он] опекать и держать в руках мой народ?».

Пожалуй, особенностью этих двух глаголов с модальным значением является то, что они редко использовались с соединительным, но довольно часто со слитным (см. ниже) деепричастием.

Сказуемое, выраженное слитным деепричастием

Слитное деепричастие по своей синтаксической функции во многом совпадает с соединительным. В роли заключительного сказуемого в предложении оно сочетается с теми же самими служебными глаголами и глагольными связками.

Однако некоторые тонкие отличия, которые выявил еще Ал. Бобровников, все же присутствуют. «Слитное деепричастие, — отмечал он, — показывает, что два действия находятся в такой тесной связи, что составляют как бы одно целое» [Бобровников, 1849, с. 306]. Эта деепричастная форма дополняет, уточняет и как бы конкретизирует следующее за ней действие. В таких случаях деепричастия имеют близкие уточняющие друг друга значения, например: *dobtulun güyicejü* «поскакав (скача догоняя)»; *čabčün alajū* «рассекая (рубя убивая)».

Но, если в современном монгольском языке форма слитного деепричастия почти не сочетается со служебными глаголами [Пагва, 1961,

с. 45], то в самых ранних и даже классических текстах эта форма (как и соединительное деепричастие) употреблялась активно и в разных синтаксических функциях [Орловская, 1984, с. 148–155; 2000, с. 107–110].

В качестве заключительного сказуемого слитное деепричастие употребляется, как уже выше сказано, с теми же служебными глаголами-связками, что и соединительное деепричастие. Так, со служебным глаголом *a-* «быть, существовать» как одно, так и другое деепричастия образуют аналитические сочетания с одним и тем же значением: *qamug mongqol-i Qabul-qahan meden aba* [SH, § 52] «Всеми монголами правил *Qabul-qahan*». Ср. перевод этого предложения на современный монгольский язык, где вместо слитного деепричастия использовано соединительное: *хамаг монголыг Хабул-хан захирч байв* [МНТ, § 52]. Значение этих двух предложений абсолютно идентично, а служебный глагол *aba* заменен на *bayiba* > *байв* только по той причине, что первый, ныне уже будучи архаичным, вышел из употребления; *Jürkin-eĉe Büri-bökö tere qurim ĵasan büle'e* [SH, §131] «От *Jürkin*'ов тем пиром правил *Büri-bökö*»; ср. перевод на современный язык: *жүрхинээс Бурибөх тэр хуримыг засаж байв* [МНТ, § 131] *id.*

Поэтому в этом разделе будут приведены лишь некоторые примеры на сочетания слитного деепричастия с аналогичными связками и служебными глаголами: *Uiquid-un qan inu Bis Baliq-a orusin saqun aĵuqu* [UM, с. 386] «С давних времен уйгурский хан проживал в *Bis Baliq*»; *Bügüdeger ĉimayi qaran küliĉen sayun amui* [TD, с. 25, F 6v] «Все они смотрят на тебя и терпеливо ожидают»; *nomuqan sayid-i ba höri'ü keĉeüs-i nomuqatqan surqan atuqai* [H, IIa, 12r] «Успокаивайте и обучайте кротких и добрых, а также неправедных и трудных»; *...misiq-a-yin nom jrly busi ülü bolqan bui ĵa* [UM, с. 49] «[Это], конечно, не противоречит христианству»; *Cinggis-qahan sonosĉu sem sa'un bui* [SH, § 254] «Чингис-хан слушал и сидел молча»; *ükül ügei rasiyan-i erin odumui* [TD, с. 33, F 19v] «[Я] иду искать бессмертную *rasiyan*'у»; *...qutuy-tu ĉimayi-yuqan bi ĉu dayan odumui ĵa* [TD, с. 35, F 23r] «...я ведь последую за тобой, [мой] святой».

В целях конкретизации действия (или действий) парно использовались соединительное и слитное деепричастия: *Ong-qan nekeñi avisun aĵu'ui* [SH, § 170] «прискакал *Ong-qan*»; *tere ayisuqui-tur ĵamuqa Ong-qan-lu'a qamtu aviĉulĉañi avisun aĵu'ui* [SH, § 170] «В то время прискакали вместе *ĵamuqa* и *Ong-qan*».

Отличительной чертой слитного деепричастия при употреблении в функции сказуемого было более распространенное по сравнению с соединительным деепричастием сочетание первого с модальными глаго-

лами *cida-* «мочь, суметь» и *yada-* «не мочь, не суметь»: *uridus-tayan taqiqu üile-yi saqin cidamu ĵ-e* [НС, 9а] «[он] на самом деле в состоянии (сможет) сохранить жертвоприношение для своих предков»; *tere cidaycida qoor kürgen ülü cidaqu:* [TD, с. 61, F 57г] «[Они] не смогут причинить вред тому могущественному»; *...hüker inu ĵikdün vadavu* [SH, § 177] «...бык не сможет [его] тащить»; *yayun-u tulada aryadan vadabai* [TD, с. 66. F 62v] «почему [вы] не могли обмануть [его]?».

Сказуемое, выраженное разделительным деепричастием

В монголоведной литературе уже отмечалось, что между тремя деепричастиями I группы (соединительным, слитным и разделительным) «нельзя провести такой резкой грани, чтобы одно нельзя было употребить там, где употреблено другое» [Бобровников, 1849, с. 306; Саржеев, 1963, с. 232], что подтверждают в своих исследованиях и монгольские языковеды [ОЦМХЗ, 1966, с. 167].

Взаимозаменяемость этих трех деепричастных форм часто связана со стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии в одном и том же предложении. Но эта взаимосвязанность ограничивалась теми случаями, когда обозначенное этой формой действие служило причиной или противопоставлением другому действию.

Отметим также, что сфера употребления разделительного деепричастия в исследованных текстах ограничена по сравнению с двумя другими.

В предложении основной функцией этой формы было обозначение действия, предшествующего другому, завершеному или заканчивающемуся к началу другого действия, т.е. временной план был не ограничен: от совсем краткого промежутка, когда за одним действием вскоре следовало другое, до значительного по времени промежутка, неопределенной продолжительности.

Как правило, это деепричастие использовалось в позиции однородных членов предложения, когда речь идет о ряде действий, одновременных или последовательно совершаемых друг за другом: *ene kelen sonosu'at Cinggis-gahan masi kilinglaĵu ögülerün* [SH, § 136] «Услышав это донесение, Чингис-хан очень разгневался и сказал:»; *Bö'örçi... bögötür qongqor-i unu'at börö örmüge-ben böktürü'et Belgütei-lü e ireba* [SH, § 98] «Bö'örçi... оседлал буланого [коня], перекинул через [его спину] свою простую бурку (рогожу) и прибыл с Belgütei'ем».

Что же касается участия этой деепричастной формы в формировании заключительного сказуемого, то количество таких примеров незначительно: ...*olon tüme'et olon serkis-i abu'at ireñü'üi* [SH, § 264] «[Они] захватили много верблюдов и коз и вернулись»; ...*adu'u-ban abu'at ireñü'üi* [SH, § 128] «...[он] забрал свой табун»; *Temüjin-i abu'at vorciba* [SH, § 61] «Отправился, взяв [с собой] *Temüjin'*а».

Сказуемое, выраженное другими деепричастными формами

Что касается деепричастий II группы, то характерной их особенностью является семантико-синтаксическая однозначность: в своем подавляющем большинстве они реализуют различные обстоятельства совершения действия: образ или условия действия, цель, причину, протяженность во времени и т.п.

Из них только продолжительное деепричастие — форма на *-qsA'Ar/-qsAbAr* — помимо обстоятельственных значений использовалось с глагольными связками, конкретизирующими временной план, в качестве заключительного сказуемого со значением продолжительности действия: *Tere asaraqsa[h]'ar aju* [SH, § 111] «Он продолжал опекать [*Börte-üjin*]»; ...*tingri-yin joriy-i daqan yabuqsabar bolbai ʒe* [UM, с. 363] «[Он] продолжал действовать согласно воле Неба»; *Ikires-ün Butu ende gürege[t]-te yabuqsa'ar ireba gü* [SH, § 120] «Икиресский *Butu* проделал сюда свой путь в качестве зятя»; *Ta Ming-i delegei-yi eʒele'ülükse'er. Qala'ar ye'ütkel ügei tenggeri-yin jaya'an boluqsan temdek bui* [H, IIa, 6v] «Великим Минам было дозволено владеть (владеют) миром. Это, несомненно, предопределено судьбой нетленного Неба».

8. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Отличительной чертой второстепенных членов предложения является их зависимость от главных — подлежащего и сказуемого. Поэтому в структурном оформлении предложения (но не содержания) они носят пассивный характер и, подчиняясь главным, могут занимать различные позиции по отношению к последним.

Не будучи главными, такие члены предложения различаются также по способу включения их в структуру предложения. Они бывают примыкающими (в монгольских языках это частично определения и

обстоятельства), согласуемыми (частично определения), управляемыми (дополнения, определения).

Среди второстепенных членов предложения принято выделять определения, дополнения и обстоятельства.

Однако, если подлежащее, сказуемое и определение в монгольском языке по формально-грамматическим признакам дифференцируются довольно легко, то дополнения и обстоятельства поддаются разграничению не так просто «и скорее семантически, а не грамматически» [Санжеев, 1959, с. 86].

Видимо, исходя из таких предпосылок, в ранних исследованиях по грамматике монгольского языка обстоятельство как грамматическая категория не вычленилось, а рассматривалось в числе дополнений, к разряду которых относились все «присказуемые» слова (кроме подлежащего и определения).

Объединение двух разных категорий в одну обосновывалось тем, что все дополнения («присказуемые» слова) «в ряду членов предложения занимают строго определенное место, впереди или после подлежащего, но обязательно перед сказуемым, причем совершенно безразлично, что и как они выражают (орудие или причинность процесса, качество или условие того же процесса), будут ли они выражаться именами или глаголами» [Санжеев, 1934, с. 71; 1941, с. 147–155].

Дополнение, в состав которого включалось обстоятельство, определялось и как «слово, развивающее и дополняющее высказываемую мысль и [которое] обозначает тот предмет, на который направлено действие, или вообще предмет, с которым так или иначе связано действие» и что в монгольских языках оно «обнимает собою не только прямое и косвенное дополнение, но и все то, что в синтаксисе русского языка принято называть обстоятельством» [Поппе, 1937, с. 165–166].

Однако, несмотря на такие доводы, отсутствие разграничения между двумя разными синтактико-грамматическими категориями являлось недостатком в анализе синтаксического строя монгольских языков.

Дифференциация второстепенных членов предложения только по семантическим признакам и нечеткость критериев служили поводом отказаться от разграничения таких разных по своим морфологическим и синтаксическим признакам категорий, как дополнения и обстоятельства.

И хотя в некоторых случаях действительно непросто провести четкую грань между дополнениями и обстоятельствами, особенно если они выражены падежными формами имен, все же ныне во всех современных исследованиях по грамматике монгольских языков, в том числе в трудах монгольских и китайских лингвистов, дополнения и

обстоятельства рассматриваются как самостоятельные грамматические категории¹⁷.

8.1. Определения

Определение рассматривается как синтаксически зависимая единица в предложении, которая относится к члену предложения с субстантивным значением и реализует атрибутивные отношения между наименованием субстанции и названием признака, который характеризует предмет с точки зрения его качества, свойства, оценку качества и т.п., выделяя, таким образом, обозначенный предмет из ряда других подобных ему. Как второстепенный член предложения, определение грамматически подчиняется определяемому слову, при этом признак-определение мыслится не отвлеченным, а в единстве с подчиненным.

Определение может быть выражено любой частью речи (именной, причастно-глагольной) и состоять как из одного слова, так и из словосочетаний, во многих случаях устойчивых (сложных образований).

В монгольских языках определение всегда предшествует определяемому, сочетаясь с последним посредством примыкания, управления, реже — согласования.

Определяемым может быть любой из членов предложения: подлежащее, дополнение, знаменательная часть именного сказуемого, обстоятельство с предметным значением, предметно-относительное определение.

При наличии у определяемого нескольких определений ближайшим к нему будет то, которое теснее связано с ним по смыслу.

Согласуемые определения

Одной из характерных особенностей качественно-количественных определений в языке древних текстов было наличие согласования. В таких случаях определения выражались:

1) указательными местоимениями во множественном числе: *tede gortan emeged-i jorqalduya-či bida* [SH, § 275] «Давайте-ка мы избежем этих вредных старух»; *edeger üges kemebesü tan-a uqaqdaqu bui* [UM, с. 396] «Эти слова понятны вам»;

2) наличием показателя множественного числа (суф. *-tAn*) в определении: *sečen biligten kücüten köbegüd činu ber tegün-e bökeyimüi* [TD,

¹⁷ См., например, [Мишиг, 1957; Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй, 1989, с. 139–158; Орчин цаг-ун mongyol kelen-ü sudulul, 1986, с. 397–403].

с. 62, F 58r] «умные, талантливые и сильные сыновья твои преклоняются перед ним»; ...*vayiduri erdeni gičkigür-tü-yin dotor-a eldeb öngge dayun savitan sibayugad-iyar dügürügsen-i bolıyabai* [TD, с. 52, F 46r] «...в качестве украшений [они] разместили между ступеньками лестниц различных по цвету и голосу маленьких птичек»;

3) множественным числом прилагательного: ‘...*öngge savit ökid-iven ösgejü*... [SH, § 64] «...[они] растили своих прекрасных дочерей...»; *tevimü tevimün omoqtan irgen-i Činggis-qahan dorayita’ulıju jürkin oboqtu-yi ülitkeba* [SH, § 139] «Чингиз-хан подчинил себе этот высокомерный народ и развезл (изгнал) всех принадлежащих к клану *jürkin*»;

4) обобщительными местоимениями: *qamuy qatud nököd cinu ber yauča namayi ber ügei-e yarıyaıu* [TD, с. 33, F 20v] «все ваши женщины и друзья убьют ведь меня»; *olan qoortu jobalang-ud törögülüğci bui* [TD, с. 23, F 5r] «порождается много тяжелых страданий»;

5) количественными числительными: *Imadača jırquqan köbegüid töregsen ajuqu* [UM, с. 379] «От нее родилось шесть сыновей»; ...*ede tabun kö’üd-iyen sergelen sa’ülju niǰi’el müsüt ququlutqun ke’eǰü ökba* [SH, § 19] «[она] усадила рядом этих пятерых своих сыновей, дала [каждому] по одному пруту и предложила сломать»;

6) причастиями в форме мн. числа будущего и прошедшего времени: *Börte-üjin tede dürbekün irgen-tür büjü’üi* [SH, § 110] «*Börte-üjin* находилась [среди] тех убегающих людей»; ...*tus qan-ıyan qardağsat haran-i tan-i urug-ıyar mökörü’üldekün büle’e* [SH, § 149] «люди, посягнувшие на своего хана, должны быть истреблены вместе со всей родней»; *Yeke ner-e-dür kürügsed noyan-liq-un urudus anu degedüs-tür jügıyer kücü öğcü*... [UM, с. 236] «Достигшие великого звания предки княжеского рода преданно служили императорам...».

В современных монгольских языках согласование определения с определяемым как таковое отсутствует и только лишь иногда употребляется в бурятском литературном языке в художественных произведениях, где они «могут быть выражены указательными, обобщительными, выделительными и вопросительными местоимениями, качественными именами прилагательными» [Грамматика, 1962, с. 69].

Примыкающие определения

В качестве примыкающих определений наиболее широко используются имена существительные в своей основе.

Примыкая к определяемому слову, такие имена характеризуют предмет с точки зрения материала, из которого он изготовлен или который содержится в предмете или которому предмет уподобляется:

modun nemüre [SH, § 174] «деревянное укрытие»; *buluğan maqalai* [SH, § 114]; «соболья шапка»; *altan büs-e* [UM, с. 382] «золотой пояс»; *altan ċirai* [H, IIb, 1v] «золотой лик»; *modun se'ül* [SH, § 275] «деревянный хвост»; *mönggün ölegei* [SH, § 133] «золотая колыбель»; *altan mönggün ayaqa saba* [SH, § 267] «золотая и серебряная посуда».

Имена существительные в форме основы, определяя предмет, индивидуализируют его, выделяя среди других, ему подобных: *qarsi ayaqa saba* [SH, § 267] «дворцовая (*qarsi* 'дворец'. — *M.O.*) посуда»; *ordo ger tergen* [SH, § 278] «дворцовые (*ordo ger* 'дворец') повозки»; *qonin ħil* [SH, § 250] «год овцы».

Имена числительные характеризуют предмет с точки зрения его количества, размера: *tabun ħa'un niken novanli'ut-luwa. qovar minyan. dolo'an ħa'un vesün. ċere'üt...* [H, IIb, 17v] «две тысячи семьсот девяносто солдат и пятьсот один офицер»; *tabun ħa'ut alda qaħar-a* [SH, § 195] «на земле в пятьсот маховых саженей».

В качестве примыкающих определений используются и имена прилагательные. Выявлены два их разряда:

качественные, обозначающие цвет, размер и ряд других признаков, представлены как производными, так и не производными. Этот разряд прилагательных способен иметь показатели степеней качества. Их функциональная особенность — атрибутивное употребление — определение имен существительных: *ünen üħel* [TD, с. 23, F 4v] «честный взгляд»; *degedü savin öngge* [TD, с. 23, F 5r] «очень красивый (хороший) цвет»; *qoyosun alay-a* [TD, с. 24, F 6r] «пустая ладонь»; *ċaqan Buqa* [H, IIb, 21v] «Белый Бык (здесь собственное имя)»; *ċaqān singqor* [SH, § 63] «белый сокол»; *ċeügen sira gü'ün* [SH, § 21] «светлый (светло-желтый) человек»; *sira noqai* [SH, § 21] «желтая собака»; *borofaqċin qarċiqai* [SH, § 25] «серая соколиха»; *mawun kö'üd* [SH, § 177] «плохие сыновья»; *mawuqan eme'el* [SH, § 193] «плохонькое седло»; *öċügüken kümün* [TD, с. 46, F 36r] «совсем маленький (слабенький) человек»; *qab qara [ċirai]* [TD, с. 48, F 38v] «совсем черное (черное-пречерное) [лицо]»; *hulāmtur boro morin* [MA, с. 187] «красновато-серый конь».

Относительные прилагательные, образованные посредством ряда суффиксов, характеризуют определяемое с точки зрения того, чем оно обладает.

Прилагательные на *-du/-tu* (иногда *-tai*) определяют предмет по его внутренним или внешним данным: *dotoradu ulus* [H, IIa, 8r] «внутренние страны»; *dorona-du qavaly-a* [TD, с. 25 F 8r] «восточные ворота»; *ada-tu üile* [UM, с. 368] «опасные дела»; *nunqasutu tergen* [SH, § 85] «с шерстью (т.е. нагруженная шерстью) телега»; *altatai hartai a'urasu*

[SH, § 152] «золотые, узорчатые пожитки (имущество)»; *uqayatu novan* [HC, 13a] «умный нойон (князь)».

Имена на *-tu/-tai* могут иметь при себе определительное слово, например название собственного имени: *Torbi taš neretü elči* [SH, § 190] «посланник по имени *Torbi taš*»; *Alan-qo'a neretei ökin* «девушка по имени *Alan-qo'a*»; или характеристика местности: *görö'esün görü'üli savitu qaqar* [SH, § 9] «место, обильное (хорошее) антилопами»; и другие характеристики, нередко выраженные многословными определительными комплексами: *kö'ün činu nidün-tür-iven qaltu ni'ur-tir-ivan geretü kö'ün bui* [SH, § 62] «сын твой с огненным взглядом и лучезарным лицом мальчик»; ...*buluqan maqalaitu maral-un qodun qudusutu ilkin jarqaq usun-u buluqan jalqaqsan de'eltü tabun nasutu Kücü neretü nidün-dür-iven qaltu kö'üken-i bidan-u čeri üt nuntuq-tur qoçoruqsan-i olju abčirajüi* [SH, § 114] «наши солдаты нашли брошенного в кочевье (лагере) пятилетнего мальчика по имени *Kücü* с горящим взглядом (огнем в глазах), в собольей шапке, в сапожках (гутулах) из кожи оленя, в шубке (дели) из брюшной части меха соболей». Конечно, в этом определительном комплексе можно выделить и свои определительные сочетания, например: *buluqan maqalaitu* «соболья шапка»; *maral-un qodun qudusutu* «гутулы из кожи оленя», *usun-u buluqan* «водяной соболь».

В качестве неизменяемых примыкаемых определений используются и причастные глагольные формы, характеризующие предмет с точки зрения действия или состояния, которым последний подвергается. Эта функция присуща всем причастным формам. Причастное определение может состоять не только из какой-то одной формы, но и из двух-трех и, кроме того, нередко в сочетании с зависимым от него именем.

Из трех вариантов причастия будущего времени (*-qu*, *-qui*, *-qun*) наиболее активно в качестве определения использовались две последние. Первая из этих двух имела, как уже отмечалось выше, «более именной характер», вторая употреблялась (являясь формой множественного числа) в определительных сочетаниях с определяемым во множественном числе (см. выше). Например: *yabuqui uçir-tur* [H, IIa, 21v] «по причине отъезда», *amuriyulqui çay bolju amui* [TD, с. 23, F 4r] «наступает время успокоения»; *töröküi öteküi ebedküi, üküküi jobalangtan* [TD, с. 33, F 20v] «[эти] создания, [страдающие при] рождении, старении, болезнях, умирании»; *amurlıylaqi çay bolju amui* [TD, с. 23, F 4r] «настало время успокоить [опечаленных]»; *dürbekün irgen* [SH, § 110] «в панике убегающие люди»; *söni yabuqan haran* [SH, § 278] «ночью ходящие люди».

Форма на *-qu* в определительной функции использовалась как в своей основе: *eçige eke-dür tabıylaqu kümün* [HC, 22a] «совершающий

жертвоприношения родителям человек»; *misiyekü carai* [НС, 36b] «улыбающееся лицо», так и в форме родительного падежа: *γasalqu sinalqu-vin joriγ bolba* [НС, 36a] «[это] и есть стремление сокрушаться и оплакивать [родителей]».

Причастие прошедшего времени (-*qsAn*, мн. ч. -*qsAd*) в функции определения характеризует определяемое с точки зрения уже совершившегося действия: *ene bayiyuluγsan biī tas* [UM, с. 290] «эта воздвигнутая стела»; *činu ilegsen bičig* [UM, с. 58] «твое отправленное письмо»; *...ireksen bičik* [Н, IIb, 16r] «прибывшее письмо». (Примеры на употребление формы мн. числа см. в разделе «Согласование».)

Однократное, или причастие настоящего времени, — форма на -*qēi/-qēin*, характеризует определяемое с точки зрения способности к совершению действия или участию его в процессе действия: *...doloγan jalan idqayčīn noγad* [НС, 29b] «...[было] семь чиновников, направляющих и предостерегающих [их]»; *amuyuluγči qan* [НС, 27a] «призывающий к спокойствию [народ] хан»; *būñgči kümün* [TD, с. 23, F 4v] «танцующий человек»; *duradqayčīn medegčīn noköd* [НС, 30a] «знающие и дающие советы друзья».

Причастная форма на -*γAi* (в SH - 'Ai) в качестве определительной использовалась редко и зафиксирована только с отрицанием, обозначая еще не совершившееся действие или событие: *iregei-ūdügüi üiles* [UM, с. 363] «еще не произошедшие события»; *gün-ne ökte 'ei-üdü 'ül ökin aju 'u* [SH, § 7] «была еще не просватанная (еще не отданная [другому] человеку) девушка».

Также немногочисленны примеры на использование в определительной функции многократного причастия на -*dAq*¹⁸, где оно характеризует лицо по постоянно (обычно) совершаемому им действию: *kökideg Toqto 'a* [SH, § 105] «всегда пугающийся (удирающий) *Toqto 'a*»; *Jamuqa yabudaq keletü büle 'e* [SH, § 167] «*Jamuqa* был болтлив (был с постоянно двигающимся языком)».

Управляемые определения

Если все примыкающие определения всегда используются в форме своей основы, то управляемые определения в монгольских языках имеют форму родительного падежа. В текстах этот падеж представлен формантами -*и* (иногда -*ни*) — после основ на согласный -*n*; -*un* — после всех прочих согласных и -*γin* — после основ на гласные.

¹⁸ В текстах эта форма зарегистрирована в незначительном количестве примеров.

Этот падеж характеризуется большим разнообразием значений и является почти единственным среди всех других падежей как осуществляющий широкую грамматическую связь между именами.

Самая распространенная из определительных функций — обозначение принадлежности в широком смысле, которая реализуется как приименное определение в различных группах имен существительных.

Родительный падеж имени существительного характеризует определяемое по его принадлежности или отношению к предмету-определению: *bars-un aman* [UM, с. 240] «пасть тигра»; *uridüs-un süir sünesün* [НС, 33a] «величественные души предков»; *uruy-un uruy anu* [UM, с. 290] «потомок потомков»; *uyiqud-un qan* [UM, с. 362] «хан уйгуров»; *qabur-un terigün sara* [UM, с. 38] «первый месяц весны»; *Сinggis qaqa-u er-e* [UM, с. 367] «мужи Чингис-хана».

Категория принадлежности может конкретизировать определяемое с различных точек зрения: местонахождения, времени, цели, назначения. При этом само определение в родительном падеже может осложняться отдельными поясняющими словами или группой слов, подчиненных друг другу: *qari-yin ejed* [НС, 4b] «чужеземные правители»; *dörben eteged-ün ulus* [НС, 15b] «государства четырех сторон света»; *arban jüg-ün burqan-nuyud* [TD, с. 21, F 2v] «будды десяти сторон»; *morin-u qayan* [TD, с. 22, F 4r] «король [среди] коней»; *tariyan-u ongyod* [НС, 5b] «онгоны (духи покровителей) пашен»; *qubi sara-yin arban dörben-e* [UM, с. 376] «четырнадцатого числа предопределенного [судьбой] месяца»; *irgen-ü ečige eke* [НС, 27a] «отец и мать для народа». Здесь приведены примеры на наиболее распространенные определительные значения этого падежа, хотя ими не исчерпывается все семантическое многообразие этих значений.

Распределение прочих членов предложения регулируется местоположением определения. Все определители подлежащего размещаются перед ним, а определители сказуемого (дополнения, обстоятельства) — перед сказуемым.

Но в зависимости от цели высказывания и логического ударения местоположение обстоятельств может в предложении варьироваться.

8.2. Обстоятельства

Обстоятельство — второстепенный член, занимающий в предложении зависимую синтаксическую позицию и характеризующий действие или состояние с точки зрения условий их осуществления. Оно также указывает на активный или пассивный признак в качественном или количественном отношениях.

Обстоятельство может относиться ко всему предложению (пространственно-временная локализация всего действия) или к каким-либо отдельным членам предложения, выраженными прилагательными, причастными формами, наречиями, соединяясь с последними посредством примыкания, которое в монгольских языках является основным видом синтаксической связи для этого члена предложения.

К управляемым обстоятельствам можно отнести некоторые падежные формы имен существительных, иногда подвергшиеся полностью или частично процессу адвербиализации. Это главным образом орудный и дательно-местный падежи имен, при этом эти падежи в именах прилагательных имеют словообразовательное значение.

Классификация обстоятельств по значению

Прежде всего обстоятельства можно подразделить на две большие группы: а) характеризующие действия или события в целом и б) характеризующие признаки. Каждая из этих групп, в свою очередь, делится на разряды.

Обстоятельства, характеризующие действие

Обстоятельства места и направления характеризуют действие или событие по местонахождению, общему направлению, начальному и конечному пунктам движения. Общее направление выражается наречиями и дательно-местным, исходным падежами имен существительных: *bi ber ende aju* [TD, с. 45, F 35v] «Я нахожусь здесь»; ...*emünegside buruγulbai* [TD, с. 63, F 58v] «[Он] бежал в южном направлении»; *ebesün-ü üjügür-i dotoysida qanduyul-un debisçii*: [TD, с. 56, F 51r] «[Бодхисаттва] расстелил траву верхушками внутрь»; *Tolui... qadanaça oroju ireju*... [SH, § 214] «*Tolui* вошел снаружи»; *dergedekün bükün irgen* [TD, с. 48, F 38v] «рядом находящиеся люди»; *jaqur-a berke cöl-nuqud-i*¹⁹ *tuquluqad*... [UM, с. 371] «...по пути преодолели трудные пустыни»; *uruyu türgen-e urusqui usun* [TD, с. 23, F 4v] «быстро текущая вниз вода»; *ger-te oroju* [SH, § 214] «вошел в юрту»; *ger-tür dorona sa uju büle'e* [SH, § 214] «в юрте сидел на восточной стороне»; *ger-tür-iyen güri'et*... [SH, § 37] «добрался до своей юрты»; *ger-teçe qariba* [SH, § 168] «вернулся из юрты»; *Bodisdy gay-a ayula-dur... sayuju*... [TD, с. 45, F 35r] «Ботхисаттва находился на горе *Gayā*»; *e[n]de oyira buyu-je* [SH, § 31] «[Он] должно быть находится здесь поблизости».

¹⁹ Здесь: *nuqud* вм. *nüqüd*.

Обстоятельства времени указывают на общую темпоральность ориентации без указания предела (сегодня, вчера, постоянно) или, напротив, обозначают исходный или конечный момент действия или события.

Такие обстоятельства выражаются главным образом наречиями времени, существительными в форме основы, обозначающими отрезок времени, или в падежном оформлении (дательном-местный, орудный, исходный падежи), повторами наречий, причастными падежными формами: ...üde manaqar kegüdel ügei oran qarun yabuju asaraqdaqad... [UM, с. 383–384] «[Ему] было дозволено входить и выходить беспрепятственно утром и вечером»; tegünçilen nasuda noyalaqu nereber ayu [HC, 5a] «поэтому навсегда сохраняется княжеский титул»; ...nöğögede niçün ülü üiledkü bi [TD, с. 49, F 40r] «Я не вернусь в другой раз»; urtuda üiledügsen-iyer sayin...manduba [UM, с. 389] «Тогда как [вы] долго практиковали [их], [они] прекрасно преуспели...»; sayin ner-e tan-u egüride aldarsiqldamui [UM, с. 376] «славное имя ваше навечно прославится»; edö'e irekü çay bolba [SH, § 31] «сейчас настало время прийти»; nigen üdür Duwa-soqor Dobun-mergen de'ü-lü'e-be'en Burqan-qaldun de'ere qarba [SH, § 5] «Однажды (один день) Duwa-soqor со своим младшим братом Dobun-mergen'ом взошли на гору Burqan-qaldun»; manqarsi üdür-eçe tayiçi'ud-un Tarqutai-kiriltuq Tödö'en-girtetan taiçi'ut Onan-müren huru'u gödölba [SH, § 72] «на следующий день (с завтрашнего дня) тайчудские Tarqutai-kiriltuq и Todo'en-girte двинулись вниз по реке Onan-müren»; üdü söni ülü osoldan... [H, IIa, 10r] «днем и ночью не допускал оплошности...»; ba mün üdür qarıju... [H, IIb, 22v] «и в тот же день вернулся»; mün üdür-iyer bö't bolqan sorı'asu... [SH, § 197] «тем же днем [Чингис-хан] проверил [ее слова]».

Обстоятельства времени передавались также наименованиями времен года, суток, сезонов года, летосчислений, иногда состоящих из словосочетаний: noqai jıl namur Çinggis-qahan tang'ut irgen-tür morilaba [SH, § 265] «Осенью в год собаки Чингис-хан отправился к тангутам»; Mön on jırquqan sara-dur basa bi Ui Suu-yi bii tas-un ayalqus-i jöqıyaqulun... [UM, с. 365] «В тот же год в шестую луну мне, Ui Suu, было поручено составить текст стелы...»; ...Çinggis-qahan dolodu'ar hon takiy-a jıl namur Tüla-yin Qara tün-na ordos-tur bawuba [SH, § 264] «Осенью в седьмой год петуха Чингис-хан остановился во дворце в Черной роше на реке Tüla»; naran singg'esü tarqaba [SH, § 81] «с заходом солнца разошлись».

Обстоятельства причины

Обстоятельства причины обозначают мотивы, повод, основания, причину осуществления действия.

Причинные отношения выражались:

1) формами орудного, реже исходного падежей имен существительных и причастий: *ebedcin-iyer ügei boljuqu* [UM, с. 379] «скончался от болезней»; ...*sayin üile üiledküiber tendekin irgen imayi-yi masi kündüilen ajuqu* [UM, с. 221] «находящийся там народ очень чтит его за добрые дела»; ...*urida tobciyan j-e qadaqalaqsan-ača siltaqalan yadaju...* [UM, с. 385] «[Я] не мог найти причины [отказаться], так как прежде [мне] было поручено бюро [истории]»;

2) причастными формами (редко прилагательным) в родительном падеже с послелогом *tula* «так как»: ...*ulus irgen-i masi ese qairalaqsan-u tula te'über delegei de'ere sama'u bolu'at...* [H, IIa, 25v] «так как очень не любил свой народ, по всей стране начались смуты...»; *degegsi manduqu aburi edügülügsen-ü tula Način noyan uqaju bürün köbegüçilen asaraqsan ajuqu* [UM, с. 223] «Так как [он] проявил в высшей степени хороший нрав, *Način noyan* усыновил и воспитал [его]»; *Yisügeiba'adur Nekin-taisi goyar-i üküki-ün tula eyin aşikdaqui...* [SH, § 130] «не потому ли [вы] так избиваете [меня], что нет в живых *Yisügeiba'adur*'а и *Nekin-taisi*»; ...*erdem-tü büküi-ün tula Divubala yeke üile qadaqalan didamu j-e* [UM, с. 277] «...так как [он] образован, *Divubala* может его привлечь к большим делам»; *ebügen inu giçiyengkü uqaqatu unen joriq-tu tula Način noyan imayi derge oyira kesig-tür yabuquluqad aliber üiles imaluq-a eyedüldün ajuqu* [UM, с. 223] «Так как его предок был старателен, умен и храбр, *Način noyan* и его приблизил [к себе] и привлек ко всем делам»; *Tegün-ü qoyina idegen ülü idegçid-ün tula teyin büged ese idegsen-iyer turubai* [TD, с. 47, F 38v] «Впоследствии, от того что воздерживался от еды из-за тех, кто не ел, [он] отошал».

Обстоятельства цели

Обстоятельства цели указывают на цель или намерение субъекта совершить какое-либо действие. Самым распространенным средством передачи целевого обстоятельственного значения было использование формы целевого деепричастия: *Temüjin-i abur-a ireba* [SH, § 69] «[он] приехал, чтобы забрать *Temüjin*'а»; *buluqat keremün qudalduju abura ayisurun* [SH, § 182] «[он] прибыл, чтобы закупить соболей и белок»; ...*uridu qad-tur inu taqir-a iregsen ajuqu* [HC, 14a] «[владельцы княжеств] прибыли для совершения жертвоприношений своим прежним

правителям (ханам)»; *Gücü Kököcü qoyar Qasar-i barira odba* [SH, § 244] «*Gücü* и *Kököcü* отправились, чтобы изловить *Qasar*'а».

Целевое назначение передавалось также именами существительными и формой причастия будущего времени на *-qu* в родительном падеже с послелогом *tulada* «для чего-либо»: *bi kemebesü... amitan-a tusavin tulada... öglige-yi öggügsen buyu* [TD, с. 63, F 59v] «что касается меня, то я ради живых существ... приносил [разные] благодеяния»; *...busud-i orolçayulgu-vin tulada bisilyasuyai bi* [TD, с. 42, F 31v] «...я буду созерцать, чтобы привлечь к участию других»; *...süsülgegülkü-vin tulada: öber-ün kücün erdem-i uqayulur-un...* [TD, с. 46, F 36r] «...для того, чтобы заставить [их] уверовать, я заставляю [их] поверить в свою силу и знания».

Обстоятельства образа действия

Обстоятельства образа действия характеризуют действие по его активному или пассивному характеру, качественному или количественному признаку, указывают на способы его осуществления.

Такие значения передаются разными способами. Самым распространенным из них является употребление производных и производных наречий и их сочетаний: *Masi turabai. Ülemñ masi turabui* [TD, с. 47, F 38v] «[Он] очень истощал. Весьма очень истощал»; *...qaneçige-de minu sayitur nököceñü ögütkün* [SH, § 179] «[Вы] хорошенько служите хану—отцу моему»; *ödter ödter qayaylas-ivan qayayulju...* [TD, с. 38, F 26v] «[приказал] как можно быстрее (быстро-быстро) закрыть ворота»; *...jergeber ügüley-e* [UM, с. 263–264] «[Я] расскажу по порядку»; *...yayçayar sayıju sedkisügei kemen* [TD, с. 26, F 8v] «[Я] буду жить и размышлять в одиночестве»; *...jüb jükiver²⁰ kücü öggün...* [UM, с. 362] «...служил самым прилежным образом»; *üile-yi joqis-ivar bolqun qadaqalaqad...* [UM, с. 279] «...дела хранил надлежащим образом»; *...sayin ner-e inu olan-a temdegtei-e uqaqdaqsabar...* [UM, с. 383] «...доброе имя его заметно (сверх примечательно) воспринималось многими»; *...egenegte uidqari ügei üjügülen kücü öggügseber...* [UM, с. 384] «...особенно [он] продолжал без усталости служить [императору]».

Именами существительными в орудном падеже обозначались орудия как способ совершения действия, а также путь и средства передвижения: *tatar-un Qargil-sira-yi süke-ber kituqai-bar mün tende alaju'ui* [SH, § 214] «татарского *Qargil-sira* там же и убили топором и ножом»; *Büri-bökö Belgütei-yi örö'ele qar-ivar bariju örö'ele köl-iver töyitcü unaqaju...* [SH, § 140] «*Büri-bökö* одной рукой держал *Belgütei*'я, одной

²⁰ Так в тексте, см. *jüb jükiver*.

ногой ударил [по голени] и повалил...»; *mün mün mör-iver qarın bederejü ke'eba* [SH, § 83] «[Они] искали [его], возвращаясь по тем же самым следам» ...*jam-ivar ha'ulqa'asu bolqu-yü* [SH, § 271] «[Не лучше ли] обязать их передвигаться через почтовые станции».

Именами в орудном падеже характеризовались действия и со стороны их качества: *niken hula'an de'eltü eme gü'ün ...yeke dawu-'ar qayılan uyılan bayıqu-yi...* [SH, § 146] «Одна женщина в красном *делу* (тулупе) громко (большим голосом) плакала...».

Действие с его количественной стороны характеризовалось некоторыми разрядами числительных: ...*ñči quči ügülejü ile'et yadaju...* [SH, § 167] «[Он] дважды [и] трижды посылал сообщения, [но] не мог [убедить *Ong Qan'a*]»; ...*harban qurban-ta qatqu[.]duju Ambaqai-qahan-nu ösöl ösön kisal kisan yadaba* [SH, § 58] «[Они] сражались тринадцать раз, но не смогли отомстить за *Ambaqai-qahan'a*»; *naran [ñük] visün-te sögötü...* [SH, § 103] «[*Temüjin*] девятикратно поклонился в сторону Солнца»;

Обстоятельства сравнения и уподобления характеризуют действие, состояние, исходя из сопоставления с другими предметами или иным действием.

Эти значения передаются посредством некоторых послелогов в сочетании с именными основами и причастными формами. Это послелог: *metü, sitü, saça, saça'u* «как будто, подобно, словно»: ...*irgen-i öber-ün köbegün sibaqun metü taqalaju yabubasu ta erekü gour-tur ülü oroqad...* [UM, с. 375] «...если вы любите народ словно своих сыновей, вы не подвергнете [его] наказанию и не причините вреда»; ...*sira noqai metü siçabaljaju qarqu büle'e* [SH, § 21] «...уходил бывало, словно рыжий пес, виляя [хвостом]»; ...*gün čegelün dergede yabuqu metü nimgen mölsün deger-e gečgikü sitü emigegdeküi kemejüyü* [НС, ба] «[Вы] напуганы, словно идете рядом с глубоким прудом, будто ступаете по тонкому льду»; *ečige eke-yügen gegüdeglečegsen sitü emgenin ajuqu* [UM, с. 280] «[Они] горевали, как будто утратили своих родителей»; *Eke minu... ta dörben-i gü'ün-lü'e saça'un bolqaju... ere-lü'e saça'u bolqaju...* [SH, § 214] «Моя мать... вас четверых считала как [своих] сыновей... и сделала вас мужчинами (сравнила, сделала равными с мужчинами)».

8.3. Дополнения

Применительно к монгольским языкам дополнение определяется «как второстепенный член предложения, обозначающий предмет (а также опредмеченное качество или процесс), который имеет самое разнообразное отношение к действию или признаку, выраженному глаго-

лом, прилагательным, числительным и местоимением с качественным значением или наречием» [Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, с. 73].

В качестве дополнения используются практически все знаменательные части речи, а также субстантивированные слова и словосочетания.

В предложении дополнения, как и обстоятельства, ставятся перед сказуемым (за некоторым исключением: в разговорной речи, когда те и другие могут оказаться за пределами сказуемого).

Подразделяются дополнения на прямые и косвенные.

Прямое дополнение обозначает объект, на который непосредственно распространяется действие только переходных глаголов, которые наиболее четко проявляют значение объекта, выраженного именами в винительном падеже или в форме своей основы.

Косвенные дополнения выражаются формами косвенных падежей (иногда с послелогами).

В монгольской, как и в классической, лингвистике понятием косвенного дополнения охватываются самые разнообразные виды объектных значений.

В предложении дополнение грамматически зависит от члена предложения, к которому оно относится (чаще всего это бывает сказуемое), и, как правило, является управляемым, изредка — примыкаемым членом предложения.

Прямое дополнение

Прямое дополнение — это имена существительные, все субстантивированные части речи, словосочетания, оформленные винительным падежом (существительные могут быть также и в своей основе), являющиеся объектами при переходных глаголах конкретного действия: *egünece busu mör-i erisügei kemen* [TD, с. 44, F 34r] «[Я] найду путь, отличающийся от этого»; *On büri evimü üiles kedün-te ba бүтеген ајуу* [UM, с. 284] «ежегодно неоднократно исполнял такие дела»; *eçige eneyin savin-i mandulubasu taqimtayu bolqu-yin üjügülekü üile buyu* [HC, 2b] «если [мы] распространяем достоинства (хорошее) [своих] родителей — это и есть заключительный акт почтительности [к ним]»; *...basa ujaqur abci oduqsan irlq ba yayu ked-i бүгедe-vi qariyuljuyu* [UM, с. 228] «...вернули также и все права, и все другое всем тем, кто изначально владел [этим]»; *...niken bölök irgen newüju oroju avisuqu-yi qaraju üjeju...* [SH, § 5] «...увидел группу приближающихся людей»; *Edüge... Oron-u uridus-un ujaqur barilduju iregsen-i jergeber ügüley-e* [UM, с. 363] «Сей-

час [я] расскажу по порядку как предки *Oron*'а сменяли (наследовали) друг друга».

Косвенное дополнение

Косвенное дополнение связано с представлением об объекте, соотносимым с действием не непосредственно, т.е. не являющимся предметом, на который непосредственно направлено действие, а обозначает различные значения в зависимости от своего морфологического (падежного) оформления.

Дополнения в дательном-местном падеже обозначают: адресата или предмет, к которому относится, направлено действие: *Bi dan-tur oroqu duratu büle'e* [SH, § 145] «Я намеревался ехать к вам»; *huyilun бүкүү usun-tur hulalun бүкүү gal-tur oroqda'ai büle'ei-je* [SH, § 204] «[Я] бы вошел в водоворот (вращающуюся воду) и пламя огня (пламенный огонь)»; *tegün-dür ger-e ken bui* [TD, с. 63, F 59v] «кто является свидетелем для [всех] тех?»; *Činggis-qahan-tur au'l'jaba* [SH, § 238] «[Idu'ut] встретился с Чингис-ханом».

Аналогичные значения передаются и именами в местном падеже: *sayin ner-e qovidus-a aldarsiyuluyad...* [HC, 2b] «добрые имена прославив для потомков»; *degedüs-e čing ün-en-iyer kücü öggüksen...* [UM, с. 364] «чистосердечно служил императору...».

При страдательной (passive) залоговой форме глагола имена в дательном-местном и местном падежах являются в предложениях реальными исполнителями направленного на них действия: *...simuyul sonada idegdebesü ber: amuri dalda ülü eriküi-eče, yar-ıyan daldalaysan ber ügei* [TD, с. 48, F 39r] «Хотя [он] был искусан комарами и осами, он не только не скрывал спокойствия, но и не прятал рук»; *...bügüden-e siyulaydan bui* [TD, с. 24, F 5v] «[Они] презираемы всеми»; *Jamuqa nökö't-te'en bariju irekdejü...* [SH, § 200] «Jamuqa своими товарищами схвачен и приведен к [Чингис-хану]»; *Edeger üges kemebesü tan-a uqaqdaqu bui..* [UM, с. 376] «Эти слова понимаются вами [= для вас понятны]».

Дополнения в исходном падеже (равно и в двойном — дательном-местно-исходном падежах) обозначали:

1) предметы как объекты расставания или избавления: *...qayan ečige činu... amin-açayan qaçaçayad...* [TD, с. 12, F 20v] «...ваш отец-король расстанется со своей жизнью»; *gerelju jasaq-ča beyes-ıyen saqıquıbar...* [UM, с. 388] «Опасаясь властей [они] берегли себя»;

2) предметы как объекты приложения действия: *...masi kücütü kümün masi kücü öcügüken kümün-i qoyolai-aça bariju...* [TD, с. 46, F 36r] «...очень

сильный человек схватил за горло менее сильного человека»; *Joçi-yin qar-aça Bo'orçu tataju Ca'adai-yin qar-aça Muqali tataju büküü...* [SH, § 254] «*Bo'orçu* тащил за руку *Joçi*, а *Muqali* тащил за руку *Ca'adai*»;

3) лицо как источник действия: *imada-ça jırquqan köbegüd törogsen* [UM, с. 379] «от нее родилось шесть сыновей»; *Bodonçar-un a[b]lin eme-deçe törögsen* [SH, § 43] «[Он] родился от первой жены *Bodonçar*»»; *hodon-naça olon qaltun bui* [SH, § 193] «От звезд загорелось много огней»; *...Ciu güng neretü kümün-eçe boljuqui* [HC, 7a] «...[это] исходило (пошло) от человека по имени *Ciu güng*»;

4) часть общего объекта действия: *kebte'ül-eçe qor numu quyaq jebe asaraju tüge'eldütügei. Agtas-aça asaraju hö'ösin aciju yabutuqai* [SH, § 234] «Поручить некоторым из ночной стражи хранение и распределение луков, колчанов, панцирей и наконечников. Подобрать часть (из) лошадей и навьючить [на них] поклажу»; *qan eçige çinu kö'üd-ün dотора çima-daça erijü büle'e* [SH, § 254] «хан—отец твой среди сыновей на тебя возлагал надежду»; *tere görö'esün miqan-aça nada ög* [SH, § 15] «дай мне от куска мяса антилопы»;

5) реально действующее лицо при страдательной залоговой форме глагола: *qaqan-ça... si ning ong ner-e souyrqaqdaqsan Indu* [UM, с. 387] «*Indu*, которому хан (от хана) пожаловал титул *si ning ong*»; *jen Wang ejen-eçe jaruqdaqsan Wai pai hou-tan elçin-iyer öçi'üljü ilejü büle'e* [H, IIb, 15v] «*Wai pai hou* и другие, подвластные повелителю *jen Wang*'у, были им назначены посланниками»;

6) лицо или другие объекты при сравнении с другими: *uqaqan biliq inu busud-aça neng deger-e bolju...* [UM, с. 223] «ум и таланты его были выше, чем у других»; *...qamuy amitan-u dотор-a kümün-eçe degedü ügei* [HC, 16b] «среди всех живых существ нет [никого] выше человека»; *bürin-eçe door-a bolbasu samayu üile ülü egüskegdeküi* [HC, 22b] «Если он и ниже всех других [рангом], он не должен допускать беспорядков»; *kümün-ü aburi yabudal taqimdayu bolqui-aça degedü ügei* [HC, 16b] «Нет [ничего] выше почтительных деяний человека»;

7) исходным падежом обозначается то, что является объектом опасения, но только в сочетании с глаголами со значением «бояться»: *irgen oryan çoy jali-daça ауыju ағали aburi-yi inu tayalayu* [HC, 20v] «Люди будут бояться [своей] славы и любить свои добродетели»; *kö'ü minu noqai-aça çoçimtawu büle'e* [SH, § 68] «сын мой боится собак».

Дополнения в орудном падеже обозначали:

1) объекты, используемые для определенных целей: *üdür-tür yurban qosiyun aduyusun-u miqabar tabiylabasu ber aci ügei tagimtayü kemegdeyü kemejügü* [HC, 23a] «...если даже ежедневно почитать [родителей] мя-

сом трех видов скота, [но без учета трех вещей], это будет называться почтением без достоинства»; *ger-ün dotor-agegegen gerel-iver dügürbei* [TD, с. 29, F 12v] «дом внутри наполнился ярким светом»; *ᠶᠢᠯᠢᠢᠶ᠋ᠠᠷ... байықұлдақсан бii тас бууы* [UM, с. 360] «по указу (указом) воздвигнутая стела»;

2) реальный исполнитель действия при залоговой форме глагола: *mön on jirquqan sara-dur... jänki-bar bičigülün: Činging bai-bar manglai-yin yeke üsüg-i bičigülün* [UM, с. 365] «В тот же год в шестом месяце *jänki* написал [текст стелы]; *Činging bai* написал заглавные буквы [стелы]»; *...novad-ivar... silüg-tü sön bičigüljü öggüged...* [UM, с. 377–378] «[Император] поручил чиновникам написать в стихах „*sön*“²¹»;

3) лицо как соучастник совместного действия: *tnгри-yin köbegün olan mingyan tnгри nököd-iver-iven... irejü...* [TD, с. 24, F 6v] «сын божества пришел с многими тысячами своих спутников-богов»; *...ulus-ivar-ivan bolju qačca jöriq-ivar qoton bekilen sitügeleldün бүкүи-дүр Дуу-а-тан көбегүд арбан қойар түмед čerigüd-iver qoton-u čaqada күрчү...* [UM, с. 370] «...когда [он], будучи со всем своим народом, противостоял с единственной целью защитить город, принц *Duu-a* и другие прибыли в окрестности города с 120 000 войска...»;

4) объект, от которого зависело осуществление действия (= источник действия): *ečige köbegün-i tayalaqu aburi kemebesü tnгри-yin jayayabar бууы* [НС, 19а (2)] «характер любви отца к сыну определяется судьбой Неба»; *möngke tnгри-yin ibegeliber yeke mongqol ulus-un qan-i narbai-yi nigedgegülün jayaqadaqsabar...* [UM, с. 361] «под покровительством вечного Неба хану Великой Монголии было предопределено объединить все [народы]»;

5) материал и предметы для осуществления действия: *qoyar qoγosun modun-ivar γal eriküi-dür adali* [TD, с. 45, F 35r] «[Они] подобны ищущим огонь (= когда хотят получить огонь) посредством двух кусков (двумя кусками) сухого дерева»; *Činggis-gahan-tur čaqa'a-nu'ut singqod-ivar čaqa'a-nu'ut aqtas-ivar qara-nu'ut bulaqad-ivar au'ljaba* [SH, § 239] «С Чингис-ханом встретились [с подарками]: белыми соколами, белыми конями-рысаками, черными соболями».

Дополнения в соединительном падеже обозначали объекты для осуществления совместного действия: *Mönglik-ečige dolo'an kö'üt-lü'e-ben jatuqa-dača qaqačajü..* [SH, § 130] «*Mönglik-ečige* отдалился от *jatuq'* и вместе с семьей своими сыновьями»; [*Bo'orči*] *Belgütei-lü'e ireba* [SH, § 95] «[*Bo'orči*] прибыл с *Belgütei'*ем»; *nigen üdür Duwa-soqor*

²¹ *sön* — кит. «указ», «повеление» [UM, с. 408, примеч. 76].

Dobun-mergen de'ü-lü'e-be'en Burqan-qaldun de'ere qarba [SH, § 51] «Однажды *Duwa-soqor* со своим младшим братом *Dobun-mergen*'ом вошли на [гору] *Burqan-qaldun*»; *degediüs dorodus-luy-a sedkil daγaldıyad itegeldiün cidañıyui* [НС, 35a] «[поэтому] высшие смогли объединить свои чувства с низшими и полагаться друг на друга»; *Cinggis-qahan gürü'et taviçi[ut]-lu'a qatqulduba* [SH, § 144] «Чингис-хан, прибыв, сразился с тайчиутами».

9. КОНСТРУКЦИИ С ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ

Являясь одной из самых распространенных в монгольских языках глагольных форм, деепричастия отличаются и многообразием своих семантико-синтаксических функций. Помимо формирования аналитических глагольных форм, выполняющих в предложении предикативную функцию, они образуют различные деепричастные конструкции, в том числе и конструкции как зависимые части в предложении.

Исследование таких деепричастных конструкций, традиционно называемых в монголоведении «оборотами», предполагает их строгое различие между оборотами «простыми» — моносубъектными, не имеющими своего собственного субъекта действия — подлежащего, и оборотами «сложными» — разносубъектными, где деепричастная конструкция имеет собственный источник действия — собственное подлежащее. Определяются они также как: простые (несамостоятельные) и сложные (самостоятельные) [Бертагаев, 1964, с. 237].

В «Очерках» рассматриваются только простые — моносубъектные конструкции²¹.

9.1. Конструкции с деепричастиями I группы

С соединительным деепричастием

В моносубъектных конструкциях с одним общим для всего предложения субъектом-подлежащим данная деепричастная форма предстает как форма «незаконченной предикации».

В таких конструкциях субъект может совершать ряд последовательных действий, но временной план совершения этих действий будет

²¹ Прочие деепричастные и причастные конструкции подлежат рассмотрению в структуре сложного предложения — сложных синтаксических конструкций.

обозначен только в заключительном сказуемом: *Dörben kö'üt inu Dobun-mergen abaqa-yu'an uruq-a ülü bolqan doromñılañu qaqaçañu gēñi newüba* [SH, § 11] «Четыре его сына, не считая *Dobun-mergen*'а своим дядей, унижали [его], отделили, бросили [на стоянке] и откочевали»; *Dobun-mergen tere üge-tür cō'e buqu-yin örö'ele quya inu ququlñu ö[k]ñi tere kö'ün-ni inu abcu çirañu ger dotora jaruñu aqu büle'e* [SH, § 16] «*Dolun-mergen* согласился, отрезал мясо от одного бедра оленя, отдал [тому человеку], забрал его сына и сделал слугой в доме».

Как уже отмечалось выше, субъект действия — общее для таких конструкций подлежащее — может быть не эксплицирован, но легко вычленяется из контекста: *üdür büri man-tur ireñi esükçileñi odumu* [SH, § 31] «каждый день [этот человек] приходит к нам, пьет кумыс и уходит»; *naran ēsergü büse-ben güñin-dür-iyen erigeleñi maqalai-ban qar-tur. iyan se'eñgeleñi qar-iyen e[b]çe'ün-dür-iyen mö'ele[tcü] naran [jñik] yisün-te sögö[tcü] saçuli öçi'üli ö[k]ba* [SH, § 103] «[*Temüñin*], повернувшись к солнцу, повесил на шею пояс, взял в руки шапку, прижал руки к груди и, девятикратно поклонившись в сторону солнца, совершил возлияние и моление».

В приведенных примерах все обозначенные деепричастной формой действия, предшествуя заключительному действию, по своей объективной значимости являются самостоятельными однородными сказуемыми. Но в грамматическом плане (выражение времени, наклонения, иногда лица) они находятся в непосредственной зависимости от главного действия, выраженного грамматико-синтаксическими формами завершающего предложения сказуемого, относящего эти действия к прошедшему времени. Но поскольку они лишены грамматических средств выражения предикативности, они не могут быть причислены к самостоятельным глагольным сказуемым. Очередность действий субъекта в одном временном плане определяется лишь порядком их следования в предложении.

Соединительное деепричастие в составе таких предложений выполняет также поясняющую, уточняющую, конкретизирующую роль по отношению к заключительному действию: *Yorçiñu Balñun ara[l] gürcüi tende ebesün nembüle ger kiñi aba sa'uba* [SH, § 24] «[*Bodonçar*] отправился в путь, достигнув [местечка] *Balñun-ara*l, [он] соорудил травяной шалаш и стал [там] жить»; *bey-e belder üsün mariyan bolñu [eçige ek] e-eçe törölgüldebei* [НС, 2а] «[Наши] тела, составляя волосы и плоть, порождены [нашими] родителями»; *Ödö'e basa Sorqan-sira namayi uñeñi ülü ja'an nökcin aba* [SH, § 84] «Сейчас снова *Sorqan-sira* увидел меня, но не выдав, удалился».

Имея свой собственный источник действия — субъект, выраженный именительным падежом, — деепричастный оборот имеет явную тенденцию приобрести признаки самостоятельного предложения.

Характерным примером такой степени проявления самостоятельности могут служить структуры, состоящие из двух предложений (каждое со своим деепричастным оборотом), но тем не менее все они объединены одним содержанием и заключительными сказуемыми, обозначенными глагольными формами прошедшего времени, относящими все действия к одному временному плану: *jarim-ud anu içigsen bolñu jarim-ud anu niyur-ıyan bürküñi üjügülbei: jarim-ud anu bürkügedkü ügei bolñu: jarim-ud anu bultayıysan kökö-ben üjügülbei*: [TD, с. 64, F 60v] «Некоторые из них конфузились: некоторые из них прикрывали лица и показывались: некоторые из них были не покрыты: некоторые из них показывали свои высунутые груди».

Признаки самостоятельных предложений имеют и двухсубъектные деепричастные структуры с собственным источником действия, но эти действия носят подчинительный характер, так как они служат следствием или причиной заключительных действий: *Temüjin Qasar Belgütei qurban To'oril-qan-ača qariju ger-tür-ıyen gürcü Temüjin jımuqa-tur Qasar Belgütei qoyar-i ilerün* [SH, § 105] «*Temüjin, Qasar* и *Belgütei* вернулись от *To'oril-qan'a*, [и] *Temüjin* послал *Qasar'a* и *Belgütei'я* к *jımuq'e*»; *Sakilig-ud-un ötegüs anu yurbaljin dörbeljin bojom-ud-i bariju: Sudadani qayan tabun jayun sakiliy-ud-un jalayus-luy-a nigen-e jayan morin kölgeleju qarsi-yin orcin jesebei* [TD, с. 30, F 14v] «Старейшины *Säkyas* соорудили треугольные и квадратные заграждения, и король *Sudadani (Suddhoddana)* вместе с пятьюстами юношами *Säkya* сели на слонов и коней и ходили дозором вокруг дворца»²³.

Со слитным деепричастием

Слитное деепричастие, так же как и соединительное, имеется почти во всех монгольских языках, и синтаксические функции этих двух деепричастий во многом сходны. Считается, что, как и соединительное, слитное деепричастие широко используется для выражения в предложениях ряда однородных, в смысловом отношении вполне законченных действий, что дало основание считать, что эта деепричастная

²³ Хотя подобные предложения не относятся к числу моносубъектных, они приведены здесь как образцы степени синтактико-грамматической самостоятельности подобных деепричастных конструкций, сказуемая функция которых наиболее заметно проявляется в предложениях с сочинительной связью.

форма употребляется в качестве *Verbum finitum* [Cleaves, 1985, с. 243, примеч. 10].

Однако надо отметить, что разница между этими двумя деепричастными формами была все же существенной. Прежде всего, как правило, слитное деепричастие использовалось в составе аналитических форм с модальными глаголам: *čida-* «мочь, уметь»; *yada-* «не мочь, не уметь», тогда как таких сочетаний с соединительным деепричастием отмечено единицы (об этом см. выше).

Простые моносубъектные предложения со слитным деепричастием, видимо, крайне редки, хотя данная форма широко использовалась в составе сложных конструкций с условно-временными, уступительными деепричастными оборотами и в других сложного построения синтаксических конструкциях, достигающих объема целых периодов.

Приводим одно из таких сложных моносубъектных построений, где действия, обозначенные слитным деепричастием, обусловлены содержанием условных деепричастных оборотов: *taqimtaγu köbegün ečige eke-yügen süidbesü uilaqui-dur jasadayalaγu ülü uyilan. töröleküi-dür mösiyekü čirai-ban ülü edügülen. ügüleküi-dür ügeben nayiraγulun ülü ügülen. sayin qubčasan emüsbesü dotoraban ülü amun. quγur dayun sonosbasu ülü köñn. amtatu-vi idebesü amtan inu ülü ayustan. eyin kibesü γasalaqu sinalaqu-yin joriγ bolu* [НС, 35b]²⁴. «Если почтительный сын, оплакивая родителей после [их] смерти, не плачет притворно; при совершении обряда не показывает улыбающееся лицо; когда говорит, слов не украшает; надевая хорошую одежду, себя этим не утешает; слушая звуки своего *хуура*, [этим] не восхищается; когда ест вкусное, не считает это приятным; и если [он] так поступает, значит, [он] скорбит и страдает (намерен скорбеть и страдать)».

В этом тексте все обозначенные слитным деепричастием действия отнесены к одному временному плану, выраженному завершающей весь этот текст глагольной формой непрошедшего (настояще-будущего) времени *bolu* (= *bolγu*) от *bol-* «становиться, делаться».

Весь этот текст представляет собой простое распространенное предложение с деепричастными конструкциями (оборотами), в которых слитные деепричастия выполняют функции однородных сказуемых. И только отсутствие у них грамматических средств выражения предикативности и непосредственная зависимость в этом аспекте от предикативности заключительного сказуемого не позволяют считать их в полной мере однородными законченными сказуемыми.

²⁴ *töröle-* — редкий отыменный глагол на *-la/ -le* от *törö* «правило, закон». Здесь в значении «приводить в исполнение обряд» [Rachewiltz, 1982, с. 78, 84].

С разделительным деепричастием

Конструкции с разделительным деепричастием обозначают действие, предшествующее заключительному действию в предложении. Таких предшествующих главному — заключительному — действию событий может быть несколько, и их последовательность и временная соотнесенность в самой деепричастной конструкции и по отношению к завершающему действию могут быть разными: от незначительного временного промежутка до длительного отрезка. Ср.: *Činggis-qahan ene üge sonosu'at qataraju gürçü Činggis-qahan Qada'an-tur bawuju teberildüba* [SH, § 146] «Услышав эти слова, Чингис-хан поскакал [туда] и, опустившись [с коня], обнялся с *Qa'adan*»; *Te'ün-tür Temüjin uyila'at qarçu yorçiba* [SH, § 73] «Тогда *Temüjin* заплакал и удалился»; *Esük olun yadaju niken yeke büri'etei taraq tergen-ece inu abu'at ergüju ireba* [SH, § 145] «Не найдя кумыса, [он] прихватил с [их] телеги бурдюк с тараком (род простокваши. — М.О.) и вернулся ухаживать [за Чингисханом]». Действия, совершившиеся в прошлом с разными интервалами: *Angq-a urida wungsinglar-un Dai ging ken gün bolqan. nöggöge-te Wan yang gün gün ner-e öggüged: qutuqar-ta Gün wusin ba Gün tai wusin: Gi gui tai wusin ner-e öggüged job²⁵ es-e boluqsan-u qoyin-a ene ayan basa Si ning ong wusin ner-e soyurqaju ögbei:* [UM, с. 378–379] «Прежде всего [Император] почтил [ее] посмертно званием *Dai ging ken gün*; вторых наградил титулом *Wan yang gün gün*; в-третьих, присвоив титулы *Gün wusin*, *Gün tai wusin* и *Gi gui tai wusin*, после [ее] смерти [Император] снова пожаловал титул *Si ning ong wusin*»; *Bo'orči Bel[lgütei-yi gürge'ülü'et ečige-dür-iyen ülü kelen bögötur qongqor-i unu'at boro örmüge-ben böktürü'et Belgütei-lü'e ireba* [SH, § 95] «*Bo'orči*, дождавшись *Belgütei'*я и не сказав своему отцу, оседлал сутулого буланого [коня], перекинул [ему на спину] свою простую бурку (рогожу) и прибыл с *Belgütei'*ем».

Как уже отмечалось выше, между тремя деепричастными формами — соединительным, слитным и разделительным — нет такой четкой грани, чтобы одно из них нельзя было употребить вместо другого.

Взаимосвязь и взаимозаменяемость между этими формами объясняется стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии.

В одном и том же предложении возможно употребление всех трех деепричастий. Соединительные (реже — слитные) деепричастия, предшествуя разделительному, обозначают иногда действия, совершив-

²⁵ job вм. jöb.

шиеся ранее или последовательно одно за другим: *Cinggis-qahan üjeñü nidiün-eče-'en nilbusun čuburi'ulju duran alja'at qal ötör tüle'ülü'et qala'un da'a'ulu'at Öködei-e undān eri'ülju ökke'ülju... ke'eju büle'ei* [SH, § 173] «Чингис-хан увидел [это], и из глаз [его] полились слезы; душа его страдала; [он] приказал развести огонь, прижечь *Öködei'*ю рану и напоить [его]»; *Ideküi ide'en ügei arun činō-yin qun-tur qorqaqsan görö'esün marivañu qarbuñu alañu ideldü'et činō-yin ideksen-ni temgüldüñü ide'et ö'er-ün qo'olai-da'an qarčiqai-ba'an ber teñ'eldün tere hon qarba* [SH, § 26] «Когда не было еды, [он] подстерегал загнанных волками в овраги антилоп, стреляя, убивал [их] и поедал [вместе с соколом], собирал и поедал также остатки еды после волков [и таким образом] кормил себя и своего сокола, [так] прошел тот год».

9.2. Конструкции с деепричастиями II группы

Что касается деепричастий II группы (условное, предела, продолжительное, целевое), то их характерной особенностью является семантико-синтаксическая однозначность. Каждое из них чаще всего используется для передачи какого-либо обстоятельственного значения, указывая на время, условия, цель, образ действия и т.п.

Конструкции с условным деепричастием

Это деепричастие, как свидетельствует его название, указывает на условия и время, при которых осуществляется действие, обозначенное в заключительной глагольной форме: *...taqimdayu köbegün... eyin kibesü yasalqu sinalqu-yin joriy bolu* [НС, 36a] «Если почтительный сын так поступает, значит намеревается горевать и печалиться [об умерших родителей]»; *Ede yurban jüil-yi ülü talbin üdür-tür yurban qosiyun aduyusun-u miqabar tabiylabasu ber aci ügei taqimdayu kemegdeyi kemejüğü* [НС, 23a] «Даже если [он] будет служить [своим родителям], обеспечивая их мясом трех видов скота, не учитывая этих трех вещей, [он] будет называться почтительным без заслуг».

Однако более распространенным в ранних текстах было использование условного деепричастия для выражения временных отношений между зависимым и главным действием — для передачи того отрезка времени, в момент которого или вслед за которым осуществляется заключительное действие²⁶: *Dobun-mergen tede irgen-diir gürü'esü ünen-gü*

²⁶ Временное значение в условной деепричастной форме предшествовало значению условности [Севортян, 1960, с. 7], что подтверждается и самыми ранними монгольскими текстами [Орловская, 2000, с. 112–114].

qo'a sayın aldar nere yeketei Alan-qo'a neretei gü'ün-ne ber ökte'ei üdü'üi ökin aju'u [SH, § 7] «Когда *Dobun-mergen* добрался до тех людей (= кочевья), то увидел поистине прекрасную, славную и еще никому не просватанную девушку по имени *Alan-qo'a*»; *Tede irge abubasu urislim-i tan-a ögei-e gem* [UM, с. 38–39] «Когда захватим тот народ, тебе отдам Иерусалим»; *Ebüge inu Ataibuq-a qataqu joriy-tu baqatur jirüke-tü bökü-yin saltaqabar ada-tu üile-dür uçirabasu ber qataqu joriy-ıyan ülü qariqulun aqsan ajuqu* [UM, с. 368] «Поскольку его дед, *Ataibuq-a*, имел твердую волю и храброе сердце, то когда встречался с опасными делами, не утрачивал своей твердой воли».

В зависимости от контекста эта деепричастная форма могла передавать и уступительное значение: *Naran-a çilgegedebesü ber kei-e keviskegedebesü ber simary-a qur-a-da sirbegdebesü ber: simuyul sona-da idegedebesü ber: amuri dalda ülü eriküi-eçe yar-ıyan daldalaysan ber ügei* [TD, с. 48, F 39r] «Хотя [он] был высушен солнцем, хотя был обдуваем ветром, хотя был отхлестан пургой, хотя был съедает комарами и оводами, [он] не искал ни спокойствия, ни укрытия и даже не прятал своих рук».

Конструкции с продолжительным деепричастием

Основным назначением таких деепричастных конструкций является выражение продолжительного, длящегося какое-то время зависимого действия, вслед за которым осуществляется заключительное действие: *Ene gödölükse'er sili'ui-a qaqaçan söni dülin gödölüya* [SH, § 118] «Так, продолжая передвигаться, мы быстро оторвемся [от него] и будем идти всю ночь»; *Tendece Çinggis-qahan gödöljü Eder-Altai-yin belçir-ıyer keteljü tere gödölükseyr gö[döl]jü Sa'ari-ke'er bawuba* [SH, § 161] «Оттуда Чингис-хан двинулся и пошел *Eder-Altai*-скими пастбищами и, продолжая передвигаться по ним, остановился в *Sa'ari-ke'er*; *Uridu aman aldaysayar angq-a uridu edür-tür arça-yin niğged ür-e tegünü qoyına niğged tuturyan tegünü qoyına niğged künjüd terigüten-i idebei* [TD, с. 47, F 38r–v] «В соответствии с прежними обещаниями (досл.: прежде продолжал клясться), он съедал в самый первый день по одной яголке можжевельника, после того по одному зернышку риса, после — по одному зернышку кунжута и так далее».

Продолжительное действие, обозначенное этой деепричастной формой, может оказаться и причиной конечного действия: *Ta qoyar urida baviqsa'ar ede bügün-i aqalaju ülü-ü aqun ta* [SH, § 125] «Вы двое с самого начала продолжали находиться [при мне], и разве не превосходите вы всех этих?»; ...*egenegte uyidqari ügei üjügülen kücü öggügseber*

ayin²⁷ *soyurqaqdabai* [UM, с. 384] «[Он] был так благодетельствован, поскольку продолжал всегда без устали служить [императору]».

Конструкции с деепричастием предела

Такие конструкции использовались при обозначении степени или темпорального предела совершения действия, за которым должно последовать заключительное действие: ...*degedü bodiqutuy-i ese oltala...* *Kabaliy-tu ülü oroqu bi* [TD, с. 38, F 23v] «пока не найду высшую святость, я не вступлю в *Kabaliy-tu (kapilavastu)*»; *Tere metü bodisdv kejÿ-e duran tayalatala Raĵagraj balayasun-dur aĵu* [TD, с. 44, F 34v] «Также *Bodhisattva* находился в городе *Raĵagraj (Rāĵagrha)*, сколько хотел»; ...*de'erne ireĵü üjetele de'eremtöü yorċiba* [SH, § 90] «...грабители, как только прибыли, увидели [лошадей], украли [их] и уехали».

Этой деепричастной формой передавалось и уступительное значение, когда заключительное действие совершалось вопреки предшествующему действию: *Bi ücügüken boqol tüsimel Ui Suu ülü ċidaqu budaqu oyitu kümün bögetele... bii tas-un ayalgus-i silüg selte ĵogiyajū...* [UM, с. 385] «Хотя я маленький раб, чиновник *Ui Suu*, неспособный, с недалеким умом человек, [все же] я сочинил текст (звуки) стелы со стихами».

Конструкции с целевым деепричастием

Во все времена, с древних и до современности, конструкции с этим деепричастием используются с единственным значением — указывать на то действие, которое служит целью для осуществления заключительного действия: *Temüĵin-i abura ireba* [SH, § 69] «[я] приехал забрать *Temüĵin'a*»; *Bida beyes-iyen Ćinggis-qahan-a gücŷü ögüre ireba* [SH, § 149] «Мы лично прибыли служить Чингис-хану»; *Belgütei eke-yü'en abura otču...* [SH, § 112] «*Belgütei* отправился забрать свою мать»; *kö'ün de'ü-ner ċinu ċimayi buliĵu abura ireba* [SH, § 149] «Твои братья приехали забрать тебя»; *Naiman-u Tayang-qan qor ċinu abura iremüi* [SH, § 190] «Найманский *Tayang-qan* едет забрать ваши колчаны».

Конструкции с деепричастием на *-run*

Деепричастная форма на *-run* занимает в монгольском языке особое место. Она употреблялась только в письменных текстах, как ранних, так и классических, но не известна живой разговорной речи, что предполагает ее заимствованный характер. В современном монгольском

²⁷ *ayin* в м. е. у. и.

языке эта форма лишь изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра и не рассматривается в числе деепричастных форм.

Самой распространенной функцией этой формы в структуре предложения являлось предварение прямой речи, откуда она и получила свое название «цитатное деепричастие».

Однако многие другие синтаксические функции деепричастия на *-run* не укладываются в это ее название, поскольку круг значений и синтаксических конструкций этой формы намного шире: от предварения прямой речи до выражения временных, причинных и других значений [Орловская, 1985, с. 80–86; 2000, с. 118–121].

В моносубъектных конструкциях форма на *-run* использовалась для передачи действия, совершившегося в том отрезке времени, в котором осуществляется заключительное действие: *taqimtaʷu köbegün ecige eke-yügen tabıylar-un nasu aqui-dur kündülemtegü sedkil-iyen erkilegdeküi* [НС, 21b] «Когда почтительный сын служит своим родителям, в его обычной жизни [он] должен ставить выше всего свои почтительные чувства (мысли)»; *Tende Jamuq-a Ong-qan-lu'a qamtu gödölülçeju yaburun Ong-qan-a Jamuq-a ügülerün* [SH, § 160] «Потом, когда *Jamuq-a* двинулся вместе с *Ong-qan'*ом, *Jamuq-a* сказал *Ong-qan'*у...»; *Yisüngke ondutur-un qurban jaqud qučın tabun aldas-tur ondut-lq-a* [UM, с. 4] «*Yisüngke*, стреляя из лука, выстрелил на триста тридцать пять сажень»; *Ja'ura odurun ba irerün ba gü'ün-ne ese üjegdeba* [SH, § 145] «по пути, когда [*Jelme*] ехал и когда возвращался, никем (человеком) не был замечен».

Деепричастная конструкция с этой формой могла выражать и цель заключительного действия: *Ay-a köbegün-iyen amin-i aburar-un ken-dür jalbarın öcisügei bi* [TD, с. 46, F 37r] «О, кому я поклонюсь, чтобы спасти жизнь своему сыну!».

Историко-сопоставительный метод исследования языка древних текстов, привлечение языковых данных из некоторых алтайских и современных монгольских языков дали возможность проследить внутриязыковые процессы в развитии монгольского языка и выявить лингвистические данные, важные для типологического исследования семьи алтайских языков.

Зафиксированный в памятниках прошлых веков языковой материал, а также ранние монгольские грамматические сочинения свидетельствуют о процессе формирования монгольской письменности, возникшей на основе уйгурского письма, появившегося на основе согдийского, которое, в свою очередь, восходило к одной из форм арамейского письма.

Уйгуро-монгольская письменность на протяжении многих веков совершенствовалась и дополнялась недостающими для передачи фонетической структуры монгольского языка графическими знаками. По трудам первых монгольских грамматистов прослеживается процесс формирования фонетических законов и грамматических правил в области морфологии и синтаксиса, как в монгольской языковой традиции формировалась теория падежей, выделение частей речи, построение предложения.

Выявленные в текстах именные и глагольные словообразовательные суффиксы свидетельствуют о наличии в языке прошлых веков этой распространенной и весьма развитой модели в словообразовательной системе языка. При этом словообразовательная структура слова рассматривается как понятие историческое. Наряду с синхронным описанием в некоторых словах необходимо включать элементы эволюции их отдельных компонентов.

При характеристике морфем предлагается выделять: 1) разряд лексико-грамматических единиц (корневые морфемы), т.е. носителей лексико-грамматических признаков слова; 2) структурные единицы, основное назначение которых заключается в структурном оформлении монгольских основ. Это вызвано тем, что монгольские корневые морфемы подразделяются на: а) активные (несвязанные), формально совпадающие с основой слова и, таким образом, способные без каких-

либо дополнительных структурных элементов к дальнейшему словоизменению; б) пассивные (связанные), которые не способны без присоединения к ним словообразующих элементов к дальнейшему словоизменению. Наличие в монгольском языке пассивных корней значимо при именном и глагольном словообразовании.

Языковой материал текстов опровергает бытующую в монголоведении точку зрения, что страдательный залог (*passive*) вторичен по отношению к побудительному (*causative*). В древнемонгольском языке существовало два самостоятельных залога, каждый из которых служил своим определенным целям в предложении. При этом в некоторых глаголах каузативные суффиксы служили и в качестве словообразовательных.

Анализ синтаксических моделей словосочетаний (атрибутивных, адъективных и глагольных) и сравнение их с таковыми в современном языке выявили тот факт, что некоторые модели, существовавшие в прошлом, ныне либо частично, либо полностью утрачены.

В формировании аналитических глагольных конструкций особое место занимали два ныне архаичных глагола: *aqu* и *bökü* «быть, существовать». В прошлом эти глаголы имели почти полную систему спряжения и некоторые залоговые формы. Они представляли собой лексически полнозначные единицы, функционирующие как в знаменательном, так и в служебных значениях. В процессе многовекового пути эволюции они утрачивали свои глагольные свойства и превращались в служебные глаголы либо полностью грамматикализованные единицы — служебные морфемы.

Сравнительный анализ грамматических категорий, присутствующих в древнем монгольском языке и сопоставляемых с данными современных языков, позволил выделить те черты и грамматические особенности языка прошлых времен, которые унаследованы современным языком, а также и те, которые за многие века либо совсем исчезли из языка, либо подверглись значительной трансформации.

Наряду с этим историко-сопоставительное исследование древнего языка свидетельствует, что исконная грамматическая система письменного монгольского языка в основном сохранилась до наших дней. А существующие отличия от норм современного языка и все изменения, происходящие в языке в течение многих лет, лишь подтверждают общеизвестный факт, что язык — не застывшая раз и навсегда система с определенным набором морфологических и синтаксических средств, а система, находящаяся в постоянном, непрерывном развитии и изменении.

Именные суффиксы

Суффиксы имен существительных

от именных основ

- bċi* (SH, § 135; MA, с. 63, 312; H, с. 69)
- ċAq* (-*ċaḡ*) (SH, § 172; MA, с. 60, 238)
- ċAr* (SH, § 24, 120, 124; H, с. 77, 102)
- ċi* (-*ċin*) (SH, § 152, 234; TD, F 39r, 32v; MA, с. 63, 292, 332; H, с. 34)
- ċu* (SH, § 119; MA, с. 405; TD, F 4v)
- dAi* (-*tAi*) (SH, § 3, 14, 41, 46, 68, 142, 263; MA, с. 65, 166; H, с. 90, 93)
- dAr* (SH, § 9, 183, 274, 278; MA, с. 125; H, с. 43, 87, 111; HC, 2a)
- qAi* ~ -**Ai* (SH, § 1, 56; UM, с. 367; H, с. 56)
- qAn* ~ -**An*, -*yen*¹ (SH, § 47, 78, 87, 89, 98, 195, 244; MA, с. 122, 310, 345, 381, 437; H, с. 54, 100, 105, 109)
- qAna* ~ -*gina* (SH, § 3, 74, 111, 122, 160, 262, 274; MA, с. 309; H, с. 91)
- qċin* (SH, § 87, 121, 170, 182, 262, 274, 275; MA, с. 64, 289, 319; H, IIa, 24v)
- qtAi* (God, с. 32)
- ĵin* (SH, § 3, 8, 38, 195)
- ldAi* (SH, § 46, 129)
- liq* ~ -*luq*¹ (SH, § 228, 245; MA, с. 100, 103, 200; H, с. 87)
- ljin* (MA, с. 69; H, с. 50)
- lUn* (SH, § 46, 60)
- mAt* (SH, § 186; UM, с. 235, 395)
- nAn* (SH, § 60; MA, с. 143, 179)
- nċAr* (SH, § 124)
- sAq* (SH, § 240; MA, с. 407; H, с. 93)
- sAr* (SH, § 80; MA, с. 100, 188, 227; H, с. 35, 64)
- sUn*¹ (SH, § 9, 33, 53, 72, 76, 86, 87, 101, 109, 136, 142, 145, 169, 170, 199, 224, 238, 245, 253, 257, 272, 276; MA, с. 93, 96, 103, 110, 172, 180, 193, 205, 403; H, с. 34, 53, 67, 72, 77, 91; UM, с. 277, 288, 372; TD, F 15r)
- tAn* (SH, § 139, 203, 245, 254; MA, с. 239; H, с. 35, 62, 76, 81; TD, F 48v, F 17r; UM, с. 49, 228, 365);

от глагольных основ

- ai* (SH, § 74, 239; MA, с. 275, 306, 343)
- 'Aċi* (-*ḡAċi*) (SH, § 181; MA, с. 118; H, с. 41)
- 'Ar*² ~ -*qar* ~ -*ḡar* (SH, § 22; MA, с. 130, 378; H, с. 89; HC, 12a)

- bUri* ~ -'Uri (SH, § 164; MA, c. 94; H, c. 34, 63, 84; HC, 2a, 3a)
- ċA* (SH, § 157; MA, c. 261, 265)
- dAq* (SH, § 59, 88, 282)
- dal* (SH, § 228; HC, 2b, 3a; God, c. 41)
- dUn* (SH, § 63; H, c. 67)
- q* ~ -*g* ~ -*k* (SH, § 5, 8, 188, 195, 201, 280; MA, c. 118, 119, 123, 133, 202, 274, 330, 352; H, c. 40, 41, 83, 96; HC, 3b, 4a, 4b, 5b, 23a, 11b, 27a; UM, c. 283, c. 364)
- qA* (SH, § 130, 137, 199, 263; MA, c. 308; H, c. 72; HC, 1b)
- qAn* ~ -'An ~ -*yAn*² (SH, § 26, 89, 133, 146, 162, 199, 201; HC, 18b; MA, c. 110, 194, 341, 352, 364; H, c. 48, 99, 105, 106, 110; UM, c. 363)
- qAsUn* ~ -'AsUn (SH, § 174, 199)
- qċi(n)* (SH, § 177, 187, 195; MA, c. 97, 318; H, c. 65; HC, 20a, 30a; UM, c. 228)
- qul* ~ -'ul (SH, § 86, 142, 191, 278; MA, c. 293)
- 'Uli (SH, § 9, 103, 277; H, c. 96)
- 'Un ~ -*γUn* (MA, c. 189; TD, F 62r, F 34v; UM, c. 380)
- 'Ur ~ -*wUr* ~ -*Ūr* (H, c. 56, 86; MA, c. 113, 286, 433; SH, § 75, 85, 199)
- 'Uri (God, c. 55)
- ĵA* (MA, c. 265; SH, § 153)
- l* (H, c. 63, 75, 94; HC, 2 a, 3a–b, 8a, 37a–b; SH, § 106; MA, c. 120, 125, 321, 353, 378; UM, c. 58, 384, 385, 386)
- lAng* ~ -*qUlAng* (H, c. 67, 99; MA, c. 114, 131, 207, 275, 283; SH, § 57, 102, 254, 259, 279; UM, 283)
- lqA* ~ -*liqA* (MA, c. 269, 319; H, c. 85; SH, § 90, 101, 185, 204; TD, F 39v)
- li* (HC, 11b; SH, § 103, 240)
- ltA* (SH, § 282)
- m* (H, 92; MA, c. 312, 407; SH, § 131)
- mA* (MA, c. 138, 230; SH, § 21, 174)
- mAq* (God, c. 46; MA, c. 279; SH, § 135, 208)
- mAr* (HC, 37a; UM, c. 383; TD, F 33r)
- mi* (H, c. 35; HC, 36b; MA, c. 100; UM, 388; SH, § 137)
- mĵ* (H, c. 68; HC, 18b; SH, § 183, 184)
- ŋ* (-*ng*) (MA, c. 124; SH, § 213)
- qUi* (HC, 21b; SH, § 20, 25)
- r*¹ (H, c. 35, 36, 80; HC, 30a; MA, c. 102, 121; SH, § 13, 78, 108, 156, 159)
- ri* ~ -*rin* (H, c. 37, 38, 91; HC, 13a; MA, c. 110, 194, 262; SH, § 118, 151, 204; UM, c. 384; TD, F 39v)
- s* (HC, 3a, 30b; MA, c. 99, 208; SH, § 201)
- ši* (H, c. 62; MA, c. 91, 212; SH, § 78, 161, 195)
- sUn*² (H, c. 78; MA, c. 244; SH, § 112, 173, 199; UM, c. 283, 288)

Суффиксы имен прилагательных

от именных основ

- bi* (= -*bin*) (SH, § 265)
- dA* ~ -*dU* (H, c. 54; HC, 24a, 36a, 38a; SH, § 53, 78, 208, 226, 244, 277; MA, c. 65, 100, 101, 138, 143, 144, 165, 175; UM, c. 388)

- dAki* ~ -*tAki* (SH, § 146; MA, c. 171, 174, 237)
 -*ki* (H, c. 81; SH, § 46, 56, 174, 194, 201; MA, c. 63, 143, 165, 211, 353; UM, c. 327; TD, F 25r)
 -*liq*² (HC, 28a; MA, c. 64, 292; God, c. 34; UM, c. 366, 376; TD, F 15r)
 -*tAi* (HC, 4a; SH, § 6, 38, 74, 188)
 -*tU* (H, c. 41, 57; HC, 36a; SH, § 73, 194, 225, 229, 244; MA, c. 101, 119, 225; UM, c. 368, 375; TD, F 2r)

от глагольных основ

- q* ~ -*k* (SH, § 201; MA, c. 274; UM, c. 372)
 -*qAi* (SH, § 112, 129, 176, 192, 194; MA, c. 215, 285, 310, 321, 340)
 -*qAn*² (SH, § 21, 63, 81, 90, 184, 279; H, c. 45, 61, 110; MA, c. 130, 187, 386)
 -*qAr* (SH, § 22, 57, 117; MA, c. 198; HC, 12a; TD, F 55v)
 -*qu* ~ -*'U* (MA, c. 174, 295, 386, 408; H, c. 60, 89; HC, 22b; UM, c. 368)
 -*mAq* (SH, § 87, 135, 208; MA, c. 279, 382; UM, c. 382)
 -*mAl* (SH, § 276; MA, c. 133, 444; H, c. 100; TD, F 2r)
 -*mdAqu* (HC, 2a, 19a, 33a–b; UM, c. 232, 236)
 -*msAr* (SH, § 56, 240; H, c. 106)
 -(*A*)*ɟ* (SH, § 106, 139, 201; MA, c. 143, 147; H, c. 50)
 -*ɟgi* (SH, § 14, 194; MA, c. 324; H, c. 110)
 -*ɟqu* (SH, § 83, 108, 109, 265, 270; MA, c. 408; H, c. 43, 71, 78)
 -*r* (SH, § 121, 156, 205, 254; MA, c. 102; H, c. 35; HC, 27a)
 -*si ũgei* (UM, c. 22, 332; God, c. 53)
 -*bAr* ~ -*bir* (*Arjai*... c. 44, 59)
 -*mtUr* ~ -*tUr* (MA, c. 187; *Arjai*... c. 291)
 -*qAn* (SH, § 67, 103, 190, 193, 275)

Глагольные суффиксы

от именных, наречных и некоторых других основ

- ĕA*- (SH, § 205; MA, c. 260, 346; H, c. 80)
 -*ĕi*- (SH, § 19, 132, 172, 240; H, c. 88; HC, 30b; MA, c. 291)
 -*ĕila*- (SH, § 90, 203, 214, 229, 239; H, c. 70)
 -*dA*- (SH, § 140, 227, 255; H, c. 82; God, 58; MA, c. 105, 117, 236, 271, 355)
 -*ĵi*- (SH, § 111, 148; MA, c. 114, 151, 272; H, c. 49, 89)
 -*ĵira*- (SH, § 92, 177; H, c. 36, 94; HC, 4a, 5b)
 -*ya*- (SH, § 186)
 -*qina*- (MA, c. 299)
 -*qirA*- (MA, c. 230, 312, 331)
 -*l*- (SH, § 19, 129, 137, 209; MA, c. 268, 291, 310, 342)
 -*lA*^{-l} (SH, § 95, 189, 214, 231, 239; MA, c. 93, 154, 184, 215, 252, 374; H, c. 49, 70; HC, 2a, 10a, 5b, 11b; UM, c. 364)
 -*li*- (SH, § 131, 156, 193; H, c. 35)
 -*rA*^{-l} (SH, § 80, 158; MA, c. 126, 309, 342)

- rA-² (SH, § 170, 197, 255; MA, с. 117, 210, 220, 221)
 -rqa- (SH, § 124, 185, 188, 276; MA, с. 325; H, с. 95; HC, 9a; UM, с. 365)
 -s(A)- (SH, § 27, 31, 67, 151, 177, 195, 281; MA, с. 101, 115, 192, 211, 213, 275, 324, 364; H, с. 35, 84, 95; HC, 15a, 36a)
 -ši- (SH, § 279; God, с. 63)
 -siyA- ~ -si'A- (SH, § 119, 227, 281; H, с. 68; UM, с. 367)
 -t- (SH, § 67, 101; MA, с. 358, 376; H, с. 51, 79, 108; God, с. 63, 64)

от глагольных (иногда пассивных — омертвелых) основ

- l(A)-² (SH, § 79, 121, 275; MA, с. 131, 342, 437; God, с. 71)
 -rA-³ (MA, с. 107, 140, 149; H, с. 50; God, с. 71)
 -lĵA- ~ -bAlĵA- ~ -qAlĵA- (SH, § 21, 90, 101, 105, 229; God, с. 71)

Глагольно-залоговые суффиксы

побудительный залог

- 'ul- (SH, § 140, 145, 240; H, II a, 2r, 14r, 27 r, 27v)
 -qul- / -γul- (HC, 2b, 21a; TD, F 7r, F 14 v; UM, с. 361, 370, 383)
 -lqA- (MA, с. 96, 108, 123, 262, 319; H, с. 43, 68, 78, 93)

страдательный залог (Passiv)

- dA- / -tA- (SH, § 183; HC, 2a, 29a; UM, с. 235, 376)
 -qda- / -γda- (SH, § 129, 242; HC, 20a; H, IIb, 22v; H, IIa, 4v; TD, F 2v, F 3v, F 22r, F 32r; UM, с. 285, 429)

взаимный залог (Реципрок)

- ldU- / -lda- (SH, § 86, 129, 197; HC, 12b, 32a; H, IIa, 9v, IIb, 15r, 22r; TD, F 34v, F 64v; UM, с. 371, 375, 380)

совместный залог (Социатив)

- lċA- / -cA- (SH, § 134, 150, 242; TD, F 32v, F 6v, F 25v)

Комбинированные залоговые формы

побудительно-страдательная форма

- 'ul- / -qul- + -dA- (SH, § 245; HC, 2a; UM, с. 376)

побудительно-совместная форма

- 'ul- + -lċA- (SH, § 242)

взаимно-страдательная форма

- ldu- + -gde- (HC, 22b)

взаимно-побудительная форма

-ldu- + *'ul-* (SH, § 140)

взаимно-побудительно-страдательная форма

-ldA- + *-γul-* + *-dA-* (UM, с. 235)

побудительная + побудительная форма

-уул- + *-уул* — отмечена в устной речи современного монгольского языка [Бямба-сан, 1970, с. 250–252].

Условные обозначения и сокращения

- бн. — баоаньский
бот. — ботанический
АТФ — *Vietze H.P., Gendeng Lubsang. Altan Tobči. Eine Mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzanbstan 'jin. Text und Index. Tokyo. 1992*
БРС — Бурятско-русский словарь. Составил К.М.Черемисов. М., 1973
бур. — бурятский
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГБЯ — Грамматика бурятского языка. Фонетика и Морфология. М., 1962
ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и Морфология. Элиста, 1983
Гол. — *Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. I–III. Л., 1938*
даг. — дагурский
Дан-В — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Пг.
диал. — диалектный
дунс. — дунсянский
ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., Пг.
ЗГИЯЛИ — Записки Государственного института языка, литературы, истории. Т. V–VI. Улан-Удэ, 1941
ИАН — Известия Академии наук СССР. М.–Л.
км. — классический монгольский
КРС — Калмыцко-русский словарь. М., 1977
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии. М.
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
МА — *Понне Н.Н. Монгольский словарь. Мукаддимат ал-адаб. I–II. М.–Л., 1938*
мнгр. — монгорский
МНТ — Монголын нууц Товчоо. Улаанбаатар, 1957
МРС — Монгольско-русский словарь. М., 1957
МХХХЗ — Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй. Улаанбаатар, 1985 он
НАА — «Народы Азии и Африки». М.
ойр. — ойратский
ОМТ — Орос-монгол Толь. Улаанбаатар, 1982
ОЦМХЗ — Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаан-Баатар, 1966
ОЦМХҮЗБ — Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулал. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1987
пм — письменно-монгольский
СТ — Советская тюркология. Баку
тюрк. — тюркский
УЗУ — газ. «Утга зохиол урлаг». Улаанбаатар
халх. — халхаский

- хор. — хоринский
чуваш. — чувашский
Цог — журнал. Улаанбаатар
Цэв. — Монгол хэлний товч тайлбар толь. Зохиосон Я. Цэвэл. Улаанбаатар, 1966
Үн. — газета «Үнэн». Улаанбаатар I, 1954
Тарва — Д. Тарва. Дамиранхийнхан. Тууж. Улаанбаатар, 1950
- АОН — Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden
God. — *Godzinski S. Ięsyk Sredniomongolski*. Warszawa, 1985
H. — *Mostaert A. Le Matériel Mongol Du Houa II IU De Houng-ou (1389)*. 1. Bruxelles, 1977
HC — *Rachewiltz I. de. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching*. — Zentralasiatische Studien, 16. 1982
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge. Mass.
JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki
Lig. — *Preklasszikus emlékek*. 3. Közzéteszi Ligeti L. Budapest, 1967
SH — Index to the Secret History of the Mongols. By I. de Rachewiltz. Indiana University Publication, 1972
STO — Studia orientalia. Helsinki
TD — The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara Mongolian Text, Notes and English Translation. By N. Poppe. Wiesbaden, 1967
tung. — тунгусский.
UM — *Uyiyurcın mongyol üsüg-ün durasqaltu biçig-ud*. Begejing, 1983

- Абакумов С.* Современный русский литературный язык. М., 1942.
- Аврорин В.А.* Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948.
- Адмони В.Г.* Структура предложения. — Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. М.—Л., 1935.
- Алексеев Д.А.* Части речи в бурят-монгольском языке. — Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Улан-Удэ, 1941, № 5—6.
- Алексеев Д.А.* К вопросу классификации некоторых частей речи в бурят-монгольском языке. — Бурят-монгольская правда. 23.11.1952.
- Алексеев Д.А.* Именные части речи в монгольских языках. — ВЯ. 1955, № 3.
- Алпатов В.М.* Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979.
- Аничков И.Е.* Об определении слова. — Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Бадан Г.* Значение формантов прошедшего времени в современном монгольском языке. — Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р Их хурал. II-р боть. Улаанбаатар, 1985.
- Баданжапов П.Б.* Jirügen-ü tolta-yin tayilburī. Монгольское грамматическое сочинение XVIII века. I. Улан-Удэ, 1962.
- Баданжапов П.Б.* Kelen-ü ċimeg. Монгольское грамматическое сочинение XIX века. II. Улан-Удэ, 1962.
- Баскаков Н.А.* Морфологическая структура слова в тюркских языках. — Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
- Бертагаев Т.А.* О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний I группы. — Сб. Академику Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
- Бертагаев Т.А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
- Бертагаев Т.А.* Суффикс -тан и его производные в монгольских языках. Уч. зап. Калмыцкого НИИ ЯЛИ. Вып. 3. Элиста, 1964.
- Бертагаев Т.А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
- Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
- Благова Г.Ф.* Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения. — ВЯ. 1970, № 1.
- Бобровников А-р.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1835.
- Бобровников Ал.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.—Л., 1935.
- Бодуэн де Куртэнэ.* Общие замечания о языкознании и языке. СПб., 1871.

- Бодуэн де Куртэнэ.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II. М., 1963.
- Болд Л.* Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар, 1986.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бураев И.Д.* Фонетика. — Грамматика бурятского языка. Фонетика и Морфология. М., 1962, с. 7–49.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1875.
- Бямбасан П.* Орчин цагийн монгол хэлний үйл үгийн хэв, байдал. — Хэл зохиол судлал. Т. VIII, 1–12. Улаанбаатар, 1970.
- Бямбасан П.* Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Нэр үгийн аймаг. Улаанбаатар, 1975.
- Викторова Л.Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII–XIII вв.). — Языки народов Востока. Л., 1961.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Ч. I–II. М., 1938.
- Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
- Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков). — Вопросы теории и истории языка... М., 1952.
- Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка). — Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Владимирцов Б.Я.* Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОИРАО. Т. XX. Вып. II–III. 1911.
- Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи. — ИАН СССР. Т. 21. 1927. № 3–4.
- Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и Фонетика. Л., 1929.
- Владимирцов Б.Я.* Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. — ДАН-В. II, 1929.
- Владимирцов Б.Я.* Поправки к чтению монгольской надписи из Эрдени-дзу. ДАН-В. 1930.
- Владимирцов Б.Я.* Монгольский международный алфавит XIII века. — Культура и письменность Востока. X. М., 1931.
- Владимирцов Б.Я.* Работы по монгольскому языкознанию. М., 2005.
- Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Воробьева А.И.* Монгольское грамматическое сочинение Kelen-ü ёimeg. — Проблемы востоковедения. М., 1950, № 6.
- Востоков Х.* Русская грамматика. Изд. 4. СПб., 1839.
- Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
- Газета «Новости Монголии». Улаанбаатар (28.04.1988).
- Галсан С.* Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и Морфология. Улан-Батор. 1975.
- Гимтелевич В.С.* Асемантические элементы в производных словах русского языка. — Проблемы семантики. М., 1974.
- Голстунский К.Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. I–III. Л., 1938.
- Горелова Л.М.* Грамматика маньчжурского языка. Автореф. Д¹. М., 2004.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и Морфология. М., 1962.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и Морфология. Элиста. 1983.

- Дамбуева П.П.* Категория модальности в современном бурятском языке. Автореф. Д². Улан-Удэ, 2001.
- Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын тойм. XIII–XIV зууны үе. I-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1956.
- Дамдинсүрэн Ц.* Монголын Нууц товчоо. Хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол хэлээр Цэндийн Дамдинсүрэн орчуулав. Улаанбаатар, 1957.
- Дарбеева А.А.* Определение в бурят-монгольском языке. Автореф. Д^к. М., 1952.
- Дарбеева А.А.* Имя прилагательное. — Грамматика бурятского языка. М., 1962.
- Дарбеева А.А.* О личных местоимениях 3 лица в монгольских языках. — ВЯ. 1970, № 1.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948.
- Дондуков У.-Ж.Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
- Дондуков У.-Ж.Ш.* Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993.
- Дондуков У.-Ж.Ш.* О словообразовательных значениях залоговых аффиксов в монгольских языках. — Материалы научной конференции. — Санжеевские чтения. IV (Улан-Удэ. Апрель, 1997). Улан-Удэ, 1999.
- Земская Е.А.* К проблеме множественности морфологических интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке). — Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Зиндер А.Р., Сокольская Т.В.* Научная грамматика немецкого языка. Л., 1938.
- Ивченков К.С.* Падежное оформление субъекта и объекта в различных оборотах современного монгольского языка. Автореф. Д^к. М., 1952.
- Ивченков К.С.* Субъектно-объектные отношения в монгольском побудительном обороте. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Ильин В.А.* Современный английский язык. Изд. 2. М.–Л., 1948.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Братислава, 1954.
- Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
- Климов Г.А.* Фонема и Морфема. М., 1967.
- Ковалевский О.М.* Грамматика монгольского книжного языка. СПб., 1835.
- Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. I–III. Казань, 1844–1849.
- Козин С.А.* Язык первого периода монгольской литературы (По письмам персидских Иль-ханов 1289–1305). ИАН СССР. VII Серия. Отделение общественных наук. № 5. М.–Л., 1935.
- Козин С.А.* Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. — Ученые записки ЛГУ. № 20. Серия филол. наук. Вып. 1. 1939.
- Козин С.А.* Джангариада, героическая поэма калмыков. М.–Л., 1940.
- Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobci* уан. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, текст, глоссарий. М.–Л., 1941.
- Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л., 1960.
- Кононов А.Н.* Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969.
- Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII–IX вв. Л., 1980.
- Кормушин И.В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках. — Очерк сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
- Котвич В.Л.* Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.

- Котвич В.Л. Монгольские надписи в Эрдени-дзу. — Сб. Музея антропологии и этнографии РАН. Т. V. 1917.
- Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- Крылов С.А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и сложные проблемы общей лингвистики. I. М., 2004.
- Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., 1965.
- Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
- Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
- Кузьменков Е.А. Монгольские элементы в маньчжурском и диалектная база старомонгольской письменности. — ВЯ. 1988, № 4.
- Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Лигети Л. [Рец. на:] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953. — ВЯ. 1955, № 5.
- Лопатин В.В. Так называемая интерфикция и проблемы структуры слова в русском языке. — ВЯ. 1975, № 4.
- Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.
- Лувсанбадан Х. Ачлалт номын тухай. Улаанбаатар, 1961.
- Лувсанбадан Х. Согласование в числе в среднемонгольском языке. Улан-Батор, 1963.
- Лувсанвандан Ш., Дэмчигдорж Б. Монгол хэлний зүй. Нэгдүгээр дэвтэр. Улаанбаатар, 1951.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүй. Хоёрдугаар дэвтэр. Өгүүлбэрийн зүй. Дунд сургалийн 7-дугаар ангид үзнэ. Улаанбаатар. 1951.
- Лувсанвандан Ш. Mongyol kelen-ü üge-yin eçüs-ün toytaburi ügei 'n'-yin tuqai asuduldu. — Монголын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1961.
- Лувсанвандан Ш. О некоторых словах и основах в монгольском языке. Улан-Батор, 1963.
- Лувсанвандан Ш. Эртний монгол хэлний фонемын систем нь. — Монголын судлал. Т. V. Fasc. 27. Улаанбаатар, 1965.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагий монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. Улаанбаатар. 1968.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1999.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний бүтэц. Дэд дэвтэр. Улаанбаатар, 1999.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний үгүүлбэрзүйн асуудлууд. Гутгаар дэвтэр. Улаанбаатар, 2000.
- Лувсанджаб Чой. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. Автореф. Д³. М., 1971.
- Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т. II. Улаанбаатар, 1980.
- Лувсандэндэв А. Из истории монгольской письменности. — Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т. I. Улаанбаатар, 1982.
- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Максимов В.И. Структура и членение слова. Изд. ЛГУ. Л., 1977.
- Маслов Ю.С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфемы». Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Вып. 60. № 301, 1961.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мишиг Л. Монгол хэлний тусагдахуун ба байц. Улаанбаатар, 1957.
- Монгол хэлний харьцуулсан хэл зүй. Улаанбаатар, 1985.
- Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.

- Наделяев В.М.* Программа теоретического курса грамматики современного монгольского языка. Л., 1954.
- Наделяев В.М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. — Вестник ЛГУ. 1957. № 8.
- Наделяев В.М.* Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск, 1988.
- Насилов В.М.* Язык средневековых памятников уйгурского письма. — ВЯ. 1955. № 1.
- Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960. «Новости Монголии», 28.04.1987.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Орлов А.* Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Орловская М.Н.* Употребление причастий в «Сокровенном сказании монголов». — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Орловская М.Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
- Орловская М.Н.* Имя существительное. — Грамматика бурятского языка. Фонетика и Морфология. М., 1962.
- Орловская М.Н.* Язык «Алтан тобчи». М., 1984а.
- Орловская М.Н.* Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке. — Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984б.
- Орловская М.Н.* Форма на -*гун* в старописьменном монгольском языке. — Монгольский лингвистический сборник. М., 1985.
- Орловская М.Н.* Об именах на -*чи/-чин* в монгольских языках. — Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987.
- Орловская М.Н.* Памятники монгольской письменности XIII–XIV вв. как источники для изучения древнего монгольского языка. — Монгольский лингвистический сборник. М., 1992.
- Орловская М.Н.* Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М., 1999–2000.
- Орловская М.Н.* Пассив и пассивные конструкции в древних монгольских текстах. — *Altaica*. V. М., 2001.
- Орловская М.Н.* Об основах с так называемым «неустойчивым» согласным -*п*. — *Altaica*. VII. М., 2002.
- Орловская М.Н.* Некоторые средства выражения почтительности и уважения в монгольском языке. — Санжеевские чтения 5. Материалы научной конференции. Ч. I. Улан-Удэ, 2003.
- Орловская М.Н.* Уйгуро-монгольская письменность и этапы ее развития. — *Altaica*. IX. М., 2004.
- Орловская М.Н.* Некоторые модели словосочетаний в письменных монгольских текстах XIII–XIV вв. — *Altaica*. X. М., 2005.
- Орловская М.Н.* Архаичный глагол *а*- (*агу*) и его эволюция. — Владимирские чтения. V. Доклады Всероссийской научной конференции (Москва, 16 ноября 2005).
- Орчин цагийн монгол хэл. Ерөнхий редактор Ш. Лувсанвандан. Улаанбаатар, 1961.
- Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаан-Баатар, 1966.
- Орчин цагийн монгол хэлний үгсийн сангийн судлалын үндэс. Улаанбаатар, 1985.
- Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Монгол хэлний үйл үийн тогтолцоо. Улаанбаатар, 1987.
- Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Улаанбаатар, 1987.

- Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй. Редактор Ш. Барайшир. Улаанбаатар, 1989.
- Отгонсүрэн Д. Орчин цагийн монгол хэлний үйл үгийн хэв, байдлын дагаврын найруулгын үүрэг. Улаанбаатар, 1982.
- Очиров У.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
- Пагва Т. Зүрхний толтын тайлбарыг судалсан тухай тэмдэглэл. Улаанбаатар, 1957.
- Пагва Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском языке. Улаанбаатар, 1961.
- Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи. — ВЯ. 1973, № 5.
- Пеиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938.
- Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы. читанные ординарным проф. С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1895–1896 акад. году. СПб., 1897.
- Поппе Н.Н. Монгольский языковой материал одной лейденской рукописи. — Известия АН СССР, 1928. № 1.
- Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.–Л., 1937.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат-ал-Адаб. I–II. М.–Л., 1938.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
- Празжский лингвистический кружок. М., 1967.
- Пюрбеев Г.Ц. Формы двойного отрицания в монгольских языках. — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975.
- Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
- Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М., 1984.
- Пюрбеев Г.Ц. К типологии развития словосочетаний в монгольских языках. — ВЯ. 1991, № 3.
- Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетаний. М., 1993.
- Рагчаа Б. Орчин цагийн монгол хэлний бодит нэрийн холбоо үг. Улаанбаатар, 1975.
- Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рассадин В.М. О принципах классификации частей речи в монгольских языках. — Международный конгресс востоковедов. ICANAS XXXVII. М., 2004.
- Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб., 1905.
- Санжеев Г.Д. Синтаксис монгольских языков. М., 1934.
- Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.–Л., 1940.
- Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.–Л., 1941.
- Санжеев Г.Д. Залог в монгольском языке. — Труды Военного института иностранных языков. № 3. М., 1947.
- Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках. — ВЯ. 1952, № 6.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
- Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
- Санжеев Г.Д. Система монгольского глагола. — Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал 2-р дэвтэр. Ulanbator, 1961.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.

- Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- Севортьян Э.В. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. — Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
- Серебрянников Б.А. К вопросу о происхождении элемента k (g, q, γ) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. — КСИНА. № 3, 1964.
- Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Структурно-семантическое описание. Новосибирск, 1988.
- Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке. — Иностранные языки в школе. 1954. № 3.
- Стариков В.С. О литературе киданей. — Литературные связи Монголии. М., 1981.
- Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962.
- Суник О.П. О различии слова, основы, корня. — Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
- Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982.
- Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.
- Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Тенишев Э.Р. «Кудатгу билик» и «Алтун ярук». — СТ. 1970, № 4.
- Тихонов А.Н. Морфемы как значимая часть слова. — Филологические науки. 1971. № 6.
- Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
- Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
- Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.
- Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.
- Төмөртоого Д. Эртний монгол хэлний 3-р төлөөний үгийн хувьсгал. — Монголын судлал Т. VI. 15–21. Улаанбаатар, 1967.
- Төмөртоого Д. Монгол хэл шинжлэлийн түүхэн уламжлал ба онолын үндэс. — Хэл зохиол судлал. XVII боть, 1–20 дэвтэр. Улаанбаатар, 1986.
- Төмөрцэрэн Ж. Монгол хэлний үгийн сангийн судлал. Улаанбаатар, 1964.
- Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2001.
- Фортуатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
- Харчевникова Р.П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке. Автореф. Д¹. М., 1996.
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Изобразительные слова в бурятском языке. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Цыдыпов Ц.Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Цэдэндамба Ц. Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке. — Автореф. Д^к. М., 1970.

- Цэдэндамба Ц.* Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улаанбаатар, 1974.
- Чариков С.А.* Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. (На материале эвенкийского и бурятского языков). Автореф. Д¹. Л., 1989.
- Чариков С.А.* Алтайский синхронизм и английская конверсия. — *Altaica*. IV. М., 2000.
- Чариков С.А.* Эволюционная морфология. Ч. I. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 2000.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. II. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка. — Записки ГИЯЛИ. Вып. III–IV. Улан-Удэ, 1974. Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.
- Шарху А.* Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке. Автореф. Д^к. М., 1971.
- Шарху А.* К вопросу соотношения аналитической формы в монгольском языке и глагольного вида в русском языке. — *Studia Mongolica*. Том 11(10). Fasc. 1–17. Ulaanbatar, 1975.
- Шведова Н.Ю.* Простое предложение. — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Шеввернина З.В.* К проблеме глагольного вида в монгольском языке. — Олон улсын монголч эрдэмтний III-р их хурал. II-р боть. Улаанбаатар, 1977.
- Шеввернина З.В.* К вопросу о морфологии глагольных видов в монгольских языках. — «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
- Шеввернина З.В.* О частице -сан в монгольском языке. — Сб. Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985.
- Шеввернина З.В.* О категории вида в монгольском языке. — Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск, 1988.
- Шмидт Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.
- Щерба Л.В.* О частях речи. — Сб. Русская речь. Л., 1928.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.–Л., 1961.
- Щербак А.М.* Ранние тюрко-монгольские связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- Aṅṡai ayui-yin uyiyurēin mongyol bičigesü-yin sudulul.* Liyuuning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a keblebe, 1997 on.
- Bese L.* Einige Bemerkungen zur partikulären Reduplication in Mongolian. — *Acta Orient. Hung.* T. II. Fasc. 1–3, 1960.
- Bese L.* A study in Buriat Preverbs. — *Acta Orient. Hung.* T. XIX, 1966.
- Bese L.* Preverbs in the Language of the Secret History of the Mongols. — *Acta Orient. Hung.* T. XXII. Fasc. 1, 1969.
- Bese L.* Remarks on Middle Mongolian conjugation. Budapest, 1970.
- Bese L.* On the etymology of prohibition and negation in Mongolian. — *CAJ*. Vol. XVIII, № 1. Wiesbaden, 1974.
- Binnik R.J.* On the Pragmatic Differentiation on the Mongolian Past Tenses. — *Journal of the Mongolia Society*. Vol. XIII. Bloomington, Indiana, 1990.
- Cinggeltei.* Odu üye-yin Mongyol kelen-ü jüi. Öbür mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a keblegölbe, 1984.
- Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1362. — *HJAS*, 1949. Vol. 12. № 1–2.

- Cleaves F.W.* The eighteenth chapter of an early mongolian version of the Hsiao Ching. — HJAS. Vol. 45, 1985.
- Coyijongjab.* Mongol-un niyuča tobčiyān-u olan toyan-u «n» dayaburi-yin tuqai. — Öbür Mongyol-un yeke suryayuli-yin erdem sinjilgen-ü sedgül. № 3, 1990.
- Doerfer G.* Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheime Geschichte der Mongolen. — CAJ. Vol. 1. № 4, 1955.
- Godzinski St.* Język Sredniomongolski. Warszawa, 1985.
- Haenisch E.* Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Monghol-un Niuca Tobča'an. — STO. Vol. XIV, № 3, 1950.
- Hashimoto Masaru.* Some remarks on the Language of the Mongols with reference to the deverbial suffixes -müser, -msar. — Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал. II-р боть. Улаанбаатар, 1984(85).
- Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 1. XIII–XIV század. Budapest, 1963.
- Ligeti L.* A Mongolok Titkos Története («Сокровенное сказание монголов»). Budapest, 1964.
- Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 2. XIII–XVI század. és a XVII. század eleje. Budapest, 1965.
- Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 3. Jüan-és Ming-kori szövegek klasszikus átírásban. Budapest, 1967.
- Ligeti L.* Monuments préclassiques. I XIII-e et XIV-e siècles, Monumenta Linguae Mongolicae collecta II. Budapest, 1972.
- Lubsangvandan S.* Mongyol kelen-ü jüi. Dumdadu suryayuli-nuyud ba teqnikum-ud-tur üjemüi. Улаанбаатар, 1929.
- The Mongolic Languages. Edited by Juhe Janhunen. Roudledge Language Family Series. London and New York, 2003.
- Orčin cay-un mongyol kelen-ü sudulul. Ober mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a keblegülbe. Kökeqotan-a, 1986 on.
- Orlovskaya M.N.* A set of word order patterns in a simple declarative sentence and some ways of actualization of the sentence members in the contemporary Mongolian language. — Linguistics. A Soviet Approach. Editors: M.S. Andronov, Bhakti P. Malik. — Indian Journal of Linguistics. Published: April, 1988.
- Ozawa Sh.* On the Adding Order in the Mongolian Verbal suffix. — Олон улсын монголч эрдэмтний II-р их хурал. I-р боть. Улаанбаатар, 1973.
- Poppe N.* Das Mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. Leningrad, 1927–1928.
- Poppe N.* Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen. — Keleti Szemle. Revue orientale. Vol. XX. Budapest, 1927.
- Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
- Poppe N.* Remarks on some roots and stems on Mongolian. — Silver jubilee Volume of the Zin bun Kagaku-kenkyusyo. Kyoto University. Kyoto, 1954.
- Poppe N.* The Turkic Loan Words in Mongolian. — CAJ 1: 1955.
- Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
- Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
- Poppe N.* The Passive Constructions in the Language of the Secret History. Ural Altaische Jahrbücher. Vol. 36. № 3–4. 1965.
- Poppe N.* The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara. Mongolian Text, Notes and English Translation. Wiesbaden, 1967.
- Poppe N.* Mongolian -yur and evenki -wün. — CAJ. Vol. XIII, № 4. Wiesbaden, 1969.

- Rachewiltz Igor de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington, Indiana, 1972.
- Rachewiltz Igor de.* The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching. — Zentralasiatische Studien. 16. 1982.
- Rachewiltz Igor de.* More about the Preclassical Mongolian, Versian of the Hsiao-Ching. — Zentralasiatische Studien. 19. Wiesbaden, 1986.
- Rachewiltz Igor de.* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Translated with a Historical and Philological Commentary. Vol. I–II. Leiden–Boston, 2004a.
- Rachewiltz Igor de.* The missing first page of the Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-Ching: A tentative Reconstruction. — East Asian History. № 27. VI. Institute of Advanced Studies Australian National University, 2004b.
- Ramstedt G.I.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkische Sprachen. — JSFOu. XXVIII. 3. 1912.
- Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957 (Studia Orientalia. Vol. XXI).
- Street J.C.* The Lanuage of the Secret History of the Mongols. New Haven Connecticut, 1957.
- Svantesson I.O.* Tense, Mood and Aspect in Mongolian. Dept of Linguistics. Working papers. 38(1991).
- Уййүрчин монгол үсүг-үн дурасгалту бичиг-үд. Begejing, 1983.
- Weiers M.* Untersuchungen zu einer Historischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.
- The Mongolian Words in the Muqaddimat al-Adab: Romanized Text and Word Index (as of January 2008). Tokyo, 2008¹.

¹ С этим трудом, любезно предоставленным мне моим коллегой по институту Л.Р. Концевичем, получившим его от почетного профессора Канно Хирооми (Япония), я, к великому сожалению, могла ознакомиться только тогда, когда моя работа была уже завершена и подготовлена к печати.

Summary

This monograph deals with the study of the earliest Mongolian texts (XIII–XIV centuries). The analysis of ancient Mongolian manuscripts is extremely important since the investigation of the written language allows us to trace the development of the Mongol language and the Mongolian writing system as back as possible from different perspectives (phonetic, lexical and grammatical). That is why this work is very significant in terms of historic comparative study of the Mongolic languages.

In the Introduction we outline the history of the origin of the Mongolian script which was modeled upon the syllabic Uigur writing. The ancient Mongolian grammatical works display the process of adaptation of the Uigur script to the needs of the Mongol language. In the course of time the Mongols themselves brought into use some diacritic signs to elaborate and improve their own script.

Alongside with the written data from ancient Mongol, this monograph incorporates materials from some contemporary Mongolic languages and those belonging to the Altaic languages, first of all, Turkic.

The comparative analysis of grammatical categories which have been discovered in the ancient Mongol language and in modern Mongolic, allows us to find out those grammatical features which were inherited by the latter, as well as those which were notably changed or completely disappeared in contemporary Mongol.

We introduce a special chapter devoted to the historical excursus into the problem of division of words into their corresponding parts of speech. This problem is still essential not only for the ancient language but for all Altaic languages in general and for modern Mongolic in particular.

All Mongolian root morphemes can be divided into the active (free) and passive (bound) ones. The former formally coincide with word stems and can produce word forms without any additional structural elements. The latter are unable to produce word forms without any additional structural elements. To characterize Mongolian root morphemes, we suggest distinguishing: 1) root morphemes which bear lexical meanings of words; 2) structural root morphemes which are used for structural formation of stems. The presence of passive root morphemes is especially significant for nominal and verbal

word formation. Separate chapters contain the analysis of suffixes used in nominal and verbal word building in ancient Mongol. Many of these suffixes have been analyzed in comparison with the data of other Altaic languages. At the same time, we present information about productivity of these suffixes in modern Mongolic.

In chapter, specially devoted to the verb, alongside with the verbal formation, we analyze the grammatical categories of aspect and voice. The former is understood as the central component of a broader semantic category related to the expression of all kinds of aspectual meanings. In Mongol studies it is generally accepted that the passive voice is secondary with relation to causative and in the course of time the former detached from the latter. In contrast to this, we take a different view and think that in ancient Mongol there existed two independent and rather widespread voices, namely passive and causative, and each of these forms possessed its own semantics and grammatical meaning.

The rules of formation of the simple sentence in ancient Mongol are investigated in a special chapter. We singled out the structural patterns of the simple sentence, as well as those grammatical forms by means of which principal and secondary parts of the sentence had been normally expressed in the language.

We discovered that a number of autosemantic verbs which possessed a full range of grammatical meanings in ancient Mongol had transformed into archaic forms in the modern Mongolic. These forms came into use mostly as auxiliary verbs; however, some of them had undergone further grammaticalization and became grammatical particles (clitics).

We also revealed different patterns of word combinations in ancient Mongol. Some of them totally disappeared in contemporary Mongolic.

The historic comparative study of the earliest Mongolian texts gives evidence that the original grammatical system has been mostly preserved to the present days. However, we discovered a number of distinctive features in ancient Mongol which exist no more in the modern language. Our investigation confirms once again the well-known fact that the language is not a system which is frozen in time but a system which has been developing and constantly changing.

Содержание

Предисловие	3
Введение. Уйгуро-монгольская письменность. Ее происхождение и усовершенствование. Первые монгольские грамматисты и их труды	6
Часть I. Именные части речи	24
1. Из истории изучения именных частей речи	24
2. О структуре слова	30
2.1. Типы морфологических единиц	35
2.2. Пассивные корни	36
2.3. Суффиксальные морфемы	39
2.4. Основа слова	40
2.5. Об основах с так называемым «неустойчивым» согласным «п»	42
Словообразование	50
3. Суффиксы, образующие имена существительные	51
3.1. Суффиксы, образующие имена существительные от именных основ	52
3.2. Суффиксы, образующие имена существительные от глагольных основ	68
4. Суффиксы, образующие имена прилагательные	97
4.1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных и наречных основ	97
4.2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ	103
4.3. Суффиксы субъективной оценки качества	114
4.4. Субстантивация имен прилагательных	117
5. Глагол	122
5.0. Глагольное словообразование	122
5.1. Производные глаголы, мотивированные именными, наречными и некоторыми другими основами	123
5.2. Производные глаголы, мотивированные глагольными основами	134
6. О категории вида	135
7. Залоги	140
7.1. Формы каузатива и побудительный залог	146
7.2. Пассив и пассивные конструкции	159
7.2.1. Пассив истинный или аналогичный таковому в индоевропейских языках	164

7.2.2. Пассив, выражающий идею необходимости, долженствования или возможности действия, идею иметь удобный, благополучный случай для его осуществления	166
Пассив от переходных глаголов	166
Пассив от непереходных глаголов	166
Пассивные формы речевых глаголов	168
7.2.3. Определительные пассивные конструкции	169
7.3. Взаимный залог (реципрок)	171
7.4. Совместный залог (социатив)	174
7.5. Комбинированные залоговые формы	177
Часть II. Синтаксис простого предложения	179
1. Порядок слов и особенности в построении простого предложения	179
2. Глагол a- (aḡu) и его эволюция	184
3. Глагол bŭkŭ/bŏkŭ, его функции и грамматикализация некоторых спрягаемых форм	195
4. Способы выражения синтаксической связи	204
5. Модели словосочетаний	210
6. Классификация предложений по целям высказывания	221
7. Структурные типы простых предложений	225
7.1. Категория подлежащего	228
7.2. Категория сказуемого	230
8. Второстепенные члены предложения	255
8.1. Определения	257
8.2. Обстоятельства	262
8.3. Дополнения	267
9. Конструкции с деепричастными формами	272
9.1. Конструкции с деепричастными I группы	272
9.2. Конструкции с деепричастными II группы	277
Заключение	281
Индекс словообразовательных суффиксов	283
Условные обозначения и сокращения	288
Библиография	290
Summary	300

Научное издание

Орловская Мария Николаевна
**ОЧЕРКИ ПО ГРАММАТИКЕ ЯЗЫКА
ДРЕВНИХ МОНГОЛЬСКИХ ТЕКСТОВ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Л.С. Ефимова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректоры *О.В. Ефремова, Е.И. Крошкина*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 25.11.10
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 17,7. Усл. кр.-отт. 17,7. Уч.-изд. л. 16,4
Изд. № 8430. Зак. № 2041

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036450-9

